

О.А. СУХАРЕВА

БУХАРА

XIX - начало XX в.

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

О. А. СУХАРЕВА

БУХАРА
XIX—начало XX в.

*(Позднефеодальный город
и его население)*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1966

ВВЕДЕНИЕ

Проблема истории городов от их зарождения до расцвета городской жизни и городской культуры в социалистическом обществе является одной из наиболее актуальных задач исторической науки.

Изучение городской жизни той или иной страны обогащает науку. Ознакомление с своеобразными, свойственными каждому отдельному народу формами развития городов углубляет понимание нами закономерностей исторического развития человеческого общества вообще.

Восточные, в частности среднеазиатские, города очень давно привлекают внимание исторической науки. Накоплено громадное количество материалов о среднеазиатских городах и в первую очередь о Бухаре как о крупнейшем торговом и политическом центре Средней Азии. Эти материалы содержат описания городов, характеристики их культуры и населения, занятий жителей и освещают ряд других вопросов городской жизни. Уже авторы первой половины XIX в. не ограничивались накоплением материалов, а переходили к научной разработке отдельных вопросов истории среднеазиатских городов и городской жизни. Главную роль в научном изучении Бухарского ханства и г. Бухары играли русские ученые, общественные и официальные деятели; и это высоко ценилось как в России, так и за границей.

Один из членов русского посольства 1820 г. в Бухару, переводчик П. Яковлев, которому мы обязаны первым планом города, использованным впоследствии Н. Ханьковым¹, писал: «Россия... более столетия находится в бес-

¹ Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, СПб., 1848 (оригиналы плана г. Бухары, а также г. Хивы хранятся в архиве Библиотеки Академии наук в Ленинграде — дополнительная опись № 278).

Ольга Александровна ~~В. Карвац~~

БУХАРА

XIX—начало XX в.

(Поднефеодальный город и его население)

Одобрено к печати Ученым советом Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР

Редактор З. Д. Кастельская
Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор И. М. Русина

Технический редактор М. А. Полуян
Корректоры М. Н. Гарбер
и В. С. Имнадзе

Сдано в набор 23/XI 1965 г. Подписано к печати 24/III 1966 г.
А-01455. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 10,25. Уч.-изд. л. 18,02. Усл. п. л. 17,22

Тираж 1700 экз. Изд. № 1424. Зак. 1775. Индекс $\frac{1-6-4}{117-66}$ • Цена 1 р. 24 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

прерывных сношениях с Бухарою, Хивою, Ташкентом, и иностранцы вправе требовать от нас известий о сих странах, известий не поверхностных, не по слухам дошедших, но верных, основательных, подробных... Сообщая любопытные известия о странах малоизвестных, рассказывая о нравах земель, еще не описанных, — мы трудимся... чтобы разделить сведения наши с согражданами просвещенного мира, ибо всякое известие историческое или географическое принадлежит общей истории и географии всех частей света... Откуда же, если не из России, получали ученые европейцы известия о настоящем положении Бухарии?»². В этом же смысле высказался и президент бенгальского общества сэр Вильямс Джонс на торжественном собрании этого общества: «От россиян должно ожидать самых точных сведений... о многочисленных племенах татар (т. е. тюркских народов. — О. С.), поселившихся между Россией и Китаем»³.

Сведения о Средней Азии и ее важнейшем городе — Бухаре поступали прежде всего от лиц, по тем или иным причинам попадавших туда. Оставленные ими описания знакомили европейскую науку со страной и служили важным источником для ее изучения.

Первым сочинением такого рода является описание путешествия Антония Дженкинсона — английского купца, проехавшего в Бухару из Москвы в 1558 г.⁴ Его сочинение содержит очень точные сведения о городе Бухаре, ее торговле и товарах, поступавших туда или вывозимых оттуда.

Еще более интересны и полны сведения, содержащиеся в воспоминаниях Филиппа Ефремова⁵. В очень сжа-

² П. Яковлев, *Замечания на факты. Некоторые сведения о Бухарии, напечатанные в «Отечественных записках» 1821 г.*, — («Сибирский вестник», СПб., 1824, ч. I, стр. 50, 52). П. Яковлев критикует статью за некоторые неверные сведения, правда при этом высказывая также ошибочные положения.

³ «Recherches asiaticques», Paris, 1805, p. 177 (цит. по переводу с английского на французский).

⁴ «Путешествие господина Антония Дженкинсона из города Москвы в Россию до города Бухары (Bughar) в Бактрии в 1558 г., описанное им самим для лондонских купцов Московской компании», — сб. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», пер. с английского, Л., 1932.

⁵ Филипп Ефремов, *Девятилетнее странствование*, М., 1950. Первое издание этих воспоминаний вышло в 1786 г.; оно было переиздано в 1794 и 1811 гг.

той форме он сообщает, «чем Бухария изобильна, каков воздух и жители», описывает город и армию, приводит факты, характеризующие порядки при дворе аталыка, отмечает развитие ткацкого ремесла и некоторые черты быта бухарцев.

С конца XVIII и особенно начала XIX в., в связи с оживлением связей России со Средней Азией и усиления вследствие этого интереса к ней не только в России, но и в Западной Европе, началось быстрое накопление разнообразных сведений о Средней Азии, в первую очередь о Бухарском ханстве и его столице — Бухаре. Если раньше эти сведения поступали от людей случайных — либо от приезжавших в Бухару по делам купцов или их доверенных лиц, либо от попадавших туда пленных, — то с конца XVIII и начала XIX в. изучение Бухарии, как тогда называли Бухарское ханство (распространяя нередко это название на всю Среднюю Азию), сделалось предметом научного исследования. В изучение Бухары включились специалисты — востоковеды или весьма подготовленные чиновники и военные, участвовавшие в дипломатических миссиях или предпринимавшие поездки на свой страх и риск, иной раз получив при этом специальные поручения от правительства.

В конце XVIII в. написал свои записки горный чиновник Тимофей Степанович Бурнашев, который в сопровождении сержанта А. С. Безносикова был отправлен «сибирским местным начальством» в Среднюю Азию. Выборки из его записок, до сих пор полностью не поступивших в научный обиход, еще в 1818 г. были изданы Григорием Спасским⁶. Последний очень серьезно занимался изучением Бухары, хотя сам там не был, и его перу принадлежит весьма обстоятельное «Новейшее описание Великой Бухарии», вышедшее в 1825 г. и составленное, как сказано во введении, «на основании сведений, большей частью на месте собранных»⁷.

Ценные и очень подробные научные материалы собрала русская миссия Негри, посетившая Бухару в 1820 г. Трое из ее участников опубликовали свои наблюдения. Особенно важной была монография, написанная «на-

⁶ «Путешествие от сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 г.», — «Сибирский вестник», 1818, ч. I.

⁷ «Азиатский вестник», 1825, № 1—6.

чальником ученых работ» Мейендорфом⁸, содержащая поразительно подробное для своего времени описание города, характеристику населения, торговли и городской промышленности, бухарского чиновничества, административного деления и организации войска, описание городского быта, нравов, обычаев, народного костюма, роли ислама в жизни горожан и страны и т. д. Другой участник миссии — переводчик П. Яковлев, кроме вычерченных им планов Бухары и Хивы написал две статьи⁹. К 1820 г. относятся также наблюдения бывшего, вероятно, при посольстве священника Будрина. Несмотря на небольшой объем, опубликованная им статья содержит весьма полезный материал, собранный человеком, своими глазами наблюдавшим Бухару в столь ранний период и имевшим возможность собрать сведения опросным путем¹⁰.

Одновременно с миссией Негри Бухару посетил Эдуард Эверсман, который тоже выпустил описание своего путешествия под тем же названием, что и Мейендорф, но на немецком языке¹¹. Выйдя в свет тремя годами раньше, чем труд Мейендорфа, книга Эверсмана, по словам одного из авторов середины XIX в., приобрела известность в Европе как первый обстоятельный труд по Бухаре, хотя она и не обладает достоинствами книги Мейендорфа. Нельзя, однако, отказать этому труду в научной значимости. Эверсман описывает город; сообщает ценные сведения о доходах богоугодных заведений и духовенства от вакфов; описывает бухарский базар и с большим знанием дела, очень подробно останавливается на бухарском рынке драгоценных камней. Вообще сведения о торговле составляют наиболее ценную часть этого труда.

В 30-х годах XIX в. в Бухаре побывал англичанин А. Борнс¹². Его книга сыграла значительную роль в изучении Бухары и считается одним из основных источников по Средней Азии начала XIX в. Однако нельзя не отметить, что этот труд несколько переоценен. В сообщаемых

⁸ Bar. Meyendorff, *Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820*, Paris, 1826 (книга была издана лишь на французском языке).

⁹ П. Л. Яковлев, *Очерки путешествия*, — «Благонамеренный», СПб., 1824, вып. XXI. О второй статье см. выше сноска 2.

¹⁰ «Русские в Бухаре в 1820 г. (записки очевидца)», — «Оренбургские ведомости», 1870, № 24, 25, 26, 28, 30, 31; то же см.: «Справочная книжка Оренбургского края на 1871 г.».

¹¹ Ed. Eversmann, *Reise von Orenburg nach Bukhara*, Berlin, 1823.

¹² Burns Alexander, *Travels into Bokhara*, London, 1839 (русский перевод издан в 1848—1849 гг.).

Борнсом сведениях, хотя они и были собраны путем личного наблюдения, имеется много неточностей, свидетельствующих о недостаточной наблюдательности и проницательности путешественника. Еще Н. Ханыков выражал удивление по поводу утверждения Борнса об отсутствии в городе кладбищ: как известно, они занимали в дореволюционной Бухаре большое место; около одного из них, по словам Ханыкова, жил Борнс во время своего пребывания в Бухаре¹³. Резко отозвался о сочинении Борнса также один из крупнейших русских востоковедов середины XIX в. — В. Григорьев; по его словам, «что говорится у Борнса о Рахим-беке... есть чистый, ни на чем не основанный, вздор»; а в том, что «желающие могут прочесть о длинных беседах с кушбеги», В. Григорьев «не находит ничего особенного»¹⁴. Совершенно ненадежны сообщаемые Борнсом цифры: как правило, они сильно преувеличены, например число жителей города, количество медресе и пр. Как известно, слишком оптимистический взгляд Борнса на бухарские порядки, воспринятый его соотечественниками Конноли и Стоддартом, толкнул их на вольное, надменное поведение, что и привело их к гибели. Конечно, указанные недостатки не перечеркивают полностью значения книги Борнса, но они свидетельствуют, что к его сведениям следует подходить осторожно.

Вслед за Борнсом в 1833—1834 гг. в Бухаре появилось «под видом мусульманина, татарского муллы Джафара, находившийся на русской службе француз П. И. Демезон. Подробный отчет его пока еще не найден»¹⁵. На материалы Демезона, как «способные пролить много света на современное состояние Мавераннахра», ссылается автор статьи «Бухара в 1835 г.» П. Савельев¹⁶, сам на месте не бывавший, а воспользовавшийся уже имевшимися печатными и архивными материалами. В его статье помещен, в частности, первый обзор литературы о Бухаре под заглавием «Ученые, сообщившие о Бухаре».

¹³ Н. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 92.

¹⁴ [В. Григорьев], *Записки Мирзы Шемса Бухари*, — «Ученые записки Казанского университета», 1861, книжка 1, стр. 93, прим. 8; стр. 113, прим. 50.

¹⁵ Г. Н. Чабров, *Поездка в Бухару переводчика П. И. Демезона (1833—1834 гг.)*, — «Труды САГУ» (Среднеазиатского государственного университета), вып. XCIV, 1957.

¹⁶ П. Савельев, *Бухара в 1835 г.*, СПб., 1836; напечатана также в издании «Энциклопедический лексикон», т. 7, СПб., 1837.

В 1836 г. попал, наконец, в Бухару Виткевич, которому в 1833 г. было отказано в поездке «ввиду неблагонадежности», а вместо него был послан Демезон¹⁷. В архиве имеется очень содержательная «Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича по поводу его путешествия в Бухару и обратно»¹⁸.

Следующим важным шагом в изучении Бухары является поездка в Бухару с миссией в 1841 г. ученых Н. Ханькова и А. Лемана. Труд Н. Ханькова «Описание Бухарского ханства» — безусловно наиболее ценный из всего, что касается изучения Бухары на основании личного знакомства с городом не только в первой половине XIX в., но и за весь дореволюционный период¹⁹. Автору труда было всего 19 лет, но его обстоятельная монография, содержащая массу самого разнообразного, тщательно и в высшей степени добросовестно собранного материала, служит одним из самых полных и надежных источников о Бухаре. Не менее интересна вторая работа этого автора, с которой мало кто знаком, — небольшая статья, представляющая первую попытку исследования внутренней жизни городов Средней Азии²⁰. Статья написана

¹⁷ Г. Н. Чабров, *Поездка в Бухару...*, стр. 111.

¹⁸ Центральный государственный военно-исторический архив СССР, фонд № 67, арх. № 103. Знакомству с выписками из «Записки» я обязана любезности Г. Н. Чаброва, которому приношу свою благодарность. Выдержки из этого документа были опубликованы в статье М. Соловьева (см.: М. Соловьев, *Экспедиция в Бухару в 1841—42 гг. при участии натуралиста А. Лемана*, М.—Л., 1936, стр. 78, 80, 81).

¹⁹ Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*. Конечно, мы ценим этот труд за содержащийся в нем фактический материал; взгляды автора на многие вопросы носят печать своего времени и устарели (в частности, неудачные и очень поверхностные попытки обрисовать национальный характер различных среднеазиатских народностей, что было тогда в моде). Следует также отметить отсутствие у Ханькова сведений о бухарском ремесле. Это важный пробел в его материале.

²⁰ Н. Ханьков, *Городское управление в Средней Азии*, — «Журнал Министерства иностранных дел», 1844, книжка 5; Н. Ханьков (1822—1878) был переброшен на дипломатическую службу в Иран. Его последующие труды были посвящены этнографии Ирана и издавались, как труд Мейендорфа, на французском языке. По своему научному значению они не могут быть, однако, поставлены в ряд с «Описанием Бухарского ханства». Свидетельством признания научных заслуг Н. Ханькова за рубежом является присуждение ему большой золотой медали Парижского географического общества.

главным образом на основании материалов, собранных в Бухаре. Высоко ценя труды Н. Ханькова о Бухаре, мы должны, однако, помнить, что его достижения были обусловлены всем развитием русской востоковедной науки до него; что он мог также пользоваться трудами, написанными на западноевропейских языках. Н. Ханьков поехал в Бухару, уже имея сведения о стране и городе, почерпнутые из трудов его предшественников.

Второй участник этой экспедиции, Александр Леман, в своем «Путешествии»²¹, написанном на немецком языке, также осветил много сторон городского быта: он описал медресе и систему образования, свадебные и похоронные обряды, врачевание и знахарство.

После этих работ в изучении Бухары наступает перерыв. Лишь в 1858 г. в Бухару вновь едет русская миссия полковника Игнатьева²². Ее научным результатом явилось издание рассказов шести выкупленных русских пленных, пробывших в Бухаре от 16 до 40 лет. Прослужив это время в сарбозах, они хорошо знали все, что относилось к военному сословию и бухарскому войску, к организации походов и т. д. Их показания являются драгоценным свидетельством не сторонних наблюдателей, а людей, лично переживших все, о чем они сообщали. Эта публикация, автор которой скромно скрылся под инициалами, — одно из самых ценных сообщений о Бухаре начала XIX в.²³

Спустя пять лет в научный обиход поступают новые сведения из первых рук — публикация наблюдений венгерского ученого-востоковеда Арминия Вамбери. Перео-

²¹ Alexander Lehmann, *Reise von Orenburg nach Bukhara*, Petersburg, 1842. Была опубликована заметка «О трудах Лемана в связи с работами других исследователей Оренбургского края и соседних с ним стран Азии», — «Географические известия», СПб, 1850. См. также М. Соловьев, *Экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг. при участии натуралиста А. Лемана*, М.—Л., 1936.

²² И. Г. Залесов, *Посольство в Бухару полковника Игнатьева в 1858 г.*, — «Русский вестник», т. 91, 1871, № 2, 92, № 3. [Н. Игнатьев], *Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева*, СПб., 1897 (полковник Н. Игнатьев был дедом А. А. Игнатьева, автора известной книги «Пятьдесят лет в строю», где имеются некоторые данные о полковнике Игнатьеве и его поездке в Бухару).

²³ З. С., *Бухара по рассказам русских пленных*, — «Русский инвалид», 1862, № 70, 71.

девшись дервишем и выдавая себя за араба, Вамбери прошел с торговым караваном в Бухару и был принят бухарским духовенством за своего коллегу. Благополучно возвратившись, он опубликовал свои наблюдения в виде книги и нескольких статей. Однако В. В. Бартольд считал, что «этот научный подвиг» не дал заметных результатов²⁴; но его приговор слишком суров и несправедлив. Может быть, учитывая исключительно благоприятные условия, в которых протекали наблюдения Вамбери, можно было бы ждать больших результатов, но и те данные, которые приводит Вамбери о городе, о его ремеслах и торговле, населении, медресе, студентах и их доходах, о рабстве и т. п., весьма обстоятельны и достоверны²⁵. Нельзя также не вспомнить, что Вамбери вывез из Бухары немало рукописей, в частности такой ценнейший труд, как «История Бухары» Наршахи.

Большой научный интерес имели опубликованные несколько ранее В. Григорьевым воспоминания родовитого бухарского ходжи — Мирзы Шемса Бухари, который был близок к двору бухарских эмиров, но потом был вынужден переселиться в Оренбург, где, занимаясь торговлей, он прожил около 25 лет. В. Григорьев, встретившись с ним, предложил ему написать воспоминания и опубликовал их, снабдив многочисленными и очень ценными примечаниями²⁶.

Однако литература по Бухаре, изданная еще до присоединения Средней Азии к России, не ограничивалась указанными работами. В этот период по разным материалам и источникам о Бухаре писали многие. Их статьи о Бухаре печатались в таких журналах, как «Современник» и «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Северная пчела»²⁷, и во многих газетах, особенно выходивших в Оренбургской области²⁸. Много статей, посвя-

²⁴ В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и в России*, Л., 1925, стр. 225.

²⁵ А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, М. — СПб., 1865; *Очерки Средней Азии*, М., 1868; *Очерк жизни в Бухаре. Палатка и ее обитатели*, — «Литературная библиотека», 1866, № 1, 2.

²⁶ [В. Григорьев], *Записки Мирзы Шемса Бухари*.

²⁷ «Некоторые сведения о Бухарии», — «Отечественные записки», 1821, ч. 5, 6, 7; «Вести от русских из Бухары», — «Вестник Европы», 1821, № 8; «Северная пчела», 1835, стр. 274—300; и др.

²⁸ «Оренбургские ведомости», 1853, № 1; 1854, № 20; 1859, № 21; 1870, № 24—31 и др.; «Восточный вестник», Астрахань, 1813, 1814.

щенных различным вопросам, было опубликовано в таких изданиях, как «Азиатский вестник», «Сибирский вестник», «Азиатский журнал» (1818—1826 гг.). Число статей, заметок, отдельных книг, так или иначе касающихся Бухары, достигает к середине XIX в. нескольких десятков. В основном все они написаны русскими исследователями на русском языке, иногда иностранцами, находившимися на русской службе²⁹.

На Западе не было крупных работ о Бухаре, за исключением трудов Эд. Эверсмана (1823), А. Борнса (1839). К ним следует присоединить изданные на английском языке «Путешествия Мир Иззатулла в Среднюю Азию в 1812—1813 гг.», содержащие интересные, хотя и не всегда правильные, сведения о Бухаре³⁰.

К середине XIX в. материалов по Бухаре накопилось так много, что потребовалось уже обобщить их в специальной сводке. Это дело, начатое в 1835 г. П. Савельевым, было продолжено В. В. Завьяловым, которым были изданы две обстоятельные статьи по этому вопросу³¹.

На 50—60-е годы XIX в. падает значительное число публикаций; большая часть из них была рассчитана на широкого читателя, но были работы и научного характера; одним из примеров служат упомянутые выше историографические работы В. В. Завьялова. К этому периоду относятся также довольно многочисленные статьи, освещающие вопросы торговли в Бухаре³² (которым уделялось большое внимание и в большинстве более ранних публикаций, в частности в описаниях путешествий).

²⁹ Таковы были Александр Леман, Юлиус Клапрот — ученый лингвист, работавший в России в 20-х годах XIX в., Демезон.

³⁰ Ю. А. Соколов, *Бухара, Самарканд, Келиф в 1813 г.*; «Публикация отрывка из „Путешествия Мир Иззатулла в Среднюю Азию в 1812—1813 гг.“», — «Труды САГУ», вып. ХС, 1957.

³¹ В. В. Завьялов, *Об источниках и пособиях для изучения Оренбургского края и соседственных земель Средней Азии*, — «Оренбургские губернские ведомости», 1853, № 1 и дальше; *Исторический обзор путешествия в Бухарию*, — там же, 1854, № 20.

³² Наиболее богаты материалами работы Небольсина; см.: П. И. Небольсин, *Очерки торговли России со Средней Азией*, — «Записки РГО» (Русского географического общества), кн. X, 1865; *Ценность разных товаров в Бухаре*, — «Санкт-Петербургские ведомости», 1850; *Заметки о Бухаре и ее торговле с Россией*, — «Современник», 1864, № XI, XII (за подписью «Казенный турист»); В. Долинского (см.: В. Долинский, *О торговле с Бухарой*, — «Наше время», 1860, № 21; *О торговле Бухары*, — «Восток», 1866, № 21).

Военные действия русских войск против Бухарского эмирата, волновавшие современников, были отмечены обильными газетными публикациями, но серьезных, тем более научных работ в литературе того времени не появилось³³.

После присоединения Туркестана к России и превращения Бухары в вассальное ханство, когда русские исследователи получили более свободный доступ в Бухару и могли более всесторонне наблюдать ее жизнь, не подвергаясь при этом опасности, появилась обширная литература. Было издано немало описаний поездок в Бухарское ханство и множество статей по отдельным вопросам (о торговле рабами, о приготовлении пороха)³⁴. Затем появились сводные работы: «Очерк Бухарского ханства» Н. А. Маева³⁵, позднее — очерки Бухары П. П. Шубинского³⁶. В этот период было опубликовано несколько специальных исследований, таких, как «Сношения России с Индией и Средней Азией в XVI—XVII вв.», В. А. Уляницкого, работы Н. Ф. Ситняковского³⁷, до сих пор не потерявшие своей научной цен-

³³ Исключение составляют изданные позже работы участника этих событий востоковеда А. Куна (А. Кун, *Очерки шахрисябзского бекства*, СПб., 1880; *Бухарские порядки. Заметки о взимании поземельных податей*, — «Туркестанские ведомости», 1873, № 32). Непосредственно г. Бухары эти публикации не касаются.

³⁴ Л. Ф. Костенко, *Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г.*, СПб., 1871; Н. Петровский, *Моя поездка в Бухару*, — «Вестник Европы», т. II, 1873; И. Л. Яворский, *Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—79 гг.*, СПб., 1882; В. Крестовский, *В гостях у эмира бухарского*, — «Русский вестник», 1870, № 2, 3, 5, 6, 7, 8 и др.; В. Крестовский, *Торговля невольниками в Бухаре*, — «Сын Отечества», 1873, № 63; Г. Панкратов, *Приготовление пороха бухарцами*, — «Артиллерийский журнал», 1870, № 6.

³⁵ «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. V, 1879.

³⁶ «Исторический вестник», 1892, вып. VII, VIII, IX, X.

³⁷ Работа В. А. Уляницкого издана в «Чтениях в Императорском обществе истории древностей Российских» (М., 1889, кн. 3). Н. Ф. Ситняковский, *Заметки о бухарской части долины Зеравшана*, — «Известия Туркестанского отделения РГО», Ташкент, т. 1, 1889; т. II, 1900; Н. Ф. Ситняковский, *Попытка к исчислению народонаселения в г. Бухаре*, — «Протоколы ТОРГО (Туркестанского отделения Русского географического общества) от 28.II.1898 г.», Ташкент, 1898; Н. Ф. Ситняковский, *Бухарские святыни, мазар Бугаутдин*, — «Протоколы туркестанского кружка любителей археологии» (далее — ТКЛА), вып. V, Ташкент, 1900.

ности. К числу таких работ можно отнести и работу инженера И. Т. Пославского³⁸, представляющую несомненную научную ценность.

Очень ценно было составление в 1910—1912 гг. плана г. Бухары, снабженного подробной экспликацией. План был составлен военным топографом Парфеновым под руководством капитана Фенина и широко вошел в научный оборот под названием «Фенинского». Он лег в основу всех публиковавшихся до сих пор планов г. Бухары, в том числе и планов, помещенных в книгах и статьях о Бухаре, опубликованных автором этой книги³⁹.

Подводя итог сделанному в области изучения Бухары за период от присоединения Средней Азии к России до Октябрьской социалистической революции, оценивая многочисленные публикации, вышедшие из печати, следует сказать, что результат невелик. За это время не было создано ни одного крупного труда, основанного на непосредственном изучении города и жизни его населения.

Значительных успехов в изучении Бухары за этот период достигли историки-востоковеды, в первую очередь В. В. Бартольд. Изучив первоисточники, он установил последовательность и характер исторических событий, происходивших в Средней Азии, в частности в г. Бухаре. Им была создана прочная основа для дальнейшего изучения истории одного из важнейших среднеазиатских городов, отразившей наиболее типичные и выразительные черты исторического развития Средней Азии и ее городской культуры. Изучение востоковедами первоисточников обеспечило накопление исторических сведений о городах, в первую очередь о Бухаре, всегда

³⁸ И. Т. Пославский, *Бухара. Описание города и ханства*, — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», Ташкент, т. XVII, 1891, стр. 92.

³⁹ Недавно А. Р. Мухамеджановым был опубликован хранившийся в архиве востоковеда П. Лерха уникальный план г. Бухары, составленный, по предположению автора публикации, известным прогрессивным деятелем середины XIX в. Ахмади Донишем. К сожалению, выполнив весьма трудоемкую работу по изучению этого плана, несомненно представляющего собой интереснейший источник по топографии Бухары этого периода, Мухамеджанов не сумел подойти к нему достаточно критически. План подается как выполненный на уровне современной картографии, при его анализе совершенно не указаны имеющиеся в нем вопиющие неточности.

больше других городов привлекавшей к себе внимание исследователей.

Во многих капитальных трудах В. В. Бартольда со-держатся разнообразные сведения, касающиеся сред-неазиатских городов. В 1913 г. в «Энциклопедии исла-ма» была помещена его специальная статья по истории г. Бухары ⁴⁰.

Уже с конца XIX в. исторические источники дополня-ются археологическими материалами, характеризующи-ми прошлое городов. Тогда же появляется специальная, посвященная среднеазиатскому городу работа В. Жу-ковского о Мерве, в которой изложены результаты его археологических исследований и интересные сведения о Мерве в прошлом, обнаруженные в письменных источ-никах ⁴¹.

После Октябрьской революции востоковедение, как и вся советская историческая наука, перешло на новую, высшую ступень. В работу включилось много научных кадров, в том числе и национальных. Все исследования отличаются строго научным подходом к материалу и ба-зируются на изучении ценных источников. В 1923—1924 гг. публикуются итоги первых, пока еще не полных материалов по статистике Бухарского ханства ⁴², в кото-ром до революции никогда не проводилась перепись на-селения. Всесоюзная перепись 1926 г. впервые охватила районы бывшего Бухарского ханства и его столицу. В опубликованных материалах этой переписи мы полу-чаем первые статистические данные, характеризующие население г. Бухары ⁴³.

В том же году вышел посвященный одному из бу-харских районов — Вобкентской волости — выпуск се-

⁴⁰ W. Barthold, *Bukhara*, — «Enzyklopaedie des Islam», Leiden—Leipzig, 1913.

⁴¹ В. В. Жуковский, *Развалины старого Мерва*, — «Материалы по археологии России», М., 1896, № 16.

⁴² «Бухара в хозяйственном плане на 1923 и 1924 гг.», Старая Бухара, 1925; «Материалы по районированию», ч. I, Бухара — Моск-ва, 1924.

⁴³ «Материалы Всесоюзной переписи 1926 г.», вып. I, Самар-канд, 1927. О неточностях в цифрах первой в истории переписи, про-веденной на территории бывшего Бухарского ханства, автор уже говорил в одной из своих работ (см. О. А. Сухарева, *К истории го-родов Бухарского ханства*, Ташкент, 1958, стр. 72).

рийного издания «Современный кишлак Средней Азии» ⁴⁴, в котором содержатся весьма важные сведения по эконо-мике района. Правда, это издание касается лишь насе-ления сельских районов, но важность его для понимания истории главного городского центра этого района — го-рода Бухары — не нуждается в доказательствах.

Советские ученые-марксисты приступили к изучению вопросов внутренней жизни народных масс, развития производительных сил и производственных отношений. Однако исследования феодального общества в основном были направлены на область аграрных отношений. Жизнь и производственная деятельность горожан оставались сравнительно слабо изученными. Это неоднократно под-черкивалось ведущими советскими историками Востока. Так, И. П. Петрушевский в 1948 г. констатировал, что, несмотря на установление некоторых принципиально важ-ных положений истории среднеазиатского города В. В. Бартольд и А. Ю. Якубовским и внимание к во-просам внутреннего строя восточного феодального го-рода таких ученых, как В. А. Гордлевский, Б. Н. За-ходер, В. Ф. Минорский и др., «внутренний строй сред-неазиатского города донныне остается одной из темных, малоисследованных проблем востоковедной историогра-фии» ⁴⁵.

А. Ю. Якубовский, плодотворно потрудившийся в этой области и отдававший должное работавшим до него исследователям в области истории феодального города ⁴⁶, все же был вынужден отметить в 1951 г., что города изу-чались преимущественно формально, исследования «не уводили исследователей от вопросов историко-топогра-фических к вопросам исторического существа развития городов Средней Азии» ⁴⁷. Такая постановка вопроса дву-мя крупнейшими советскими историками-востоковедами свидетельствует, что изучение городов вступило в новый этап, качественно отличный от прежнего. Была «обще-

⁴⁴ «Современный кишлак Средней Азии, Вобкентская волость» Ташкент, 1926.

⁴⁵ И. П. Петрушевский, *Городская знать в государстве гулагуи-дов*, — «Советское востоковедение», т. V, 1948, стр. 85.

⁴⁶ Им отмечены достижения В. В. Бартольда и В. Жуковского.

⁴⁷ А. Ю. Якубовский, *Главные вопросы изучения истории городов Средней Азии*, — «Труды Тадж. филиала АН СССР», [Душанбе], т. 29, 1951, стр. 4.

признанна», по словам А. Ю. Якубовского, «невозможность» изучения «вопросов образования и развития городов в древности и средние века... на основании только письменных источников... без привлечения вещественных памятников и, прежде всего, самих городов во всем их материальном облике...»⁴⁸.

Советские исследования о среднеазиатских городах на первых порах отличались от лучших работ дореволюционного времени прежде всего расширением круга привлекаемых источников. Задолго до того как А. Ю. Якубовским было сформулировано положение о необходимости изучать не только данные письменных источников, но и самые города во всей их конкретности, мы видим попытку осуществить это в статье И. И. Умнякова — первой работе советского времени, посвященной Бухаре. Во многом следуя за В. В. Бартольдом и его повторяя, И. И. Умняков привлек и те сведения, которые он получил при личном знакомстве с городом и из бесед с коренными бухарцами⁴⁹.

В 1925 г. вышел в свет труд В. В. Бартольда «История культурной жизни Туркестана», содержащий ценнейшие данные по истории города Бухары, а в 1927 г. — посвященный В. В. Бартольду сборник, в котором опубликованы две статьи, непосредственно касающиеся Бухары⁵⁰. Особенно ценна статья В. Л. Вяткина, основанная на изучении местных рукописных источников и положившая начало исследованию истории крупнейших духовных феодалов Бухары — семьи шейхов Джуйбари.

Большим шагом вперед была работа В. А. Шишкина о Бухаре, опубликованная в 1936 г. Изучив досконально город Бухару «в его материальном облике», В. А. Шишкин удачно сочетал эти данные с сообщениями письменных источников. Продолжением этой публикации была выпущенная В. А. Шишкиным научно-популярная брошюра «Города Узбекистана», в которой значительное место уделено Бухаре⁵¹.

⁴⁸ Там же, стр. 3.

⁴⁹ И. И. Умняков, *К вопросу об исторической топографии Бухары*, — Сборник Туркестанского Восточного института в честь А. Э. Шмидта, Ташкент, 1923.

⁵⁰ В. Л. Вяткин, *Шейхи Джуйбари*; Х. Д. Досмухамедов, *Легенда о постройке медресе*, — сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927.

⁵¹ В. А. Шишкин, *Архитектурные памятники Бухары*, Ташкент, 1936; *Города Узбекистана*, Ташкент, 1943.

Много сделал для освещения истории города Бухары А. А. Семенов. Если его первые статьи имели не большой научный интерес, то уже позднее, но еще в предреволюционный период, ученый написал ценную работу о бухарском шейхе Бахауддине, а в советское время — ряд специальных публикаций, в которых сочетаются сделанные А. А. Семеновым в свое время личные наблюдения с данными исследованных им и введенных в научный оборот письменных источников⁵².

Исключительное значение для изучения истории Бухары, как и многих других вопросов истории Средней Азии вообще, имела обработка и публикация архива джуйбарских шейхов, который послужил и служит источником для историков Средней Азии. Эти документы наряду с другими материалами послужили источником ценнейшего исследования П. И. Иванова «Хозяйство джуйбарских шейхов», раскрывающего перед нами основы жизни среднеазиатских народов при феодализме. Для темы настоящего исследования этот труд имеет особый интерес, так как он освещает историю образования хозяйства крупнейших духовных феодалов-горожан, сохранивших свое положение и владения вплоть до революции.

Большое значение имеет также изучение и публикация разнообразного актового материала, касающегося Бухары, различными исследователями, в особенности О. Д. Чехович, которая помимо ряда ценных статей издала собрание документов, содержащих много материалов по Бухаре⁵³. Для понимания жизни Бухары в доре-

⁵² А. А. Семенов, *В святой Бухаре*, — «Русские ведомости», 1899, № 332, 351; *Основание священной Бухары*, — «Этнографическое обозрение», 1933, № 2; *Бухарский шейх Бахауддин. 1318—1389*, — «Сборник, посвященный А. Н. Веселовскому», 1914; *Рассказ шугнанских исмаилитов о бухарском шейхе Бахауддине*, — «Записки Восточного Отделения Русского археологического общества», т. 22, М., 1915; *К истории бухарских мангытов*, — «Бюллетень САГУ», Ташкент, 1924, № 6; *Бухарский трактат о чинах и званиях*, — «Советское востоковедение», 1948, № 5; *Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени*, — Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, (Душанбе), т. 26, 1954.

⁵³ О. Д. Чехович, *Крестьянские обязательства 1914 г., на основании мнимой грамоты Исмаила Самани*, — «Исторические записки АН СССР», т. XXXIII, стр. 19; *Документы об эксплуатации хлопководов в Бухаре 1914 г.*, — «Известия АН УзССР»; *К истории*

волюционный период трудно переоценить также значение произведений основоположника таджикской советской литературы, крупного знатока народной жизни, писателя и мемуариста Садреддина Айни. Происходя из маленького таджикского селения Бухарской области, он прожил долгие годы в Бухаре, и почти в каждом его произведении мы встречаем интереснейшие сведения, которые раскрывают те или иные стороны жизни столицы эмирата. Особенно интересны в этом отношении «Смерть ростовщика»⁵⁴ и «Воспоминания»⁵⁵, многие страницы которых посвящены непосредственно Бухаре. Следует лишь помнить, что перед нами художественные произведения, а не научные изыскания, и писатель был вправе прибегнуть к обобщениям при описании жизни бухарцев.

В ряду работ, посвященных архитектуре г. Бухары, следует отметить брошюру и книгу Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпелья⁵⁶. В этих работах затрагиваются некоторые вопросы истории города и его планировки. Последнему вопросу посвящена также специальная статья Л. И. Ремпелья, в которой содержится интересный, но далеко не всегда бесспорный материал и догадки как о городе XIX — начала XX в., так и о его исторической топографии⁵⁷. Подготовлена к публикации чрезвычайно ценная работа О. Г. Большакова (Ленинград) по исторической топографии Бухары, основанная на изучении арабских источников и впервые осветившая границы города X—XII вв., что до сих пор не удавалось другим исследователям⁵⁸.

крестьян Бухары XIV в., — «Известия АН УзССР, серия общественных наук», вып. 1, 1959; *Бухарские поземельные акты XVI—XIX вв.*, — «Документы к истории аграрных отношений XVI—XIX вв.», Ташкент, 1954; «Бухарские документы XIV в.», Ташкент, 1965.

⁵⁴ С. Айни, *Марги судхур*, [Душанбе], 1953. Первый текст этой повести был написан Айни в 1936 г. и переведен автором настоящей монографии на русский язык. В 1952 г. Айни доработал повесть. Перевод нового текста был опубликован автором этой монографии в 1958 г., а также помещен в IV томе собрания сочинений С. Айни (М., 1961).

⁵⁵ С. Айни, *Воспоминания*, пер. А. Розенфельда, М.—Л., 1960.

⁵⁶ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, *Бухара, М.*, 1949; *Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана*, Ташкент, 1959.

⁵⁷ Л. И. Ремпель, *Из истории градостроительства на Востоке (материалы по планировке старой Бухары)*, — сб. «Искусство зодчих Узбекистана», Ташкент, 1962.

⁵⁸ Обсуждение этой работы состоялось в Институте народов Азии в 1964 г.

Задача изучения «самых городов во всем их материальном облике» не могла быть выполнена без обращения к современным их жителям — живым носителям исторических традиций. Это означало привлечение к исследованиям не только археологических и историко-культурных материалов (что имел в виду А. Ю. Якубовский), но и материалов этнографических. Использование этнографического источника — рассказов стариков-бухарцев о пережитом лично ими недавнем, но уводящем нас на две формации назад прошлом вносит ясность в наши представления об исторической действительности. Впервые плодотворная идея монографического изучения среднеазиатского города по этнографическим данным зародилась у М. С. Андреева. Его выбор пал на Бухару, до самой революции значительно сохранившую в своем облике и формах городской жизни многие черты древности и средневековья. Это отвечало научной задаче, которую М. С. Андреев ставил перед собой и другими этнографами, — задаче изучения «черт уходящего прошлого».

М. С. Андреев не смог довести до конца начатого дела. Организованная им на средства Среднеазиатского государственного университета экспедиция, в которой кроме него участвовали М. С. Юсупов, Н. В. Русинова, О. Д. Чехович и Л. И. Ремпель, провела лишь один полевой сезон (1940 г.). Великая Отечественная война прервала эту работу, задержала обработку и публикацию полученных материалов. Написанные участниками экспедиции сводки собранных при полевой работе материалов хранятся в научных архивах; они настолько ценны, что их публикация после соответствующей обработки является неотложной задачей⁵⁹. Предполагая продолжить экспедицию в послевоенные годы, М. С. Андреев в 1947 г. привлек к работе автора настоящих строк. По ряду причин последний оказался единственным исполнителем этого широко задуманного коллективного исследования.

⁵⁹ М. С. Андреевым совместно с О. Д. Чехович написана работа «Арк-кремль Бухары»; М. С. Юсуповым составлены отчеты по темам «Администрация», «Войско», «Суд и судопроизводство», «Финансы»; Н. В. Русиновой — по теме «Ремесло г. Бухары» (записи бесед с мастерами), Л. И. Ремпелем написана «Историческая топография Бухары», к которой вычерчено несколько планов. Последняя уже указанная нами работа издана в виде научной статьи (Л. И. Ремпель, *Из истории градостроительства...*).

Перед ним стояла задача завершить изучение Бухары, начатое экспедицией под руководством М. С. Андреева, определив объем и направление собственного исследования.

Выбор в качестве объекта изучения города Бухары был весьма удачен. Этот древнейший город, лучше других освещенный местными письменными источниками и литературой, являлся наиболее типичным среднеазиатским городом старой формации, на примере которого могли быть изучены не только особенности среднеазиатского, но и восточного феодального города вообще. Выводы такого исследования безусловно могут быть в известной мере использованы и шире: для понимания особенностей феодальной городской культуры и закономерностей развития городов в эпоху феодализма. Рядом с нами еще живут люди — наши старшие современники, которые были уже взрослыми и участвовали в общественной и деловой жизни в тот период, когда Бухара была еще феодальным городом и все формы ее быта сохраняли черты, порожденные феодализмом. Воспоминания этих людей — драгоценный, богатейший исторический источник, способный во многом дополнить наши знания о прошлом народов советского Востока, в частности Узбекистана. Возможность обращаться к людям, занимавшим в прошлом самое различное общественное положение, — ремесленникам, поденщикам, торговцам, чиновникам эмирского административного аппарата, муллам и представителям старшего поколения местной интеллигенции — создает для историко-этнографического исследования такой круг источников, который позволяет выяснить все стороны прошлой жизни города в их взаимной связи.

В наше время сложились особенно благоприятные условия для собирания таких материалов. Его успешность обеспечивается ростом культуры населения, интересом самых широких его кругов к науке вообще и к исторической, в частности, достоверной и доброжелательностью к исследователю, честностью и добросовестностью, традиционным гостеприимством, являющимися чертой национального характера народов Средней Азии. В таких именно благоприятных условиях проходило и собирание этнографических материалов для настоящей работы.

Жители г. Бухары оказывали автору всемерную поддержку и помощь, без которых работа не могла бы быть выполнена. Одни добросовестно старались восстановить в своей памяти пережитое и щедро делились своими воспоминаниями, другие помогали разыскать нужного, достаточно сведущего информатора (которых теперь, в смене поколений, осталось уже немного), третьи, не боясь усталости, водили к памятным местам, четвертые поддерживали своим сочувствием и интересом к проводимой работе. Многие оказывали открытое и сердечное гостеприимство. Поэтому, завершая работу, автор выражает всем этим людям свое самое искреннее уважение и благодарность, а тех, кого уже нет, вспоминает с большой теплотой и светлой грустью.

Первое же ознакомление автора настоящей работы с Бухарой в 1947 г. показало научную перспективность постановки такого исследования: возможность, пользуясь обильным материалом воспоминаний, нарисовать общую картину жизни города XIX — начала XX в. и получить данные об этническом составе и о путях сложения городского населения, раскрыть характер производительной деятельности горожан, в основном в городской промышленности; выяснить сословно-классовый состав населения и формы социальных отношений и классовой борьбы; осветить внутреннюю жизнь горожан — своеобразный быт квартальных общин, в которых сохранялись старые общинные традиции.

Для собирания основного (опросного) материала автор предпринимал в течение нескольких лет более или менее длительные поездки в Бухару (1947, 1948, 1949, 1950, 1956 гг.). К собиранию материала был привлечен М. С. Юсупов, проведший одну месячную поездку, результатом которой явилась запись бесед со старожилами города о торговле и ее организации в Бухаре. Материалы о бухарских евреях собирал под руководством автора И. М. Бабаханов, опубликовавший одну заметку⁶⁰; его записи о быте евреев Бухары в данной работе почти не использованы. При написании монографии были привлечены материалы экспедиции 1940 г., собранные Н. В. Русиновой и М. С. Юсуповым; однако,

⁶⁰ И. М. Бабаханов, *Евреи-мусульмане в Бухаре*, — «Советская этнография», 1951, № 5.

считая необходимым их самостоятельное издание, автор привлекал эти материалы скупно, лишь при необходимости, везде это отмечая ссылками (как и вообще при использовании чужих материалов). Уже заканчивая свое исследование, автор благодаря любезности покойного проф. Л. М. Исаева получил возможность ознакомиться с материалами обследования г. Бухары в 1923—1930 гг. Самаркандским институтом тропических заболеваний. Материалы эти оказались весьма ценными и были использованы автором с глубокой благодарностью⁶¹.

Сведения, сообщенные старожилыми-бухарцами, дополнялись данными некоторых письменных источников. в том числе и местных, использованных в основном для других работ автора, связанных с вопросами исторической топографии и истории жилых кварталов.

В настоящей книге публикуется первая часть написанной автором монографии. Вторая часть, посвященная бухарской ремесленной промышленности, опубликована⁶²; некоторые материалы этой книги включены в настоящее издание (в раздел «Ремесленники»). Исследование истории города, а также краткое изложение вопросов, освещаемых в этой книге, были опубликованы также в виде отдельной книги⁶³. Некоторые специальные вопросы исследования освещались в отдельных научных статьях⁶⁴. Книга, посвященная жилым кварталам, их истории и быту, готовится к изданию.

ГЛАВА I

ГОРОД. ЕГО ОБЛИК И ТОПОГРАФИЯ

Бухара — один из древнейших и самых крупных городов Средней Азии, в течение многих веков игравший важнейшую роль в истории общества и неоднократно являвшийся столицей государств, которые образовывались на территории современного Узбекистана. Город сложился в итоге всего предшествовавшего развития, в результате многовековой работы населения Бухары, приспособлявшего ее территорию для городской жизни. Изменяя далеко не благоприятные для жизни человека условия, многие поколения бухарцев в процессе своей хозяйственной деятельности благоустраивали и застраивали выбранное еще их далекими предками место; век за веком, поколение за поколением вносили они свою лепту в строительство города, сделав его таким, каким он перешел в новую фазу своей истории, наступившую после революции.

Будучи одним из звеньев Великой Октябрьской социалистической революции, революционный переворот, происшедший в Бухаре в 1920 г., привел к свержению феодального строя и строительству нового, социалистического общества. Резко изменился состав населения города. Раньше в нем большое место занимали представители привилегированных классов, чиновничьего аппарата, военного сословия и духовенства. Среди трудового населения было много таких прослоек, которые занимались их всесторонним обслуживанием. После революции и те и другие потеряли прежнюю основу своего существования. Город пережил длительный и бурный период ломки. Ни в одном другом городе Средней Азии она не охватила так глубоко всю жизнь города, на длитель-

⁶¹ Архив этот не обработан и хранится в институте.

⁶² См.: О. А. Сухарева, *Позднефеодальный город. Бухара конца XIX — начала XX в. Ремесленная промышленность*, Ташкент, 1962.

⁶³ О. А. Сухарева, *К истории городов Бухарского ханства*, Ташкент, 1957.

⁶⁴ О. А. Сухарева, *К вопросу об исторической топографии Бухары X—XII вв.*, — «Труды АН ТаджССР», т. XXVII, 1954; *К исторической топографии Бухары первой половины XVI в.*, — «Известия Отделения общественных наук ТаджССР», вып. I, 1954; *К истории городов Бухарского ханства (стенограмма доклада)*, — «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959; *Быт жилого квартала города Бухары в конце XIX — начале XX в.*, — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XXVI (1), 1958; *Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане (конец XIX — начало XX в.)*, — «Краткие сообщения института этнографии АН СССР», вып. XXXI, 1959).

ный период приведя к значительному сокращению городского населения и городской застройки. В наши дни город подходит к новому расцвету, и по существу это уже другой город. И все же современный город живет и развивается на старой почве, его население является прямым наследником бесчисленных поколений бухарцев, живших на той же территории в течение многих веков.

Период его истории, охваченный исследованием, — XIX — начало XX в. — представлял собой важный этап в развитии города Бухары, как и вообще городской жизни в Средней Азии. Начавшееся после присоединения к России развитие капиталистических отношений углубило процесс дифференциации общества, усилило рост городов и их роль в экономической, политической, культурной жизни страны. Этот период характеризовался бурным ростом городской жизни, вызванным развитием торговли и промышленности, и усилением связей не только между различными районами Средней Азии, но и между Средней Азией и Россией в результате строительства железных дорог, для которых города становились важнейшими узловыми станциями. Росла роль городов и как административных и культурных центров. Этот процесс выражался в резком увеличении численности городского населения¹. То состояние, в котором среднеазиатские города находились в конце XIX — начале XX в., знаменовало собой самую высокую точку в кривой роста за все время их многовекового существования вплоть до превращения в социалистические города. Это относится и к городам Бухарского ханства. Хотя они росли медленнее, но и здесь в этот период также происходило явное и довольно быстрое развитие городской жизни, и к концу XIX в. города ханства достигли значительного процветания.

Местоположение и природные условия. Город Бухара лежит на западе той территории Средней Азии, которая была известна под названием Мавераннахра. Город

¹ Население Ташкента с 80 тыс. в 1877 г. выросло до 155 677 чел. в 1897 г. и 201 191 — в 1910 г.; Коканда — с 81 тыс. в 1897 г. до 113,5 тыс. в 1913 г., Андижана — с 47,5 тыс. в 1897 г. до 76 с лишним тысяч в 1910 г. (И. К. Луговской, *Ташкент 50 лет назад и теперь*, Ташкент, 1914, стр. 51; В. И. Массальский, *Туркестанский край*, СПб., 1913, стр. 348, 33).

явился крупнейшим центром оазиса, образовавшегося в нижнем течении Зеравшана, на границе с обширной степью, простирающейся до самого Хорезма. Он располагался на торговых путях, связывавших Среднюю Азию, с одной стороны, с Передней Азией и южно-русскими территориями, а с другой — с Афганистаном, Индией, Восточным Туркестаном и Китаем. Из различных районов Мавераннахра торговые пути вели в Бухару.

К окруженной со всех сторон солончаковой степью территории, занятой городом и его сельским районом, была подведена вода из Зеравшана через специальный канал (Шахр-руд), прорытый в глубокой древности. Сельская округа, непосредственно примыкавшая к Бухаре, орошалась целой сетью выведенных из этого канала арыков, которая была особенно густа к северу от города. Там протекали арыки Джизманду, Наумитан, Талипоч, Ханабад и др. Идя с востока на запад в виде нескольких параллельных русел, они питали расположенные здесь участки садов и пашен через мелкие отводы и, огибая город с запада, орошали западный и юго-западный пригородные районы. С юго-восточной стороны проходили, также в виде пучка параллельных русел, каналы Сафедмуй (средневековый Сафедмун), Ляйляк, Фошун, Зарманок, Богдаш².

Наряду с каналами, несшими живительную влагу, ближайшие окрестности Бухары были прорезаны сетью коллекторов (захкаш), собиравших и отводивших от города подпочвенные и сбросовые воды. Эти коллекторы свидетельствовали о многовековой борьбе населения за мелиоративное освоение и приспособление района для жизни. Однако имевшиеся коллекторы были не в состоянии ликвидировать болота, подступавшие к стенам города. Таких болот было особенно много к северу от него. Состояние этой части бухарских пригородов в дореволю-

² Система орошения всего оазиса изучена и описана Н. Ф. Ситняковским (см.: Н. Ф. Ситняковский, *Заметки о Бухарской части долины Зеравшана*, — «Известия Туркестанского отделения РГО», т. I, 1899, вып. II) и И. Т. Пославским, сделавшим правильный вывод о длительности процесса постепенного строительства этой оросительной сети (И. Т. Пославский, *Бухара. Описание города и ханства*, — «Сборник географических, топографических и исторических материалов по Азии», Ташкент, т. XVII, стр. 55, 56, 59—62).

ционный период вызывает в памяти картину, нарисованную Наршахи: «Непосредственно к стенам Бухары прилегает равнина, называемая Даштак. Вся эта местность покрыта камышом»³. С тех пор бухарцы немало потрудились над осушением болот и в том месте, о котором пишет Наршахи, болота уже отступили к северу, за границу последней стены. За ней, на некотором расстоянии от города, проходил самый крупный коллектор — Захкаши Амир Тимур. Это название, возможно, указывает на то время, когда было предпринято его сооружение. Но хотя благодаря ему в северных пригородах Бухары стало возможным заниматься садоводством и земледелием, все же бухарцам не удалось осушить все болота полностью. В изучаемый период много болот, заросших камышом, находилось непосредственно за Имамскими и Угланскими воротами. На юге, у ворот Салляххона, лежало обширное болото, также поросшее камышом. Несколько заболоченных участков было и внутри города: они находились в кварталах Искандархон и Кемухтгарон, их вода использовалась размещавшимися здесь кожевниками при обработке кож. По интересной догадке известного паразитолога Л. М. Исаева, энергичная борьба которого с тропическими болезнями в советское время значительно улучшила условия жизни бухарцев, все эти болота образовались вследствие постоянных выемок почвы для построек⁴.

Население дореволюционной Бухары весьма страдало от наличия в непосредственном соседстве с городом болот, где плодились малярийные комары. Как показало медицинское обследование горожан-бухарцев в первые

³ М. Наршахи, *История Бухары*, Ташкент, 1897, стр. 39. Редакция этого места в переводе Н. Лыкошина позволяет думать, что речь идет якобы о территории, прилегавшей к арку: Н. Лыкошин переводит термин «хисар» (حصار) как «бухарская крепость», обозначая обычно этим словом «арк». Однако первоначальное значение термина «хисар» означает «ограда» и употребляется в источниках для обозначения городской стены (об этом см. О. А. Сухарева, *К истории городов Бухарского ханства*, Ташкент, 1957, стр. 60), которая во времена Наршахи проходила между северной границей Регистана и последней городской стеной.

⁴ При строительстве глинобитных стен глина разводилась на месте. При этом получалось углубление, проходившее вдоль всей стены. Когда глина выбиралась, на этом месте образовывался ров.

годы после революции, заболеваемость малярией была здесь стопроцентной⁵.

Водоснабжение города осуществлялось в основном через канал Шахр-руд или Руди-шахр⁶ — «Городская река» (в древности Руди-зар — «Золотая река»). Канал этот выведен из Зеравшана на расстоянии нескольких километров от города и протекает по искусственному насыпному руслу, возвышающемуся над прилегающей местностью⁷. В самом незначительном количестве вода поступала в город из арыков, протекавших вне города (Захкаш, Наумитан); она шла через небольшие трубы, проложенные в толще городской стены⁸.

Ввод канала Шахр-руд находился несколько южнее Мазарских ворот. Он представлял собой довольно большое отверстие, пролежавшее под городской стеной и забранное решеткой, препятствовавшей человеку проникнуть оттуда в город. Канал перерезал городскую территорию по диагонали на две почти равные части и выходил из города около ворот Талипоч. Почти вся вода канала расходовалась в городе, при выходе он имел вид небольшого арыка. Русло канала было довольно глубоким. Та часть его, которая приходилась на самые людные районы города, — его торговый центр, располагавшийся около пассажа Токи саррофон и к востоку и западу от него, — была перекрыта, так что канал протекал по подземному руслу (тазар). Из жилых зданий, расположенных здесь, — караван-сараев, медресе и, вероятно, из некоторых жилых домов в туннель вели специальные ходы, чтобы жители могли иметь доступ к воде.

Из Шахр-руда на территории города было отведено множество каналов (джуй), подававших воду в различные районы города. По данным обследования, проведенного тропическим институтом в 1925—1926 гг., от реки отходило 220 отводов.

⁵ Устное сообщение Л. М. Исаева, руководившего медицинским обследованием населения г. Бухары с 1925 по 1930 г.

⁶ Понимание этого названия как «царская» или «главная река» (шахр-руд) (см. И. Т. Пославский, *Бухара. Описание города и ханства*, стр. 46) основано на недоразумении (в этом случае по-бухарски должно было звучать «шох руд»).

⁷ И. Т. Пославский, *Бухара. Описание города и ханства*, стр. 46.

⁸ Там же, стр. 47.

Вода поступала в город периодически, в порядке водооборота, в который были включены все каналы, бравшие воду из Зеравшана. В принципе вода подавалась два раза в месяц⁹. Но время пуска и продолжительность тока воды несколько колебались из месяца в месяц, что определялось наличием воды в Зеравшане. Вот для примера данные таблицы учета пуска воды в один из крупных водоемов (хаузов) Бухары — Хаузнау в начале советского времени (конец 1925—1926 г.), когда еще сохранялся старый порядок водопользования. В течение большинства месяцев вода в хауз шла дважды: в конце первой половины месяца (10—13-го числа) и в конце второй его половины (27—30-го), причем ток воды продолжался каждый раз по три дня. Два месяца в году (в январе и мае) вода не шла совсем.

Получая воду с большими перерывами, бухарцы выработали систему сохранения ее в специальных хаузах. Хаузы имелись во всех районах города, даже на возвышенной территории шахристана. Там хаузы лежали в глубоких впадинах, питаясь через столь же глубокие арыки, имевшие вид траншей (например, хауз Ходжа калон). Устройство таких хаузов и подведение к ним арыков свидетельствовало о повышении ирригационной техники; еще в X в., по словам Истахри, шахристан был полностью лишен проточной воды.

Каждым хаузом пользовались жители нескольких расположенных поблизости кварталов. Всего в Бухаре было около сотни хаузов¹⁰. Размеры хаузов, как и их

⁹ Там же, стр. 59.

¹⁰ В статье Л. М. Исаева (Л. М. Исаев, *Ришта и ее ликвидация в Узбекистане*, — «Труды Узбекского института малярии и медицинской паразитологии», т. II, Самарканд, 1956) имеется план расположения хаузов и говорится, что на учете Института тропических заболеваний находилось около 100 хаузов. На плане Фенина их значится 80. Приводим список, составленный на основании экспликации к плану Фенина: 1) Рангрес, 2) Кози Нуриддин, 3) Хальфа Хусейн, 4) Почоходжа, 5) Булгор, 6) Рашид, 7) Шайх-шох, 8) Кутлук, 9) Гарибия, 10) Миракон, 11) Шомалик, 12) Толиб-Ходжа, 13) Хаузнау, 14) Шахри-нау, 15) Козы, 16) Джиляу-хона, 17) Мирдустум, 18) Кофилон, 19) Турсун-ходжа, 20) Ходжа-Гуйгун, 21) Мирзо Ботур, 22) Шо-араб, 23) Миракон, 24) Мирджон-кельди, 25) Бокихон накиб, 26) Ахгачи, 27) Фармонкуль-бек, 28) Мозкуш, 29) Косагарон, 30) Гармак, 31) Суфиён, 32) Сарахсиён, 33) Гоziён, 34) Гаукушон, 35) Мухаммад-ёр-атолык, 36) Арбоб, 37) Ходжа-Аспгардон, 38) Джиляу-хона, 39) Мурдашуён, 40) Табибон, 41) Шиша-хона,

благоустройство, были различны. Водоемкость всех хаузов Бухары достигала 82 580 куб. м, т. е. 6 606 376 ведер¹¹.

Сооружение хаузов было для горожан важным событием. Среднеазиатские строители разработали технику облицовки хаузов тесаными каменными плитами, которые образовывали ступени, поднимавшиеся от дна к берегам. Пользовавшиеся хаузом горожане старались сделать каменную облицовку, так как, если хауз не был облицован камнем, впитывание воды происходило особенно сильно. Организацию этой работы и довольно крупные расходы на нее иногда брала на себя казна, чаще же кто-нибудь из богатых и знатных жителей квартала, стремившихся таким образом увековечить свое имя и повысить свой авторитет. Иногда строительство производилось вскладчину, всеми жителями квартала или нескольких соседних кварталов. По сообщению старожиллов квартала Кош-мадраса, облицовка хауза Мир-Дустум была произведена за казенный счет в результате хлопот знатного и влиятельного жителя квартала — Кози Бадриддина. Хауз Рашид был облицован мрамором на средства богатого афганского купца, торговавшего с Бухарой и постоянно здесь проживавшего; хауз Шейх-шох в одноименном квартале облицовал на свои средства состоятельный житель квартала Гиёс-оксакол; хауз Кутлук благоустроил известный в Бухаре и даже в России богач, торговец каракулем, Джурабек Арабов. Хауз Бодом, находившийся в квартале Шиша-хона, был выстроен на средства населения квартала или нескольких соседних кварталов.

42) Бодом, 43) Надыр-курчи, 44) Сорвоно, 45) Кульмахмад-хаджи, 46) Зиндафиль Ахмади Джоми, 47) Ахмад-дорго, 48) Ок-мачит, 49) Хазрат-Аюб, 50) Кози-Файзи, 51) Шер-Мухаммад-джувозкан, 52) Назарча, 53) Буйробоф, 54) Олим-ходжа, 55) Шукур-бий-кусоч, 57) Мирзо-Гафур, 58) Кози-калон, 59) Ходжа Зайниддин, 60) Лесак, 61) Девонбеги, 62) Чуббоз, 63) Чарбакколи, 64) Кошуки, 65) Ходжа-Нуробод, 66) Халоль, 67) Мурдор, 68) Ойбинок, 69) Калобод, 70) Ходжа-Хасан, 71) Ходжа-Таббанд, 72) Кучабог, 73) Дилькушойи дарун, 74) Джафар-ходжа, 75) Мулло Ашур, 76) Шариф-бой-бинни, 77) Карокамоль, 78) Джуйи-чаппа, 79) Мир-Тахури-девон, 80) Чордора.

¹¹ Данные Института тропических заболеваний, дело «Общая ведомость площади и кубатуры хаузов, г. Старая Бухара», 1928 (?) г. В составляющей эту ведомость таблице значится 97 хаузов.

Наряду с хорошо разработанной техникой строительства хаузов в Бухаре сложилась и система доставки воды горожанам: это делали водоносы-профессионалы, разнесившие воду в специально выделанных мехах (машк).

Помимо хаузов источниками воды в Бухаре были колодцы. Они не были равноценны: значительная часть их давала горько-соленую воду, непригодную для питья. В других вода была довольно хороша на вкус. Однако колодезная вода считалась бухарцами менее вкусной, чем хаузная, и менее полезной. Поэтому даже те семьи, в домовладении которых был колодец с пресной водой, наряду с ней пользовались и водой из хауза. По данным Тропического института, в Бухаре было 309 колодцев, из них с водой, годной для питья, — 146. Особенно много колодцев имлось в слободах, населенных евреями: в Новой Махалле было 123 колодца¹². Интересно отметить, что в использованном документе не указано колодцев на территории древнего шахристана. Между тем один из кварталов этой части города носил название Чохизанджир («Колодец с цепью») и, по сообщениям старожилов, там находился колодец, который считался среди народа самым старым колодцем города¹³.

Территория. Город Бухара представлял собой неправильной формы территорию, вытянутую с запада на восток, с довольно значительно выступающим к юго-западу участком. Ее размеры стали известны в науке еще в первой половине XIX в. Этот вопрос наряду со многими другими был освещен Н. Ханьковым, который сообщил, что площадь, занимаемая городом, равняется 1 564 875 кв. саж., или 1739 танапам¹⁴. В конце XIX в. появилась возможность уточнить эту цифру. Н. Ф. Сит-

¹² Дело «Учет колодцев гор. Старая Бухара 12/II 1926 г.» Архив Института тропических заболеваний.

¹³ Возможно, в момент учета колодцев Института тропических заболеваний этот колодец уже не функционировал, почему и остался вне регистрации.

¹⁴ Н. Ханьков, *Описание бухарского ханства*, СПб., 1848, стр. 85. Конечно, автор не имел возможности произвести обмеры и воспользовался сообщениями бухарской администрации, переведя танапы в кв. сажени. Определяя площадь г. Самарканда в 2 280 тыс. кв. саж., или 25 335 танапов, он указывал, что, несмотря на большую площадь, Самарканд уступал Бухаре, так как в первом в отличие от Бухары не вся территория была занята жилой застройкой, — внутри стен было много садов и пашен.

няковский указывает, что по съемкам Бухара в окружности 8,8 версты, а по площади — 4 кв. в¹⁵. Эта территория определилась в своих границах строительством последней стены, осуществленным в XVI в. После того стена в целом не перестраивалась и границы города не изменялись¹⁶.

Исследование различными авторами, в том числе и автором настоящих строк, исторической топографии Бухары позволило прийти к выводу, что в результате строительства этих стен город занял территорию большую, чем когда-либо раньше. При строительстве стены XVI в. в городскую черту были включены новые участки, до того представлявшие собой пригородные селения. Именно в это время в черту города вошла вся территория к востоку от квартала Калобод и к западу от проспекта Хыёбон; на севере была включена обширная территория, простиравшаяся от обрыва, ограничивавшего шахристан; если эта территория и входила, может быть, в черту города в период более ранний, то после разрушения городских стен монголами в XIII в. она оставалась, как показало исследование, вне пределов города¹⁷. На юге в город-

¹⁵ Н. Ф. Ситняковский, *Попытки к исчислению народонаселения в г. Бухаре*, — «Протоколы заседания ТОРГО от 28.II.1898 г.», Ташкент, 1898, стр. 84.

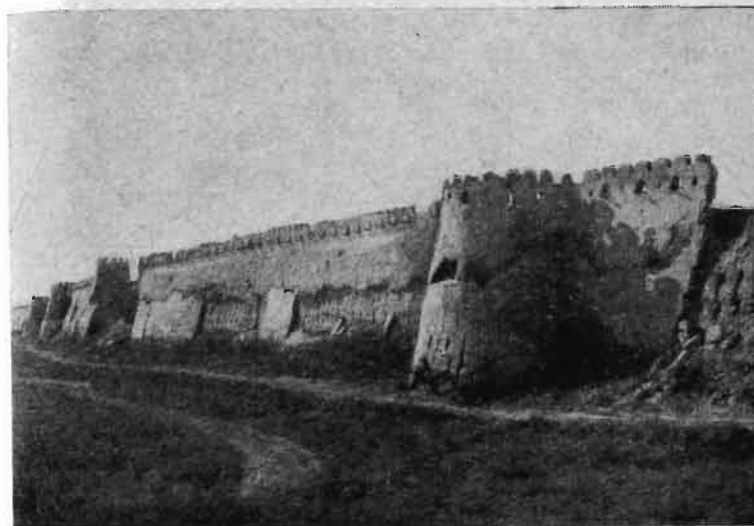
¹⁶ В позднем источнике — *تحقیات ارك بخار*, составленном уже после революции (1921—1922 гг.) и основанном на различных сведениях, собранных комиссией «Анджумани таарих», возведение последней стены приписывается Мухаммед-Рахим-хану и относится к 1754—1755 гг. См.: В. В. Бартольд, *Занятия в Туркестанских музеях и библиотеках летом 1925 г.*, — «Известия АН СССР», 1925, стр. 235. Историками эта датировка стены до последнего времени не была принята, предполагалось, что речь может идти лишь о ее ремонте.

По сообщению О. Д. Чехович, в изучавшемся ею сочинении анонимного автора (она предполагает, что это — Мухаммед Я'куб Бухори, автор известного сочинения *گاشن الملوك*) содержится рассказ о перестройке при первом мангытском правителе Мухаммад-Рахиме городской стены, разрушившейся «под ударами эпохи». Новая стена была построена «вплотную к старой стене», ее ширина в основании была 3 гяза, а окружность — 18 тыс. гязов. Постройка была закончена в 11145 г. х. (Рукопись Института народов Азии, Ленинград, РКН, В-681, л. 140, а, б).

¹⁷ О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 50—57. По наблюдению В. А. Шишкина, в этой части города встречается сравнительно мало осколков керамики и других остатков прошлой жизни человека, что подтверждает позднее вхождение этой территории в городскую черту (сообщено в личной беседе).

скую черту вошла также дополнительная площадь, хотя и менее значительная, чем в других направлениях. Некоторые пригородные селения при постройке стены оказались разделенными на две части, одна из них вошла в черту города, а другая осталась за его пределами. Так образовались внешний и внутренний Джуйбар и Дилькушо (Джуйбори дарун и Джуйбори берун, Дилькушойи дарун и Дилькушойи берун).

На топографии города и характере его отдельных частей отразилась история их постепенного включения в черту города и освоения под городскую застройку. Хотя после включения в черту города наиболее поздних частей прошло четыре столетия и за это время они оказались плотно заселены и заняты городской застройкой, в их облике сохранялись некоторые особенности, оставшиеся от того времени, когда эта территория представляла собой сельскую местность. Эти черты резко отличали их от центральных, более старых районов. На северо-восточной, западной и юго-западной окраинах располагались единственные имевшиеся в городе сады и посевные земли. В восточных кварталах (Дилькушойи дарун, Кучабог, Джафар-ходжа и др.) было много домовладений с небольшими садиками, кое-где встречались огороды, посе́вы люцерны или зерновых (ячменя), которые снимали в зеленом виде на корм скоту. Сады располагались и в западной части города; здесь находилось несколько крупных садов (чорбог) знати: так называемый сад Ботурхона, принадлежавший эмирскому гарему; сад Баротбека, существование которого на этой территории удалось проследить по документам с XVIII в., когда этот квартал, так же, конечно, как и сад, был известен под названием Чорбоги Бокихон. Эти сады-парки несомненно старинного происхождения; вероятно, они находились раньше за стенами и оказались на территории города после их перестройки. Здесь же, в кварталах, расположенных к северу от дороги, ведущей к Шергиранским воротам, находились сады меньших размеров, собственниками которых были богатые торговцы. Юго-западный угол города, далеко выдававшийся к югу и называвшийся Кунджи калъа («Угол крепости»), был занят пахотной землей, огородами, виноградниками, древесными насаждениями. В квартале Сорвоно, прилегавшем к западной стене, был занят застройкой пустырь, где держали верблюдов,

Городская стена

принадлежавших эмиру. Это было повинностью и профессией жителей квартала, что отразилось в названии квартала (сорвоно — погонщики верблюдов).

Особенностью этих частей города были дома с более просторными дворами, каких не было в центральных районах. Некоторые из этих домов принадлежали казне (хонахойи пошохи); они предоставлялись высшим чиновникам при назначении последних на должность, которая обязывала их держать лошадей для выездов вместе со свитой. Частные домовладения, расположенные на этой, самой молодой части территории, были больше по площади, иногда там росли деревья, что в Бухаре вообще было редкостью.

Чем ближе к центру, тем более повышалась плотность населения города, достигая наивысшей степени в самой древней части — шахристане. На территории последнего крохотные по площади домовладения были плотно заселены; в каждом из них в результате многократных разделов наследства ютилось по несколько родственных, но часто не очень близких, семей. В качестве примера можно привести домовладение одного из жителей квартала

Дегрез — Ахъера Ахрарова (умер в 1950 г.). В доме жила семья Ахрарова, располагавшая двумя жилыми комнатами — зимней, обращенной на север, и летней, обращенной на юг. К последней примыкала комната, принадлежавшая сначала двоюродному брату Ахрарова, потом его вдове, а после ее смерти — их сыну. Для старшей дочери Ахъера Ахрарова, которая со своим мужем жила у отца, была выстроена комната над проходом, ведущим на улицу, с выходом на суфу (высокую площадку). Рядом с зимней комнатой помещался навес, служивший кухней всем жившим здесь семьям. Кроме двух выложенных кирпичом высоких площадок перед летними комнатами и узкого прохода к воротам, свободного пространства в этом домовладении не было.

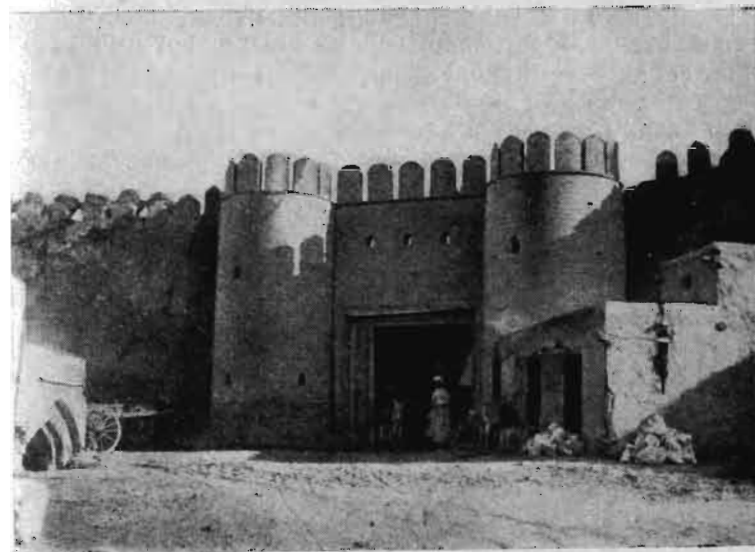
Плотность населения на территории древнего шахристана увеличивалась также и потому, что здесь находилась и большая часть торговых рядов, в которых постоянно скоплялся народ. В этой части города почти не было деревьев. Лишь во дворе нескольких мечетей росло какое-нибудь одинокое дерево, в большинстве тутовник. Деревья были также на берегах немногих расположенных в этой части города хаузов.

Территория наиболее ранней части рабада, включавшая в себя регистан, также имела своеобразные черты. Жилая застройка и здесь была очень плотной, но между домами располагалось много хаузов и среди них крупнейшие хаузы города: Ходжа Зайниддин (вероятно, один из древнейших в Бухаре), хауз Девонбеги, Гаукушон и др., которые играли большую роль в создании более благоприятного микроклимата. На их берегах росли кусты деревьев, дававших некоторую прохладу. Особенно славился в этом отношении хауз Девонбеги, берега которого, известные под названием Ляби-хауз, были излюбленным местом прогулок бухарцев.

По этой части города протекал питающий его канал Шахр-руд. Там, где он выходил на поверхность (около медресе Гаукушон), а еще больше в его открытой северо-западной части росли деревья. Росли они и на некоторых улицах города, одна из них получила по этому отличительному признаку и свое название (Куйи дарахт), известное с XVI в. В этой же части города располагалось несколько площадей и среди них огромный Регистан.

Имамские ворота

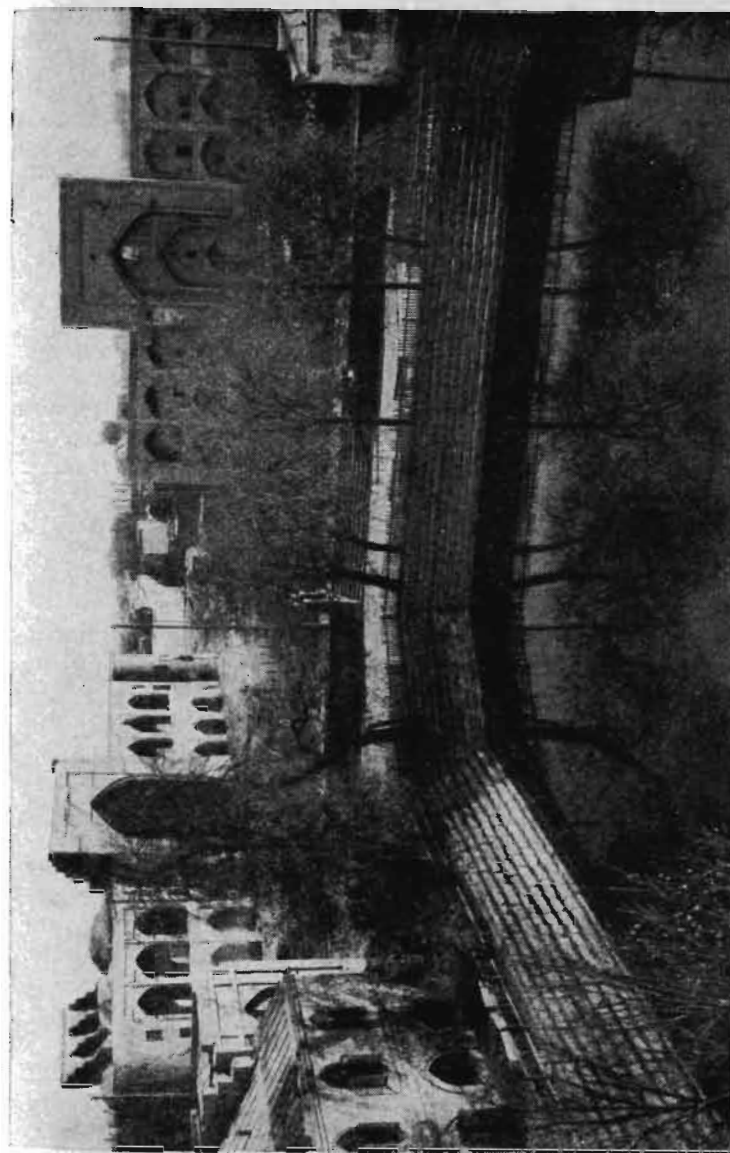

Ворота Мазари-шариф

Своеобразный облик средневекового города придавала Бухаре тщательно поддерживавшаяся городская стена (кальа). Ее основная функция — защита города от внешнего врага после присоединения Средней Азии к России и прекращения феодальных междоусобных войн потеряла всякое значение; в этот период сохранилось лишь значение городской стены в поддержании внутреннего порядка в городе — она облегчала эмирским властям полицейский надзор. Кроме того, стена поддерживалась и как некий символ нерушимости феодального строя, создавая влиявшую на умы иллюзию его незыблемости и неизменности. Стена была глинобитная; она состояла из битой глины (пахса) и увенчивалась зубцами (кунгура) — традиционный в Средней Азии способ архитектурного оформления городских стен. Возвышаясь над окружающей местностью почти на 10 м и имея в основании толщину 5—6 м, стена была протяжением около 12 км¹⁸. В стене было одиннадцать ворот¹⁹. Они располагались в следующем порядке (начиная с восточной стены): Мазори-Шариф, Карши (или Каволя), Саллях-хона, Намозгох, Шайх-Джалоль, Карокуль, Шергирон, Талипоч, Углон, Хазрат-имом, Самарканд. Ворота распределялись по стене неравномерно; неодинаково было и их значение. Местоположение каждого ворот и их роль определялись теми дорогами, которые проходили через них, соединяя город с остальным миром: ворота Карши, Самарканд и Карокуль получили названия по одноименным городам, с которыми Бухара имела постоянную связь; это были ворота наиболее важные, через них шло основное движение. В изучаемый период особенное значение получили Каршинские ворота, к которым была подведена железнодорожная ветка, связывавшая Бухару с Туркестаном и дальше — с Россией. Через Углонские ворота пролегал путь на Рометан. Ворота Саллях-хона, Шайх-Джалоль, Шергирон, Талипоч и Углон соединяли город с близлежащими селениями. Движение через них было сравнительно небольшое. Ворота Мазори-Шариф и

¹⁸ См.: И. Т. Пославский, *Бухара. Описание города и ханства*, стр. 48—52; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, *Бухара*, М., 1949, стр. 12; Л. И. Ремпель, *Из истории градостроительства на Востоке*, — сб. «Искусство водчих Узбекистана», Ташкент, 1962, стр. 220.

¹⁹ Распространенное в Бухаре мнение, что раньше ворот было 12, по-видимому, не имеет оснований.

Ляби-хауз

Намозгох соединяли город с наиболее популярными местами культа: первые вели к главной бухарской святыне — мазару Ходжа Баховаддина Накшанда, куда постоянно шли паломники и где ежегодно в течение месяца, в период «Праздника красной розы» (Иди гули сурх), происходили народные гулянья и ночные базары. Через вторые ворота шел путь к месту праздничного намаза — Намозгох, куда в годовые мусульманские праздники — рамазан и курбан — сходилась все мужское население города. К важному, а в прошлом к важнейшему бухарскому мазару — могиле имама Абухафси Кабира — вели ворот Хазрат-имам. Конечно, роль последних трех ворот не ограничивалась только тем, что через них шла дорога к местам культа; отсюда проходили также и дороги, ведущие к более отдаленным пунктам: через Имамские ворота шло довольно оживленное сообщение с северной частью сельской округи Бухары, а из Мазарских — одно ответвление дороги шло в сторону Самарканда, другое вело к мазару.

Различным назначением ворот объяснялось то, что некоторые из них (например, Мазарские и Каршинские, Саллях-хона и Намозгох) находились на недалеком расстоянии друг от друга. Длинная глухая стена шла там, где не проходили дороги; таково было довольно большое расстояние от Самаркандских до Мазарских ворот и от Каршинских до ворот Саллях-хона.

Ворота были оформлены привратными сооружениями (дарвозахона), архитектурно однотипными, отличавшимися друг от друга незначительными деталями. Их парадная, лицевая сторона была обращена к наружной стороне города; возвышавшиеся по обеим сторонам ворот импозантные башни с внутренней стороны (со стороны города) были полыми. Ворота были двустворчатые, массивные. Они открывались с рассветом и закрывались на замок с наступлением темноты. У ворот находилась привратная стража.

Перед некоторыми воротами и со стороны города и с наружной стороны располагались торговые лавки и небольшие базарчики, что дало название некоторым из прилегающих кварталов (Чорбакколи дарвозайи Самарканд, Чорбакколи дарвозайи Углон). Перед некоторыми воротами вне города помещались караван-сарай, в которых могли остановиться путники, не успевшие войти в город

Водоносы

до закрытия ворот. От ворот к центру города шли основные магистрали города, соединявшиеся между собой второстепенными улицами, от которых отходили мелкие улочки, переулки и тупики, ведущие в жилые кварталы и к отдельным группам домовладений. Улицы были очень узки. Даже на основных магистральных местах не могли развезаться две арбы. Второстепенные улочки и переулки были приспособлены только для пешеходов. Вследствие того что в Бухаре многие дома, в особенности в центральных районах, строились в два этажа, эти улочки походили на глубокие ущелья. Тот вид улицы, кото-

рый позже сделался традиционным для среднеазиатских городов, — улицы, по обеим сторонам которой идут арыки с текущей водой, обсаженные рядами деревьев, — сложился сравнительно недавно. Он был очень удачно найден при строительстве русских частей городов колониального Туркестана и лишь после Октябрьской революции широко распространился не только в городах, но и в современных сельских местностях.

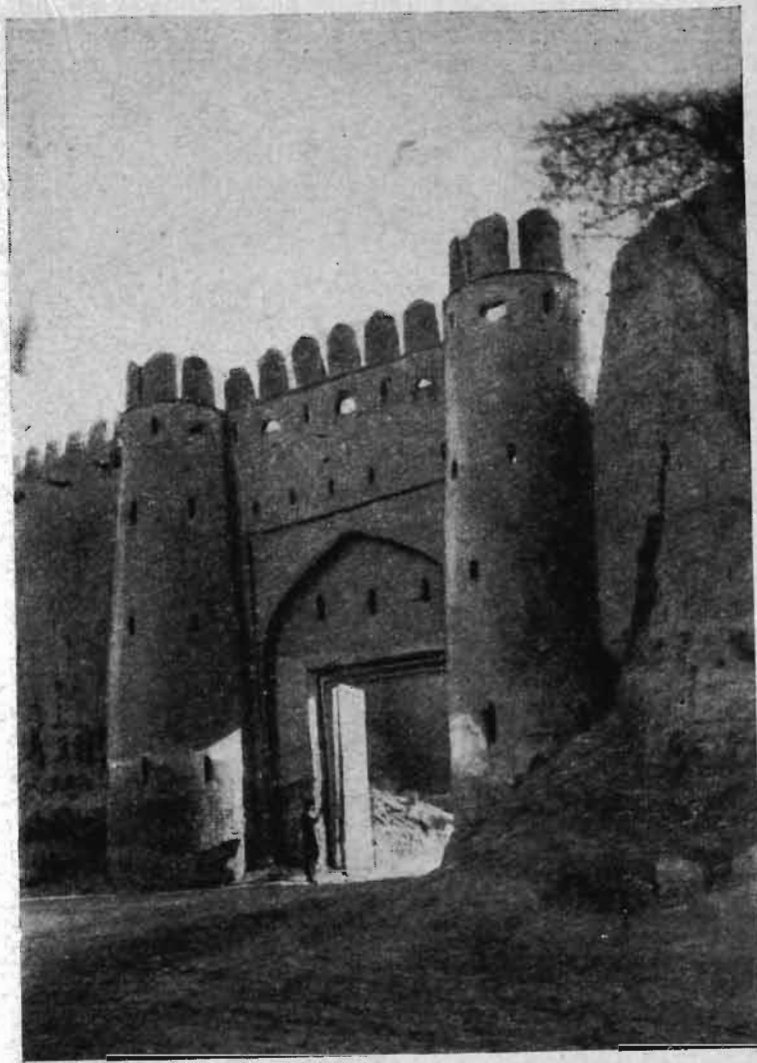
Особый тип бухарских улиц представляли крытые улицы, имевшие навес (собот), защищавший пешеходов от дождя, снега и летнего зноя. Такие навесы устраивались лишь там, где находились торговые ряды, что создавало условия, более располагавшие к торговле. Крытые улицы были в основном в центре города, где они имели значительную протяженность. Меньшие участки таких улиц находились и в других местах: крытой была, например, улица, ведущая к воротам Шергирон.

Улицы не имели, как правило, одного названия на всем своем протяжении: если даже они тянулись сплошной линией от ворот города к центру и дальше, отдельные участки одной улицы назывались либо по расположенным здесь торговым рядам, либо по тому кварталу, в состав территории которого этот отрезок входил. И сам квартал (гузар), в сущности говоря, представлял собой улицу, со всех сторон окруженную выходящими на нее (либо прямо, либо через переулки и тупички) домовладениями. Лишь одна улица — проспект Хыёбон, — тянувшаяся от архитектурного комплекса Куш-мадраса прямо на юг, почти до ворот Шейх-Джалоль, носила единое название, хотя по ее сторонам находилось множество кварталов, а вдоль нее тянулись торговые ряды.

Внутри кварталов кое-где были переулки, носившие особые названия, утвердившиеся за ними по их населению: Кучайн (кучи) узбако («Улица узбеков») в квартале Хаузи баланд; Кучайн чодирдузон («Улица мастеров по изготовлению палаток») в квартале Кукалтош; Шуллюкчихо («Пиявочки») в квартале Тукумдузи и некоторые другие.

Улицы, на которых были расположены торговые ряды, носили специальное название — «раста» (растайн баззон — ряды торговцев фабричными тканями — и т. п.).

Рынки. Важнейшее значение в структуре Бухары имели рынки. Бухарские базары отличались своей величи-

Самаркандские ворота

ной, что было отмечено еще путешественниками начала XIX в.²⁰ Они еще больше развились в конце XIX — начале XX в., когда торговля Бухары, как и Средней Азии в целом, выросла во много раз, что сказалось на росте городов и их рынков²¹.

Бухарские базары складывались из торговых рядов, специальных зданий-пассажей (тим и ток), площадей, на каждой из которых производилась торговля определенными товарами, и караван-сараев²². В последних располагались иногда специальные торговые ряды, где производилась розничная торговля (например, торговля обувью), чаще же здесь совершались крупные торговые сделки купцами, которые имели собственные или брали в аренду отдельные кельи караван-сарая, превращая их в свои конторы.

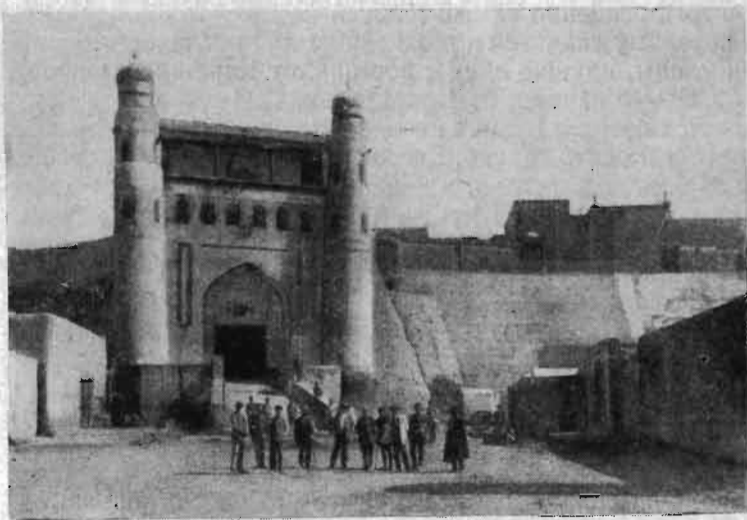
Характерной чертой планировки среднеазиатских городов было размещение торговых центров на перекрестках главнейших улиц и оформление их воздвигнутым на этом месте купольным зданием-пассажем, через который проходили улицы, а в самом здании размещались торговые лавки. Такой пассаж отмечал собой торговый центр в Самарканде, в Шахрисябзе; в Бухаре пассажей было пять, что свидетельствует о размахе бухарской торговли и благоустройстве рынков этого города. Для обозначения таких зданий в Самарканде и Шахрисябзе употреблялся термин «чорсу» (перекресток), в Бухаре — ток (арабское طاق — арка, свод).

Три главных пассажа Бухары — Токи заргарон, Токи тельпак и Токи саррофон — соединены между собой улицей. Они представляли собой действительно торговые

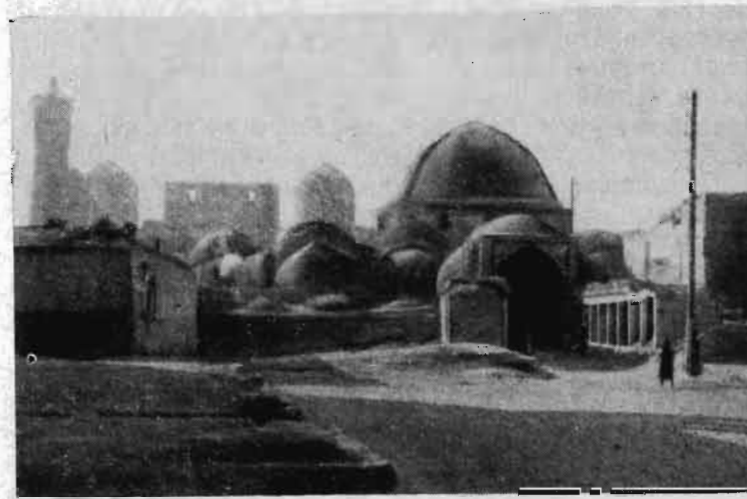
²⁰ Это отметил, например, бывший в Бухаре вместе с Н. Ханыковым А. Леман (М. М. Соловьев, *Экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг. при участии натуралиста А. Лемана*, М.—Л., 1936, стр. 75).

²¹ Ср. например, рост г. Карши в двух его описаниях, сделанных в разное время после присоединения Средней Азии к России: И. И., *Город Карши*, — «Туркестанские ведомости», 1879, № 24, 25 и Б. Л., *Карши*, — «Туркестанские ведомости», № 114, 115, 116. Также О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 113.

²² Для описания бухарских рынков и торговли основой послужили материалы М. С. Юсупова, бухарца по происхождению, который хорошо знал торговый мир Бухары, будучи сыном торгового агента фирмы Эмиля Цинделя (материал собирался им в 1949 г. по поручению Института истории и археологии, — по программе и заданию автора настоящих строк).

Вход в арк

Торговый пассаж Токи заргарон

центры, особенно самый южный из них, Токи саррофон, к которому сходятся и важнейшие для последнего времени улицы, идущие одна с востока, от Каршинских ворот, другая — с запада, от Каракульских. Именно этот перекресток носил в Бухаре название чорсу. Это был главный торговый центр города. Здесь сплошной линией размещались торговые ряды и караван-сарай, не оставляя места для жилых домов. Кроме этих трех в Бухаре было еще два пассажа поменьше, тоже купольных: Токи тиргарон помещался неподалеку от Регистана, у южной стены арка, а Токи аллофи — на северо-западной оконечности Регистана, где был мучной базар. Через эти два пассажа дорога проходила только в одном направлении — перекрестка здесь не было. Время постройки двух последних пассажей неизвестно; сейчас они больше не существуют: они пришли в ветхость и после революции были разобраны. Три первых были возведены в XVI в., при Абдуллахане. Они сохранились до нашего времени и хорошо реставрированы. Забота об их поддержании проявлялась и со стороны эмирских властей. По сообщению одного из лучших бухарских зодчих — Усто Маджида Салихова (1852—1950), во время правления Ахад-хана он руководил работами по реставрации сильно разрушившегося пассажа Токи-саррофон, который был почти полностью перестроен. Пришлось разобрать и заново сложить весь купол; старые стены остались нетронутыми только на высоту человеческого роста²³. Это доказывает, что лучшие мастера нашего времени прекрасно владели техникой кладки весьма сложных купольных конструкций.

Первоначальное назначение каждого из пассажей определялось их названием. Однако к изучаемому периоду эти названия перестали полностью соответствовать использованию пассажей. В Токи заргарон — пассаже ювелиров — ювелиров не было; их ряды примыкали к восточному выходу из пассажа, по обеим сторонам улицы, ведущей к медресе Улугбека и Абдул-азиза. В пассаже располагались лавки мясников (кассоб) и мелочные лавки (баккол), в которых продавались все приправы, нужные для приготовления пищи (морковь, лук, горох и т. д.).

²³ Это сообщение подтвердил и другой известный бухарский мастер — почетный академик, лауреат Государственной премии Усто Ширин Мурадов.

Улица в торговой части города

Северо-западная часть пассажа была занята под склады торговцами ковров. В этом же пассаже находилось несколько лавок фабричных тканей. Токи-тельпак был самым крупным пассажем. Часть его занимали торговцы тюбетейками (каляпушфуруши) и меховыми шапками (тельпакфуруши). Здесь же, в нишах, образуемых стрельчатыми сводами боковых перекрытий, размещались в одной стороне торговцы письменными принадлежностями и книгами, в другой — одеялами; часть пассажа занимали менялы (сарроф), которых здесь и на прилегающей улице было до 40 человек. Вдоль северного прохода размещались торговцы ножами. Мастерские ножовщиков находились здесь же, но вне пассажа. Токи саррофон — пассаж менял — также сохранил свое название от прошлых времен. В изучаемый период здесь торговали шелковыми платками (руймольфуруши); ряды не умещались в здании и продолжались вдоль улицы, ведущей к арке. Пассаж Токи тиргарон, где, как показывает название, когда-то помещались мастера по выделке стрел, в изучаемый период был занят лавками торговцев сит-

цем (читфуруш). Только пятый пассаж — Токи аллофи использовался в полном соответствии со своим названием — под торговлю мукой.

В состав бухарских базаров входили также особые торговые сооружения — тимы. Среди них главное место занимал обширный тим Абдулла-хана, выстроенный в XVI в. при этом правителе и сохранившийся до наших дней. Тим — большое, образующее замкнутый прямоугольник многокупольное сооружение, вдоль стен которого размещалось около ста небольших деревянных лавок в виде шкафов, называемых в Бухаре «сандука». Товары располагались на полках, занимавших все стены лавки, а внизу, под сиденьем, представлявшим собой небольшое возвышение (суфа), находился маленький склад для запасного товара. В тим вело пять узких проходов, из которых три открывались на основную уличную магистраль. В тиме Абдулла-хана торговали самыми дорогими тканями: парчой, бархатом, шелками, а также фабричными белыми тканями (мадепаламом, бязью). Второе место занимал Белый тим — Тими сафед. Здесь продавались ткани, необходимые для похоронного обряда; так как главное место среди них занимали белые ткани для саванов, то тим получил название «белого». В тиме продавались также и цветные бумажные ткани (ситец и пр.), которые покупали для раздачи в виде отдельных кусков (йиртиш) пришедшим на похороны. Здесь же торговали тонкой кисеей (докайи гуломджони), которая предназначалась для белых женских головных платков, входивших в траурный костюм близких родственниц умершего²⁴. Более дешевые ткани того же назначения продавались в особом каркасном здании (тимчайи чубин), помещавшемся за пассажем Токи тиргарон.

Крытая улочка в виде длинного коридора, отходившая от Белого тима и называвшаяся «тимча», также была занята под торговлю тканями: здесь продавались шелковые и полушелковые ткани кустарной работы (алоча, бекасаб, адрас, канаус). Вдоль стен тянулись возвышения с деревянными лавками, которых здесь было около пятидесяти. Улочка представляла собой как бы отдельное здание; поперек входа в нее были укреплены на вы-

²⁴ В прошлом головной убор из белых платков носили все женщины, впоследствии он сделался старушечьим и траурным.

Крытая улица

соте 50 см от земли бревна, которые преграждали путь верховым. Товаров здесь на ночь не оставляли: по окончании торговли каждый хозяин лавки укладывал их в тюки или сундуки, которые переносились на ночь в соседний Белый тим, где имелся специальный сторож (тим-бон).

Торговые ряды (раста) Бухары поражали не столько своей протяженностью, сколько плотностью размещения лавок (дукон). Крошечные лавки располагались вплотную друг к другу по обеим сторонам улиц. На улице, отходящей от пассажа Токи-саррофон в сторону арка, помещалось до 150 лавок, где продавались бумажные фабричные ткани (читфуруши). 30 мануфактурных лавок располагалось на другой улице этого же района города; их хозяевами были по большей части местные евреи. Далее шел ряд атласфуруши, где торговали шелковыми тканями, местными и привозными, в том числе и фабричными

(атласом, бархатом, парчой, шелками) — этих лавок было 40. В другом ряду, тут же, неподалеку, находилось 25 лавок, в которых продавалась шелковая алача. Размещение мануфактурных рядов в различных местах (что нарушало установившийся порядок — сосредоточивать торговлю одним видом товаров в одном месте) является более поздней попыткой удовлетворить потребность в тканях, сильно возросшую в XIX в., в особенности в его конце, и в начале XX в.

Многочисленны были также лавки, специализированные на торговле другими товарами: около полутора сотен лавок находилось в рядах москательщиков (аттори), среди которых многие были лекарями (таиб) и здесь же готовили свои лекарства. Торговцы фарфоровой посудой располагали 60—70 лавками, 40—50 лавок образовывали чайный ряд, а всего в разных местах города их было около сотни. Неподалеку от пассажа Токи-тельпак находился кондитерский ряд (хальвогари), состоявший приблизительно из 50 лавок. Дальше, вдоль западного подножия арка, располагался ряд медников, где было 60 лавок-мастерских, в которых изготовлялись и продавались металлические изделия. Даже книжных лавок в начале второй половины XIX в. в Бухаре было 26²⁵. Примерно столько же отмечено их и для конца XIX в., когда они помещались в тиме Абдулла-хана и в отдельных помещениях на прилегающих улицах²⁶.

Кроме крупных базаров, компактно занимавших центральную часть города, в Бухаре было много более мелких рынков. Они помещались у медресе Гаукушон (бозори Ходжа), в квартале Гозиён, в районе квартала Пухтабфон и Хаузи-нау в Джуйбаре, на Хыёбоне, в квартале Хаузи баянд неподалеку от ворот Шергирон, в кварталах Мир-Дустум и Бозори нау, у хауза Лесак, где продавалась птица (куры, голуби, куропатки, перепела). Небольшие базары имелись у всех городских ворот как внутри города, так и снаружи. Особенно значителен был внутригородской базар перед Самаркандскими воротами; там были хлебные и мясные лавки, мастерские подковочников, лавки торговцев фабричными тканями, красильные мастерские (рангреси).

²⁵ А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, М., 1865, стр. 89.

²⁶ «Бухарский книжный рынок», — «Туркестанские ведомости», 1870, № 62.

Торговыми помещениями были заняты и все площади города. Регистан был вторым торговым центром Бухары, имевшим, однако, значение лишь для внутригородской торговли. Здесь размещались в основном торговцы съестными припасами и готовыми пищевыми изделиями. Здесь же были ряды хлебников (нонвой). Хлеб (в виде лепешек самого различного сорта) доставлялся сюда на осликах и в ручных корзинах из пекарен, находившихся в более отдаленных кварталах. Особенно много было на Регистане лавок мясников — число их приближалось к двум сотням. Как говорят, за день на регистанском базаре продавалось до 150—200 бараньих туш. Они доставлялись сюда с бойни, которая находилась за воротами Саллях-хона. Однако туда бойня была перенесена значительно позднее. С. Айни описывает бойню, находившуюся около медресе Мир-Араб, Кукалтош и в других самых людных, центральных частях города²⁷. В день Нового года (соли нау) по обычаю украшали лавки, расположенные на Регистане, — вероятно, эта традиция была связана именно с торговлей съестными припасами, усиленно потреблявшимися в дни праздников. Лавки украшались коврами и вышивками, вечером зажигались огни (чирог), ставились палатки (чодир).

К Регистану примыкал ряд торговцев мылом и свечами — те и другие вместе имели 120 лавок. Тут же был расположен фуражный рынок (бозори алаф), где торговали свежей и сухой люцерной²⁸. В не столь отдаленные времена к Регистану примыкал и базар, где продавали баранов: на это указывает название медресе, которое располагалось к северо-востоку от арка — «Мадрасайи бозори гусфанд» (медресе на бараньем базаре). Медресе было выстроено во второй половине XVII в., при Абдул-Азиз-хане²⁹. Тогда же, вероятно, бараний базар был вы-

²⁷ С. Айни, *Воспоминания*, пер. Л. Розенфельд, М.—Л., 1960, стр. 106—107. По-видимому, еще в XVI в. мясные ряды и бойни находились в квартале Гаукушон, название которого (а также название построенного здесь медресе Гаукушон) известно с этого времени.

²⁸ В «Истории Бухары» Наршахи говорится, что западные ворота арка «ко времени перевода этой книги... стали называть воротами продавцов сена». (М. Наршахи, *История Бухары*, стр. 34). Ссылка свидетельствует, что эти строки принадлежат не Наршахи, а Ахмаду Кубави.

²⁹ В. А. Шишкин, *Города Узбекистана*, Ташкент, 1943, стр. 27.

несен за городские стены; в изучаемый период он находился около ворот Намозгох. Конский базар располагался также вне города, за Самаркандскими воротами.

Под торговлю была занята не только площадь Регистана. На высокой площадке между Большой мечетью (Мачити Калон) и медресе Мири-Араб раньше располагался хлопковый базар (бозори гуза) и базар коконов (бозори пилля)³⁰; позже они были перенесены на окраину города, к Самаркандским воротам. Вокруг большого минарета (Таи мунор) велась торговля кустарной хлопковой пряжей и бумажными кустарными тканями.

На площади, образовавшейся за обрывом, которым кончается на севере шахристан, у проезжей дороги, ведущей к Самаркандским воротам, находился лесной базар (бозори чуб или бозори дар), где продавался строительный лес и размещались мастерские деревообделочников, изготовлявших двери (дарсоз); сюда приносили готовые двери мастера и из других кварталов. Здесь же делали и продавали арбы.

В Бухаре было много базарчиков, где шла торговля кипячеными сливками (бозори каймоқ). Употребление их в пищу было специфической чертой пищевого рациона бухарцев. Жители окрестных селений рано утром доставляли этот товар в город в больших и маленьких чашках (коса, пиёла).

В расположении торговых рядов или мест торговли определенными товарами отразилось наследие более или менее далекого прошлого. Многие торговые центры в конце XIX — начале XX в. были расположены там же, где они сложились когда-то; так, фуражный рынок возник в XII в.³¹, как и размещение рядов аттаров у мечети Магоки аттори, неподалеку от которых находились ворота шахристана, получившие (по-видимому, тоже в XII в.) название ворот Атторон³². Древней традицией объясняется нахождение в самом сердце города — на территории шахристана — торговых рядов и мастерских металлистов. Кузнецы, ножовщики и игольщики в изучаемый пе-

³⁰ Этот базар описал С. Айни (см. «Воспоминания», стр. 290 и 304—305).

³¹ См.: О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 58—59.

³² См.: М. Наршахи, *История Бухары*, стр. 60; О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 17—20.

риод помещались на том месте, где когда-то находились ворота Охангарон³³, которые были, возможно, воротами самого раннего рабада. Нам кажется, что также старой традицией объясняется размещение на территории самой старой части города — под большим минаретом — торговли кустарными бумажными ткацкими, наиболее традиционным в прошлом видом текстильных изделий.

Вместе с тем по историческим и этнографическим источникам прослеживаются многочисленные факты перенесения торговли теми или другими товарами на новое место. Так, старые мастера — плетенщики циновок вспоминают рассказы своих отцов и дедов — это отражено и в документах, — что место торговли циновками было раньше в центральном районе города, около пассажа Токи-гельпак, откуда оно было перемещено в квартал Буйробофон, где циновки производились в XIX—XX вв. В конце XIX в. из центра города на окраину, к Самаркандским воротам, переместилась продажа хлопка и коконов. Причиной перемещения, вероятно, было то, что при значительном расширении этой отрасли торговли прежнее место сделалось слишком тесным. Переместились ряды менял-саррофов, потеснились ряды продавцов головных уборов в пассаже Токи-гельпак и т. п.

Перемещения, с одной стороны, с другой — сохранение многих рядов на их старом месте характеризует многовековой процесс постепенного формирования бухарского рынка. В этом процессе отражались противоречивые тенденции: тенденция сохранения старых традиций, сталкивавшаяся с необходимостью приспособления рынка к новым задачам, возникавшим по мере изменений торговых связей и торгового значения как бухарского рынка в целом, так и его отдельных специализированных частей. Приведенные далеко не полные данные свидетельствуют о значительном развитии и сравнительном благоустройстве бухарского рынка. Он складывался на протяжении многих веков; его планировка была хорошо приспособлена для нужд торговли, причем учитывались не столько удобства жителей города или самих торговцев, сколько необходимость обслужить покупателя.

Караван-сарай. Важнейшее место в торговой части феодального города, как среднеазиатского, так и перед-

³³ О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 21.

неазиатского, занимали караван-сарай. Их число, специализация, размещение на территории города, характеристика их хозяев в какой-то мере отражали жизнь народа.

Караван-сарай отмечены еще в исторических источниках X в. Наршахи неоднократно упоминает о наличии в городах постоянных домов (рабат)³⁴, в которых могли останавливаться путешественники. Такие помещения имелись и в торговых селениях, каким был во времена Наршахи Искиджат³⁵, и в самом городе Бухаре; так, Наршахи говорит о рабате, построенном Исмаилом Самани в Бухаре, у Самаркандских ворот, внутри города³⁶.

Число караван-сараяев отражает уровень торгового значения города; их число росло с развитием торговли. По числу караван-сараяев среди всех среднеазиатских городов особенно выделялись Ташкент и Бухара, причем Бухара занимала первое место; остальные города не шли с ними ни в какое сравнение. В Kitabе конца 60-х годов XIX в. было всего три караван-сарая, в Шахрисябзе, торговом центре этого района, — семь³⁷. К началу XX в. число караван-сараяев Шахрисябза выросло в четыре раза и достигло 28³⁸; в Хиве начала XX в. Масальский отмечает всего «несколько» караван-сараяев³⁹. В Ташкенте конца XVIII в. отмечено 13 караван-сараяев⁴⁰, к началу XX в. их число увеличилось до 45⁴¹.

Рост числа караван-сараяев г. Бухары за последнее столетие без труда прослеживается по различным источникам. Первые, правда неполные, сведения о бухарских караван-сараях нам дает Филипп Ефремов, сообща

³⁴ Переводчик Наршахи Н. Лыкошин переводит этот термин رباط как «гостиница», «постоялый двор». Употребляющийся в современном языке термин «караван-сарай» (корвон-сарой, в Бухаре — сарой) является таджикским эквивалентом арабского «рабат».

³⁵ М. Наршахи, *История Бухары*, стр. 22.

³⁶ Там же, стр. 23.

³⁷ А. Кун, *Очерки Шегрисябского бекства*, СПб., 1880, стр. 24. 29.

³⁸ В. И. Масальский, *Туркестанский край*, СПб., 1913, стр. 666.

³⁹ Там же, стр. 752.

⁴⁰ А. К. Гейнс, *Управление Ташкентом при какандском владычестве* (см. А. И. Добросмыслов, *Ташкент в прошлом и настоящем*, Ташкент, 1912, стр. 74).

⁴¹ А. И. Добросмыслов, *Ташкент в прошлом и настоящем*, стр. 185.

Узкая улочка жилого квартала

только о караван-сараях на центральном базаре (Чарцу); он пишет, что их там было четыре, «все каменные», т. е. из жженого кирпича⁴². Один из участников русской миссии 1820 г. отметил, что во всем городе 13 «каменных» караван-сараяв⁴³. Н. Ханыков (1841—1842 гг.), выяснив этот вопрос досконально, с присущей ему внимательностью, привел сведения, которые мы можем считать очень точными: он утверждает, что в его время было «всего в Бухаре караван-сараяв 38, из них 24 каменных и 14 деревянных (т. е. каркасной постройки, бух. «чубин»)»⁴⁴.

Большая разница между цифрами, указанными наблюдателями 1820 г. и Н. Ханыковым, объясняется усилением за это время торговой деятельности среднеазиатского населения вообще и бухарского в частности. Страна все больше оправлялась от разрухи середины XVIII в., расширились торговые связи, а вместе с тем росло и число караван-сараяв. Этот рост отмечен также и в Ташкенте. В Бухаре к началу XX в. число караван-сараяв превысило уже шесть десятков⁴⁵, далеко оставив за собой в

⁴² Филипп Ефремов, *Девятилетнее странствование*, М., 1950, стр. 26.

⁴³ «Русские в Бухаре в 1820 г. (записки очевидца)», — «Оренбургские ведомости», 1870, стр. 25—26.

⁴⁴ Н. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 88. А. Вамбери (1863 г.), сообщивший, что в Бухаре 30 караван-сараяв, вероятно, учел не все. (А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, стр. 181). Подробное описание караван-сараяв Бухары дал Виткевич (см.: М. М. Соловьев, *Экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг. при участии натуралиста А. Лемана*, стр. 80 и др.).

⁴⁵ На плане капитана Фенина (начало XX в.) и в экспликациях к нему указано 60 караван-сараяв. По разрозненным данным, собранным М. С. Юсуновым, число их превышало семь десятков. Многие из них им более или менее подробно описаны. В его материалах упоминаются следующие караван-сараны: 1) Саройи Джаннат-макони, 2) Саройи домулло Шер, 3) Саройи Хаким-ойим, 4) Саройи Ходжа калон, 5) Саройи подшохи или Саройи кушбеги (он же Саройи Кози-калон), 6) Саройи шонатароши, 7) Саройи Мирзогуль, 8) Саройи Карши, 9) Саройи сандук, 10) Саройи Мататилло, 11) Саройи Бадреддин, 12) Саройи чити-чатти, 13) Саройи Гуломджон, 14) Саройи лятта, 15) Саройи Сайфиддин, 16) Саройи Баррикухна, 17) Саройи Рашид, 18) Саройи Джурабек, 19) Саройи Худжайи хурд, 20) Саройи Хинди, 21) Саройи Барри нау, 22) Саройи кушбеги, 23) Саройи Синдиль (Циндель), 24) Саройи нугай, 25) Саройи корвои-боши, 26) Саройи Капков (раньше — саройи Хинди), 27) Саройи Абдуллоджон, 30) Саройи Урганч, 31) Саройи сангин, 32) Саройи сандук, 33) Саройи Авеждааль, 34) Саройи чинни, 36) Саройи Улуф-бек, 37) Саройи Ахмади калла, 38) Саройи

Караван-саран

этом отношении даже такой крупнейший торговый центр, как Ташкент.

В архитектурном отношении караван-сарай представляли собой здания, нередко капитальной постройки, из жженого кирпича, в Бухаре обычно двухэтажные; их окружал более или менее обширный двор, иногда с навесами и подвалами, служившими для складывания товаров. Часть двора, а иногда отдельный двор предназначались для содержания верховых и вьючных животных. Здания караван-сараяв состояли из отдельных, обычно небольших комнат-каморок, напоминавших кельи медресе и называвшихся, как и последние, кельями (худжра). Эти кельи служили жильем для обитателей караван-сарая.

Обычное понимание караван-сарая как места остановки приезжих купцов и складывания товаров не охватывает всех функций этого сложного, своеобразного учреждения. Кельи в караван-сараях занимали и приезжие, искавшие временного приюта, и те, кто жил в Бухаре постоянно; большую часть худжр бухарских караван-сараяв снимали местные торговцы, которые использовали их под свои конторы или склады товаров, а нередко и под холостую квартиру, где они могли отдохнуть от семейной обстановки, встретиться с друзьями, приятно провести время. Часть келий занимали под свои мастерские ремесленники.

Многие караван-сарай принадлежали или служили постоянным приютом торговцам, приезжавшим из опре-

Аёз, 39) Саройи Фатхуллоджон, 40) Саройи Бадалбек, 41) Саройи пушаймон, 42) Саройи шакар, 43) Саройи Козикалон или Саройи чой, 44) Саройи мулло Остон, 45) Саройи урганджи, 46) Саройи Зохиiddжон, 47) Саройи Мирзо-Фозиль, 48) Саройи Сухта или Уштурхона, 49) Саройи Раджаббек, 50) Саройи бузгунч, 51) Саройи Пой-остона, 52) Саройи меши, 53) Саройи кафшу маҳси, 54) Саройи кафши кухна, 55) Саройи пусти чубин, 56) Саройи хурджин, 57) Саройи абрешум, 58) Саройи тамоку, 59) Саройи колин, 60) Саройи кулота, 61) Саройи пуст (в котором была сновальная мастерская — тангаҳ — и велась торговля шелковой пряжей и основной), 62) Саройи сангин. Кроме того, были склады сельскохозяйственных продуктов, также именовавшиеся в Бухаре «сарой»: 1) Саройи маиз, 2) Саройи джау, 3) Саройи зигир (где торговали также растительным маслом и жмыхом), 4) Саройи анор, 5) Саройи гуза (находившиеся неподалеку от Самаркандских ворот. Там торговали также коконами и шерстью), 6) Саройи сабзи, 7) Саройи фулунг, 8) Саройи ангишт, 9) Саройи тароша, 10) Саройи капони бириндж.

деленных мест: здесь было два караван-сарая хорезмцев (Саройи Урганджихо), один кирпичный, другой каркасный; два караван-сарая, занимаемых татарами; караван-сарай ташкентцев, привозивших в Бухару кишмиш (Саройи маизи тошкандихо); караван-сарай афганских купцов, торговавших чаем, выстроенный богатым афганцем по имени Рашид; три караван-сарая были заселены индийцами, которые проживали в Бухаре длительное время, занимаясь в основном ростовщичеством⁴⁶.

Собранные М. С. Юсуповым материалы дают представление об облике и типах бухарских караван-сараяв и рисуют их роль в жизни города Бухары. Приведем краткие характеристики нескольких типичных для Бухары караван-сараяв. Сарай Джаннат-макони⁴⁷, расположенный неподалеку от медресе Кукалтош, представлял собой двухэтажное здание, состоявшее из 32 келий: 18 — в первом этаже и 14 — во втором. Кельи нижнего этажа арендовали более состоятельные торговцы чаем и москательными товарами (чойфруши аттор), имевшие лавки в расположенных поблизости рядах. В караван-сараяе они держали запасные товары и заключали там оптовые торговые сделки; кельи служили им также местом отдыха, здесь совершали они в положенное время намаз, приглашали гостей-мужчин, иногда устраивали пирушки. Второй этаж был занят мастерскими тулупников (пустиндуз); в нескольких кельях жили приезжие (мусофир). Одну из келий нижнего этажа занимал сторож (саройбон), который следил за чистотой караван-сарая.

Соседний караван-сарай — Саройи Домулло Шер, также двухэтажный, — состоял из 35 келий. Верхний этаж занимали портные (мошинадуз) и сапожники (кафшдуз); нижние кельи арендовали торговцы. Среди последних были именитые бухарские купцы Юсуфбай и Казакбай Мукумбаевы, торговавшие каракулем и шерстью. Каждый из них занимал по две кельи, служившие им конторой и складом товаров. В келье Юсуфбая всегда находился ведший его дела писец (мирзо). Сам бай при-

⁴⁶ Описание населенного индийцами караван-сарая Олимджон, помещавшегося близ пассажа Токи-саррофон см.: С. Айни, *Еддошт-хо*, III, Душанбе, 1950.

⁴⁷ Джаннат-макони — прозвище эмира Шах-Мурада. По-видимому, ему принадлежал и был им построен и этот караван-сарай.

ходил сюда после полудня оформлять торговые сделки, которые он утром заключал на каракулевом рынке (бозори пуст). В караван-сараяе жило также трое-четверо приезжих и два сторожа.

Еще более крупным был караван-сарай Хаким-ойим, состоявший из 60 худжр, расположенных в двух этажах. В конце XIX—начале XX в. верхний этаж был занят квартирами русских и армян, агентов русских торговых фирм и служащих банков. Здесь же снимали худжры ферганские купцы, привозившие шелковые ткани и шелковую пряжу. Худжры нижнего этажа арендовали торговцы-бухарцы из соседних рядов. В этом караван-сараяе имелись склады (амбор) и навесы (бостурма) для хранения товаров.

В Бухаре было также немало мелких караван-сараяев. Дорожа площадью, их также строили чаще всего в два этажа. Так, три караван-сарая, называвшихся Саройи хона, имели: первый — 16, второй — 5 и третий — 6 худжр, расположенных в два этажа. В верхних этажах жили приезжие торговцы — афганцы и персы; несколько худжр было занято под жильё носильщиками (хамболь) из одиноких бедняков-бухарцев, не имевших своего дома. Нижние кельи занимали гребенщики, которые здесь держали запас материала и работали в плохую погоду.

Наряду с караван-сараями этого типа были и такие, как Саройи Матати-тилло, принадлежавший торговцу мануфактурой. Этот караван-сарай состоял всего из двух худжр и небольшого дворика, а снаружи у его стен находилась глинобитная завалинка (суфа), на которой сидело человек десять торговцев мануфактурой из местных евреев. Худжры занимал сам хозяин; на ночь туда складывали свои товары те, кто торговал на суфе перед караван-сараяем. Еще меньшего размера был караван-сарай сундучников. Это была скорее большая лавка-мастерская, где работали и хранили свои товары два хозяина, но она также рассматривалась бухарцами как караван-сарай и называлась Саройи сандук. Караван-сарай набойщиков вовсе не имел зданий: это был двор, закрытый со всех сторон, с несколькими навесами и глиняными возвышенностями-суфами, на которых сидели со своими товарами торговцы набойкой, а под навесами стояли на привязи ослы (многие торговцы набойкой приезжали из селений). Караван-сараяем называлось так-

же место, где продавался древесный уголь (Саройи ангишт), привозимый в Бухару на верблюдах степняками-казахами. Саройи ангишт представлял собой довольно обширный двор, куда могли въезжать на верблюдах. Ворота не было. С двух сторон двор окружали навесы.

Приведенные описания показывают, насколько различные учреждения объединялись в понятие «караван-сарай» и какие многообразные функции они выполняли. Описание караван-сараяв Нишапура X в., сделанное Истахри, показывает, что облик караван-сарая как своеобразного общественного учреждения феодального восточного города определился в основном уже в давние времена. Истахри рисует нишапурские караван-сараяи как помещения, «в которых живут торговцы с товарами, [предназначенными] для продажи в них», где «находят себе приют владельцы мастерских (располагаясь) по своим ремеслам в лавках...». Эти мастерские, по словам Истахри, «переполнены работниками». На нишапурском рынке имелись караван-сараяи ремесленников, выделявших колпаки; сапожников, занятых починкой обуви, и веревочников⁴⁸. Эта картина очень близка к той, которая, как мы видели, характеризовала бухарские караван-сараяи конца XIX — начала XX в.

Караван-сараяи в Бухаре изучаемого периода принадлежали: одни — казне (саройи пошохи), другие — частным лицам, третьи являлись вакфом — собственностью религиозных учреждений. Многие караван-сараяи принадлежали нескольким владельцам, каждый из которых располагал определенным числом долей (сахм), доставшихся ему при разделе наследства или при покупке. Иногда одна часть караван-сарая была частной собственностью, другая — вакфом. Во владении многих собственников находился, например, большой караван-сарай Саройи Ходжа калон, строительство которого приписывается джуйбарскому ходже Саъду (вторая половина XVI в.)⁴⁹. По преданию, ходжа предполагал завещать караван-сарай в вакф, но не успел это сделать, и после его смерти караван-сарай разделили между собой его на-

⁴⁸ Цит. по: «История народов Узбекистана», т. I, стр. 241.

⁴⁹ Хозяйство ходжа Саъда охарактеризовано П. П. Ивановым в книге «Хозяйство джуйбарских шейхов», М.—Л., 1954, стр. 55—68. Личность ходжа Саъда освещена также В. Л. Вяткиным в его статье «Шейхи Джуйбари» (сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927).

следники. При дальнейших разделах, происходивших после смерти каждого владельца, этих долей становилось все больше, а размеры их уменьшались. К началу XX в. таких долей стало уже 100. Значительной частью их (36) владели на правах собственности (мильк) потомки ходжи Саъда, остальные доли, проданные наследниками; перешли на тех же правах в другие руки. Большую часть этих долей скупил один из крупных баев-ростовщиков Бухары — Кори Исмати Калла, послуживший прототипом героя повести С. Айни «Смерть ростовщика». Отдельные доли принадлежали другим людям. Так, некоему Яхъё Шарипову принадлежало 10 долей, он продал их в 1914—1915 гг. по 2 тыс. тенег за долю⁵⁰. Караван-сараями, одна часть которых была мильком, а другая — вакфом, были Саройи Рашид и Саройи Хаким-ойим, две трети которого были частной собственностью (мильк), а одна треть — вакфом. Полностью частновладельческим был Саройи Джурабек, выстроенный крупнейшим бухарским купцом начала XX в. Джурабеком Арабовым. Отдельными караван-сараями владели русские фирмы. Собственный караван-сарай имела, например, фирма московского фарбиканта-мануфактуриста Эмиля Цинделя. Это здание европейской архитектуры, нижний этаж которого занимали магазины, а верхний служил жилищем управляющего конторой Цинделя и его служащих, было известно среди бухарцев под названием Саройи Синдиль. Чаще русские фирмы брали караван-сарай в длительную аренду и перестраивали их, приспособляя для своих нужд. Так, транспортное общество «Кавказ и Меркурий» в начале XX в. арендовало принадлежавший, по-видимому, казне и заселенный ранее индийцами большой караван-сарай из жженого кирпича, состоявший из множества мелких келий. Перестроив их на европейский лад, общество разместило здесь свою контору, а часть здания, выходящая на улицу, была приспособлена под магазин.

Казенные караван-сарай (саройи султони или пошохи) были довольно многочисленны и разнообразны по размерам и качеству постройки. Среди них был и маленький

⁵⁰ Сообщение Яхъё Шарипова записано М. С. Юсуповым. По менее надежному сообщению другого информатора М. С. Юсупова, Кори Исмагу принадлежало 90 долей из 100.

одноэтажный, состоявший из 7 келий Сарои кушбеги или Саройи Кози-калон и богатый караван-сарай из жженого кирпича в 40 худжр, известный под названием Саройи Бадреддин. Казне принадлежал также большой караван-сарай из 60 келий, известный под именем Каршинского и целиком занятый индийцами.

Караван-сарай представляли собой очень выгодную статью доходов для своих владельцев. За пользование кельями, складами или даже за оставление во дворе верховых животных владелец караван-сарая получал соответствующую плату. Кельи снимались на более или менее длительный срок, чаще всего на год, особенно если съемщик был местным жителем. Плата исчислялась помесечно и составляла 5—10 тенег в месяц, в зависимости от качества кельи. Караван-сарай, являвшиеся вакфом или принадлежавшие казне, как правило, сдавались на откуп богатым откупщикам-профессионалам (иджорадор), которые в свою очередь сдавали келью или предоставляли торговые места в субаренду. По сообщению информатора Шарифа Базарова, всю свою жизнь работавшего в караван-сараях грузчиком или сторожем, описанный выше караван-сарай Джаннат-макони сдавался в аренду за 1500 тенег в год.

Владельцы караван-сарая, если их было несколько, делили поступившие с него доходы пропорционально долям. Если караван-сарай являлся вакфом, определенная часть дохода выделялась в пользу управителя вакфом (мутавалли), единственной заботой которого была сдача караван-сарая на откуп. Доля мутавалли была немалая; так, по тому же сообщению, из 1500 тенег откупной платы за караван-сарай Джаннат-макони мутавалли оставлял себе 450 тенег, из расчета 300 тенег с каждой тысячи. Как всякая собственность, караван-сарай можно было покупать и продавать. Покупались и продавались также доли совладельцев. Доля мутавалли, согласно завещанию, обычно сохранялась наследственно в его роде, который был родом потомков строителя караван-сарая, завещанного в вакф.

Наряду с караван-сараями, а иногда и при них в Бухаре имелись специальные заведения, где можно было оставлять верховых животных, приехав в город на базар или по какому-нибудь иному делу. Так как самым распространенным, а для народа и единственным верховым

животным здесь был осел (хар), то такие заведения назывались хархона. Они обслуживались специальным человеком (харбон).

При характеристике среднеазиатского города нельзя не упомянуть еще одно заведение, также тесно связанное с рынком, — чайхану. Как известно, чайхана играет в быту населения Ташкента, Самарканда и особенно городов Ферганской долины очень большую роль. Это своеобразный клуб, куда по вечерам сходятся мужчины, чтобы провести время в компании друзей, каждый в своем кругу, побеседовать за чаем, узнать новости, послушать музыку, чтение книги или просто отдохнуть после трудового дня. В чайхане люди встречались также для делового разговора.

Бухара совершенно не знала такого обычая. Здесь немногочисленные чайные, располагавшиеся на главных базарах, обслуживали только приезжих. В так называемых «самовор-хона», которые имелись во многих кварталах, продавали кипяток: его покупали для заваривания чая жители квартала.

Бани. Одним из важных для города общественных мест были бани. Традиция мыться в бане в Бухаре древняя; баня упоминается уже Наршахи, где употреблен не современный термин арабского происхождения — хаммом (бухарское хамбом), а старый таджикский — гармоба⁵¹.

Существова в дореволюционное время только в городах, бани своим числом и благоустройством свидетельствовали о степени развития городской жизни, их можно считать одним из достижений многовековой городской культуры Средней Азии. Хорошо разработанные приемы их строительства, своеобразная архитектура, система отопления, специальные водонепроницаемые составы и т. п. — все это подтверждает их давнее происхождение. О строительстве бань в городах Средней Азии говорится во многих источниках. В. В. Бартольд ссылается на упоминание строительства бань в Самарканде в XV в. во времена Улугбека⁵². Есть упоминания о постройке бань веком позже и в Бухаре. Об этом говорит Дженкинсон⁵³.

Предбанное помещение

⁵¹ М. Наршахи, *История Бухары*, стр. 37. Наршахи говорит о «ханской бане».

⁵² В. В. Бартольд, *Улугбек и его время*. Пг., 1918, стр. 27.

⁵³ А. Дженкинсон, *Путешествие в Среднюю Азию в 1558—*

Строительство многих бухарских бань, сохранившихся до наших дней, приписывается Абдулла-хану, при котором строились «большие бани с просторными помещениями и мраморными полами»⁵⁴. Среди этих бань была функционирующая еще в наши дни баня Саррофон.

Бани находились в частном владении или составляли вакоф богоугодных заведений. Они представляли собой доходную статью. По сообщению «очевидца», побывавшего в Бухаре в 1820 г., плата за мытье составляла 20 пулей⁵⁵. Торговое значение бухарских бань отмечает и Филипп Ефремов⁵⁶.

Число бань увеличивалось вместе с ростом населения города. К началу XX в. в Бухаре их было 18, из них мужских — девять, женских — восемь; одна баня имела два отделения — женское и мужское⁵⁷. Тот факт, что среди бань половина предназначалась для женщин, показывает, насколько обычным было пользование банями для бухарцев. В баню торжественно вели перед свадьбой невесту, и это превратилось в особый обряд (хамбомбарон). По сообщению пожилых жительниц Бухары, он обставлялся особенно торжественно у фарсов, и многие из коренных жителей, особенно из состоятельных семей, перенимали у фарсов весь церемониал. В бани ходили не только мусульмане, но и постоянно жившие в Бухаре иноверцы. Потребность в бане была так велика, что их не останавливал даже страх перед всегда грозившими со стороны мусульман-фанатиков оскорблениями. Как рассказывают, бывали случаи, когда мусульманин обвинял мывшегося рядом иноверца в том, что он «осквернил» его брызгами воды со своего тела, избивал или оскорблял его.

1560 гг., — сб. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», пер. с английского, Л., 1932, стр. 182.

⁵⁴ В. А. Шишкин, *Города Узбекистана*, Ташкент, 1943, стр. 26.

⁵⁵ «Русские в Бухаре в 1820 г. (записки очевидца)», стр. 25—26.

⁵⁶ Филипп Ефремов, *Десятилетнее странствование*, стр. 27.

⁵⁷ В составленном Фениным указателе к плану г. Бухары упомянуты следующие бани: мужские — 1) саррофон или Модари-хон, 2) Тахти Чорбок или Машади Косим, 3) Гаукушон, 4) Абдуллохон или Обу-отам, Кофилон или Абдулло-ходжа, 6) Тукумдузи, 7) Амири бозори кафи, 9) Мисгарон; женские — 1) Ходжа-Пурсо, 2) Домулло-шер, 3) Гозиён, 4) Хазрат-Аюб, 5) Кунджак, 6) Пойостона, 7) Ходжа Хабибулло или Хиёбон. Баня Шиша-хона имела отделения для обоих полов.

Мылись в бане без мыла — оно считалось нечистым (харом). Грязь оттирали с распаренного горячей водой тела специальным мешочком (хальта), надеваемым на руку. В банях работали банщики (хальтадор), которые мыли за особую плату богатых посетителей. Хальтадоры были также искусными массажистами; массаж очень ценился, его считали одним из лучших лечебных средств, помогающих от многих болезней.

Прочие учреждения общественного назначения. Среди учреждений общественного характера следует отметить еще несколько типов.

В Бухаре имелось общежитие (такия), принадлежавшее корпорации ткачей. Там останавливались ткачи из других мест (главным образом из Карши и Шахрисяба), приезжавшие в Бухару в поисках работы. Такия представляла собой двор, окруженный кельями. Находясь в одном из окраинных кварталов города (в квартале Чармгарон), такия, естественно, не могла быть слишком ранней: весь этот район вошел в черту города только в конце XVI в. В изучаемый период в Бухаре (как и в Самарканде) термин «такия» прилагался лишь к общежитию ткачей. В более ранний период под «такия» понимались общежития дарвишей. О таком «такия» в Бухаре пишет А. Вамбери⁵⁸.

Со времени правления Насруллы-хана, организовавшего регулярное бухарское войско сарбозов, в городе появились казармы (сарбозхона). Они имелись в западной части города — в кварталах Кофилон и Таи-чорбок, а также в одном из кварталов, расположенных к северу от арка. Что представляли собой эти казармы и как была организована в них внутренняя жизнь, пока не выяснено. Сарбазы постоянно там не проживали, они являлись туда лишь для несения службы в определенные дни недели. В сарбозхоне хранилась их форменная одежда, которую они надевали только во время несения службы.

После присоединения Средней Азии к России появились в Бухаре и некоторые новые учреждения: банки, для которых в торговой части города были выстроены европейского типа здания, аптека и амбулатория, при которой было стационарное родильное отделение; амбу-

⁵⁸ А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, стр. 88.

латория была акушерская и гинекологическая⁵⁹. Для амбулатории и больницы неподалеку от ворот Шайх-Джелоль было построено специальное здание. Расходы по содержанию амбулатории несло бухарское правительство, конечно, под нажимом царских колониальных властей, представителем которых в Бухаре было политическое агентство. Амбулатория была открыта в 1911 г., ее штат состоял из врача и четырех человек обслуживающего персонала, в числе которых была переводчица. Весь персонал был женский. Амбулатория пользовалась популярностью: в первый же год за 4 месяца ее посетили 3550 больных, а врача состоятельные семьи стали приглашать и на дом.

Культовые учреждения. Большое место занимали в Бухаре всевозможные культовые учреждения, которых здесь было несравненно больше, чем в других городах Средней Азии.

По численности и по значению в жизни населения первое место занимали мечети. Их было в Бухаре свыше двух сотен. В них совершались обычно только ежедневные пятикратные намазы; некоторые из них служили также соборными — сюда на общие пятничные намазы собиралось население нескольких соседних кварталов. Были и мечети, предназначенные лишь для общих пятничных намазов. Н. Ханьков говорит о восьми пятничных соборных мечетях⁶⁰. Праздничные намазы во время двух годовых праздников совершались в особом молитвенном месте — намазгох, которое по традиции находилось вне города. Это диктовалось и необходимостью: все мужское население города не могла вместить ни одна городская площадь. Наршахи сообщает, что первым местом для молитвы в дни годовых праздников был бухарский Регистан, оставшийся в то время за пределами города⁶¹. В X в. намазгох был перенесен «на полфарсанта расстояния», в селение Сумнтан, а в XII в. намазгох был устроен на месте бывшего царского сада Шамсабад, у ворот Ибрагим, которые позднее получили название ворот Намазгох. Там место праздничных намазов нахо-

Общий вид мечети

дится и поныне; сохранились и некоторые постройки XII—XIV вв.⁶²

Главной соборной мечетью Бухары была самая крупная городская мечеть — Мачити Калон, построенная в XVI в. Возведенная в начале XIX в. мечеть Болохауз, являясь также соборной, служила в то же время и для совершения пятикратных намазов, в которых участвовали как все те, кому случалось во время намазов оказаться в этом районе города, так и жители близлежащих кварталов, в частности квартала Писташиканон, который по этой причине не имел своей собственной мечети. Для совершения пятикратных намазов служили и некоторые другие крупные мечети, например хонако Надир-девонбеги, расположенное в самом оживленном

⁵⁹ ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 401, № 059—062.

⁶⁰ Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 87.

⁶¹ М. Наршахи, *История Бухары*, стр. 68. Вопрос о том, было ли это место в начале VIII в. охвачено городской стеной, остается спорным (см. О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 24).

⁶² Исследованию этого намазгоха посвящена специальная монография В. А. Нильсона (см.: В. А. Нильсон, *Бухарский намазгох*, Ташкент, 1956).

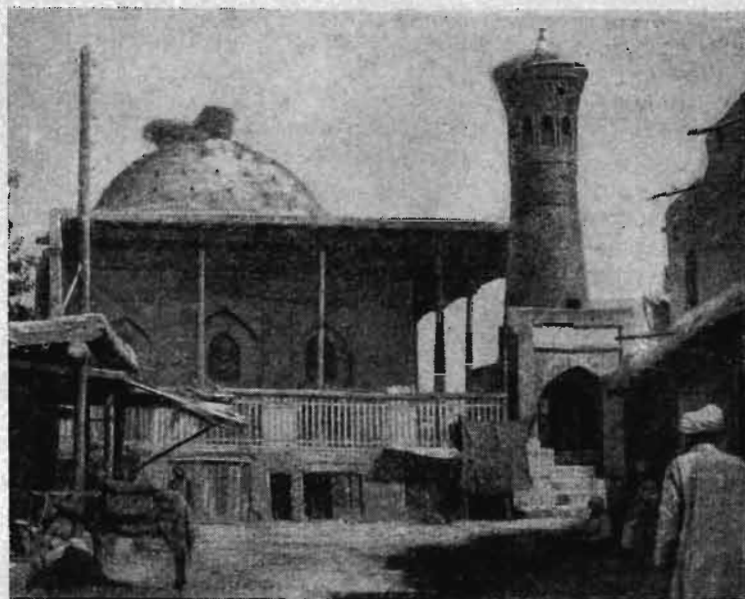
торговом центре города. Эти крупные соборные мечети, используемые для пятикратных молитв, были рассчитаны в основном на торговцев, имевших лавки в районах рынка, и их покупателей. Для жителей близлежащих кварталов они служили чаще всего местом общего пятничного намаза.

Пятикратные молитвы совершались в основном в квартальных мечетях. Именно последние и составляли основную часть бухарских мечетей. В литературе широко распространено утверждение, что в Бухаре было 360 мечетей; его высказывали некоторые дореволюционные исследователи XIX в. (например, Л. Ф. Костенко и П. П. Шубинский). В некоторых работах приводится еще бо́льшая цифра⁶³. Однако в действительности квартальных мечетей было всего 217, так как из 220 бухарских кварталов три не имели своей мечети (два одноименных квартала — Писташиканон и Пайкан).

Квартальные мечети были очень различны по своей архитектуре. Наряду с добротными, сделанными из жженого кирпича, с купольными перекрытиями (например, мечеть квартала Мир-Дустум), были простенькие мечети каркасной постройки, с плоской земляной крышей. Такие мечети, по-видимому, стали типичными для более позднего времени, тогда как раньше основной формой квартальной мечети было купольное здание. К изучаемому периоду этот тип мечетей все больше уходил в прошлое. Купола не делались не только на мечетях, возводившихся в конце XIX — начале XX в., но и на старых мечетях при ремонте систематически заменялись плоскими балочными перекрытиями.

Постройка квартальных мечетей относилась к различному времени. Наряду с мечетями XVI в., как Мачити баланд и Ходжа Вайниддин, были и возведенные сравнительно недавно. Но все же большинство мечетей насчитывало если не несколько сот, то во всяком случае несколько десятков лет. Здания систематически ремонтировались. Некоторые из них при этом перестраивались заново, но на том же месте; они стояли на вакуфных участках, когда-то и кем-то пожертвованных под мечеть. Обычно имя жертвователя, бывшего также строителем

⁶³ См. М. М. Соловьев, *Экспедиция в Бухару...*, стр. 78, где со слов Виткевича говорится, что «в городе насчитывалось 450 мечетей».

Мечеть квартала Мир-Дустум

мечети, увековечивалось в ее названии, которое постепенно становилось и названием квартала. Но нередко мечеть получала имя того лица, которое впоследствии взяло на себя ее ремонт или перестройку, в связи с чем старое название исчезало из памяти, заменившись новым. В большинстве бухарских кварталов, особенно старых, известных под теми же названиями в течение нескольких столетий, место мечети было пожертвовано в вакф давно. Так как вакуфное владение по шариату не могло быть обращено в другой вид собственности, например перейти в частные руки, то на месте старой мечети жилой дом мог появиться только после периодов запустения квартала и полного разрушения старой мечети. В жизни Бухары, сохранявшейся на том же месте непрерывно с глубокой древности, таких случаев вряд ли было много.

При мечетях во многих кварталах имелись мактабы. Некоторые из них помещались в специальных купольных зданиях, возведенных когда-то одновременно с мечетью.

Будучи значительно меньших размеров, в соответствии с чем их купол имел также меньший диаметр, здания мактабов оказывались более прочными и стояли дольше, чем купольные мечети. Так обстояло дело, например, в квартале Заббиён, где мактаб помещался в старинном купольном здании, в то время как здание мечети было более позднее и имело плоскую кровлю.

Во дворе мечетей большинства кварталов имелись специальные помещения для частичных и полных омовений (тахоратхона и гусльхона). Зимой к утреннему намазу, совершаемому на рассвете, когда в мечеть должно было идти все мужское население квартала, в помещениях для омовений готовилась теплая вода; в Бухаре было в обычае в холодное время года делать омовения, умываться или даже мыть руки только теплой водой.

Шнитское население имело молитвенные дома — хусайнияхона. Молитвенных домов было четыре: три в Джуйбаре — в кварталах Джапафарон Моркуш и Хаузибаланд, четвертый находился в квартале Туп-хона.

У евреев были две синагоги (канесо): старая — в Старой махалле и новая — в махалле Амиробод.

Бухара была признанным центром мусульманского богословия. Здесь находилось множество медресе, где обучались не только бухарцы, но и много приезжих со всех концов Средней Азии, из Татарии и даже из стран зарубежного Востока. Поэтому медресе разного типа в Бухаре было больше, чем в любом среднеазиатском городе. Н. Ханыков, упоминая «медресе, находящиеся в дафтаре, то есть в эмирском списке», говорит, что всего в Бухаре было 103 медресе, «главных же — 60». По-видимому, он действительно видел в свое время дафтар. Сообщаемые им сведения очень подробны и точны: он приводит список главных 60 медресе, данные о числе худжр в каждом из них и о доходах (вакфона), получаемых мударрисами и студентами⁶⁴. Он ссылается и на другой документ (которого он, надо думать, не видел) — список, составленный для раздела между учащимися медресе, подаренного им эмиром закота, согласно списку общее число учащихся доходило до 9—10 тысяч. Более поздние авторы, по-видимому, повторяют цифры, сооб-

⁶⁴ Н. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 85—87.

Мечеть квартала Мирн Табиб

щенные Н. Ханыковым⁶⁵. Число медресе не было неизменным: одни строились, другие разрушались. Последнее должно было происходить редко и очень медленно, лишь в периоды запустения города.

Строительство культовых зданий усилилось после присоединения Средней Азии к России в связи с развитием городской жизни и повышением общего уровня жизни населения столицы. К началу XX в. относится, например, строительство двух медресе в квартале Косагарон; таких фактов бухарцы сообщают немало. Садреддин Айни, сам много лет обучавшийся в бухарских медресе, пишет, что «в городе имелось до сотни крупных медресе и столько же мелких»⁶⁶. Близкую цифру — 185 дает подсчет медресе, упомянутых в Указателе к плану

⁶⁵ Об этом подробнее см. О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 55—56.

⁶⁶ С. Айни, *Марги Судхур*, [Душанбе], 1953, стр. 1. «Смерть ростовщика», 1957, стр. 1.

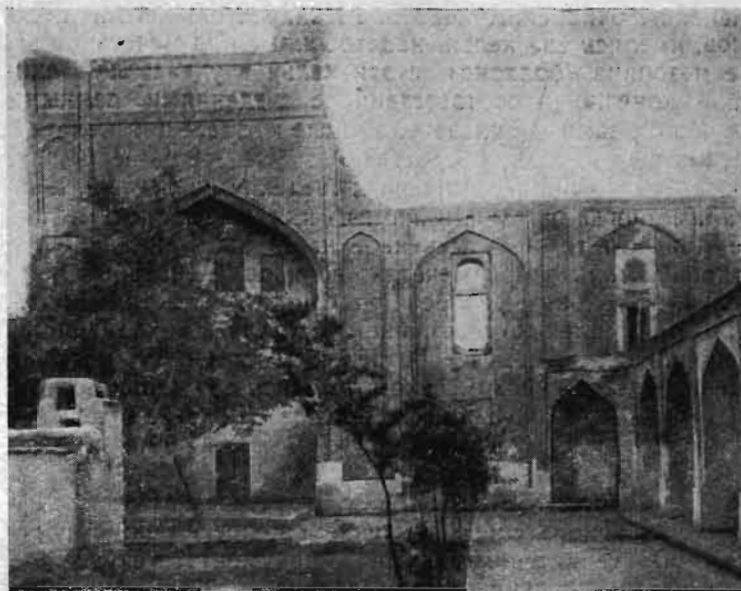
Фенина и в подавляющем большинстве нанесенных на план⁶⁷.

⁶⁷ В «Указателе» отмечены:

I. Медресе, как отдельные учреждения: 1) Мирзо-бек-Охун, 2) Туракул, 3) Шарифджон, 4) Мухаммад-Юнус-бий, 5—6) два медресе Мулло-Мухаммад Шариф (Сангин и Чубин — одно из жженого кирпича, другое — каркасной постройки), 7—8) два медресе Чучукойм, 9) Волидайн Азиз-хон или Молдари хони Хаузи нау, 10) Музаффар-ходжа, 11) Миён-Исхок, 12) Ер-Мухаммад-ясоул (чубин), 13) Мирзо-Хамдам, 14) Мир-Бадри Сохиби-кор, 15) Мирзо-Турды-эшик-боши, 16) Аvezбой-араб, 17) Ходжи Косим (или Хасан?), 18) Гозийни калон, 19) Гозийни хурд, 20) Гахбанд, 21) Олимджон, 22) Абдурахман алям, 23) Пушаймон, 24) Рашид, 25) Исмонд-ходжа, 26) Хусайнбой, 27) Ходжи Зохид, 28) Уткур-кушбеги, 29) Ходжа Нихоль, 30) Малали-ходжи, 31) Ахмаджони пустиндуз, 32) Бозори гуспанд, 33) Дор-уш-шифо, 34) Садирбой, 35) Мулло Рузи-араб, 36) Миркамоли-Сарроф, 37) Хидир-бой, 38) Балальбеки кухна, 39) Аёз-бий, 40) Ходжа Давлят, 41) Эшони афгон, 42) Мухаммад-назар-парвоначи, 43) Рахмонкул, 44) Турсунджон, 45) Мир-араб, 46) Кучак, 47) Карбос (Бозори Карбос?), 48) Абдулазиз-хон, 49) Абдушукур-бой, 50) Рахматкул-каваулбеги, 51) Эрназар, 52) Кукалтош, 53) Надир-девоибеш, 54) Домулло-Шер, 55) Абдул-назар муфти, 56) Саройи таш, 57) Кори Мулло Султон, 58) Хурджин, 59) Домулло-Хасан, 60) Ходжа Мухаммад-наби, 61) Иброхим-охунд, Мирзо-фузайл, 63) Мухаммад-Амин-тупчибоши, 64) Еш-Узок-бек, 65) Саид-камоль-бой, 66) Фатхулло-кушбеги, 67) Ходжа-Хасан, 68) Ходжа Шарифи аттор, 69) Кози-Салим, 70) Биби-халифа, 71) Ходжи Курбон, 72) Гаукушон, 73) Ходжа Хабибулло на Хиёбоне, 74) Абдуллохон, 75) Модарихон, 76) Улугбек.

II. Медресе, не нанесенные на план, но перечисленные в указателе: 1) Ходжи Аброр-Ходжа, 2) Махди Ходжа, 3) Мулло Абдулло, 4) Гиребон-чок или Мирзо-Бадель, 5) Миён Фазль, 6) Джуйбори калон, 7) Джуйбор, 8) Домулло Назарча, 9) Мирзо Салимбой, 10) Мир Ибрахим, 12) Юлдош-бойи-шахрисабзи, 13) Абдулло-хофиз-бой, 14) Миракджон, 15) Ашурджон, 16) Охунди Хованд, 17) Ходжа Ульфат, 18) Тоджиддин-оксаккол, 19) Фатхулло-бой-араб, 20) Бадаль-беки-нау, 22) Мавлоно Мискин, 23) Тиггарон, 24) Мумини-сарроф, 25) Бурун-Мирзо, 26) Мавлоно Шариф, 27) Охунди-эльчи, 28) Мир-Косим-ходжа, 29) Катта-ходжа (Чукур), 30) Кампир, 31) Абдурахмон-бек, 32) Икром-ходжа, 33) Кози Ляtif, 34) Абдулкарими-аттор, 35) Абдурахмон-бой, 36) Домулло-бой, 37) Охунди Ихтиё-ходжа, 38) Абдухалик-бойи-шахрисабзи, 39) Ой биби-бек (Ой-бий-инок?), 40) Эшони Ориф-ходжа, 41) Эшони-устоз, 42) Кара-Султон, 43) Хамбоми-каппа (чубин), 44) Гузари Арбоб.

III. Медресе при мечетях: 1) Хальфа-Хусайн 2) Мухаммад-косим, 3) Поччо-ходжа, 4) Ходжа Булгор, 5) Мулло Шамси-Мухаммад, 6) Эшони-пир, 7) Мирзо Убайд или Чор-коровон сарой, 8) Сесуки таррохи, 9) Хонакойи Чукомоки, 10) Махдуми Аъзам, 11) Гарибия, 12) Хальфа Худойдод, 13) Бокихони-накиб, 14) Хонакойи Эшони Имло, 16) Мехтар-кофилон, 17) Шайх-Джалоль, 18) Хонакойи Миракон, 19) Собунгарон, 20) Яланги Бокиджон

Медресе Ходжа Порсо

Далеко не все медресе соответствовали обычному пониманию этого термина: он обозначал в Бухаре не только крупные духовные семинарии, где велось преподавание и жили учащиеся, но и отдельные кельи для последних. Кельи пристраивались нередко к мечетям, в том числе и к квартальным; так, при крошечной мечети самого ма-

кушбеги, 21) Бобойи нонкаш, 22) Мир-Хайдарн боло, 23) Магоки курпа, 24) Хай, 25) Модари-хони-ляби руд, 26) Мухаммад-ёр атолык, 27) Мавлоно Асири, 28) Мир-дустум-бий, 29) Дарвозайн Углон, 30) Мирджон-Али, 31) Шодим-бий, 34) Хонакойи Боллохауз, 35) Усто Рухи, 36) Аскарбий, 37) Шер-Мухаммад-джувозкан, 38) Ходжи Курбон, 39) Ляндахур или Назарча, 40) Хоса-Пулод, 41) Хонакойи Эшони Олимходжа, 42) Искандар-хон, 43) Шукур-бий-куссоч, 44) Хозифи Чаинги или Мирзо Гафур, 45) Кучкор-курчи, 46) Мухаммад-Али ходжи, 47) Сарроджон или Ходжагон, 48) Алякабандон, 49) Азизон, 50) Косим-шайх, 51) Хазрати Хизр, 52) Дуст-чурогоси, 53) Ходжа Зайниддин, 54) Се суки охунди суфи, 55) Масчиди калон, 56) Мавлоно-Шариф или Ходжа-алам-на-расон, 57) Пой-остона, 58) Кемухт-гарон, 60) Раугангар, 61) Ходжа Таб-банд.

ленького бухарского квартала Хай, состоявшего из 12 домов, имелись две кельи, надстроенные над мечетью в виде мезонина (болхона), и эти кельи в указателе Фенина, — конечно, в соответствии со сведениями, данными ему бухарцами, — указаны в числе медресе при мечетях. Некоторые из таких «медресе» в указатель не вошли. Во время собирания опросных сведений по жилым кварталам иногда в том или ином из них указывалось медресе при мечети, не отмеченное на плане Фенина. Кельи были не только при мечетях, но и при некоторых мавзолеях (гурхона), разбросанных в жилых частях города. Так, при маленьком семейном мавзолее, находившемся неподалеку от медресе Гозиён и построенном, по сообщению, чарджуйским беком, имелись две кельи, в которых также жили учащиеся медресе. Даже над лавками торговцев строились кельи, и они также назывались «медресе».

Мударрисы были не во всех медресе. Наличие мударрисов, а следовательно, и чтение в медресе лекций определялись характером вакуфного документа: в нем должна была быть специально оговорена доля вакуфного дохода для мударриса, равно как и число мударрисов, которые будут получать содержание. По сообщению очень знающего и образованного бухарца Накшбандхана Султанханова, в Бухаре начала XX в. лекции читались только в 22 медресе⁶⁸.

Не только маленькие медресе, но и многие крупные были, в сущности говоря, только своего рода общежитиями для учащихся. Однако последние не составляли их единственного населения. Здесь жили и многие муллы, давно закончившие свое учение, и даже люди, никакого отношения к обучению не имевшие. С. Айни рассказывает об одном таком обитателе медресе — цирюльнике (сартарош), который, имея собственную келью в медресе

⁶⁸ Кукалтош, Гаукушон, Мир-араб, Турсунджон, Ходжа-Нихоль, Джафар-Ходжа, Абдул Азиз-хон, Мирзо Улугбек, Олимджон, Саройи таш, Қалобод, Дуст-Чуругоси, Рахмонкул, Хиёбон, Шодимбий, Гозиён, Дор-уш-шифо, Бозори Гусфанд, Искандар-хон, Кошмадраса (два медресе), Девонбеги. Внутренняя жизнь медресе должна послужить предметом специального исследования, при котором существенное значение могут иметь этнографические материалы. Наиболее полно быт медресе освещен С. Айни, в особенности в его автобиографических произведениях (С. Айни, *Еддохто*, II, стр. 5—32, III, стр. 57—63, *Марги Судхур*, стр. 1).

Проповедь (ва'з)

се Бадаль-беки нау, постоянно жил там, получая ежегодно долю вакуфных доходов, падавших на его келью. Хотя кельи по шариату не могли быть предметом купли-продажи, ученые правоведы нашли пути для оформления купчих документов⁶⁹, и кельи всех медресе Бухары, как и других мест Средней Азии, давно сделались частной собственностью и выгодной статьей дохода; они приносили своему владельцу верный ежегодный доход из вакуфных поступлений, а иногда и от сдачи келий в аренду.

Особенностью Бухары является необыкновенное обилие в ней «святых мест» — мазаров (буквально: «место поклонения»). Многие из них пользовались широкой популярностью и привлекали множество паломников из других мест, что безусловно приносило городу немалые выгоды, поэтому легенда о «святости» бухарской земли,

⁶⁹ Документ составлялся на продажу какого-нибудь предмета, находящегося в келье (лестницы и т. п.).

«в которой лежат тысячи праведников», охотно поддерживалась. Это вызвало появление здесь особого вида литературы, связанной с мазарами. Здесь были созданы в разное время два путеводителя по мазарам⁷⁰; по рукам ходили нередко составленные самими бухарцами компиляции из разных источников, откуда выписывались отдельные сведения о мазарах.

Первое место по своей популярности занимал находившийся за пределами города мазар Ходжа Баховаддина Накшбанда, расположенный в 10 км к северо-востоку от города, за Мазарскими воротами, получившими по нему свое название (Дарвозайи мазори шариф). Мазар этот, находящийся за городом, считался главной святыней Бухары, а сам «святой» — ее патроном. Свою популярность мазар Ходжа Баховаддина Накшбанда, современника Тимура, получил, по-видимому, спустя много лет после смерти «святого». Об этом свидетельствует тот факт, что в «Книге Мулло-зода» (конец XV в.) о нем еще не упоминается; в то время как другие мазары, находившиеся также за пределами города (например, Файзабад), в этом сочинении описаны. Мазар Ходжа Баховаддина находится на месте древнего культа⁷¹. Совершавшийся у его могилы «праздник красной розы», не имея никакого отношения ни к «святому», ни к исламу вообще, был любимым праздником бухарцев, привлекая также и сельских жителей. Праздник длился месяц и был основным временем паломничества к мазару⁷².

Вторым крупнейшим мазаром Бухары, также расположенным вне города, за Мазарскими воротами, была могила Сайфеддина Бахарзи (XIII в.), известная под названием Файзабад. Могила находилась внутри мавзолея, ее украшало резное деревянное надгробие превосходной работы⁷³.

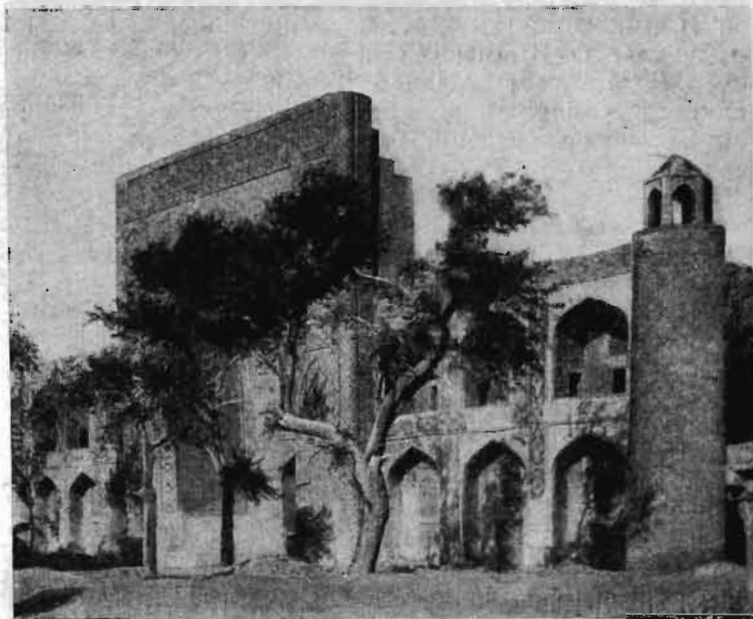
Одним из крупнейших мазаров был также Чор-Бакр — место захоронения джуйбарских ходжей, где находилась могила их родоначальника — Ходжа имама

⁷⁰ А. С. Семенов, *Бухарский шейх Бехауддин...*, «сб., посвященный А. Н. Веселовскому», 1914.

⁷¹ W. Barthold, *Bukhara*, Enziklopaedie des Islam, В. 811.

⁷² Мазар и происходивший в нем праздник описаны Н. Ф. Ситняковским (см.: Н. Ф. Ситняковский, *Мазар Богауддин*, — «Протоколы ТКЛА», Ташкент, 1900, вып. V).

⁷³ Теперь оно утрачено.

Медресе Модари-хан (XVI в.)

Абу Бакра Саъда, умершего, согласно сведениям «Книги Мулло-зода», в 970—71 г. н. э. Эта могила усиленно популяризовалась джуйбарскими ходжами⁷⁴. В XVI в. над гробницей был возведен богато отделанный изразцами мавзолей, к которому провели из города дорогу, обсаженную деревьями, чтобы паломники могли идти к мазару, защищенные от солнца тенью⁷⁵.

Название мазара (Чор-Бакр — четыре Бакра) закрепилось за ним, несмотря на то, что там был похоронен лишь один из четырех бухарских святых, носивших имя Бакр⁷⁶.

Тоже крупным, хотя и потерявшим в последние столетия свое прежнее значение, мазаром Бухары был ма-

⁷⁴ В. Л. Вяткин, *Шейхи Джуйбари* (сб. «В. В. Бартольд»), стр. 4.

⁷⁵ Г. А. Пугаченкова и Л. М. Ремпель, *Бухара*, стр. 43—44.

⁷⁶ Абу Бакр Исхок Калобди, Абу Бакри Тархон, Абу Бакри Саъд, Абу Бакри Фазль.

зар Имама Абухафси Кабира, находившийся неподалеку от города, за Имамскими воротами, получившими по этому мазару свое название. Как видно по нашему источнику — «Книге Мулло-зода», поместившему описание этого мазара на первом месте ⁷⁷ и уделившему ему непропорционально много места (полтора листа рукописи). в Бухаре XV—XVI вв. этот мазар был главнейшим. Позже он утратил свое значение, вероятно в связи с ростом популярности мазара Ходжа Баховалдина Накшбанда; но все же мазар Абухафси Кабира оставался одним из самых значительных мазаров Бухары и в изучаемый нами период. Из внутригородских мазаров крупнейшими были Хазрат Аюб (Святой Иов), Исмаил Саманид (который был возведен в ранг святого), Ходжа Гунжори, Суфиёни Саури и другие. Мазары меньшего значения существовали в большинстве жилых кварталов.

По своему внешнему виду городские мазары сильно отличались друг от друга, хотя за редкими исключениями все они были почитаемыми могилами. Но некоторые из них представляли собой одинокие надгробия, затерявшиеся среди городской застройки, другие — могилу, защищенную легким навесом, третьи — группу могил, поднятых на возвышение (суфа); некоторые могилы были заключены в специальные мавзолеи. Из них не все были действительно захоронениями: среди мазаров имелись мнимые могилы, другие, хотя и были оформлены в виде надгробий, считались «местом, где ступала нога святого» (кадамджой). То, что многие почитаемые могилы были мнимыми, хорошо знали наиболее образованные мусульманские авторы. Именно поэтому в «Книге Мулло-зода» специально оговорено, что, если молитва святому вознесена у ложного мазара, где в действительности нет его праха, она все равно достигнет адресата и принесет свои результаты.

Наряду с мазарами-могилами были в Бухаре и такие архаические мазары, в которых предметом почитания оказывался камень, источник или колодец. В таких ма-

⁷⁷ Не считая описания мазара, связанного с библейским Иовом — Хазрат Аюб — и «священного волоса из бороды пророка», с которых это сочинение предлагает всегда начинать паломничество к мазарам любого города, эти мазары в «Книге Мулло-зода» внесены вперед, до введения.

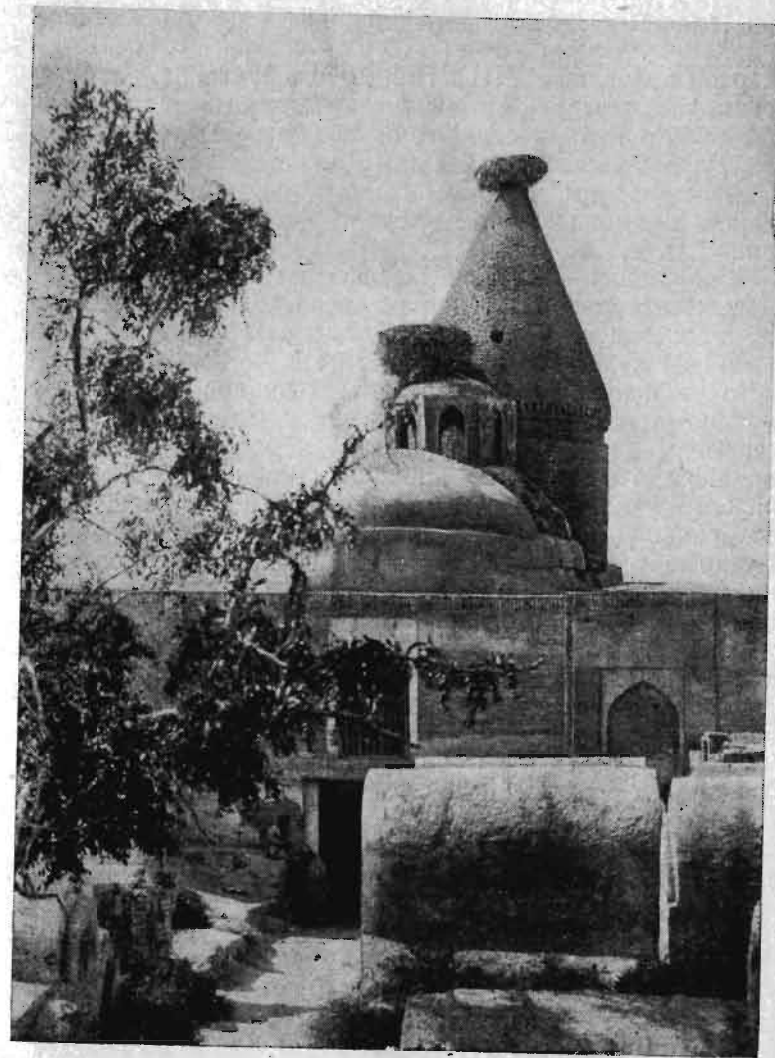
Мазар Абухафси Кабир (Хазрат-имам)

зарах можно видеть отдаленные следы древнего поклонения силам природы. В квартале Хаузи Лесак почитанием пользовался камень «санги лесак», который считался исцеляющим от косноязычия. К нему приводили детей, долго не начинавших говорить или отдаваемых в школу, чтобы они лучше усваивали грамоту; приходили к нему и люди, которым предстояло держать ответ на суде: «чтобы они смогли ответить». На камень наливалось сквашенное молоко, и пациент должен был слизать его языком («лесак» от таджикского глагола «леси-

дан» — лизать). Поклонение источнику или, вернее, колодцу, лежало в основе культа мазара Чашма Аюб, где древний культ был осложнен и модернизирован библейской легендой о святом Иове. Считалось, что водой этого колодца исцелился святой Иов, и этим укреплялась слава о ее целебности⁷⁸.

«Лечебной» славой пользовались многие мазары; вера в возможность найти у них исцеление была одной из главных причин их популярности. В Бухаре был мазар, «излечивающий» от коклюша (в квартале Нуробод), от лихорадки (в квартале Ходжа Таббанд). Мазаром, «исцеляющим» от головной боли, считался мазар (могила, по-видимому мнимая) законоведа X в. Имама Махаммада Газоли, находившаяся в одноименном квартале. К могиле Исмаила Саманида стекались жаждущие правосудия; по распространенному поверью, этот правитель Бухары X в. и после смерти не ушел от дел управления государством. Те, кто не надеялся на земное правосудие, мог обратиться к «святому» царю. В могиле имелась специальная щель, куда верующие опускали свои прошения. Существовало поверье, что на прошение тем или иным способом последует ответ или исполнение просимого.

Большинство мазаров Бухары — древнего происхождения. Время жизни тех, кто похоронен на наиболее известных бухарских мазарах, по сведениям, приводимым в «Книге Мулло-зода», относится к X в. В X в. жили уже упомянутые Имам Абухафси Кабир, Абубакр-Исхак Калободи, «святой», известный под прозвищем Гунджори (краснощекий) — Абу-Абдулло-Мухаммад Бухори ал-варрох. Это был ученый, автор не дошедшей до нас «Истории Бухары»⁷⁹. Могилы этих людей были окружены кладбищами, вероятно еще более древними, чем сами мазары. Последняя дата образования мазара, которая встречается в «Книге Мулло-зода», — 814—1411/12 г. Возникали мазары и позже. «Последним свя-

Мазар Чашма-Аюб (XV в.)

⁷⁸ Как показало археолого-архитектурное изучение памятника, возведенного над этим мазаром, сооружение было в основе своей мавзолеем (см. Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель, *Бухара*, стр. 24—25), но даже имя похороненного там было забыто — предметом поклонения явился колодец.

⁷⁹ Сведения о них даны в сочинении *کتاب ملا زاده*

тым» (аулиёи охир-ул-замон) предание считает Эшочи Имло, мазар которого находится на одноименном кладбище. Время жизни этого человека относится к первой половине XVIII в.; он умер в 1748/49 г.⁸⁰ Мазары образовывались и в дальнейшем, хотя и не получали большой популярности. Это были большей частью могилы суфиев-ишанов, как Олим-Ходжа, Хальфа-Хусайн. Самым поздним мазаром была, по-видимому, могила ишана Чукмоки, умершего, судя по сообщениям, в середине XIX в.

Сохраняясь в течение веков, мазары могут служить надежными ориентирами при исследовании исторической топографии города, вследствие чего их регистрация имеет практический научный интерес. Задачей специального исследования должен явиться анализ связанных с мазарами мифов, отражавших народные верования. Их генезис также нередко коренится в далеком прошлом; однако эти мифы были живы в сознании бухарцев, отражая и усиливая отсталые представления, закономерно сохранившиеся до начала XX в. в социальных условиях Бухарского ханства. Отмеченный выше факт образования новых мазаров в XIX в. (и он не единичен) показывает, что культ мазаров не затухал.

О том, как образовывались новые мазары, в частности мазары с мнимыми захоронениями, повествует следующая рассказ жителей квартала Джафар-ходжа. Небольшой мазар, расположенный неподалеку от медресе Чор-мунор, был открыт не так давно одним афганцем; он добился разрешения на установление нового мазара, ссылаясь на то, что «в старых книгах» им найдено имя забытого бухарского святого, а место захоронения указано ему свыше, в вещем сне. Вещий сон, в котором «святой», явившись к избранному им человеку, требует благоустройства могилы и установления культа, как сообщают, положило начало многим бухарским мазарам: это считалось достаточным основанием, чтобы обратиться к властям за разрешением открыть мазар и воздвигнуть над ним знамя (туг бардоштан). Установка шеста с лоскутом материи и хвостом яка было внешним знаком мазара. Тот, кто явился инициатором открытия нового мазара, становился как бы его хозяином (шей-

⁸⁰ Эти сведения даны в сочинении *تحفة الزائر بن*

хом), нередко объявляя себя потомком «святого» или будучи действительно таковым.

Мазар являлся доходной статьей, и охотников получать доходы от приношений паломников было немало. В архиве сохранилась любопытная переписка между канцелярией туркестанского генерал-губернатора и политическим агентством в Бухаре. Житель Коканда Абдурахман-ходжа, ссылаясь на то, что он принадлежит к потомкам «святого», подал колониальным властям прошение о допущении его к сбору пожертвований на бухарском мазаре Ходжа Баховаддина Накшбанда наравне с другими шейхами, кормившимися у этого мазара. Через русского политического агента этот вопрос был поставлен перед бухарским правительством, и кушбеги специальным письмом уведомил политического агента о решении шейхов мазара. Они заявили, что Абдурахман-ходжа не имеет никакого отношения к мазару, и поэтому они не согласны допустить его к доходам от пожертвований⁸¹.

Не являясь потомком «святого» и не имея возможности претендовать на это, желавшие стать шейхами мазаров стремились благоустроить какой-нибудь заброшенный мазар и таким образом получить права на сбор пожертвований.

Подобный факт описан С. Айни в его «Воспоминаниях», где рассказывает, как один житель Бухары, найдя около своего жилища мазар «без хозяина», взялся за ним присматривать, объявив себя «подметальщиком мазара»; постепенно добившись распространения слухов о целебности мазара, он стал собирать в свою пользу поступающие пожертвования⁸².

Культ мазаров в его разнообразных проявлениях был одной из характерных черт жизни бухарцев в дореволюционное время. Он стойко сохранялся в условиях отсталости и господства религиозных предрассудков, отличавших духовную атмосферу столицы Бухарского ханства. Конечно, наиболее здравомыслящие из бухарцев

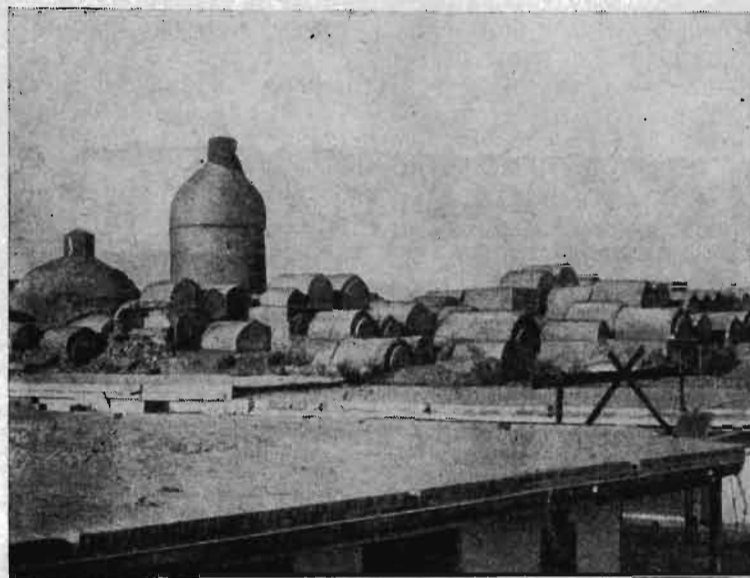
⁸¹ Госархив УзССР, ф. 3, д. 1.

⁸² С. Айни, Еддошто, III, стр. 155. Выражение «джорубканш мазор» превратилось в термин, означающий шейха, не связанного с мазаром своим происхождением, а получившего эту связь по праву благоустройства или открытия мазара.

понимали, насколько примитивны эти культы. Вероятно, скрытый до поры протест против архаического культа мазара Хамбоми каппа (в квартале Хамбоми каппа или Мирджон-кельды) вскоре после революции побудил какого-то вольнодумца сбить игрушечную постройку, служившую предметом поклонения.

Кладбища. В Бухаре на территории города было много кладбищ. Они нередко окружали мазары. На некоторых из них было мало захоронений, так как здесь хоронили только потомков «святого». Иногда же кладбища носили общественный характер, и те семьи, чьи предки лежали здесь из поколения в поколение, продолжали хоронить своих покойников на том же месте вплоть до революции. Несмотря на крайнюю перенаселенность города, внутри городских стен скопилось столько захоронений, что уже давно кладбища превратились в нагромождения надгробий, значительно возвышавшиеся над окрестной территорией. Вследствие высокого стояния грунтовых вод на большей части территории города наиболее обычным для Бухары способом погребения было погребение в наземных склепах (сагона), сложенных из жженого кирпича на алебастре. Так же устраивались могилы на кладбищах, находившихся за воротами города. Лишь в некоторых возвышенных местах (например, на кладбище возле мазара Имама Абухафси Кабира) покойников хоронили в земле. Сейчас трудно установить точное число кладбищ на территории города. В фенинском «Указателе» к плану города отмечено 30 кладбищ⁸³, однако этот список далеко не полон. Там нет, например, довольно крупного кладбища Пуштайн зогон (около ворот Саллях-хона), кладбища Ходжа Убон и др. Кладбища, образовавшиеся вокруг крупных мазаров, может быть, были древнейшими местами культа,

⁸³ Кладбища: 1) Ак-мазар, 2) Ходжа Али Атласпуш, 3) Шайх рангрез, 4) Хальфа Хусейн, 5) Ходжа Булгор, 6) Турки Джанди, 7) Ходжа Амонбой, 8) Миракон, 9) Ходжа Калон, 10) Подшо Исмонл Сомони, 11) Ишони Имло, 12) Шайх Джалоль, 13) Езда биродарон, 14) Ходжа Чоршанби, 15) Ходжа Гунджори, 16) Зиндафиль Ахмади Джоми, 17) Хазрат Аюб, 18) Шер-Мухаммад Джузвонкан, 19) Ходжа Сесарон, 20) Ходжа Гариб, 21) Ходжа Гоиб, 22) Ходжа Авлиёи кабир, 23) Шохи Ахси, 24) Ходжа Нуробод, 25) Имом Козыхон, 26) Эшони устоз, 27) Ходжа Гиребон чок, 28) Ходжа Рушной, 29) Мавлоно Шариф, 30) Эшони Имло.

Мазар и кладбище Турки Джанди

издревле став и местами захоронений для населения Бухары⁸⁴.

Кроме этих более или менее обширных кладбищ в городе было много отдельных семейных кладбищ (гурхона) или мавзолеев⁸⁵. Могилы были и внутри домовладений. И. Т. Пославский пишет, что «каждого, кто... заглядывал в открытые иногда двери и ворота наружных дворов, поражает необыкновенно большое количество...

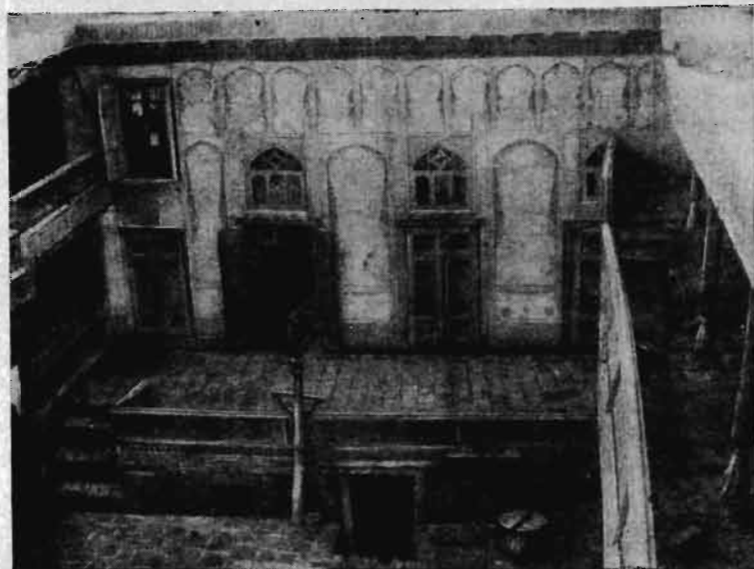
⁸⁴ Вопрос об образовании кладбищ внутри города рассматривается в работе В. А. Шишкина, *Архитектурные памятники Бухары*, стр. 18—19, и в кн.: О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 42—44.

⁸⁵ В «Указателе» отмечено несколько семейных мавзолеев (гурхона), принадлежавших главным образом эмирскому дому: Гурхонайи Хакони, Гурхона Саид-зода, Гурхона Ходжа Нуробод; на кладбище Ишони Имло находились гробницы эмиров: Гурхонайи Олийи чубин, Гурхонайи Олийи сангин, Гурхонайи амир Насрулло. Было также несколько мавзолеев женщин, по-видимому, также из эмирской семьи: Гурхонайи Ойим, Гурхонайи Чучук-ойим, Гурхонайи Мангит-ойим, Гурхона Шарофат-бону.

отдельных могил во дворах... Прежде когда-то, говорят, фамильная усыпальница почтенного рода всегда находилась во дворе собственного дома»⁸⁶. По сообщениям бухарцев, некоторые жители города завещали похоронить себя в собственном доме; такие факты приводятся и в источниках⁸⁷. В дореволюционной Бухаре кладбища были неотъемлемой частью городского пейзажа. Они были ликвидированы из санитарных соображений только после революции.

Жилые кварталы. Город делился на жилые кварталы (гузары), которые занимали основную часть его территории, деля ее на отдельные замкнутые участки разного размера и очертания, когда-то отделявшиеся друг от друга (во всяком случае некоторые из них) воротами, защищавшими вход на их территорию. В Бухаре конца XIX в. такие ворота сохранились лишь в двух кварталах — Хонако и Амири.

Квартал состоял из отдельных домовладений, находившихся в собственности горожан. Среди домов, составлявших жилые кварталы, выделялись дома, принадлежавшие государству (хонахойи пошохи). Они имелись во многих кварталах, сильно отличаясь друг от друга своей величиной, добротностью, размерами участка. Одни из таких домов представляли собой крупные здания дворцового типа из жженого кирпича, наподобие того, которое имелось в квартале Чор-харос. Оно сохранилось поныне. В кварталах, расположенных ближе к окраинам города, казенные дома имели сравнительно просторные дворы, где помещались конюшни; немало было и небольших казенных домов, не отличавшихся от рядовых домов обычной для Бухары архитектуры. Казенные дома использовались преимущественно под жилье для служилых людей; многие должности — и крупные, и мелкие — были сопряжены с обязательным поселением в соответствующем должности казенном доме. Такие казенные квартиры имели казикалян, раис, различные командные чины армии вплоть до низших, которые помещались в самых скромных из казенных домов. При смещении с должности или назначении на высшую каждый освобождал занимаемую им казенную квартиру, переходя

Жилой дом (внутренний вид)

в ту, которая соответствовала новой должности. Вряд ли эти передвижения каждый раз доводились до сведения эмира и санкционировались им, но в отдельных случаях это делалось. А. А. Семенов опубликовал направленное эмиру донесение чиновника об исполнении данного ему поручения — освободить казенный дом, который был занят отставленным от должности миршабом, и передать дом вновь назначенному миршабу⁸⁸.

Одним из источников образования фонда казенных домов был переход в собственность казны или эмира домов, отобранных у частных хозяев. В одних случаях это было прямой конфискацией, которая применялась при отстранении от должности какого-нибудь провинившегося или вызвавшего гнев эмира чиновника, в других — хозяин дома ставился в такое положение, что ему не

⁸⁶ И. Т. Пославский, *Бухара. Описание города и ханства*, стр. 78.

⁸⁷ О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 42—43.

⁸⁸ А. А. Семенов, *Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени*, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР», т. 26, 1954.

оставалось ничего другого, как «подарить» свой дом эмиру. Так попал в собственность эмира упомянутый выше дом-дворец в квартале Чор-харос. По записям М. С. Юсупова, его выстроил для себя крупный богач-торговец Ходжа-Камол. Узнав об этом, эмир Музаффар предложил Ходжа-Камолу продать его дом. Хозяин был вынужден согласиться. Когда эмир приехал осмотреть дом, хозяин поднес ему уже оформленную купчую на дом, (васика) вместе с богатым подарком. На другой день хозяину была выплачена стоимость дома по васике⁸⁹, и вряд ли можно сомневаться, что при таких условиях в васике была указана не настоящая цена. Этот дом сохранялся за самим эмиром. Рассказывают, что он был богато убран и там постоянно находились слуги. Иногда туда приезжал эмир, иногда там помещались какие-нибудь важные гости. В остальное время дом стоял пустой, но полностью обеспеченный всем необходимым для жизни.

Таким же образом попали в казну дом богатого торговца Сайфиддин-бая, шахрисябзца по происхождению, и дом крупного ростовщика Мирзо-хурди-саррофа, впоследствии занятый в качестве казенной квартиры важным чиновником — «нижним» кушбеги (девонбэги)⁹⁰.

Вопрос о планировке города. В конце XIX — начале XX в. основной, можно сказать единственной, формой членения города на части сделалось деление на кварталы. Однако сохранялись и следы древнего членения на более крупные части.

Исследования автора по исторической топографии городов Бухары, Карши и Шахрисябза, а также сравнительные археологические данные привели его к выводу, что можно различать два типа членения среднеазиатского города, восходящих к двум историческим периодам⁹¹ — древности и средневековью. Древний тип членения города — деление его на части (секторы) прямыми линиями улиц. Этот тип существовал в двух вариан-

⁸⁹ М. С. Юсупов, *Судоустройство и судопроизводство* (рукопись), стр. 25. Хранится в научном архиве Института истории и археологии АН УзССР.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ О. А. Сухарева, *Традиционное соперничество у народов Средней Азии*, — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XXX, М., 1958, стр. 121—129.

тах: более примитивный и архаический — членение на две части, между которыми проходит одна улица; более сложный, появившийся в процессе развития первого, — деление на четыре части, которые образуются между двумя перекрещивающимися улицами. Этот тип членения населенного пункта в его первом, более архаическом варианте восходит к планировке древних городищ, объясняемой С. П. Толстовым дуальной организацией, зародившейся еще в доклассовом обществе⁹².

Членение древнейших среднеазиатских городов на две-четыре части отмечено историческими источниками, а во многих городах дошло до нашего времени как в планировке города, так и в сознании городского населения. По-видимому, в древности делилась на четыре части и Бухара. В этом смысле можно понимать сообщение Наршахи о том, что один квартал шахрестана занимал четвертую часть — руб' (ربع) города⁹³. В. А. Шишкин видит следы этой древней планировки в расположении крупнейших уличных магистралей на территории древнейшей части города — шахрестана, где улицы, идущие с севера на юг и с запада на восток, пересекаются в том месте, где стоит пассаж ювелиров — Токи заргарон⁹⁴. В отношении Мерва членение на четыре части было отмечено Истахри (X в.). По его словам, «четверти, на которые делится город, имеют определенные границы, у этих четвертей есть известные каналы...»⁹⁵. Подобное членение было свойственно и средневековому Герату, который был разделен на четыре части двумя перекрещивающимися в центре улицами⁹⁶. А. М. Беленицкий, правда, говорит, что эта планировка явилась результатом перестройки города по выработанному при Шахрухе плану, но улицы, конечно, и раньше проходили в том же направлении. Многочисленные параллели позволяют считать, что в такой планировке среднеазиатских городов проявлялась старинная традиция, которая оказалась

⁹² С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, М., 1949, стр. 285.

⁹³ М. Наршахи, *История Бухары*, стр. 70.

⁹⁴ В. А. Шишкин, *Архитектурные памятники Бухары*, Ташкент, 1936, стр. 30.

⁹⁵ Цит. по: В. А. Жуковский, *Развалины старого Мерва*, — «Материалы по археологии России», 1896, № 16, стр. 20.

⁹⁶ А. М. Беленицкий, *Историческая топография Герата XV в.*, — сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 181.

очень живучей. Она дожила почти до нашего времени и засвидетельствована многими авторами, описывавшими среднеазиатские города конца XIX — начала XX в.

Перекресток улиц — чорсу — в средневековых городах был торговым центром города и нередко отмечался перекрывающим его купольным пассажем. Самый термин «чорсу», тесно связанный с описываемой планировкой, встречается в топографии многих городов и, возможно, также имеет древнее происхождение. Деление на четыре части перекрещивающимися в центре улицами сохранялось до последнего времени в Самарканде (где эти части назывались кытья)⁹⁷, в Ташкенте (даха, юрт)⁹⁸, в Канибадаме. На две части делился также Шахрисябз⁹⁹.

Бухара давно утратила четкость древнего членения. Не отраженное в административном устройстве города с той определенностью, которая была свойственна, например Ташкенту (где каждая часть возглавлялась особым правителем — минг-баши и имела своего казиза)¹⁰⁰, членение Бухары не запечатлелось в сознании жителей. Однако анализ отдельных пережиточных явлений обнаруживает его следы, позволяющие полагать, что и в Бухаре имелись традиции членения на две или четыре части, восходившего к глубокой древности¹⁰¹.

Однако в Бухаре, из века в век развивавшейся на одном и том же месте, это древнее членение было перекрыто более поздним, связанным с развитием феодального города в процессе роста окружавших его рабадов. Так как последние располагались вокруг центра города концентрическими кольцами, этот тип членения можно определить, как кольцевой. Кольцевое членение было свойственно, например, Карши, городу, который появился, как известно, лишь в XIV в. как город феодальный. Оно было характерно и для Бухары. В более ранний период — в XII в. оно подчеркивалось охватом появившихся

в разное время частей города двумя рядами концентрически расположенных стен. С XVI в., после строительства последней городской стены, эта структура города нашла яркое отражение в выделении территорий, охватываемой старой стеной (хисори кадим), и территории, охватываемой новой стеной и лежащей вне старой стены (беруни хисори кадим). Память об этом членении города сохранилась у современных бухарцев в представлении о том, что центральная часть города была «внутренним городом» (шахри дарун).

Разновременность включения в город различных его районов связывается в сознании горожан с делением жителей Бухары на шахристанцев, регистанцев, калябадцев и джуйбарцев. При этом выделяются: шахристан — древнейшая часть города; регистан — район, включенный в город, вероятно, при строительстве самой ранней стены, окружившей рабад; район Калябада, вошедший в город X—XII вв.; район Джуйбара, включенный в город лишь в конце XVI в. Таким образом, это деление отразило процесс роста города феодальной эпохи; оно не связано с более древним членением города на две-четыре части прямыми линиями улиц. Однако сама традиция четырехчленного деления Бухары несомненно очень древняя. В этом убеждают нас и аналогии с другими городами, и то, что само четырехчленное деление Бухары было связано с восходящей к эпохе доклассового общества архаической традицией соперничества между жителями различных частей города¹⁰².

¹⁰² Анализ этой традиции см. в ст.: О. А. Сухарева, *Традиционное соперничество...*

⁹⁷ О. А. Сухарева, *Традиционное соперничество...*, стр. 123.

⁹⁸ Н. А. Маев, *Азиатский Ташкент*, — «Сборник материалов для статистики Туркестанского края», вып. IV, СПб., 1876. См. также А. И. Добросмыслов, *Ташкент в прошлом и настоящем*, Ташкент, 1912.

⁹⁹ О. А. Сухарева, *Традиционное соперничество...*, стр. 123.

¹⁰⁰ Н. А. Маев, *Азиатский Ташкент*.

¹⁰¹ О. А. Сухарева, *Традиционное соперничество...*, стр. 124.

ГЛАВА II

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И СТРУКТУРА БУХАРСКОЙ СЕМЬИ

Дореволюционная литература по вопросу о численности населения среднеазиатских городов

Вопрос о степени разветвления городской жизни и размерах городов в тот или иной период — это прежде всего вопрос о численности городского населения.

Решение этого вопроса для феодального периода очень сложно вследствие отсутствия достаточно надежного источника — статистических данных. В феодальных государствах статистики не было и демографические переписи не производились. Этим и объясняется то, что исследователи феодальных городов либо дают лишь весьма приблизительные цифры численности их населения, либо вообще отказываются от их определения. Так, не поставлен этот вопрос в исследованиях М. Н. Тихомирова о русских городах¹, Н. Пигулевской — о городах Ирана².

Исследователи Средней Азии не обходят вопроса о численности населения феодальных городов. Многие авторы, начиная с В. В. Бартольда, основываясь на сообщениях источников, приводят цифры для конкретных городов в различные периоды. А. Ю. Якубовский, отмечая, что «по количеству населения города эти (Средней Азии. — О. С.) даже оставляют за собой численность европейских городов в эпоху феодализма в Европе», говорит, что «во всяком случае в X в. население Мерва и Самарканда перевалило за цифру в 200 000 человек»³.

¹ М. Н. Тихомиров, *Древнерусские города*, М., 1956.

² Н. Пигулевская, *Города Ирана в раннем средневековье*, М.—Л., 1956.

³ А. Ю. Якубовский, *Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.*, — «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», Л., 1953, стр. 5.

М. Е. Массон считает, что в Самарканде XIV—XV вв. «количество жителей исчислялось несколькими сотнями тысяч» и что «к середине XV в. численность городского населения продолжала оставаться близкой к прежней цифре, хотя есть письменное сообщение, что при Улугбеке она даже выросла по сравнению с предыдущим временем»⁴. Признавая «может быть, несколько преувеличенными данные, приведенные у Клавихо», М. Е. Массон говорит о 150 тыс. «иноземцев, преимущественно ремесленников», переселенных Тимуром в Самарканд из покоренных им стран⁵. Еще более высокая цифра населения названа М. Е. Массоном для Герата, где, по его мнению, уже в XII в. было «до полумиллиона, а по другим данным, — до миллиона» жителей. Он основывается при этом на сообщении Хондемира, что монголы перебили в Герате и его сельских районах (булюках) до полутора миллионов человек, а также на описании чумы 1435 г., когда в некоторые дни «из городских ворот выносили... до 4000 погребальных носилок тобут, не считая трупов, которые проносились без них. Всего в самом Герате, по официальным данным, умерло 600 000, а в булюках — до 400 000 человек, не считая тех трупов, которые тайно были закопаны в домах или сброшены в ямы». Эти данные привели М. Е. Массона к выводу, что «даже принимая во внимание известное преувеличение статистических данных, совершенно несомненно, что Герат в XV в. был исключительно многолюдным городом с населением в несколько сот тысяч и, видимо, более чем в полмиллиона человек»⁶.

Численности населения Бухары для столь раннего периода историки не определяют. Однако все они приводят свидетельство Истахри, который, имея полную возможность во время своего путешествия сравнить Бухару с другими городами, писал, что «нет в Хорасане и Мавераннахре города сильнее укрепленного, чем Бухара, и более многолюдного...»⁷. Этот отзыв очевидца по-

⁴ М. Е. Массон, *Архитектурно-планировочный облик Самарканда времен Навои*, — «Труды САГУ», вып. 81, Ташкент, 1956, стр. 58.

⁵ Там же, стр. 57.

⁶ М. Е. Массон, *К исторической топографии Герата XVI в.*, рецензия на статью А. М. Беленицкого, — сб. «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948, стр. 140—142.

⁷ Цит. по: В. А. Шишкин, *Города Узбекистана*, Ташкент, 1943, стр. 8.

казывает, что Бухара того времени была больше Самарканд и больше Герата. Если позднее, при взятии города войсками Чингис-хана, Бухара была разрушена, долго не могла восстановиться и несколько сократилась в своих размерах⁸, то в дальнейшем город снова вырос. Именно это потребовало в XVI в. строительства новой городской стены, которая охватила значительную новую территорию. В результате площадь феодальной Бухары достигла своих максимальных размеров⁹.

В таком виде ее нашли первые европейские путешественники, оставившие нам ее описание. Средневековая Бухара, по-видимому, выдерживала сравнение с крупными средневековыми городами Европы. Дженкинсон, который был в Бухаре в 1558—1560 гг., т. е. вскоре после постройки новой стены или во всяком случае большей ее части (возможно, в то время Джуйбар еще не был включен в черту города)¹⁰, отметил, что «город очень велик»¹¹. Рост города продолжался и в дальнейшем. После того как стена охватила весь Джуйбар и площадь Бухары больше не увеличивалась, развитие города выразилось в увеличении плотности заселения всей его территории, размеры которой равнялись 4 кв. км¹². Все это пространство к концу XIX в. было плотно заселено; в предшествующее время плотность населения была, конечно, меньше.

Что касается Герата, столь высокую численность жителей которого устанавливает М. Е. Массон для XII в., то в XV в. — в период самого блестящего его расцвета — площадь Герата была, как установил А. М. Беленицкий, всего около 2,5 кв. км¹³. В отношении плотности насе-

⁸ Границы города до постройки последней стены определены автором настоящих строк (см.: О. А. Сухарева, *К истории городов Бухарского ханства*, Ташкент, 1958, стр. 45—57).

⁹ Там же, стр. 56—59.

¹⁰ Западный участок стены, охвативший Джуйбар, был перестроен при Абдулла-хане (1557—1558).

¹¹ А. Дженкинсон, *Путешествие в Среднюю Азию в 1558—1560 гг.*, — сб. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», пер. с английского, Л., 1932, стр. 182.

¹² Н. Ф. Ситняковский, *Попытки к исчислению народонаселения в г. Бухаре*, — «Протоколы заседания ТОРГО от 28.II.1898 г.», Ташкент, стр. 84.

¹³ А. М. Беленицкий, *Историческая топография Герата XV в.*, — сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 181 (в использованных им источниках говорится, что «диаметр города был равен 1900 шагам»).

ления Герат, по-видимому, далеко уступал Бухаре, которая начиная с X в. и до конца своего существования в качестве феодального города держала пальму первенства в этом отношении среди всех других среднеазиатских городов. Известно, что облик феодальных восточных городов, определившись в период их формирования, сохранял свои характерные черты и в дальнейшем¹⁴. Герат же, по описанию Н. И. Вавилова, наблюдавшего его в 1924 г., был городом, «в буквальном смысле сливавшимся с полем»¹⁵, что само по себе исключает высокую степень плотности его населения.

Бухара же, в которой почти не было свободных территорий под пашнями и садами, отличалась исключительной плотностью населения. Ее территория, образовавшаяся при строительстве последних городских стен, с течением времени все больше обживалась; новые части города приобретали городской характер; сокращались или исчезали участки, занятые раньше садами и пашнями¹⁶, все более тесно застраивались, все более дробились и заселялись домовладения. В результате этого процесса к концу XIX — началу XX в. Бухара достигла таких размеров, каких, конечно, никогда не достигала раньше, — даже тогда, когда, по словам Истахри, она была самым многолюдным и плотно заселенным городом Хорасана и Мавераннахра.

Население города чем дальше, тем больше увеличивалось. Начавшийся к концу XVIII в. во всей Средней Азии подъем хозяйства и сложение более сильной государственной власти отразились и в развитии городской жизни. Помимо того что в этот период создались более благоприятные условия для увеличения естественного

¹⁴ Вспомним пожелание В. Гордлевского об изучении современной Коньи для понимания Коньи средневековой (В. Гордлевский, *Избранные сочинения*, т. I, М., 1960, стр. 155).

¹⁵ Н. И. Вавилов, *Земледельческий Афганистан*, — *Избранные труды* в 5 томах, т. I, М., 1933—1935, стр. 92, 116.

¹⁶ Интересно отметить, что, по свидетельству В. А. Шишкина (сообщено в устной беседе), он не находил сколько-нибудь значительных археологических следов городской жизни на территории, расположенной к северу от Регистана и древнего шахристана, т. е. на территории, которая, как установил автор настоящих строк, до строительства последней стены была вне пределов города (см.: О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 51—52). К XX в. почти вся эта территория была густо застроена.

прироста населения, в город стекались и поселенцы из других мест. Их привлекала сюда та «приманка наживы», за которой, по выражению К. Маркса, в города тянется и «коренное население» страны и «чужеземные купцы и промышленники», вливаясь в старое городское население¹⁷. Исключительно высокое развитие в Бухаре ремесленной промышленности и торговли создавало условия, особенно привлекавшие переселенцев.

Необычайная плотность заселения территории Бухары в конце XIX — начале XX в. не вызывает сомнений, хотя точная цифра населения города как для более ранних периодов, так и для изучаемого нами времени неизвестна. Поэтому необходимы настойчивые исследования и привлечение самых различных материалов, чтобы дать ответ на этот вопрос, столь важный для понимания истории феодального города вообще. Именно в Средней Азии мы имеем такую возможность изучения; установленные нами факты относительно населения позднефеодального города могут послужить мерилем для критической оценки сообщений средневековых письменных источников по Средней Азии, источников заведомо неточных, данными которых за неимением лучшего пользуются историки, принимая их хотя и с некоторыми оговорками, за достоверные. Какие нужно внести в них коррективы, могут подсказать данные о населении Бухары XIX — начала XX в. — периода, для которого уже могут быть привлечены более многочисленные и надежные источники, чем для ранних периодов.

Если историки средневековья не называли цифры населения Бухары, дав ее для других городов, то для XIX в., когда в Бухаре побывали европейцы, предположения в количестве населения столицы Бухарского ханства высказывали очень многие. Пытаясь определить его численность, они использовали личные впечатления и расспросы местных жителей, иногда сообщения администрации города.

Естественно, что все эти цифры неточны; это подтверждается значительными расхождениями между отдельными авторами. Мейендорф, ссылаясь на устное сообщение, пишет, что в Бухаре было до 8 тыс. домов

¹⁷ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 12.

и 70 тыс. жителей¹⁸. Наблюдавший Бухару в 1820 г. «очевидец» (священник Будрин), замечая, что город «не обширен... однако весьма многолюден», считает в нем до 60 тыс. населения, ссылаясь на «уверение бухарцев, и собственными нашими примечаниями доказанное». По его оценке, «Бухара может похвастаться значительным торговым городом не только между бухарцами, но и между городами смежных владений»¹⁹.

Примерно так же определял численность населения Бухары и Н. Ханыков, особенно тщательно, со свойственной ему добросовестностью, изучивший этот вопрос. Осторожно заметив, что нельзя «сказать положительно о числе домов Бухары, потому что для определения сего мы не имеем решительно никаких данных», он высказывает предположение, что оно не превышало 12 500, «потому что здесь живут весьма тесно»²⁰. Так как обстоятельства не позволили Н. Ханыкову познакомиться с дафтарными записями, он предпринял попытку определить плотность населения на двух танапах, произведя 30 опросов тех, кто жил на этой территории. Однако и эта попытка не дала надежных результатов: у него получилось в среднем 15 человек на танап, т. е. всего в городе 30 тыс. человек. Так как эта цифра, по мнению самого Н. Ханыкова, явно не соответствовала действительности, он высказал предположение, что в Бухаре живет 60—70 тыс. человек, что дает в среднем 38 человек на танап²¹. Очень внимательный наблюдатель, Виткевич, сообщает, что в Бухаре «жителей, говорят, до 100 тысяч, но это, без всякого сомнения, крайне преувеличено»²².

Как мы увидим, цифры, предложенные русскими исследователями первой половины XIX в., были очень близки к действительности. Приходится удивляться вер-

¹⁸ Bar. Meyendorff, *Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820*, Paris, 1826, p. 172.

¹⁹ «Русские в Бухаре в 1820 г. (записки очевидца)», — «Оренбургские ведомости», 1870, № 22.

²⁰ Н. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, СПб., 1848, стр. 92. В книге опечатка — напечатано 2500 (по дальнейшему видно, что следует читать 12 500).

²¹ Там же, стр. 96—97.

²² «Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича по поводу его путешествия в Бухару и обратно», — «Центральный Государственный военно-исторический архив СССР», ф. 67, оп. 103, л. 18.

ности глаза и трезвости расчета наших соотечественников, не имевших в условиях того времени возможности свободно собирать сведения. Западноевропейские путешественники в этом отношении оказались куда менее проникательными и осторожными: немец Эверсман, бывший в Бухаре одновременно с Мэйендорфом, насчитал в Бухаре 200 тыс. человек²³, англичанин Борнс — 160 тыс.²⁴, а венгр А. Вамбери обходит этот вопрос²⁵.

Большая цифра названа Григорием Спасским, который сам в Бухаре не бывал; «на основании сведений, большею частью на месте собранных», он произвел весьма любопытные расчеты. Он шел совершенно правильным путем, и не его вина, что ему в руки не попали (и не могли в то время попасть) более точные сведения. В своих расчетах он исходил из наличия в Бухаре 400 жилых кварталов, по 50 домов в каждом; предполагая, что в каждом доме жило по три семьи, состоящих в среднем из 4 человек, и прибавив к этому обитателей караван-сараяв, медресе и жителей, не причислявшихся к кварталам еврейских слобод, он получил численность населения г. Бухары 249 250 человек²⁶.

После присоединения Средней Азии к России вопрос о численности населения Бухары продолжал занимать авторов, оставивших нам описание города. Но так как в бухарском эмирате по-прежнему статистики населения не существовало, этот вопрос решался, как и раньше, на глаз, по расспросным данным или при помощи каких-либо косвенных данных и расчетов. Очень скоро изучавшие город поняли, что наиболее реальной цифрой, которую можно получить путем расспросов и наблюдений, может быть число домовладений. Исходя из него и из средней численности семьи, производили расчет общего количества населения города.

Одним из первых, кто описал город после присоединения, был Л. Ф. Костенко. Получив сведения, что в городе насчитывается 15 тыс. домов и считая на каждый

²³ Цит. по: П. Савельев, *Бухара в 1835 г.*, СПб., 1836, стр. 13. В опубликованном Эверсманом в 1823 г. сочинении мы этой цифры не встретили.

²⁴ А. Борнс, *Путешествие в Бухару*, т. II, М., 1848—1849, стр. 422.

²⁵ А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, М., 1865, стр. 179—187.

²⁶ Гр. Спасский, *Новейшее описание Великой Бухарии*, — «Азиатский вестник», 1825, кн. 4, стр. 17.

дом по 5 человек, он получил количество населения 75 тыс. человек. «Таким образом, — замечает Костенко, — по населению Бухара равняется Ташкенту, хотя и расположена теснее его»²⁷. Используя «приблизительные определения на глаз», и «расспросные материалы», И. Т. Пославский (как до него Н. Ханьков) пытался определить число жителей по плотности населения; он использовал результат обследования им двух жилых домов, одного небольшого медресе и двух больших караван-сараяв. На основании этих данных он высказывает мнение, что жителей в Бухаре «около 50 и никак не более 70 тысяч», отмечая в то же время, что Бухара «по сравнению с другими городами Средней Азии населена очень густо», что здесь «замечается особенно много 2-х и 3-х этажных построек, занимающих местами целые улицы и площади», а «улицы Бухары очень узкие, дворы очень маленькие и нет почти площадей и садов»²⁸. Из плотности населения исходит и Н. Ф. Ситняковский. Приравняв Бухару по густоте населения к центральной части г. Туркестана (по которому имелись точные статистические данные), он нашел, что в Бухаре по ее площади должно быть 11 420 дворов и, считая по 6 человек на двор, — 68 500 человек населения. Для проверки он исчислил население Бухары, исходя из числа жилых кварталов и среднего количества жителей кварталов и членов семьи. По «дошедшим [до него] частным сведениям», он считал, что в Бухаре имеется 365 кварталов. Полагая в среднем (по аналогии с г. Андижаном) по 36,6 двора на квартал, он получает цифру 13 360 дворов; умножая эту цифру, так же как и в первом случае, на 6, он получил 80 тыс. жителей²⁹. П. П. Шубинский, не сообщая своего способа исчисления и, вероятно, основываясь на всех ранее опубликованных работах, писал, что население Бухары не превышает 100 тыс. человек³⁰. Наконец, Масальский, подводя итог сделан-

²⁷ Л. Ф. Костенко, *Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г.*, СПб., 1871, стр. 83.

²⁸ И. Т. Пославский, *Бухара. Описание города и ханства*, — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», XVII, Ташкент, 1891, стр. 69, текст и примечания.

²⁹ Н. Ф. Ситняковский, *Попытки к исчислению народонаселения в г. Бухаре*, стр. 79—85.

³⁰ П. П. Шубинский, *Очерки Бухары*, — «Исторический вестник», 1892, IX, стр. 624.

ному до него, считал, что в Бухаре, «по приблизительным сведениям», — 80—100 тыс. жителей³¹.

Таков был результат изучения вопроса численности населения Бухары в дореволюционный период. Как мы видели, многие исследователи, не имея возможности установить точную цифру населения, выработали единственно правильный (при отсутствии статистических данных) способ исчисления жителей по количеству домовладений и числу членов обитавших в них семей, уточняя их по кварталам. К определению численности населения городов по приходам и кварталам прибегало, по-видимому, и само эмирское правительство. Н. Стремухов, бывший в Бухаре в 1875 г., указывал, что «переписей совсем нет», и «только в городах по числу мечетей и махалля определяется количество жителей — и то приблизительно и весьма неточно»³².

Численность населения Бухары в конце XIX — начале XX в.

Перед последующими исследователями стояла задача уточнения и корректирования накопленных знаний. Только после революции, происшедшей в Бухаре в 1920 г., исчисление населения бывшего Бухарского ханства и его столицы Бухары впервые получило надежную статистическую основу. Однако Бухара не попала в перепись 1920 г., и до переписи 1926 г., впервые охватившей территорию Средней Азии в целом, в нашем распоряжении имеются лишь некоторые общие цифры. Так, в опубликованном государственном плане на 1923/24 г. указывается (с оговоркой), что его цифры приблизительны, не точны. По этим данным, в 1913/14 г. городское население ханства составляло 251,8 тыс. человека, а в 1923/24 г. — 180 тыс. человек³³.

Уменьшение городского населения в первые годы после революции, наблюдавшееся и в других городах,

особенно значительно было в г. Бухаре. Потеряв бывшее значение столицы феодального государства, она пережила бурный и болезненный процесс ломки старых, складывавшихся веками и консервировавшихся эмиратом отношений. Изменился состав населения города и его численность. Эмигрировали многие из тех, кто был связан с эмирским правительством и принадлежал к господствующим классам. Вместе с ними ушли их многочисленные слуги и приближенные. Часть ремесленников, обслуживавших ранее феодалов, была вынуждена искать вне города средства к существованию, так как в нем не находила себе применения. Были расформированы и, вероятно, в значительной своей части покинули город сарбазы и их начальники.

Переписью 1926 г. в Бухаре было учтено 11 901 домовладение, 13 491 семья и 46 706 человек населения, из которого местных жителей — 41 839 человек³⁴. Не подлежит сомнению, что в Бухаре конца XIX — начала XX в. населения было значительно больше. При несопоставимости численности жителей города до и после революции для решения вопроса о численности населения Бухары в дореволюционное время нам остается единственный путь — уточнение числа кварталов, домовладений в каждом из них и выяснение численности семьи в специфических условиях г. Бухары. Этнографические материалы, собранные путем детального обследования каждого квартала в отдельности, дают возможность такого уточнения, хотя, как и раньше, цифры получаются лишь приближительные.

Попытка исчисления населения г. Бухары по этим данным была сделана автором в уже опубликованной книге³⁵. В настоящее время в его распоряжении оказались материалы, позволяющие внести дальнейшие уточнения. Это материалы архива Института тропических заболеваний, предпринявшего в 1923—1930 гг. подробное обследование кварталов г. Бухары для подготовки борьбы с широко распространенными тогда тропическими заболеваниями. Среди материалов этого ценного архива мы находим отчеты врачей за 1926 г. и особенно ценные

³¹ В. И. Масальский, *Туркестанский край*, СПб., 1913, стр. 349.

³² Н. Стремухов, *Поездка в Бухару (извлечение из дневника)*, — «Русский вестник», т. 117, 1875, стр. 679.

³³ «Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923/1924 г.», — «Старая Бухара», 1923, стр. 54, табл. 10.

³⁴ «Материалы Всесоюзной переписи 1926 г.», вып. 1, Самарканд, 1927, стр. 41.

³⁵ О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 72—73.

Для нас таблицы, содержащие результаты обследования многих кварталов в 1928, 1929 и 1930 гг.; в этих документах указывается число домов (как населенных, так и покинутых) в каждом квартале и приводятся данные о составе обследованных семей. Еще более подробные данные содержатся в карточках выборочного посемейного обследования, которые позволяют для многих кварталов заменить приблизительные цифры домовладений, сообщенные информаторами по памяти, более точной цифрой домов, обследованных врачами³⁶.

Использование этого архива дало собранным нами этнографическим сведениям надежную документальную основу. Следует отметить поразительные совпадения с этими документальными данными большинства цифр, сообщенных информаторами, обращавшимися памятью к давно прошедшим временам. Эти совпадения служат наглядным свидетельством надежности этнографических сведений, если они получены от удачно найденных и правильно ориентированных информаторов. Имея возможность опереться лишь на опросные данные, собранные им в 1947—1948 гг., автор определил число домовладений г. Бухары в 12,5 тыс.³⁷ Привлечение новых материалов — данных поквартального обследования Института тропических заболеваний позволило проверить эту цифру: оказалось, что в Бухаре было 12 045 домов³⁸. Как мы видим, эта цифра отличается от предложенной нами ранее всего на 455 домов, а от цифры, выявленной переписью 1926 г., — менее чем на 150 домов. Учитывая, что к 1926—1930 гг., когда производилось врачебное обследование, число домов могло сократиться, мы смело можем

³⁶ Для уточнения числа домовладений в тех кварталах, по которым в архиве материалов нет, автор использовал схематические планы этого архива, на которых указана нумерация домов. Так как в то время кварталы сохраняли значение основной административной ячейки города и нумерация домов производилась отдельно в границах каждого квартала, наивысший номер может быть принят как указатель числа домов в квартале. Подобный прием был применен автором и для определения размеров кварталов г. Шахрисябза (см.: О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 129).

³⁷ О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 73.

³⁸ В архиве Института тропических заболеваний нет сведений по 43 кварталам. По 49 кварталам автор считал более надежными полученные им опросные данные. Для 10 кварталов цифры домовладений остались по-прежнему округленными, уточнить их не удалось.

принять для дореволюционного времени, не боясь впасть в преувеличение, цифру в 12,5 тыс. домов, названную нами раньше.

Уточняется цифра средней численности бухарской семьи. В опубликованной работе население города было исчислено нами исходя из 6 человек на семью. Эта цифра, установленная переписями конца XIX — начала XX в. для районов Русского Туркестана, принималась большинством авторов, проводивших подобные подсчеты. Каждый, кто знаком с составом традиционной среднеазиатской семьи, — как правило, неразделенной, включавшей в себя и семьи женатых сыновей, а иногда и братьев, — может признать эту цифру соответствующей действительности и отнюдь не преувеличенной. Однако, как показали материалы архива Института, подтверждаемые данными переписи 1926 г., средняя численность семьи в Бухаре была меньше — не 6, а 5 или даже 4,5 человека. Исходя из этого, необходимо внести коррективы в наши расчеты, и общая цифра количества городского населения в связи с этим понизится. Население жилых кварталов можно считать не 75 тыс., как автор предполагал раньше³⁹, а в 60—65 тыс. Если к этому прибавить не меньше 15 тыс. обитателей медресе⁴⁰, караван-сараяв и арка, то общее количество населения Бухары можно предположительно считать в 70—80 тыс. человек.

Это было несомненно высшим пределом численности населения, которого когда-либо достигала феодальная Бухара — город, равного которому по многолюдности, согласно Истахри, не было ни в Мавераннахре, ни в Хорасане. Численность населения г. Бухары того периода, когда он достиг высшей точки своего развития, показывает, какой в сущности невысокий уровень городской жизни был в феодальном обществе. Социально-экономические условия феодальной страны препятствовало росту городов, ограничивая процесс поглощения городом избыточного сельского населения, которое лишь в очень незначительной степени могло быть вовлечено в городские занятия — ремесло и торговлю. В свете этих цифр,

³⁹ О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 73.

⁴⁰ Н. Ханьков утверждает, что учащихся медресе по официальному списку было 9—10 тыс. (Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 88).

которые, несмотря на свою неточность, все же несравненно больше приближаются к действительности, чем цифры, приводимые в исторических хрониках, следует решительно пересмотреть все высказанные в литературе взгляды на численность населения средневековых городов Средней Азии.

Рост численности населения феодальных городов, в частности Бухары, задерживался не только социальными, но и санитарно-бытовыми и климатическими условиями, которые вызывали повышенную смертность среди горожан: феодальное общество было неспособно вести эффективную борьбу с порождаемыми этими факторами болезнями. Быт феодального города не способствовал высокому приросту населения, и это наглядно видно на примере Бухары, хотя она отличалась от всех без исключения городов Средней Азии более высоким уровнем культуры и зажиточности средних слоев населения. В Бухаре эти слои были лучше обеспечены материально, у них было больше одежды, разнообразной пищи, значительно шире была распространена грамотность⁴¹. Здесь сохранились оставшиеся еще, возможно со времен Авиценны, традиции в области медицины, было много всевозможных врачей-табибов, некоторые из них владели эмпирическими знаниями и навыками в области врачевания. Целый квартал был населен костоправами (шикастабандон); многие цирюльники были «хирургами», дергавшими зубы и удалявшими из тела ришту.

Однако культура бухарцев вплоть до революции оставалась средневековой, далеко отстававшей от уровня культуры пошедших по капиталистическому пути развития стран Западной Европы и России. Население Бухары было беззащитно перед многими болезнями, особенно эпидемическими, и понятно, что смертность в этом перенаселенном городе была исключительно велика. Болезни были массовым явлением. Работавшая в бухарской лечебнице врач Е. Н. Мандельштам в своем отчете за 1915 г. писала: «Бедствия от малярии для бухарского туземного населения неисчислимы, народ вырождается, хиреет, слабеет, вымирает, особенно женщины и дети...

⁴¹ По материалам посемейного обследования Института тропических заболеваний за 1926 г., в Бухаре грамотных в среднем было 39,8%; среди мужчин этот процент поднимался до 46%, среди женщин он составлял 13,4% (отчет врача М. Габриэлян).

В старой Бухаре в каждом доме от малярии умерли не менее 3—4 человек»⁴². По данным медицинской статистики первых лет Советской власти и по сообщению руководителя исследований Л. М. Исаева, малярией болело до 100% населения г. Бухары. Врач Софиев, обследовавший еврейское население города, нашел, что из людей старшего поколения натуральной оспой переболело 14%, а по данным М. Габриэлян, обследовавшей кварталы с таджикско-узбекским населением, — 4,3%; в результате 0,5% общей численности населения обследованных кварталов ослепли от оспы. Риштой болело 23,3%, а пендинкой — 33,6% населения обследованных врачами районов города. Массовыми были желудочные заболевания.

Распространенность заболеваний была результатом нездорового климата, предельной скученности населения, необеспеченности Бухары водой, вследствие чего бухарцы пили недоброкачественную, застоявшуюся, кишечную паразитами воду из хаузов. Все это приводило к чрезвычайно высокой смертности. Выборочное медицинское обследование, произведенное Институтом тропических заболеваний в 1926—1928 гг., когда еще сохранялись исторически сложившиеся особенности быта, а социальные преобразования еще не успели сказаться, выявило следующую картину: до 15 лет доживало около 40% детей, — а до старости (свыше 60 лет) доживало всего 4,3%. Большую часть населения составляли люди в возрасте от 20 до 30 лет; процент же жителей от 30 до 40 лет сильно понижался. Особенно велика была ранняя смертность среди женщин: если женщины от 20 до 30 лет составляли 34,7%, то от 30 до 40 лет — 25,5%, а женщин свыше 60 лет было только 1,5%, тогда как мужчин в этом возрасте было 2,8%⁴³.

Тяжелые условия жизни были характерны и для других городов эпохи феодализма. Они выявились, например, в массовом вымирании населения Герата при эпидемии чумы в XV в.; сведения об этой катастрофе приведены в цитированной выше статье М. Е. Массона. Такие факты были не единичны и в более поздний период. Так, С. Айни в «Воспоминаниях» описывает две эпидемии хо-

⁴² ЦГА УзССР, ф. Р-61, оп. 1, д. II, л. 51.

⁴³ Отчеты врачей Софиева, Габриэлян и Лисунского (архив Института тропических заболеваний).

леры; одна из них произошла в 1889 г., а вторая — в 1893 г. Если первую, унесенную в могилу почти всю семью его родителей, он наблюдал в селении, то вторую пережил в Бухаре. По его словам, из каждого квартала ежедневно выносили по несколько носилок с покойниками. У наиболее популярной мечети Девонбеги к полуденному намазу скапливалось их так много, что сначала бухарские улемы были вынуждены обнародовать фетву, разрешавшую читать панихиду сразу над многими покойниками, как над воинами, погибшими на поле брани, а потом власти и вовсе запретили приносить покойников к этой мечети, предписав совершать панихиды у квартальных мечетей⁴⁴.

Конечно, такие эпидемии сразу значительно сокращали население столицы. Правда, в городе оно скоро пополнялось новыми переселенцами, и здесь спустя три-четыре десятилетия не было уже домов, опустевших и разрушившихся во время эпидемии. Но в сельских районах следы разрушений сохранялись долго. Еще в 1937 г. автору приходилось видеть неподалеку от Бухары, у дороги, ведущей в Вобкент, оплывшие бугры, которые, по словам местных жителей, остались от селений, опустевших в результате последней эпидемии холеры.

Состав и численность семей

Остановимся вкратце на вопросе о составе и структуре бухарской семьи, поскольку все наши расчеты основаны на средней ее численности⁴⁵.

В Бухаре наблюдалось большое своеобразие в структуре, а отсюда и в численности семьи. В то время как в других районах Средней Азии, в том числе и в городах, наиболее распространенной была неразделенная семья, включавшая семьи женатых сыновей, а иногда и внуков, для Бухары более обычной была малая, отдельная семья. Убедительный материал дают результаты врачебного обследования за 1928 г. (см. таблицу).

Таблица численного состава семей г. Бухары
(по данным обследования кварталов Институтом тропических заболеваний в 1928 г.)*

Название квартала	Этнич. состав населения квартала	Всего обследовано семей	Количество членов семей (обследованных)**									
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10 и больше
Куйи Хонако	тадж. узб.	81	—	10	20	21	17	3	6	2	1	1
Пустиндузон	"	56	5	2	16	12	6	9	4	1	—	1
Мирзоджони Чуббоз	"	40	—	9	9	5	4	2	2	—	—	—
Мехтар Амбар	"	56	3	11	19	8	9	2	4	—	—	—
Сарахсиён	"	42	3	7	11	9	6	2	2	1	—	1
Моркуш	"	33	1	5	7	11	5	1	1	—	1	1
Кемухтгарон	"	54	2	10	19	8	8	2	4	—	—	1
Ходжа Булгор	"	49	—	9	5	6	8	6	5	3	4	3
Шамси Мухаммад	"	30	—	2	4	2	7	5	3	2	—	5
Ходжа Халим	узб. (т), тадж.	18	1	1	1	4	1	2	2	1	1	4
Хулябюфон	узб.	37	—	3	3	6	5	7	5	3	2	3
Козы Нуриддин	узб. (т.)	48	2	9	6	20	4	2	1	1	—	3
Шайх Рангрёз	т.-я.	38	6	8	6	7	7	2	—	1	—	1
Шайх Шох	узб. (т.)	62	2	17	3	12	8	7	4	2	3	4
Кутлук	"	24	1	2	4	4	—	4	—	7	1	1
Альвондж	т.-я.	49	—	2	4	5	3	7	7	6	4	11
Старая Махалля	еврей	45	2	2	1	4	6	1	4	2	3	20
Алакабандон	т.-я.	41	3	14	12	6	3	3	—	—	—	—
Хонако	т.-я., ф.	62	2	6	11	13	17	5	2	3	—	3
Чакар	ф.	55	1	4	18	15	6	6	2	1	—	2
Шишахона	узб. (т.), ф.	68	5	19	13	15	9	4	3	—	—	—
Ахтачи	"	39	5	7	13	9	2	2	—	1	—	—
Окмачит	узб.	33	1	8	6	3	9	6	—	—	—	—
Кабуль-ато	"	30	2	3	6	7	7	2	2	—	—	1
Шои Ахси	т.-я.	69	5	17	17	10	11	4	3	1	1	—
Чорбакколи	"	27	3	10	6	7	1	—	—	—	—	—
Шикастабандон	"	85	7	19	17	17	17	4	3	1	—	—
Чашма Люб	"	54	9	11	10	6	5	6	3	2	—	2
Дурман	узб.	38	4	10	3	3	7	3	2	5	—	1
Узбек-ходжа	узб. (т.), ф.	39	2	6	12	10	7	1	1	—	—	—
Хаузи баянд	ф. узб. (т.)	46	7	13	4	8	4	3	3	3	1	—
Усто Рухи	узб. (т.)	37	2	8	7	6	4	7	—	—	1	2

1485 | 86 | 264 | 293 | 283 | 214 | 122 | 78 | 51 | 23 | 71

* Для таблицы выбрано 32 квартала, различных по размеру и этническому составу жителей, расположенных в разных частях города. Условные сокращения: тадж.—таджики, узб.—узбеки, узб.(т)—узбеки таджикоязычные, т.-я.—таджикоязычное население (этническая принадлежность не выяснена), ф.—фарсы.

** В том числе: по одной семье в 12, 16, 17, 18, 23, 24 и 25 человек; две семьи в 14 человек; остальные семьи в 10 человек каждая.

⁴⁴ С. Айни, *Воспоминания*, III, стр. 451.

⁴⁵ Этот важный для понимания жизни города вопрос по этнографическим данным автором специально не изучался, были сделаны лишь отдельные наблюдения. Чрезвычайно ценные статистические материалы, использованные в этой работе, почерпнуты в архиве Института тропических заболеваний.

Из таблицы видно, что средняя численность семьи равна 4,5 человека. Эта цифра, возможно, несколько преуменьшена, что легко могло явиться следствием недостаточной полной регистрации членов семьи в кварталах. Обращает на себя внимание некоторая неравномерность в распределении численности семей по кварталам: в тех кварталах, где регистрация была произведена особенно тщательно (№ 8—16), средняя численность семей составляет не 4,5, а 5,2 человека. Можно думать, что и в других кварталах в ряде случаев могли оставаться незарегистрированные члены семей. Это соображение делает целесообразным принятие за среднюю численность семьи не 4,5, а 5 человек.

Из таблицы видно также соотношение между крупными и мелкими семьями. Среди включенных в таблицу около полутысячи семей малых (1—4 человека) было 926, средних (5—6 человек) — 336, крупных (7—10 человек и больше) — 223. Если крупные семьи в подавляющем большинстве (если не полностью) принадлежали несомненно к неразделенным семьям, то малолюдные представляли собой, как правило, отдельные малые семьи⁴⁶. Средняя группа включала и те и другие семьи.

Выборочный просмотр карт посемейного обследования некоторых кварталов за 1926 г. показал, что многие семьи средней группы (из 5—6 человек) включали женатых сыновей, которые жили с родителями или с одним из них; в другие семьи средней группы входили родственники (племянники, братья, сестры). Так, в квартале Ахтачи было зарегистрировано 10 семей этой численности, из них 4 было малых, 4 — неразделенных (в одну входила дочь со своими детьми). Из шести семей средней численности в квартале Абдулло-ходжа одна состояла из родителей и малолетних детей, две включали семьи женатых сыновей, в двух были племянницы или братья хозяина дома, в одной — две жены одного мужа. В квартале Ходжа Низоматдин было зарегистрировано семь семей в 5—6 человек; пять из них включали женатых сыновей с женами и детьми (в некоторых семьях из родителей был один), и только одна семья была типично малая отдельная; в одной семье этой группы было двое

племянников. В квартале Карчигай было две семьи в 5—6 человек: одна была семьей двоеженца, в другую входило два женатых сына. В квартале Пухтабафон было две семьи в 5 человек. Одна из них была малая, в другую входила семья женатого сына. Приведенные данные позволяют полагать, что несколько больше половины семей средней численности в Бухаре были неразделенными, остальные относились к малым.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что по крайней мере 60—65% бухарских семей были малыми отдельными семьями, неразделенные же составляли лишь 25—30%. На малый процент неразделенных семей указывает и то, что число семей, по данным обследования Института тропических заболеваний, незначительно превышает число домов. Так, по итоговым данным за 1930 г., в обследованном 4891 доме оказалось 5652 семьи, т. е. неразделенные семьи составляли в этих домах всего 13,3%.

Это подтверждается и данными поквартального обследования 1929 г. Возьмем данные по кварталам, внесенным нами в таблицу: по кварталу Куйи Хонако значится 56 домов, в которых жили 57 семей, по кварталу Сарахсиён 27 домов — 31 семья, по кварталу Кемухтгарон 43 дома — 43 семьи, по кварталу Моркуш 31 дом — 24 семьи. При этом надо принять во внимание, что полученная нами средняя цифра численности семей повышается вследствие того, что даже в тот период, когда проводилось обследование (а тем более в XIX — начале XX в.), в Бухаре было еще немало семей очень крупных, далеко превышающих обычную численность неразделенных семей, состоящих из семьи отца и семей женатых сыновей и внуков. Среди крупных семей, отмеченных в нашей таблице, три семьи включали более чем два десятка человек, десять семей состояли из 15—20 человек и в девяти семьях число членов превышало десять. Какова была структура этих семей, показывают некоторые данные карт обследования семей в 1930 г. В них мы находим, например, семью из 13 человек Шарифа Юсупова, узбека из квартала Мир-Дустум. Семья малозажиточная; она состояла из двух женатых братьев и третьего — холостого и их матери. С ними жили также мать и брат жены одного из братьев. Семья из 11 человек Хусайна Якубова из квартала Джуйзар со-

⁴⁶ Т. е. состояли из брачной пары и несемейных детей.

стояла из двух братьев с их женами и детьми; с ними жили также отец и мать жены одного из братьев.

К сожалению, мы не располагаем более подробными данными о структуре крупных бухарских семей. Нет также данных о том, в каких кругах населения неразделенные семьи были более распространены. Материалы о численности семьи в дореволюционный период по другим районам Узбекистана показывают, что более многочисленными были богатые семьи. Возможно, такое же положение было и в Бухаре. Однако это не может считаться правилом. В приведенных описаниях мы находим и малосостоятельную семью в 13 человек. А в среде высшей знати нередко отец и взрослые сыновья, также занимавшие высокое положение, жили отдельно. Так, по сообщению Уста Ширина Мурадова, бухарский казикалян Бадреддин жил около большого минарета (он благоустроивал этот район, отстроив базарные ряды, караван-сарай, баню), а его сын, занимавший в то время должность раиса, жил в одном из кварталов, расположенных к востоку от медресе Абдулазиз-хана, где у него был свой дом. Об отдельном проживании взрослых сыновей высшей аристократии, начиная с семьи самого правителя, хорошо известно. Резиденцией шайбанидских царевичей, наследников престола, являлся Герат; местом жительства наследника бухарских эмиров последней мангытской династии был город Карши — центр обитания племени мангытов⁴⁷.

В семьях высшей знати младшие члены семьи нередко имели самостоятельный доход, позволяющий им жить со своей семьей отдельно от родителей. Патриархальность в таких семьях давно исчезла; и это настолько общеизвестный факт, что нет нужды приводить примеры.

В среде трудового народа традиции патриархальной почтении к старшим, в особенности к отцу, были очень крепки, поддерживаясь экономической зависимостью сыновей от отца, который считался собственником всего семейного имущества. Эта зависимость была основной причиной консервации обычая совместного проживания с

⁴⁷ А. А. Зимин, *Нахшеб, Несеф, Карши, их история и древности*, — сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927, стр. 207; Б. Л. Карши, — «Туркестанские ведомости», 1910, № 115; О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 111—112.

родителями женатых сыновей и стала настолько крепкой традицией, что еще недавно отделение сына считалось оскорблением родителей. Но в Бухаре семейные разделы давно вошли в обычай. Предельная теснота городской застройки, нередко не оставлявшая во дворах ни малейшей свободной площади для возведения новой комнаты при женитьбе сына, заставляла приобретать для молодой семьи отдельное жилище. По сообщению Уста Ширина Мурадова, если дом становился тесен, при женитьбе сына покупали новый дом, обычно где-нибудь поблизости (шафъаташба). При этом отделялся и котел. По словам Мурадова, отделение сыновей часто практиковалось в среде ремесленников: отец выделял сына, как только тот становился самостоятельным мастером и мог прокормить свою семью.

Эти сведения объясняют нам, почему для Бухары были так характерны маленькие семьи, состоящие из 3—4 человек, и показывают, что здесь уже в конце XIX — начале XX в. (а может быть, и раньше) типичной и наиболее распространенной формой семьи стала малая отдельная семья.

Таким образом, все привлеченные нами для решения вопроса о численности бухарского населения материалы свидетельствуют, что в конце XIX — начале XX в., когда Бухара оставалась еще типичным феодальным городом, основное население ее жилых кварталов составляло 60—65 тыс. человек.

Наряду с этим в Бухаре было множество пришлого народа, жившего здесь временно. Около 10 тыс. составляли учащиеся медресе, из которых по крайней мере половина были небухарцы. Около 5 тыс. составляли жившие в городе сарбозы, также большей частью вербовавшиеся не из горожан. В многочисленных бухарских караван-сараях жили не меньше 3 тыс. человек⁴⁸. По крайней мере 500 человек жили в самом арке. Все это составляет приблизительно 13 500 человек; присоединив их к основному городскому населению, мы получим 75—80 тыс. человек.

Такая высокая численность населения из всех городов Бухарского ханства была лишь в Бухаре — наибо-

⁴⁸ Считая на каждый из 75 бухарских караван-сараяв в среднем по 40—50 человек.

лее многолюдном городе средневековых Мавераннахра и Хорасана. Все остальные города ханства, а может быть и всей Средней Азии до присоединения ее к России, имели гораздо меньше жителей. Лишь к концу XIX — началу XX в. Бухара оказалась позади главных городов Туркестана — Ташкента и Коканда, которые начали превращаться в города капиталистические, тогда как в Бухаре этот процесс тормозился сохранением политического и социально-экономического строя феодального государства.

ГЛАВА III

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ БУХАРЫ И ПУТИ ЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Пути образования населения г. Бухары

Законы образования населения городов несколько отличаются от законов образования сельского населения, всегда более однородного по своему составу. По словам К. Маркса, «занятие земледелием сохраняет старую племенную основу нации; она меняется в городах, где селятся чужеземные купцы и промышленники, так же как и коренное население тянется туда, где есть приманка наживы»¹.

Переход в город некоторой части сельского населения происходит постоянно, усиливаясь с развитием городской жизни и углублением общественного разделения труда. В городское население постоянно вливаются иноплеменные, инонациональные элементы. Поэтому население городов отличается пестротой, неоднородностью.

Этот процесс отразился и на этногенезе населения Бухары, которое сложилось еще в древности, на основе местных по происхождению согдийцев. Но на протяжении многих веков в него вливались новые, нередко иноплеменные элементы. В исторических источниках мы встречаем массу прямых сообщений о переселениях в Бухару; о том же говорят предания, сохранившиеся в среде бухарцев; на места происхождения некоторых жителей Бухары указывают названия кварталов² и нисбы при именах многих исторических личностей³ и т. д. Осо-

¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 12.

² Кварталы Урганджиён, Сарахсиён (Серахс — город на реке Теджен), Миёнколиён (район в Самаркандской области), Кальтигиён и Понобихо (Кальти и Поноб — селения недалеко от Бухары).

³ В позднейшем путеводителе по бухарским мазарам «Тухфат-уль-зоирин» упоминаются похороненные там Мавлоно Наджи-

бенно обильно вливался тюркский элемент, приходивший, как правило, с Востока. Попадали в Бухару различные этнические группы и с Запада. В период арабского завоевания население Средней Азии пополнилось большими группами арабов. Наршахи писал, что «Кутайба... приказал жителям Бухары отдать половину своих жилищ арабам, чтобы арабы смешались с ними... и чтобы жители Бухары по необходимости сделались мусульманами»⁴. Отдельные группы арабов и в дальнейшем не раз приходили в Среднюю Азию, в том числе и в Бухару⁵.

В 1745 г. с войсками Надиршаха в Бухару пришло «большое число лезгин, турок-османов, иранцев и афган», которые «...остались в Бухаре». Ссылаясь на Мейендорфа и Хорошхина, Д. Г. Вороновский пишет, что они «живут там поныне»⁶. Это подтверждают и наши материалы — сообщения бухарцев-старожилов. Неоднократно происходило массовое переселение в Бухару жителей Мерва. Количество переселенных отсюда исчислялось многими тысячами. Хотя эти переселенцы, будучи шиитами, жили в Бухаре обособленной группой, все же частично они также вливались в коренное население города, смешивались с ним путем браков.

Наряду с многочисленными данными, подтверждающими постоянное пополнение Бухары новыми жителями, известно немало засвидетельствованных историческими и этнографическими источниками фактов отлива населения из города. Временами под влиянием неблагоприятной политической обстановки население города уменьшалось настолько, что источники сообщают о полном или частичном запустении Бухары. В «Истории Бухары» Наршахи (в нескольких местах текста, которые являются бесспорно вставками XII в.⁷) говорится о запустении земель в части города, носившей в древности название Кушкин Мугон, о разрушении квартала Фагсадра, в

миддини Утрори (отрарец), Шейх Ахмад бен-Умар Шерози (ширазец), Мавлоно Хамиддини Шоши (шашец, т. е. ташкентец), Махаммад Тохир Ал-Харви из Хорасана.

⁴ М. Наршахи, *История Бухары*, Ташкент, 1897, стр. 63.

⁵ О переселениях арабов в Среднюю Азию см. «Народы Средней Азии и Казахстана», II, М., 1959, стр. 585—586.

⁶ Д. Г. Вороновский, «Гульшен ул-Мулук» Мухаммеда Якуба Бухори, диссертация, рукопись ИВ АН УзССР, шифр 1507, л. 133 б.

⁷ См. О. А. Сухарева, *К истории городов Бухарского ханства*, Ташкент, 1958, стр. 8—10.

котором в VIII в. Кутайба поселил арабов, и об образовании там кладбищ⁸. Приходили в запустение окраинные районы города и при неоднократных нашествиях монголов. По некоторым источникам, после взятия Бухары Чингис-ханом все жители Бухары должны были покинуть город, захватив с собой только одежду. Не выполнивших приказ и оставшихся в городе безжалостно убивали⁹. Авторы XIX в., основываясь, вероятно, на народных преданиях, говорят даже о полном разрушении монголами Бухары¹⁰.

Естественно, что после нашествия монголов город очень уменьшился и до перестройки стены в XVI в. занимал сравнительно небольшую территорию, по-видимому значительно меньшую, чем в предшествовавший период¹¹; соответственно уменьшилось и его население. Имеется свидетельство Ибн Батуты, посетившего Бухару в XIV в., что многие здания и рынки в то время лежали еще в развалинах.

Периодом резкого сокращения численности населения Бухары была также вторая четверть XVIII в. По свидетельству источника, степняки «в течение семи лет беспрестанно делали набеги, уничтожали посевы между Самаркандом и Бухарой, так что в Мавераннахре начался голод... Люди, оставив свою родину, разбрелись по разным местам. В Бухаре осталось два квартала жителей, а в Самарканде не осталось ничего живого»¹². Упадок городской жизни в XVIII в. — факт общеизвестный, но тем не менее приведенное выше сообщение источника сильно преувеличено и его нельзя понимать буквально. Вряд ли запустение города доходило до такой степени; еще менее вероятно, что оно было продолжительным. В. В. Бартольд отрицал такую степень упадка г. Бухары. Говоря о «кризисе XVIII в.», он писал: «в столице ханства, Бухаре, кризис, насколько известно, не оказал ника-

⁸ М. Наршахи, *История Бухары*, стр. 43, 72.

⁹ «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, стр. 286.

¹⁰ По словам Т. С. Бурнашева, повторившего сообщение своих бухарских информаторов, «самый город был обращен в то время в пепел» (Т. С. Бурнашев, *Путешествие от сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 г.*, — «Сибирский вестник», 1818, ч. 1, 2, стр. 68); см. также Г. Вамберн, *История Бухары или Трансоксания*, т. I, СПб., 1873, стр. 144.

¹¹ См. О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 57.

¹² Цит. по диссертации Д. Г. Вороновского.

кого влияния ни на размеры города, ни на количество населения»¹³.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают, что уже в самом начале второй половины XVIII в. город жил нормально. Большинство бухарцев, покидавших город, вернулось в свои дома, в свои кварталы. Жизнь города фактически не прерывалась. Это подтверждается сохранением многими кварталами до начала XX в. старых названий; так, с XV в. сохранили свое название 2 квартала, с XVI в. — 10, с XVII в. — 12 кварталов¹⁴. Следует отметить, что эти кварталы находились в самых различных частях города; как на территории древнего шахристана и на территории, входившей в город еще до строительства стен в XVI в., так и на новой территории, вошедшей в город только в XVI в. и представлявшей собой окраинные районы. Так, известные с XVI в. кварталы Косагарон, Сарахсиён и Суфиён¹⁵ расположены далеко на запад от центра города, а кварталы Кара-Камоль и Халифа Хусайн — на крайнем востоке¹⁶. Это показывает, что в Бухаре оставались прежние жители. Чувствуя себя здесь, по-видимому, в безопасности, они не стремились, как мы видим, тесниться в центральных, лучше защищенных районах.

О том, что разруха не была столь велика и продолжительна, свидетельствует также строительство в этот период культовых зданий. Так, в начале XVIII в. были составлены вакуфные грамоты мечетей Мехтар-Кофилон (1707—1708 гг.), Кучкор-бий (1713—1714, 1716—1717, 1723—1724 гг.), Бобойи-Ол (1704—1705 гг.); в середине века — мечетей Гулом-Али — тупчибоши, Кози Файзи (1754—1755 гг.), Кучкор-бий (1760—1761 гг.), Баходурбий (1764—1768 гг.); в конце столетия — мечетей Джонъ Кубод (1773 г.) и медресе Волида-Хон (1794—1795 гг.)¹⁷. Конечно, новые медресе и мечети не могли бы строиться, если бы город в это время переживал разруху и упадок.

К концу XVIII в. упадок был окончательно преодолен.

¹³ В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 272.

¹⁴ О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 76.

¹⁵ Они упоминаются в актах XVI в., опубликованных в книге «Из архива шейхов Джуйбари».

¹⁶ Кварталы упомянуты в вакуфных грамотах XVII в. — Госархив УзССР, ф. 323, 1245/326 — № 519/763.

¹⁷ Там же.

В Бухаре поселились — частью принудительно, частью добровольно — новые жители. В конце XVIII в. население города пополнилось многочисленными переселенцами из Мерва и с Аму-Дарьи. Исторические источники и народные предания приписывают их поселение в городе Шах-Мураду. Наряду с насильственно переселенными в Бухару стали самостоятельно приходить отдельные люди или целые группы; их тянула сюда та «приманка наживы», которая появилась, как только в столице установилось спокойствие и относительное процветание, вызванное общим подъемом хозяйства. В результате население г. Бухары очень скоро восстановилось в прежних размерах, и путешественники, посетившие город в конце первой половины XIX в., говорят о Бухаре, как о городе, поражающем их многолюдностью и тем, что здесь «живут весьма тесно».

История восстановления города на протяжении XVIII — начала XIX в. очень поучительна. Вероятно, так же восстанавливались города и в прошлом. Именно возвращение жителей на прежние места помогло населению на протяжении веков сохранить свой характер, облик и язык.

Два противоположных исторических процесса, в которых выражалось формирование городского населения, его отливы и приливы, для Бухары протекали с явным и значительным преобладанием процесса роста городского населения. Несмотря на то что временами город переживал тяжелые потрясения, он никогда не прекращал своего существования и сохранился до изучаемого нами периода как один из крупнейших и значительных городов Средней Азии. В процессе роста его население включило представителей различных народностей, этнических и племенных групп, в одних случаях сохранявших обособленность, в других — ассимилировавшихся с основным населением города.

Этническая характеристика бухарцев в литературе и источниках

Изучение этнического происхождения бухарцев представляет собой один из сложных вопросов. В его решении до сих пор нет полной ясности; в литературе высказаны различные мнения.

Сведения об этническом составе населения города ста-

ли накапливаться при непосредственном знакомстве с ним европейцев, во время посещения его различными путешественниками. Наиболее ранние описания Бухары, принадлежащие Дженкинсону (1558—1560) и Филиппу Ефремову (1774—1782), не содержат этнической характеристики населения, но в обоих сочинениях есть данные о его языке. Дженкинсон, имея в виду прежде всего город Бухару, отмечает преобладание таджикского (персидского) языка, объясняя это былым господством персов: «Бухарская страна была когда-то под властью персов и теперь еще в ней говорят на персидском языке»¹⁸. Забегая несколько вперед, скажем, что эту «теорию» позже повторил А. Борнс. Характеризуя таджиков, он замечал: «Говорят они языком персидским, введенным между ними с тех пор, как Туркестан подпал под власть Персии, еще до века калифов». Он обосновывает этот взгляд ссылкой на источник: «в одном персидском манускрипте, который я достал в Бухаре, сказано, что этот язык введен в употребление по повелению самих арабов, обращавших этот народ к исламу»¹⁹.

Филипп Ефремов называет жителей Бухары принятым тогда термином «бухарцы» и не останавливается на их этнической принадлежности, упоминая мимоходом, что в Бухаре «свадьбы бывают по татарскому обряду», видимо имея в виду мусульманский обряд²⁰. Однако небольшой словарик, приложенный им к описанию его странствия, содержит преимущественно таджикские слова; встречающиеся в нем арабские и узбекские слова принадлежат к таким, которые употребляются и в современном бухарском говоре таджикского языка, например узбекские — булут, балам, туг, чалбар, ботур, тарык, чумуч; арабские — гулом, зенф, чута, шамъ, умр, аджал²¹. Другой источник XVIII в. также свидетельст-

¹⁸ А. Дженкинсон, *Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг.*, — сб. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», пер. с английского, Л., 1932, стр. 182.

¹⁹ А. Борнс, *Путешествие в Бухару*, т. III, М., 1848—1849, стр. 370—371. Мы подозреваем, что этим источником было превратно истолкованное Борнсом сообщение Наршахи о том, что, так как бухарцы «не могли научиться арабскому языку», коран перевели на более понятный для них «фарси» (М. Наршахи, *История Бухары*, стр. 63—64).

²⁰ Филипп Ефремов, *Девятилетнее странствование*, М., 1950, стр. 29.

²¹ Там же, стр. 57—58.

вует, что «бухарцы говорят языком более сходным с персидским, нежели с татарским, но вид имеют близкий к татарам»²².

Несмотря на эти ясные свидетельства очевидцев, многие ученые XVIII — начала XIX в. считали бухарцев народом тюркоязычным. Аделунг (J. Ch. Adelung) в своей работе «*Mitridatis*» помещает бухарцев под рубрикой «южные татары», замечая, что их язык имеет большую примесь персидских слов; Паллас при составлении своего словаря включает бухарцев в число тюркских племен; Георги, описывая все народы Российской империи, называет бухарцев «чистыми» (*unvermicht*) потомками гузов и туркмен²³.

Юлиус Клапрот дает обзор ранних теорий и взглядов и прямо ставит вопрос: «кто такие бухарцы (*was sind Bucharen?*)». Он опровергает взгляд на бухарцев, как на народ тюркоязычный, и устанавливает их ираноязычность на основании личного знакомства с бухарцами. Их он встретил в 1805 г. в Казани, через которую проезжал по пути в Китай с посольством графа Головина. Из беседы с этими бухарцами Клапрот убедился, что их родной язык родствен персидскому. Проезжая через Сибирь (Тобольск, Томск и др.), он установил, что таков же был и родной язык сибирских бухарцев, к тому времени, однако, в значительной степени уже утраченный и заменившийся «тюркским», хотя многие «старые персидские слова» ими еще употреблялись. Отсюда он делает вывод²⁴, что все бухарцы — персидского происхождения. Тюркские народы, по его словам, зовут бухарцев сартами, в то время как сами бухарцы называют себя таджиками — «старым именем персов», которое китайцы знали с начала нашей эры (в форме *tiao-dgi*), в то время как термин, соответствующий термину «перс», появился у них позднее²⁵.

Путешественники, побывавшие в Бухаре в начале и середине XIX в., дают уже более развернутые описания

²² Г. Спасский, *Путешествие по Сибирской линии*, стр. 84.

²³ Цит. по Юлиусу Клапроту (J. Klapproth, *Asia polyglotta*, SPh. 1823, pp. 233—249).

²⁴ В тексте — «открытие» (*Entdeckung*). Ученый лингвист, как видно, не знал ни одной из более ранних работ, в которых уже был установлен этот факт.

²⁵ J. Klapproth, *Asia polyglotta*, p. 243.

этнического состава населения столицы ханства, отмечая его многонациональность и выделяя основное население. Особенно обстоятельно характеризуют жителей Бухары русские авторы — Мейендорф и Н. Ханыков и венгерец А. Вамбери. Основным населением города они считали таджиков. Мейендорф говорит, что они составляют две трети горожан²⁶. Бывший в Бухаре одновременно с ним Эверсман, так же как и наблюдавший Бухару в 1835 г. Виткевич, материалы которого использовал П. Савельев, считали таджиками три четверти населения города и только одну четверть — узбеками²⁷, а автор описания Бухары, изданного в 1825 г., считает таджиками вообще всех «собственно бухарцев, живущих в городах»; он говорит «о настоящих бухарцах, или таджиках»²⁸. Н. Ханыков устанавливает, что таджики «составляют главное народонаселение города Бухары»²⁹. А. Вамбери также придерживался этого мнения, выражая его в несколько более общей форме: «Таджики — обитатели городов. Но Бухара единственное место, где они еще хвастают своим происхождением»³⁰. Думается, что все эти авторы определяли этническую принадлежность исключительно по языку.

Также очень рано была высказана в литературе и другая точка зрения, — ее сторонники отнесли бухарцев к узбекам. Наиболее последовательно она выступает у А. Борнса. Подчеркивая, правда, что «в бухарском узбеке трудно узнать тюрка или татарина по причине примеси к нему персидской крови»³¹, он, описывая Бухару, называет бухарцев узбеками; так, он говорит о своем хозяине «узбекском купце по имени Махсум»³², о

²⁶ Bar. Meyendorff, *Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820*, Paris, 1826.

²⁷ Ed. Eversmann, *Reise von Orenburg nach Bukhara*, Berlin, 1823; П. Савельев, *Бухара в 1835 г.*, СПб., 1836.

²⁸ Гр. Спасский, *Новейшее описание Великой Бухарии*, — «Азиатский вестник», 1825, № 5, стр. 304.

²⁹ Н. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 55.

³⁰ А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, М., 1865, стр. 18.

³¹ А. Борнс, *Путешествие в Бухару*, т. III, стр. 390.

³² Там же, стр. 421. Имя купца было не именем, а наследственным званием, указывавшим на происхождение его из среды ученых или должностных лиц, деятельность которых была связана с мусульманским образованием (например, казиев). Все это позволяет предположить, что хозяин Борнса принадлежал к местному таджикоязычному населению, сосредоточившему в своих руках подобный круг занятий.

«тюркийской красавице», которую ему удалось увидеть³³, о «национальном узбекском наряде»³⁴, о своем знакомстве с весьма почтенным узбекским семейством... предки которого первоначально вышли из Дашты-Кипчака и оно существует в этой стране 150 лет»³⁵. «Очевидец», посетивший город в 1820 г., говорит о «коренных жителях Бухары», как о народе «татарского племени, называемом сартами или бухарцами»; отдельно от них в составе населения он упоминает и узбеков³⁶. Из более поздних авторов основное население Бухары относит к узбекам и И. Т. Пославский, в 80-х годах прошлого столетия долгое время наблюдавший жизнь города. Он пишет: «Главную массу составляют узбеки и таджики (иранцы); хотя они и перемешаны, но, кажется, узбеками заселена преимущественно восточная часть, а иранцами — западная»³⁷.

Для решения вопроса об этническом составе населения основное значение должны были бы иметь статистические материалы. Но они появились в Бухаре только после революции. Если в Русском Туркестане переписи неоднократно осуществлялись начиная с 1897 г., то на территории Бухарского и Хивинского ханств демографических переписей до революции не производилось; изучение этнического состава было организовано лишь после революции в связи с задачами национального размежевания. Первые статистические сведения по ханствам, надежные и очень обстоятельные, были собраны в 1923—1924 гг., но городское население в них не вошло³⁸. Лишь перепись 1926 г. впервые охватила всю территорию бывших ханств, в том числе и города. В опубликованных материалах этой переписи, проводившейся путем личного опроса населения в Бухаре («Старая Бухара»), зна-

³³ А. Борнс, *Путешествие в Бухару*, стр. 406.

³⁴ Там же, стр. 393.

³⁵ Там же, стр. 455.

³⁶ «Русские в Бухаре в 1820 г. (записки очевидца)», — «Оренбургские ведомости», 1870, № 22, стр. 28.

³⁷ И. Т. Пославский, *Бухара. Описание города и ханства*, — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», XVII, Ташкент, 1891, стр. 70. Под «иранцами» Пославский подразумевает иранцы, позже (после 1910 г.) принявших самоназвание «форс».

³⁸ Итоги этих исследований опубликованы в широко популярном среди научных работников издании «Материалы по районированию Средней Азии», первый выпуск которых посвящен Бухаре.

чится 41 839 человек местного населения, из них 27 823 человека назвали себя узбеками, 8646 — назвали таджиками³⁹. Таким образом, несмотря на таджикоязычность подавляющего большинства жителей Бухары, только примерно четвертая часть их определила себя как таджиков.

Высокий уровень, на котором была проведена перепись 1926 г., давшая чрезвычайно точные и полные статистические материалы, общепризнан. Однако условия, в которых протекала работа, были не одинаковы в разных районах. Наименее благоприятными они были именно в ханствах, где население еще не успело изжить тяжелое наследие феодальной деспотии, культурной отсталости; к тому же перепись 1926 г. проводилась впервые в истории Бухары. Многие тогда понимали термины «таджик», «узбек» как житель Таджикистана или Узбекистана. Поэтому для уточнения нужны дополнительные данные. Мы их находим в материалах врачебного обследования, которое производил в Бухаре в 1928—1930 гг. Институт тропических заболеваний. Врачи близко сталкивались с населением и имели возможность непосредственно наблюдать бухарские семьи. Обследование проводилось по отдельным кварталам. Для более тщательного обследования было выделено несколько кварталов, результаты которого изложены в обстоятельных отчетах. Особенно ценный материал дает отчет врача М. Габриэлян, обследовавшей в 1926 г. 50 семей в кварталах Хаузи-пау и Ахтачи. Как отмечено в отчете, одним из трудноразрешимых вопросов оказался вопрос о национальности. В квартале Хаузи Нау (25 семей) 74,2% назвало себя узбеками, 25,8% — таджиками. В квартале Ахтачи, где было также обследовано 25 семей, таджиками назвали себя 91,5%, а узбеками — 8,5%, хотя, на взгляд М. Габриэлян, население обоих кварталов однородно. Она отмечает, что иногда на вопрос о национальной принадлежности ей отвечали: «Раньше мы были таджиками, а теперь стали узбеками». При этом нередко женская половина семьи относила себя к таджикам, а мужская — к узбекам⁴⁰.

³⁹ «Всесоюзная перепись 1926 г. Узбекская ССР», вып. XV, ЦСУ СССР, М., 1926, стр. 146—147.

⁴⁰ «Архив Института тропических заболеваний. Отчет врача М. Габриэлян».

Как показывают карты посемейного обследования из того же архива, в отдельных случаях к разным национальностям отнесли себя жившие вместе братья. Так, в семье Сайфиддиновых из квартала Ходжа Низомаддин старший брат, 36 лет, считал себя таджиком, младший брат, 26 лет, — узбеком. Как узбеки были зарегистрированы и все остальные члены этой семьи, включая жену старшего брата⁴¹. Однако такая путаница была исключением. Во многих посемейных картах мы находим четкие ответы.

Из 26 обследованных семей квартала Абдулло-ходжа, например, все назвали себя узбеками. В составе 20 семей из квартала Ходжа Низомаддин десять семей было таджикских, десять — узбекских. Из десяти семей квартала Карчигай члены двух семей записаны таджиками, остальные назвали себя узбеками; при этом в одной из узбекских семей этого квартала записана таджичка-сноха. В квартале Пухтабон из 14 семей — 4 таджикских; в квартале Ахтачи из 26 семей были две семьи узбеков; в третьей муж назвал себя узбеком, а жена и взрослая дочь с детьми — таджиками.

Важный материал дал опрос населения автором настоящей работы при обследовании бухарских кварталов: запись употребленных в разговорах терминов; преданий о переселении в Бухару отдельных семей; непосредственные наблюдения за бытом бухарцев, выяснение их культурных традиций.

Основное таджикоязычное население города

Несмотря на неясности в вопросе этногенеза бухарцев, в их языковой характеристике никаких сомнений нет. В городе поныне звучит таджикская речь. По-таджикски бухарцы говорят и на работе и дома. Таджикская в основном и терминология, созданная и употреблявшаяся бухарскими ремесленниками. В большинстве школ Бухары, где, как и везде в Советском Союзе, родители свободно избирают язык, на котором будут учиться их дети, преподавание ведется на таджикском языке. В 1954/55 г. в бухарских семилетних и средних школах на таджик-

⁴¹ Там же. Карта обследования № 32, 31, VIII.1926.

ском языке обучались 2717 детей, а на узбекском — только 1623⁴², несмотря на то что на прямой вопрос — таджики ли они — большинство бухарцев отвечает отрицательно, называя себя узбеками.

При обследовании многих кварталов эти противоречия заставили автора отказаться от прямого вопроса о национальной принадлежности, ограничившись выяснением родного языка жителей кварталов. Много внимания было уделено собиранию косвенных данных (в частности, фразеологических), которые могли бы пролить свет на происхождение населения и уточнить его самоназвание до национального размежевания, в результате последнего на самосознание бухарцев могли наслониться более поздние представления. Большой интерес в этом отношении имеют записи отдельных бесед и услышанных, нередко случайно, фраз, в которых отражены установившиеся в Бухаре самоназвание населения и значение различных этнических терминов.

В собранных автором материалах о всех кварталах Бухары таджикоязычность жителей отмечена в 193 кварталах (из 220). Вопрос, кем считают себя сами жители, специально выяснялся в 102 кварталах; в 88 из них жители, будучи таджикоязычными, называли себя узбеками. Полностью к таджикам отнесло себя население 11 кварталов. В трех кварталах были отмечены отдельные семьи, считавшие себя таджиками, в то время как их соседи, также говорившие по-таджикски, называли себя узбеками. Эти примеры показывают, что не только при официальных опросах во время переписи, когда население из тех или иных соображений могло давать ответы намеренно неправильные, но и при собирании не официальных, а научных этнографических материалов, в условиях добро-

⁴² «Данные титульных списков Министерства просвещения УзССР за 1954/55 учебный год». Конечно, язык обучения не всегда совпадает с родным языком учащихся. В Бухаре детей из таджикоязычных семей часто отдают в узбекские школы, так как на узбекском языке ведется преподавание в Бухарском педагогическом институте и некоторых других вузах страны. Из тех же соображений, желая шире открыть своим детям возможности получения высшего образования — и не только в Узбекистане, но и в центральных городах Союза, — многих детей из узбекских и таджикских семей отдают учиться в русские школы. В Бухаре, например, в 1954/55 г. на русском языке обучалось 6772 ученика. Сюда несомненно входило и значительное число детей местных национальностей.

желательного личного контакта и доверия к исследователю. таджикоязычное население Бухары также в подавляющем большинстве отнесло себя к узбекам. Бухарцы, отмечая различие между собой и узбеками, говорящими по-узбекски, нередко называли своих соседей по кварталу «бухарскими узбеками» (узбакойи Бухоро) или «нашими узбеками» (узбакойи худомо). Такой ответ не раз давался, например, 98-летним мастером Усто Маджидом Салиховым. Многие, пытаясь осмыслить факт несоответствия их национального самосознания языку, создавали своеобразные теории. Престарелый житель квартала Го-зиён, Яхъё-ходжа, сказав, что таджикоязычное население его квартала — узбеки, пояснил: «Вахташ-ба эрон омадаги, ляфзи ино тоджик, мо тоджики ёд гирифта омадаги» (Во время оно приходили сюда персы, а язык у них — таджикский, [у них] мы и научились таджикскому). Как видим, он повторил почти буквально теорию, предложенную для объяснения таджикоязычности бухарцев еще Дженкинсоном и Борнсом. Другой информатор Садуллаев (ок. 1875 г. р.), сказал: «Во всех гузарах Бухары живут узбеки. Язык у них — таджикский, но это ничего не значит: когда узбек начинает говорить по-таджикски, он от этого таджиком не становится. Русский говорит по-узбекски, но ведь он не узбек»⁴³. В этом же смысле термин «узбек» был употреблен шестидесятилетней дочерью Усто Маджида Салихова, которая, рассказывая о происшедшем в Бухаре в 1910 г. столкновении суннитов и шиитов, сказала: «Узбаки мохон содда будан» («Наши узбеки оказались простаками»). Приведенные факты показывают, насколько прочно внедрился в сознание большинства таджикоязычных бухарцев термин «узбек», как их самоназвание.

С другой стороны, в Бухаре не менее достоверным и прочно установленным нашими материалами фактом является употребление термина «таджик» для обозначения фарсов — иноплеменного, не местного по своему происхождению населения. При беседах со стариками во многих случаях на вопрос, не таджики ли они, был получен ответ, что они узбеки, а «говоря „таджик“, мы имели в виду фарсов» (мо тоджик гуфта эронихоя мегуфтем). Так ответили автору в десяти кварталах, которые находились

⁴³ Записано в 1950 г. в русском переводе.

в самых различных частях города⁴⁴. Не приходится и говорить о том, что давшие такой ответ не знали, какие ответы были получены в других местах, так как каждый квартал обследовался отдельно. В одном из приведенных случаев, при выяснении состава населения квартала Мирджон-кельды, был получен характерный ответ, что большинство населения квартала — узбеки, говорящие по-таджикски, но что там были и «таджики, пришедшие из Ирана» (ахли гузар-узбак, тоджикам дорад, а Эрон омадаги)⁴⁵. Заметим, что так же определяет термин «таджик» и И. Т. Пославский; он считает термины «таджик», «ирани», «иранцы» однозначными и прямо пишет: «таджики (ирани)».

Фарсы также называли себя таджиками. Как отмечает И. П. Петрушевский, «по терминологии источников» таджиками называется вообще «ираноязычный оседлый элемент»⁴⁶, поэтому можно думать, что и бухарские фарсы, переселенные в Бухару из Мерва, а частично пришедшие из Хорасана и собственно Ирана, могли принести самоназвание «таджик» со своей старой родины. На широкое распространение более древнего термина «таджик» для обозначения всех ираноязычных народностей указал, как мы видели, и Клапрот. Остальное население города фарсы называли только узбеками, что отразилось и в топонимике: в составе одного из кварталов, где основным населением были фарсы (квартал Хаузи баланд), была улица, населенная таджикоязычными бухарцами-суннитами. Она получила название «Кучаи Узбако» (Улица узбеков). Следовательно, в большинстве современных бухарцы при многократных и разновременных опросах неизменно относят себя к узбекам. Этот факт неоспорим. Мы привели также немало высказываний дореволюционных авторов, наблюдавших население Бухары на протяжении XIX в., которые ясно сви-

⁴⁴ Кварталы Ходжа Булгор, Гарибия, Куш-мадраса, Мир-Дустум, Мирджон-кельды, Ходжа Низомаддин, Амири, Магоки Курпа, Сузангарон, Қорхона.

⁴⁵ Сведения получены от уроженца и жителя этого уже не существовавшего в момент опроса квартала, Бахрома Джураева. 76 лет, по профессии строителя (гилькор).

⁴⁶ И. П. Петрушевский, *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в.*, Л., 1949, стр. 70.

детельствуют, что и тогда уже существовало в Бухаре самоназвание «узбек».

Впервые вопросы о национальности поставило перед жителями Бухары национальное размежевание. До этого, как выразился один из старых бухарцев, «их никто не спрашивал, узбеки они или таджики» (Пештар мохона узбаку тоджик гуфта намекурсидан). Хотя узбекская и таджикская народности сформировались в основных чертах в IX—XI вв., а в конце XIX — начале XX в. начался процесс формирования буржуазных наций (узбекской и таджикской), этническое самосознание у отдельных групп было еще не развито. И узбеки, и таджики распадались на значительно отличающиеся друг от друга группы (таджики делились на равнинных и горных, узбеки — на кочевых и полукочевых и сартов)⁴⁷. В то же время между принадлежавшими к разным народностям отдельными группами (сарты и равнинные таджики) существовала большая культурная близость, порожденная общностью их исторических судеб, близким соседством и длительными экономическими связями. В ряде случаев, особенно среди таджиков, это привело к двуязычию. Немаловажную роль играла общность религии, в особенности такой, как ислам, определявшей не только форму идеологии, но до известной степени и бытовой уклад. Для многих групп населения Средней Азии самоназванием было «мусурмон» (мусульманин).

Было сильно развито также сознание близости людей по землячеству; население различных городов и прилегающих к ним районов вместо этнического самоназвания называло себя по месту жительства: ташкентцы, самаркандцы, бухарцы. Не случайно «бухарец» в ранний период знакомства русских с населением Средней Азии делалось термином, который обозначал среднеазиатов вообще, а в Сибири превратился в самоназвание целой этнической группы. У некоторой части населения, связанной с кочевым и полукочевым бытом, родо-племенные связи были более сильно развиты, чем сознание этнической общности, поэтому такие группы носили не этнические, а племенные названия.

Все это в сильнейшей степени тормозило формирова-

⁴⁷ М. Г. Вахабов, *Формирование узбекской социалистической нации*, Ташкент, 1961, стр. 58—80.

ние этнических связей и закрепление в сознании и быту подлинных этнических названий. В то время как одна часть местного суннитского населения Бухары называла себя таджиками, другая часть того же таджикоязычного суннитского населения применяла термин «таджик» к пришлым шиитам — фарсам. Насколько в Бухаре до революции за терминами «таджик» и «узбек» еще не успело закрепиться прочной семантики, видно из того, что таджикский язык, на котором говорили все бухарцы, включая и большую часть горожан — узбеков, нередко здесь называли узбекским. Когда одному старику, родившемуся и выросшему в изолированном квартале прокаженных и назвавшему себя и своих соседей по кварталу узбеками, был задан вопрос, на каком языке они, в частности он сам, говорят, он уверенно ответил, что на узбекском, хотя говорил он на таджикском языке. Термины «узбекский» и «таджикский» в бухарском употреблении были настолько неопределенны, что при необходимости уточнить языковую принадлежность большинства бухарцев, называя себя узбеками, обычно прибавляли эпитеты «тоджикигуй» или «форсигуй», если они говорили по-таджикски, и «тюркигуй», если их родным языком был узбекский⁴⁸.

Факт несоответствия родного языка национальному самосознанию, обнаруженный нами в Бухаре, не единичен, хотя нигде он не относился к такой большой группе населения и не имел такой значимости, как в Бухаре. Б. Х. Кармышева неоднократно наблюдала группы таджиков, родным языком которых сделался узбекский, и наоборот⁴⁹. По новым, собранным ею в 1959 г., но еще не опубликованным материалам, население двух соседних кишлаков Ургутского района, объединяемых названием Чагатай, относит себя одинаково к племени чагатай, хотя в одном кишлаке (Сина) жители таджикоязычны, а в другом (Вахшивор) — узбекоязычны. Несмотря на различие в языке, они считают себя соплеменниками и поддерживают близкие отношения, в частности брако-

⁴⁸ О том, что узбекский язык в Бухаре чаще назывался «тюрки», указывается и в литературе начала XIX в. Эверсман, говоря о языке бухарских узбеков, называет его «говором (Abart) татарского языка», понятным для татар, и замечает, что он называется «тюрки».

⁴⁹ «Краткие сообщения Института этнографии», вып. XXVII, 1957, стр. 16—17.

сочетаются. Окружающие их сплошным массивом родоплеменные узбекские группы называют тех и других таджиками. В горных селениях Самаркандской области Синтоб, Фориш, Моджри живут таджики, которые тем не менее относят себя к различным узбекским племенам (бахрин, сараи, джалаир). В таджикском селении Агалык живут выходцы из селения Актош (Ургутский район). Усвоив таджикский язык, они продолжают считать себя барласами и признают узбекоязычных жителей Актоша своими сородичами⁵⁰.

В сущности ту же природу имеет общеизвестный факт сохранения старого этнического и даже племенного самосознания среднеазиатскими арабами, которые в подавляющем большинстве давно перешли на узбекский или таджикский язык и в наши дни консолидируются с узбекской или таджикской нацией. Так же и жители Бухары консолидируются частью с таджикской, частью с узбекской нацией. В их генеалогии есть основания для обоих вариантов. Многовековые смешения различных этнических групп, непрестанные вливания в население города различных пришлых элементов, в основном узбекских, объясняют это явление.

Население города сложилось из нескольких пластов, нескольких разновременных основных компонентов. Древнейший пласт составили согдийцы. К их языку принадлежало, вероятно, древнее название Бухары «Нумиджет», засвидетельствованное Наршахи⁵¹. Это древнее название Бухары, вероятно благодаря распространению в Бухаре сочинению Наршахи, известно и современным бухарцам, как Нумиджент и Люмиджент⁵². Памятником древнего согдийского языка бухарцев, — правда, дошедшим до нас в искаженном переписчиками виде, — явля-

⁵⁰ Сообщено в личной беседе, с любезным разрешением привести эти факты в настоящей работе.

⁵¹ М. Наршахи, *История Бухары*, стр. 31. Судя по ссылке, этот текст включен в XII в. Видимо, это название Бухары находится в связи с отраженным китайскими источниками названием реки Зеравшан — Нами и названием страны — Нэуми. «Владение Кан, иначе называемое Самогьянь и Лимогьянь, лежит на южной стороне реки Нами. Владение Ань иначе называется Бухо, Бугэ, а при династии Юаньвей называлось Нэуми» (Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. II, М. — Л., 1950, стр. 310—311).

⁵² Два варианта названия приводит и Наршахи.

ются две фразы, приведенные у Наршахи. По его словам, их произносил во время общественных намазов специальный человек, чтобы дать понять новообращенным мусульманам, когда нужно делать поясные и когда земные поклоны⁵³. Лингвистический анализ этих фраз был сделан Ф. Розенбергом и Хеннингом⁵⁴. Оба автора устанавливают их смысл и вносят коррективы в текст, исходя из грамматических и фонетических норм согдийского языка⁵⁵. Это доказывает, что древнейшим населением Бухары были согдийцы и что еще в VIII в. оно сохраняло свой древний язык; к X в. он заменился уже таджикским, таджикским стало и население города.

Следы древнего языкового пласта явно прослеживаются и в современном бухарском говоре таджикского языка. В нем сохранилось довольно много своеобразных терминов, которые могут происходить от древних, вероятно согдийских, слов: вартишк (вартыш) — перепелка, таш — кетмень, мотыга и др.⁵⁶

К старому местному таджикскому населению на протяжении веков присоединялись новые группы таджиков, переселявшихся в город из сельских районов и других городов. Мы не имеем письменных данных, освещающих процесс вливания в город таджикского населения из других мест, поэтому вскрыть его удастся только по более поздним — этнографическим — сведениям. Во многих бухарских семьях сохранились предания о переселении их предков в Бухару. Среди них были, например, переселенцы из горного Таджикистана, называемые здесь общим именем «кулябцы» (кўлобихо). Как правило, они переселялись в Бухару одиночками. Здесь они обзаводи-

⁵³ М. Наршахи, *История Бухары*, стр. 64.

⁵⁴ Fred. Rosenberg, *Sogdica prae lingwisticzne ofarowane janowi Boudninowi de Courteney*, Krakow, 1928, pp. 96—99. Вопрос о языке древних бухарцев рассматривает также Ричард Фрай, приводящий литературу и источники (R. N. Frye, *The history of Bukhara*, Cambridge (Mass.), 1954, pp. 135—136, comm. 183.

⁵⁵ R. N. Frye, *The history of Bukhara*, pp. 135—136.

⁵⁶ Краткую характеристику бухарского говора дал В. Григорьев в приложении к изданным им «Запискам Мирзы Шемса Бухары». Заслуга В. Григорьева — выявление им отличий языка «Записок» от персидского языка; по существу он был первым, утвердившим наличие в Средней Азии особого таджикского языка. В последние годы было проведено специальное исследование современного бухарского говора таджикского языка (А. А. Керимова, *Говор таджиков Бухары*, М., 1959).

лись семьями, и их дети полностью сливались с бухарцами, сохраняя, однако, семейные предания о своем происхождении. Такое предание сообщил, например, Усто Маджид Салихов, дед которого в конце XVIII или начале XIX в. пришел из Куляба учиться в медресе и, приобретя профессию кори (чтеца корана), навсегда остался в городе.

Из горного Таджикистана происходила знатная семья, жившая в квартале Мир-Дустум. Памятью о происхождении их предков был титул «мир» (множ. число «миро»), под которым они были известны среди местного населения. Эта семья сохраняла свою обособленность как от простых жителей квартала, так и от семей узбекской знати (сипо), которые жили также в этом квартале. При обследовании кварталов выявилась довольно крупная группа таджиков, переселенцев из Поноба⁵⁷, пришедших в город в начале XIX в.

По семейному преданию известного мастера, почетного академика, лауреата Государственной премии Усто Ширина Мурадова, его прадед Усто Абуль, бывший, как и многие жители Поноба, строителем, был приглашен вместе со своими братьями на строительство медресе Мулло Мухаммад Шариф⁵⁸. После окончания работы он остался в городе, сохранив в Понобе свой участок земли, который продолжал обрабатывать лично, оставаясь в основном еще земледельцем. Его сын Усто Носир стал уже ремесленником-горожанином, как и дед Усто Ширина с материнской стороны — Усто Фузайл. Их потомки также были строителями. Когда оказалось, что работа на городском строительстве выгодна, в город стали переселяться и другие семьи из Поноба. Они стремились селиться вместе и постепенно скупили большую часть домов в квартале Мулло Хоки-рох, который вследствие этого получил второе название — Понобихо. Но у многих жителей этого квартала в Понобе была земля, достававшаяся им, согласно шариату, при разделе наследства, и они имели там небольшое хозяйство, совмещая земледелие с ремеслом, что в Бухаре было исключением.

⁵⁷ Сел. Поноб находится в 24 км к югу от г. Бухары.

⁵⁸ Оно построено, по мнению бухарцев, 140 лет назад, т. е. в самом начале XIX в.

Семьи понобцев, объединившись в городе территориально и будучи в своем большинстве родственными, не сливались с остальными горожанами, сохраняя связь с Понобом, откуда они брали жен и туда выдавали своих девушек. С другими горожанами брачных связей не было: не брали девушек из других кварталов и не отдавали туда своих⁵⁹. Таких переселений в Бухару таджиков из сельских местностей, а также из городов с таджикским населением было немало.

Особенностью этнической группы, сохранившей не только таджикский язык, но и самоназвание «таджик», служило то, что по своему происхождению она была неоднородна. На протяжении веков она включила много пришлых, в том числе и иноплеменных, элементов. Вообще вряд ли удалось найти в Бухаре «чистых» таджиков: в каждой семье еще и сейчас можно обнаружить — у одних по мужской, у других по женской линии — какого-нибудь предка нетаджика.

Вторым основным компонентом, вошедшим в состав населения Бухары, были различные тюркские элементы, позже — узбеки. Их приход в Бухару прослеживается по источникам начиная с очень раннего времени. Наршахи сообщает, что первое поселение, появившееся на месте теперешней Бухары, состояло «из выходцев из Туркестана»⁶⁰. В IV в. н. э. бухарская знать для борьбы против власти Аброя обратилась за помощью к правителю тюрков Кара-Джурину-тюрку, который послал в Бухару своего сына, упомянутого у Наршахи под таджикским прозвищем Шери кишвар⁶¹. Шери кишвар получил в управление эту область и поселился здесь вместе со своими приближенными и войском⁶². Связи тюрков с Бухарой отмечаются Наршахи и в дальнейшем. В его рассказе о борьбе бухарцев с арабами (VIII в.) неоднократно говорится о том, что бухарцы призывали на помощь войско тюрков, которые рисуются таким об-

разом их соседями, находившимися с ними в постоянных сношениях⁶³.

Тюркские элементы в составе населения как страны вообще, так и города Бухары, значительно увеличились, когда Бухара сделалась столицей Караханидов. Вместе с правителями в городе поселились, конечно, их соплеменники, составившие в основном круг их приближенных и войско. Процесс пополнения населения страны и ее столицы тюрками активизировался и в период образования Шейбанидского государства. Тогда на территорию Мавераннахра хлынула последняя крупная волна кочевых узбекских племен, частью занявших для кочевания степи, а частью осевших в орошенных земледельческих оазисах. Вероятно, именно в этот период в окрестностях Бухары появились многие из тех племенных узбекских групп (мангыты и др.), на которые указывали авторы начала XIX в. К этой позднейшей волне принадлежали и некоторые родо-племенные группы узбеков в самом городе.

Значительное число узбеков этой группы племен поселилось в Бухаре при последней — мангытской династии бухарских эмиров. Эти позднейшие переселенцы прибывали по набору в войско из различных районов ханства, например из узбекских племен, обитавших в районах Шахрисябза и Карши⁶⁴. Наличие в изучаемый нами период целой группы кенегесов в составе военно-служилого сословия столицы показывает, что шахрисябзцы здесь осели, влившись в состав бухарского населения. Н. Ханьков, говоря о мангытах, которые «кочуют раздельно, частью в окрестностях Карши, частью в окрестностях Бухары», замечает, что «многие из них, особенно старшие родов, оседло поселились в двух названных городах»⁶⁵.

Таково, вероятно, было происхождение большинства узбекских родо-племенных групп, живших в северо-западном углу г. Бухары и составлявших основное ядро низших категорий военно-служилого сословия (сипох) в бухарском войске.

⁵⁹ Это было отчасти естественным следствием распространенности в Средней Азии кузенных браков. В данном случае эта традиция усилилась традицией землячества.

⁶⁰ М. Наршахи, *История Бухары*, стр. 12.

⁶¹ М. Наршахи, *История Бухары*, стр. 12—13. (См. С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, М., 1948, стр. 248 и дальше). В прозвище тюркского царевича можно видеть перевод — кальку с характерного тюркского имени типа эл-арслан (сравни Эл-барс, Алп-арслан).

⁶² М. Наршахи, *История Бухары*, стр. 13.

⁶³ Там же, стр. 51, 56, 61 и др.

⁶⁴ В. Л. Вягкин, *Каршинский округ. Организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов*, — «Известия Средне-Азиатского отделения РГО», вып. XVIII, Ташкент, 1928.

⁶⁵ Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 63.

Эти группы, не говоря уж об отдельных переселенцах из родо-племенных групп узбеков, по большей части ассимилировались с местным таджикским населением по быту и языку, но сохраняли узбекское этническое или родо-племенное самосознание и самоназвание. Таджикоязычные группы или отдельные семьи узбеков, сохранившие родо-племенную принадлежность, были отмечены в следующих частях города: мангыты жили в кварталах Мир-Дустум, Пайкан, Абдулло-кушбеги, Мирджон-кельды; таджикоязычные найманы и уч-уруки отмечены в кварталах Мир-Дустум и Мирджон-кельды. Таджикский язык стал родным для группы бахрин из квартала Чашма-Аюб. Перешли на таджикский язык кырк-юзы. По сообщению выходца из этой среды, вышивальщика на машине Садуллаева (род. в 1875 г.), их предки пришли из Ура-тубе при Музаффар-хане «во времена самаркандской войны (джанги Самарканд)», после которой те, кто не хотели или не могли оставаться в пределах Русского Туркестана, потянулись в Бухару.

Таджикоязычными стали и калмаки, которые известны нам в Бухаре со второй половины XVIII в. Крупная компактная группа калмаков населяла кварталы северо-западной части города, где они жили смешанно с кенегсами и местными бухарцами. В начале XIX в., по сообщению Мейендорфа, в городе жили несколько сот калмаков⁶⁶. Группа калмак, по своей численности занимавшая в Бухаре значительное место, представляет большой интерес для изучения проблемы ассимиляции бывших кочевников с горожанами, и поэтому мы рассмотрим ее более подробно.

Следует различать два этнонима — калмак и калмык. Калмыков (в восточных источниках **قلماق**, в западных — калмык — *kalmūk*) историки и лингвисты характеризуют, как «многочисленный народ монгольского происхождения», «обитавший первоначально между Сибирью и Кашгаром и от Алтая до р. Или»⁶⁷. Их соприкосновение с народами Средней Азии произошло в XVI — начале XVII в., когда они совершили свое первое напа-

⁶⁶ Bar. Meyendorff, *Voyage...*, p. 176.

⁶⁷ Юлиус Клапрот называет калмыков (*kalmūken*) одним из четырех главных подразделений монголов, замечая, что происхождение названия «калмык» недостаточно ясно (*J. Klapproth, Asia poliglotta*, Paris, 1823, p. 270).

дение на Хорезм. В дальнейшем «выступления калмыков против Мавераннахра усилились»⁶⁸.

Наряду с калмыками-монголами в Средней Азии отмечается, вероятно, связанное с ними происхождением узбекское племя калмак. Мы встречаем его во всех известных списках узбекских племен⁶⁹.

Племя калмак принадлежит к неизученным компонентам узбекского народа, в который они вошли, полностью ассимилировавшись с ним, сохранив память о своем происхождении только в названии. Насколько калмаки ассимилировались с узбеками, видно из того, что, по словам Борнса, «сами узбеки думают, что калмаки и катаганские узбеки составляют одно племя», которое потом разделилось, и объясняют название «калмак» как «оставшиеся», а «катаган» — как «ушедшие» (кеткан)⁷⁰.

Вопрос о происхождении среднеазиатских калмаков давно занимал исследователей. Еще Мейендорф высказал предположение (возможно, основанное на сообщениях, полученных им в Бухаре), что среднеазиатские «калмаки частью происходят от орд Чингис-хана», частью являются потомками калмыков-тургу, в 1770 г. захвативших берега Волги и частично осевших в Средней Азии при своем обратном движении⁷¹. Очевидно, имея в виду узбеков племени калмак, Мейендорф говорит, что калмаки состоят из потомков монголов, которые «смешались с узбеками и переняли все обычаи»⁷². Так же понимал происхождение узбеков-калмаков и А. Хорошхин: он считал, что узбекское племя калмаков — продукт смешения калмыков с узбеками⁷³.

В Бухаре калмаков отмечают источники XVIII —

⁶⁸ «История народов Узбекистана», т. II, Ташкент, 1950, стр. 84—85.

⁶⁹ Например, они включены в опубликованный Н. Ханьковым список племен, заимствованный им из рукописи «Насадной узбекия» (Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 58—63, № 16); А. Хорошхин также называет калмаков в традиционном числе 92 узбекских племен (А. Хорошхин, *Народы Средней Азии*, — «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. III, 1879). Мы видим их также в списке узбекских племен, составленном И. Магидовичем («Материалы по районированию», I, Бухара, список племен, № 33):

⁷⁰ А. Борнс, *Путешествие в Бухару*, стр. 369.

⁷¹ Bar. Meyendorff, *Voyage...*, p. 192.

⁷² Ibid.

⁷³ А. Хорошхин, *Народы Средней Азии*, стр. 326.

XIX вв., причем иногда прямо указывают на их неоднородность, позволяя предполагать, что часть калмаков появилась здесь давно и уже полностью ассимилировалась с узбеками, в то время как другая оставалась еще калмыками-монголами. В официальных актах — вакуфных грамотах квартальных мечетей той части города, где жили калмаки, говорится о них, как о постоянном и притом старом населении квартала, носившего их имя. «Старая мечеть квартала Калмокон» упоминается в грамоте 1805—1806 гг.⁷⁴ Наряду с ней знатный представитель этого племени Баходур-бий-калмак во второй половине XVIII в. построил две новые мечети, при которых образовались два новых прихода, превратившихся затем в самостоятельные кварталы, и старый квартал Калмокон разделился на три части. Самая возможность такого членения указывает, что старый квартал Калмокон был очень крупным. Наши опросные материалы показали, что этот квартал в конце XIX — начале XX в. состоял из 40—50 домов, а выделившиеся из него кварталы Ок-Мачит — из 70, Баходур-бий — из 60—70 домов, т. е. в общей сложности все три квартала включали в себя 170—190 домов. Калмаки хотя и не были их единственным населением, но составляли там большинство. Наличие в середине XVIII в. в Бухаре квартала Калмокон, который уже успел сделаться «старым» при медленном темпе образования кварталов, означает, что этот квартал мог насчитывать за собой по меньшей мере сотню лет. Вероятнее всего, он образовался после включения этой территории в черту города, что произошло около середины XVI в. Но и до того, будучи пригородным, этот район мог быть уже населен калмаками; авторы начала XIX в. указывают на проживание калмаков не только в городе, но и в окрестностях Бухары.

В сочинении середины XIX в. «Гульшан-уль-мулюк Мухаммеда Якуба» местные калмаки, противопоставляются калмакам кучинским (или кульджинским). Источник сообщает, что и те и другие четыреста человек под руководством знатного калмака, несомненно бухарца, Исматуллобия вместе с другими горожанами оказали сопротивление Насрулла-хану при его борьбе за престол. Как из приведенных выше актов, так и из этого

⁷⁴ Вакуфные грамоты 1764—1765 (ЦГИА, ф. Д. 23, № 306 (429) и 1805—1806 гг. (там же, № 307 (444)).

сообщения видно, что среди бухарских калмаков в XVIII—XIX вв. были люди знатные, игравшие видную роль в политической жизни Бухары. Принадлежность к бухарской знати высшего слоя калмаков, живших в Бухаре, видна также из приведенного А. Гребенкиным факта, что при возведении на престол Музаффар-хана в церемонии (по-видимому, поднятия на белом войлоке) наряду с тремя мангытами и двумя фарсами участвовал один калмак (Абдураим-бий-калмак)⁷⁵. Мейендорф также рисует бухарских калмаков как привилегированную прослойку городского населения. Он сообщает, что живущие в городе калмаки «владеют землей перед городом, но большинство их военные»⁷⁶, т. е. принадлежат к привилегированному военно-служилому сословию.

В других источниках бухарские калмаки рисуются как рабы. Флорио Беневини, посол Петра Первого, сообщает, что в гвардии Абулфайза (правил с 1711 по 1747 г.) были рабы (холопы) калмыки⁷⁷. О рабском состоянии калмаков (калмыков) в Бухаре говорит также А. Борнс, ссылаясь на рассказы местных людей, которым описываемое им событие было еще памятно. Он пишет, что, когда калмаки шли (с берегов Волги) через Среднюю Азию, «правоверные делали на них нападения во все время пути», и «так как эти калмаки были не мусульмане», обращали их в рабство. «Но, — прибавляет он, — при этом захватили только 1500 невольников, отведенных впоследствии в Бухару»⁷⁸.

В различных аспектах, характеризующих социальное положение живших в Бухаре калмаков, вероятно, нет противоречия; по-видимому, здесь были как знатные представители узбекского племени калмак, так и попавшие сюда в качестве рабов калмыки-ойроты. Последние, осваивая язык и переходя в мусульманство, постепенно вливались в состав узбеков, возможно узбеков-калмаков. В Бухаре как узбеки-калмаки так и калмыки подвергались влиянию таджикоязычных горожан и, как и

⁷⁵ А. Гребенкин, *Родословная мангытской династии*, — «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. III, Ташкент, 1874, стр. 340.

⁷⁶ Bar. Meyendorff, *Voyage...*, p. 176.

⁷⁷ См. «История народов Узбекистана», т. II, стр. 81.

⁷⁸ А. Борнс, *Путешествие в Бухару*, стр. 369.

многие другие поселившиеся здесь узбекские родо-племенные группы, перешли на таджикский язык. По-видимому, освоение ими норм городской жизни произошло уже давно, — на это указывают приведенные выше документы о строительстве мечетей Баходур-бием-калмаком во второй половине XVIII в. Энергичная строительная деятельность рисует Баходур-бия и его соплеменников, для которых он строил мечети, ревностными мусульманами. Очевидно, уже в то время они не отличались по своему облику от других жителей города.

Наличие в составе таджикоязычного населения Бухары многочисленных элементов, явно узбекских по своему происхождению, объясняет, почему называют бухарцев узбеками А. Борнс и другие авторы и почему так именуют себя и сами бухарцы. То «весьма почтенное семейство», с которым познакомился Борнс и которое «вышло 150 лет тому назад из Дашты-кипчака», вероятно также принадлежало к родо-племенной группе узбеков и, конечно, за полтора столетия жизни в Бухаре успело перейти на таджикский язык. Но, несмотря на это, узбекские по происхождению семьи, нередко включившие путем браков и таджикские элементы, как правило, прочно сохраняли представление о своем происхождении и свою родо-племенную принадлежность. Немалое значение имела в этом политическая обстановка в Бухарском ханстве. К узбекам принадлежала правившая династия и высшая знать. Привилегированное положение узбеков подчеркивают многие наблюдатели XIX в. Мейендорф и Эверсман называют их «победителями», «правлящими»⁷⁹. Н. Ханыков говорит об узбеках, как о «племени, безусловно первенствующем»⁸⁰. Мейендорф специально подчеркивает ту гордость, с которой подтверждалась принадлежность к узбекам⁸¹. Стремление сохранить свою «родовитость» побуждало тщательно беречь узбекские традиции (в частности, родо-племенную принадлежность), которые сохранялись, несмотря на значительную ассимиляцию переселенцев-узбеков с местным таджикоязычным населением. Среда узбекской знати, с которой больше всего общался А. Борнс, была

⁷⁹ Bar. Meyendorff, *Voyage...*, p. 194; Ed. Eversmann, *Reise...*, p. 81.

⁸⁰ Н. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 63, 66.

⁸¹ Bar. Meyendorff, *Voyage...*, p. 195.

именно той, в которой особенно бережно хранились тюркские традиции, выражавшиеся в племенном самосознании, поддерживаемом и стимулируемом привилегированным положением этих групп. Это самосознание поддерживалось и принятым в официальных отношениях этикетом. К именам представителей узбекской знати в исторических хрониках прибавлялось наименование их племени. По сообщению информаторов, в Бухаре конца XIX — начала XX в. в официальных случаях, например при ежегодном одаривании одеждой военно-служилых людей (сипох), происходившем в арке, к имени прибавляли наименование рода или племени.

Но в состав бухарцев вливались не только родо-племенные группы узбеков: сюда переселялись узбеки и не знавшие родо-племенных делений. Особенно много было выходцев из Хорезма, которых в Бухаре называли общим именем «урганджи» (ургенцы). Они отмечены во многих кварталах, по ним получил свое название квартал Урганджиён. Часть переселенцев из Хорезма усвоила таджикский язык (в кварталах Урганджиён, Чаргарон, Ходжи-дорго), часть сохраняла узбекский (в квартале Буйробофон), часть была двуязычной (в квартале Олим-ходжа)⁸².

В результате многовековых смешений различных этнических компонентов — местных таджиков, сложившихся на базе древнего согдийского населения, и таджиков, приходивших из других районов Средней Азии, пришлых ираноязычных элементов различного происхождения (из Мерва, разных областей Ирана, из северного Афганистана, где жило население, близкое к таджикам или таджикское)⁸³, многочисленных тюркских узбекских групп также разного происхождения, в составе которых были и обузбечившиеся группы монгольского происхождения, в Бухаре сложился определенный физический и культур-

⁸² Может быть именно этот компонент в населении г. Бухары — узбеки, не знавшие родо-племенной принадлежности, — подразумевается под названием «сартов», о которых упоминает наряду с узбеками В. Григорьев в примечаниях к «Запискам Мирзы Шемса Бухари». ([Г. Григорьев], *Записки Мирзы Шемса Бухари*, — «Ученые записки Казанского университета», 1861, книжка 1, прим. 8, стр. 82). В самой Бухаре, как и на территории современной Сурхан-Дарьинской области, термин «сарт» не употребляется.

⁸³ М. С. Андреев, *По этнологии Афганистана. Долина реки Панджшир*, Ташкент, 1927.

ный облик коренного населения. Бухарский локальный тип, несколько отличающийся по своему внешнему виду от жителей других районов Средней Азии, был местным вариантом единого для народов Средней Азии древнего местного пласта — расы Среднеазиатского междуречья⁸⁴.

При единой основе в деталях антропологической облик бухарцев очень разнообразен; отдельные его черты говорят о длительном скрещивании друг с другом различных этнических компонентов. Эти черты, не всегда поддающиеся научному анализу, ясно воспринимаются непосредственным впечатлением. Бухарцам были свойственны благообразие; а нередко и красота лица, тонкость черт, вместе с некоторой хилостью и изнеженностью тела и нездоровым бледным цветом лица. Следует отметить, что более яркие типичные черты были свойственны женщинам: у них яснее проявлялись характерные особенности различных рас или локальных типов, принявших участие в этногенезе населения Бухары.

Среди женщин довольно резко различаются два типа. Первый характеризуется нежным продолговатым овалом лица, довольно крупным, хорошего рисунка носом и прекрасными бархатными глазами, оттененными длинными ресницами, под дугами довольно густых черных бровей. Для женщин этого типа характерен черный цвет волос. Второй тип отличается мелкими, тонкими и изящными чертами более широкого лица, тонкими и не густыми бровями, небольшими, но красивого разреза карими глазами, обычно более светлыми и негустыми волосами. В первом типе угадываются некоторые черты наследия переднеазиатской расы, во втором — среднеазиатские, может быть тюркские, черты, но без заметной примеси монголоидности. Ее мы, возможно, нашли бы в семьях представителей военного сословия, в своем большинстве происходивших из родо-племенных групп полукочевых в недавнем прошлом узбеков, но наблюдать их автору лично уже не пришлось.

Столь же многообразны типы бухарцев-мужчин. Наряду с красивыми правильными лицами с большими черными глазами и густыми темными бородами, здесь было

⁸⁴ Л. В. Ошанин, В. Я. Зезенкова, *Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии*, Ташкент, 1953, стр. 16, 41 и др.; Л. В. Ошанин называет жителей г. Бухары без оговорки таджиками на основе их таджикоязычности.

немало лиц с мелкими неправильными чертами. Некоторых отличала светлая сравнительно пигментация глаз и волос (светлокаштановых и даже рыжеватых). Встречался здесь и тип, распространенный в горном Таджикистане с характерными для него близко сидящими небольшими глазами и крупным носом. Но как бы разнообразен в деталях ни был физический тип бухарцев, в своей массе они стоят несравненно ближе к равнинным таджикам Самарканда, Ура-Тюбе, Ходжента, чем к узбекам, например, города Ташкента или Ферганской долины.

Отличались бухарцы от жителей других городов Средней Азии и по характеру своей культуры. По выражению одного дореволюционного автора, они были «парижанами Средней Азии»⁸⁵. Бухарцы выделялись своей культурностью, тонкостью и любезностью обращения, умением просто, небогато, но элегантно одеваться, с неподражаемым изяществом носить свои длинные и широкие халаты, изысканно сервировать дастархан и угощать гостей, поддерживать в чистоте и порядке свою одежду и жилища.

Бухарская женщина

⁸⁵ «Дервишизм в Туркестане», — «Туркестанские ведомости», 1898, № 56.

Локальный тип бухарцев сложился в условиях длительного и близкого соседства в Бухаре таджиков и узбеков, в том числе и перешедших на таджикский язык, при постоянном смешении их между собой путем браков⁸⁶.

Древнее местное население оставило свой след не только и не столько в физическом типе бухарцев, сколько в унаследованных ими культурных традициях, в том числе и в языковой. При скрещивании здесь различных этнических групп происходило столкновение разных языковых систем. Победителем из него вышел таджикский язык. Его приняли и иные этнические группы, в разное время приходившие в город и вливавшиеся в старое местное население, в большей или меньшей степени ассимилируясь с ним. Несомненно, основной причиной было то, что численно таджикский элемент в составе городского населения, в особенности в прошлом, преобладал, о чем свидетельствует и физический тип бухарцев. Однако нельзя недооценивать и количественной значимости тюркской (узбекской) массы, издревле участвовавшей в этногенезе населения Бухары. Но узбекский этнический пласт образовался в процессе неоднократных одновременных включений сравнительно небольших по численности узбекских групп. Каждая вновь вливавшаяся в население Бухары группа находила здесь таджикоязычную среду, состоявшую из узбеков и таджиков, и, будучи недостаточно значительной, в большинстве случаев ассимилировалась с местным населением и принимала его язык. Тезис К. Маркса о невозможности поисков в городах «старой племенной основы» особенно подходит к Бухаре — этому древнему городу со сложной исторической судьбой, определявшейся его положением на стыке различных хозяйственных, этнических и государственных территорий и его ролью торгового и культурного центра всей Средней Азии, в особенности до XIX в., когда эта роль перешла к Ташкенту.

⁸⁶ В Средней Азии, как известно, были широко распространены кузенные браки; практиковались они и в Бухаре. Но здесь особое значение придавалось классовой принадлежности и имущественному положению. Знатная богатая семья могла получить любую невесту из семей рядовых горожан — родители не осмеливались отказать родовитому или известному своим богатством претенденту. Лишь сословный запрет отдавать девушку из рода ходжей за неходжу сохранял свою силу.

После революции, в особенности после национального размежевания, при котором Бухарская область, населенная в основном узбеками, была отнесена к Узбекистану, связи населения г. Бухары с узбекской нацией еще усилились. Получила дальнейшее развитие тенденция отнесения себя к узбекам (причем вначале, называя себя узбеками, многие понимали термин «узбек» как житель Узбекистана). Увеличился в составе населения города процент узбеков — многие из них переселились в Бухару из сельских районов Бухарской области, из Ташкента, направляемые сюда на работу. На узбекский язык перешло все делопроизводство, в Бухаре появились школы, в которых преподавание велось на узбекском языке, и Бухарский педагогический институт, подготовляющий учителей для школ области, населенной преимущественно узбеками.

При окончательном оформлении узбекской и таджикской социалистических наций бухарцы консолидировались частью с узбекской, частью — с таджикской. Этот вопрос каждый решал по-своему, исходя из конкретных условий своей жизни и работы. Возможность выбора облегчалась для бухарцев тем, что они в подавляющем большинстве, особенно мужчины, прекрасно владеют таджикским и узбекским языками, хотя родным, употребляемым в семьях и при общении между собой, остается таджикский⁸⁷.

Приведенные нами факты говорят о большой сложности происхождения основного населения города Бухары, состоящего из нескольких пластов, в разное время входивших в состав населения города. На протяжении веков различные по своему происхождению элементы смешивались, составляя однородное по лингвистическому и культурному облику население. Процесс национального оформления населения следует считать еще не вполне завершившимся. Это обстоятельство в современных условиях не создает для бухарцев неудобств. Они могут получать образование и работать в русле как таджикской, так и узбекской культуры. Примером мо-

⁸⁷ О двуязычии жителей Бухары см.: В. С. Расторгуева, Ч. Х. Бакаев, М. И. Исаев, А. А. Керимова, Л. А. Пирейко, *Типы двуязычия у иранских народов Советского Союза*, — «Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук», М., 1964, стр. 4—5.

жет явиться писатель Садриддин Айни, который писал и на узбекском и на таджикском языках, выполняя нередко и роль переводчика своих произведений. При явном тяготении к таджикской культуре (Айни происходил из таджикского кишлака Ходжа Соктари) он внес заметный вклад и в современную узбекскую культуру. Как деятели узбекской культуры работают композиторы бухарцы М. Ашрафи и М. Бурханов, музыковед Ф. Караматов. Другие бухарцы работают в Таджикистане, играя заметную роль в создании национальной таджикской культуры.

Тюркоязычные группы в составе населения г. Бухары

В составе жителей г. Бухары имелись и тюркоязычные группы — узбекские и одна казахская.

Узбеки, сохранявшие свой родной язык, отмечены нами в 34 кварталах. Однако в большинстве кварталов это были отдельные семьи служилых людей и чиновничества, поселившиеся в квартале недавно и по большей части временно; они проживали в казенных квартирах, которые предоставлялись им при назначении на должность, и освобождались при увольнении⁸⁸. Поэтому для характеристики населения кварталов такие семьи не имели большого значения. Важнее отметить наличие в Бухаре постыянного населения, родным языком которого был узбекский. Самой крупной и наиболее компактной узбекоязычной группой были жители большого квартала Буйробофон, расположенного в северо-восточной части города, неподалеку от Самаркандских ворот. Квартал состоял из 120 домов, из них только 50, сосредоточенных в одном месте, принадлежали к таджикоязычным семьям мыловаров. Остальные были населены узбеками, сохранившими до наших дней узбекский язык и в отличие от всех других жителей Бухары плохо владеющими таджикским.

⁸⁸ А. А. Семенов публикует донесение эмиру об освобождении казенной квартиры служащим, уволенным с должности миршаба (А. А. Семенов, *Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени*, — «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», Сталинабад, 1954, стр. 51).

Особенно много узбекских элементов было в западной части города. Здесь жили описанные выше калмаки. В кварталах Дурман, Ок-мачит и Катаган жили кенегесы. По сообщениям, все они пришли из Шахрисябза, который, как известно, был основным районом, занятым узбеками-кенегесами. Поселение кенегесов в Бухаре может относиться в основном ко времени правления Насруллы-хана, политика которого была направлена к полному подчинению и покорению Шахрисябза⁸⁹ и включала выселение оттуда непокорных. Мы имеем об этом прямое свидетельство Мирзы Шемса Бухари, который сообщает, что, когда Насрулла-хан подчинил себе Шахрисябз, он переселил его «владельца со всем семейством, роднею и должностными лицами» в Бухару, где подарил ему дом и два фруктовых сада⁹⁰. Кроме таких насильственных переселений с политическими целями, шахрисябзцы попадали сюда, вероятно, как наукары: Шахрисябз, как и другие районы, населенные родо-племенными узбеками, поставлял воинов в эмирское войско⁹¹. Военно-служилые люди из родо-племенных узбеков отмечены почти во всех северо-западных кварталах: Кулмад-ходжи, Зиндафиль-Ахмади Джоми, Ок-мачит, Баходур-бий, Калмок, Мачити кунджа, Ахмад-дорго, Деволу похса, Такия, Муддао. Свой язык они сохраняли в той или иной степени: часть полностью перешла в домашней жизни на таджикский, зная узбекский как второй язык, другая часть сохраняла узбекский в своем обиходе, но по большей части владела и таджикским. В квартале Сорвоно тюркоязычной была половина населения; ее обязанностью и, можно сказать, профессией был присмотр за эмирскими верблюдами, которые использовались для перевозки принадлежавших эмиру торговых грузов. Здесь жили и доверенные лица эмира, ведавшие верблюдами и караванами, и их подручные, ухаживавшие за животными. Родо-племенная принад-

⁸⁹ См., например, Г. А. Аминов, *Краткие исторические сведения о прежних отношениях Бухары к Шахрисябзу*, — «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. II, 1873, стр. 405—407.

⁹⁰ [В. Григорьев], *Записки Мирзы Шемса Бухари*, стр. 9, прим. 2.

⁹¹ О порядке поставки нукеров см.: В. Л. Вяткин, *Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1903) годов*, — «Известия Среднеазиатского отделения РГО», вып. XVIII, Ташкент, 1928.

лежность тюркоязычных узбеков этого квартала осталась невыясненной.

Отдельные тюркоязычные родо-племенные группы, владевшие также и таджикским языком, жили в юго-западной части города, которая до постройки последней стены была его юго-западной окраиной. Здесь помещался большой квартал Кыргыз-оим, где жило так много военных, что он получил в народе название квартала сипохов. Сипохи этого квартала принадлежали к разным племенам: здесь были мангыты, кырк-юзы и др. Их предки в разное время попали в Бухару и к концу XIX — началу XX в. родо-племенные группы узбеков этого квартала, в особенности те, чьи предки пришли в Бухару уже давно, были таджикоязычны; тюркоязычны, как правило, были те, кто попал в Бухару недавно. Такие военно-служилые люди жили небольшими группами или отдельными семьями во многих кварталах. Особенно много их было в западной части начиная с квартала Го-зиён и дальше на запад. Так, в квартале Косагарон, состоявшем из 90 домов, жило пять тюркоязычных узбекских семей сипохов; по несколько таких семей было в кварталах Шайх-Джалоль Миракон, Хаузи-нау и др. Составляя небольшие вкрапления в массу таджикоязычного населения, эти группы постепенно ассимилировались.

Родо-племенная группа буркут (возможно, там были узбеки и из других племен) жила на крайнем востоке, в квартале Кара-Камоль. В прошлом буркуты принадлежали к родовитым сипохам, а потом обеднели и перешли к занятиям сапожным ремеслом, составлявшим профессию таджикоязычных бухарцев, основного населения этого квартала. Сближение благодаря одной профессии, утрата этой родо-племенной узбекской группой своего привилегированного положения стерли грань между ними и остальным населением квартала. Однако их знатное происхождение не забылось, их называли родовитыми (авлоди), поэтому к именам мужчин из этих семей прибавлялась приставка «бек», и при разговоре с ними соседи старались говорить по-узбекски. Как пришлось, однако, убедиться на опыте, в пылу разговора, нередко сами не замечая того, все переходили на таджикский язык, которым одинаково хорошо владели и эти «родовитые» узбеки. На вопрос, почему все-таки

стараются говорить с ними по-узбекски, был получен ответ, что это делается «из уважения к их знатному происхождению».

Изложенное вскрывает характерную черту узбекоязычной части населения города. В то время как основное таджикоязычное население города, хотя и не однородное по происхождению, сплавлялось в более или менее единый и определенный локальный тип, узбекоязычные группы, жившие в городе, были очень разнообразны и в большинстве своем не связаны между собой. Это служит веским доказательством того, что они являлись пришлым населением, попавшим сюда в разное и притом в сравнительно позднее время и при различных исторических условиях. Большинство таких переселенцев пришли в Бухару, очевидно, после XVI в.: почти все более или менее компактные группы узбеков, сохранивших узбекский язык, населяли главным образом наиболее молодые районы города, которые были включены в его черту при строительстве последней городской стены.

Причины и условия сохранения узбекоязычности при длительном проживании в таджикоязычной Бухаре ясно видны на примере населения квартала Буйробофон. Жившие здесь узбекоязычные семьи занимались изготовлением циновок, снабжая ими весь город: других плетельщиков циновок в городе не было. Общность профессии и замкнутость этого промысла, ограничивавшегося рамками одного квартала, превратили его население в замкнутую, изолированную группу, которая сохранила специфические черты в своем облике и быту, резко отличавшие ее от остальных горожан⁹². Квартал Буйробофон был не похож на другие: стоящие в центре расположенного здесь пустыря громадные снопы камыша, камышовый пух и листья, катающиеся под порывами ветра по земле, сидящие тут и там группы мужчин, занятых очисткой и обработкой стеблей камыша, — вот типичная для этого квартала картина. Его жители — плетельщики циновок — отличались от остальных бухарцев и по своему внешнему виду.

⁹² Описание занятий и быта этой группы см.: О. А. Сухарева, *Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX в. Ремесленная промышленность*, Ташкент, 1962, стр. 133—136 (также рис. 30—31).

Плетельщиков циновок объединяла цеховая организация (правда, слаборазвитая), в которую не входил никто из посторонних, а нередко и кровное родство. Жители этого квартала, связанные общностью происхождения и общностью профессии, заключали браки преимущественно в своей среде. Обязательное участие женщин в производстве циновок заставляло искать жен в кругу сотоварищей по ремеслу.

Но узбекоязычная группа квартала Буйробофон не была едина; она делилась на две части. Меньшая, занимавшая северную часть квартала, представляла собой обузбечившихся туркмен хыдыр-эли, пришедших сюда со стороны Чарджоу. Южную часть занимала группа переселенцев из Хорезма (урганджи). По сохранившимся у этой группы жителей квартала Буйробофон преданиям, они произошли от тех двух тысяч семейств (икки минг уй), которых переселили сюда из Хорезма по приказу Шах-Мурада (конец XVIII в.). Некоторые переселенцы не хотели жить в городе, где им казалось слишком тесно, и выбрали себе для поселения местность Четарык, расположенную за Каганом, где было много болот, поросших камышом, нужным для их промысла. Другие осели в Гиждуванском селении Кумок. Оставшиеся в городе заняли окраинный, слабо заселенный в то время район, где и образовали квартал Буйробофон. Живущие там плетельщики циновок считают себя в родстве (амаку-амакбача) с плетельщиками циновок из Четарыка и поддерживают с ними постоянные связи: заключают между собой браки, бывают друг у друга на тоях и поминках.

В Бухаре осели и другие переселенцы из Хорезма, узбеки по происхождению. Они составляли несколько отдельных не связанных друг с другом групп и в большей или меньшей степени слились с городским населением и перешли на таджикский язык. Некоторые из них были двуязычными: в деловой жизни и в сношениях с посторонними они употребляли таджикский язык, а в семье говорили на узбекском, временами перемешивая его таджикским. Такова была небольшая группа урганджи из квартала Олим-ходжа, ведшая свой род (в шестом поколении) от знатного выходца из Хорезма Мир Сайид-шох Мухаммад-хана. Потерпев фиаско в политической борьбе у себя на родине, он вместе со

своей семьей и сторонниками бежал под покровительство Насруллы-хана. Ему и его родным было отведено местожительство в самом городе, а бежавших вместе с ним простых хорезмцев поселили поблизости от Бухары, в кишлаке Саросия, где их потомки живут и поныне. Двуязычными стали также потомки переселенцев из Хорезма, жившие в квартале Чармгарон. Хорошо владея таджикским языком, они говорили дома по-узбекски.

Изложенное показывает неоднородность узбекоязычных групп, живших в Бухаре. Основным направлением этногенетического процесса, в который вовлекались эти переселявшиеся в Бухару группы узбеков, был переход их на таджикский язык и постепенная ассимиляция с городским населением. В этом отношении судьба Бухары резко отличалась от судьбы таких городов, как Маргелан, население которого за последние века утратило таджикский язык и перешло на узбекский.

Арабы

Об арабах в литературе, о городе Бухаре и ее населении ничего не говорится. Путешественники XIX — начала XX в. упоминают лишь об арабах-степняках, занимавшихся скотоводством⁹³. Единственным, кто отметил, хотя, видимо, по недоразумению, наличие арабов в Бухаре, был В. В. Бартольд⁹⁴. Впервые среднеазиатских арабов в Бухаре обнаружила перепись 1926 г., зарегистрировавшая здесь небольшую их группу (45 мужчин и 24 женщины)⁹⁵. Однако эти цифры не соответствовали действительности. Собранные нами этнографические материалы рисуют совершенно иную картину.

В Бухаре были два квартала Арабон, название которых указывает на принадлежность их населения к этни-

⁹³ Н. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 56—58; А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, стр. 181.

⁹⁴ В. В. Бартольд говорит, что курейшиты прежде жили в Бухаре, но утратили свой язык и говорят по-узбекски; главное отличие от остального населения — рисунки на выделяемых ими из шерсти паласах и одеялах (В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927, стр. 24). Эта характеристика свидетельствует, что в распоряжении Бартольда были сведения об арабах-степняках.

⁹⁵ «Всесоюзная перепись 1926 г. Узбекская ССР», вып. XV, табл. X, стр. 144—145.

ческой группе арабов. Оказалось, что в первом квартале Арабон, находившемся в центре города, к северо-востоку от арка, и состоявшем из 110 домов, арабы населяли 40 домов, т. е. можно предположить, что здесь их жило 100—150 человек. Во втором квартале Арабон (у ворот Саллях-хона), где было 120 домов, арабы составляли большинство; следовательно, арабское население этого квартала насчитывало по крайней мере 200 человек. Таким образом, число арабов Бухары, живших двумя компактными группами, можно определить не меньше чем в 300. Кроме того, в числе жителей других кварталов Бухары также имелось немало отдельных лиц, происходивших от арабов. Так, житель прилегавшего к территории зиндона квартала Низомаддини-боло на вопрос о его этнической принадлежности ответил: «Нас можно считать и арабами и таджиками»⁹⁶.

Арабами по происхождению считали себя ходжи и саиды, которых в Бухаре было немало, но, конечно, у этой группы населения связь с арабской народностью была уже чисто генеалогической. Если даже предположить, что саиды и ходжи действительно происходят от арабов (обычно их генеалогия возводится к Мухаммеду или его ближайшим родственникам и потомкам), то за прошедшие века в результате хотя и ограниченных, но постоянных смешений с населением Средней Азии от арабской крови у ходжей и саидов ничего не осталось; они представляли собой группу не этническую, а социальную.

Бухарские арабы, в значительной степени успевшие ассимилироваться с остальными бухарцами и усвоить местный городской быт, были таджикоязычны. Однако они крепко хранили свои традиции. Это выражалось в сознании своей принадлежности не только к арабской народности, но и к определенному племени. Так, арабы, жившие у ворот Саллях-хона, относили себя к корейшитах (курайш). Все арабы г. Бухары поддерживали между собой родственные связи и заключали браки только в своей среде, а также с арабами-степняками. Это способствовало сохранению ими этнического своеобразия. Живя в обоих кварталах Арабон смешанно с бухар-

Семья кузнеца, араба по происхождению

цами, арабы образовывали внутри квартальных общин свои особые группы, во главе которых стояли аксакалы-арабы. В этой среде решались вопросы отношений между арабами квартала, в частности, предварительно обсуждались все мероприятия и расходы, связанные с совершением свадеб, обрезаний или поминок в их семьях. Окружающее население отмечает своеобразие в обычаях арабов, в частности в погребальном ритуале. На похоронах, например, во время оплакивания и траурного радения у арабов били в бубен, кожу которого мазали сажеей; горестным возгласом, который выкрикивали, причитая, было не «эво-э», обычное у других народностей Средней Азии, а «урджин»⁹⁷.

⁹⁷ Текст причитаний, записанный со слов жителей одного из соседних кварталов: «Во-урджин, во-урджин. Джавон мурдед, урджин, писар-туй на хурдед, урджин!» — («О урджин, о урджин! Молодым вы умерли, о урджин, не угостились вы на тое по случаю обрезания [своего] сына, о урджин!»).

⁹⁶ Информатор был, по-видимому, арабом; на это указывает его умение прясть шерсть на крестовине, что типично для арабов.

По бытовому укладу и занятиям арабы, жившие около арка, почти ничем не отличались от остальных бухарцев. Они занимались ремеслами, торговлей. Из их среды происходили отмеченные в этом квартале торговцы баранами (гусфан-джаллоб). Многие арабы были маклерами (даллоль) на бараньем базаре. Но к торговле каракулевыми шкурками, основными поставщиками которых были арабы-степняки, они не имели никакого отношения.

В отличие от них основным промыслом арабов, живших в квартале Арабон у ворот Саллях-хона, была торговля шкурками. Одни торговцы занимались посредничеством между степняками и покупателями шкур, другие — их скупкой, перепродажей и частично обработкой. Арабы-каракулеводы, привозя свой товар в город, останавливались в домах своих соплеменников из этого квартала и совершали свои торговые операции при их посредничестве, так что этот квартал превратился в своего рода каракулевый рынок. По-видимому, арабы этого квартала сделались горожанами сравнительно не очень давно. На это указывают, помимо занятой ими территории, вошедшей в черту города, вероятно в XVI в., их связи с сородичами-степняками и с традиционным занятием арабов — производством каракулевых шкур.

Что же касается арабов, живших в центре города, то они попали в Бухару значительно раньше. Об этом свидетельствует полная утрата ими связей с арабами-степняками, а также их расселение в центральном густонаселенном районе города⁹⁸. Но хотя этот квартал расположен недалеко от того района, где арабы были поселены Кутайбой в VIII в.⁹⁹, вряд ли современных жителей этого квартала можно считать потомками ранних пришельцев из Аравии. Однако наличие отдаленной родственной связи не исключено, если принять во внимание былую замкнутость отдельных этнических групп, в частности практику эндогамных браков.

⁹⁸ Сведения об арабах этого квартала сообщены жителем квартала — арабом. Позже их дополнили несколько жителей этого квартала неарабов.

⁹⁹ М. Наршахи, *История Бухары*, стр. 72; см.: О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 22—23.

Фарсы

Значительную группу населения г. Бухары составляли фарсы. Самоназвание «фарс» они приняли после так называемой «шиитской резни» 1910 г., когда обострение отношений между суннитами и шиитами Бухары привело к тому, что их прежние названия — «ирони», «марви» — сделались одиозными, стали вызывать чувство обиды при употреблении его посторонними, хотя, по наблюдениям Ф. Люшкевич (1962 г.), сами себя они и сейчас называют ирани¹⁰⁰. Вследствие этого и в литературе следует принять новое, уже укоренившееся в быту бухарцев название «фарс». Что же касается самаркандских ирони, то они сохранили свое прежнее самоназвание. Применение разных названий для бухарских фарсов и самаркандских ирани правильно и в научном отношении, так как эти две этнические группы различны по своему облику и происхождению. Отличительной чертой бухарских фарсов является таджикоязычность, самаркандские же ирани говорят на тюркском наречии, близком к хорезмскому говору узбекского языка, или, может быть, к азербайджанскому¹⁰¹. Общей для обеих этих групп является лишь их религия — шиизм, что не может служить основанием для объединения их в одну группу. Различны они и по своему антропологическому облику. Тюркоязычные ирани Самарканда лучше сохраняют переднеазиатский тип (особенно женщины), в то время как фарсы Бухары почти не отличаются от исконного населения города.

Фарсы, занимавшие в Бухаре в основном западную часть города, составляли значительную часть населения Джуйбара и жили также в районе, прилегавшем к Хыёбону с востока (до кварталов Сарахсиён и Косагарон на юге, Мир-Дустум на севере Хыёбона). Они расселялись также в расположенных за западной стеной города селениях Кум-Рабат и Афшор-Махалла. Наиболее компактно фарсы жили на западной окраине города. Они состав-

¹⁰⁰ Сообщено в личной беседе.

¹⁰¹ Говор самаркандских ирани не изучен. Его характерной чертой является озвончение звука «к» в начале слова (гялдим вместо кельдым), как в хорезмском говоре узбекского языка и в туркменском языке.

ляли основное население кварталов, расположенных неподалеку от городской стены, — Чакар, Абдулло-ходжа, Чукурмахалля, Вакф (Вахм), Хаузи баланд. За пределами Джуйбара фарсов было мало. Можно предполагать, что на территории, расположенной вне его, они оказались в результате более позднего расселения их из Джуйбара и из селений, примыкавших к Джуйбару. Две мелкие, не связанные с джуйбарскими группы фарсов жили в кварталах центральной части города: Туп-хона, помещавшемся на территории древнего шахристана, и Дуст-чурогоси, к западу от арка.

Общая численность фарсов дореволюционной Бухары не установлена. Посещавшие Бухару лица, основываясь на своем впечатлении и на полученных сведениях, называли весьма различные цифры. Мейендорф считал, что в Бухаре около 40 тыс. фарсов¹⁰², что явно преувеличено. Правильнее предположение А. Хорошхина, который говорит, что «в Бухаре ирани насчитывается до 8000 душ»¹⁰³. Назывались и другие цифры, столь же приблизительные. Только перепись 1926 г. впервые дала более точные цифры: в г. Бухаре было зарегистрировано «персов» 1917 и «ираны» — 94; кроме того, в пригородах Бухары отмечено 1210 хозяйств «персидских», «фарсидских», или «иранских», объединявших около четырех тысяч человек¹⁰⁴. Таким образом, общее количество фарсов в г. Бухаре было около двух тысяч человек. Вместе с фарсами, жившими в пригородах, в 1926 г. они исчислялись примерно в шесть тысяч человек. До революции их было, вероятно, несколько больше, и цифра, предложенная за 50 лет до этой переписи Хорошхиным, близка к истине.

Происхождение бухарских фарсов было не одинаково, но все они считались потомками переселенцев, пришедших в Бухару в разное время, из различных частей Хорасана, главным образом из Мерва. О их переселении имеется много исторических сведений. В «Абдулло-наме» Хофизи Таниша говорится о переселении в Бухару части жителей Мерва в начале XVI в. Убайдулла-ханом.

¹⁰² Ваг. Meyendorff, *Voyage...*, p. 285.

¹⁰³ А. Хорошхин, *Народы Средней Азии*, стр. 10.

¹⁰⁴ «Всесоюзная перепись 1926 г. Узбекская ССР», вып. XV, табл. X, стр. 144—145.

То же сделал во второй половине XVI в. Абдулла-хан¹⁰⁵. Особенно большое количество переселений в Бухару из Мерва и Ирана падает на XVIII в. Некоторое число фарсов пришло сюда в середине этого столетия с Надир-шахом. В «Гульшан-уль-мулюк» говорится о том, что в войске Надир-шаха, захватившем Бухару (1745 г.), было «большое число» представителей разных народностей, в том числе и «иранцы»; многие из них, «отделившись от войска... остались в Бухаре, где они живут и поныне»¹⁰⁶.

Фарс-ткач

Однако основную массу переселенцев, образовавших впоследствии своеобразную этническую группу бухарских фарсов, составили не иранцы, а переселенцы из Мерва — города, издревле принадлежавшего к городам Средней Азии. Как в XVI в. по приказам Убайдулла-хана и Абдулла-хана, так и в XVIII в. они были переселены в Бухару по приказу эмира Шах-Мурада. По сообщению автора XVIII в. Абдул-карима Бухари, Шах-Мурад, так же как это сделал в свое время Абдулла-хан, разрушил Мургабскую плотину и, принудив этим мервцев сдаться, переселил многих его жителей в Бухару и Самарканд. Количество переселенных оттуда в разных источниках указывается различное. У Абдул-карима Бухари об этом говорится следующее: «Шахмурад... предписал выселить

¹⁰⁵ عبد الله نامه рукопись ИВ АН УзССР, № 9262, л. 233. Исследованием этого источника занималась Р. Г. Мукминова (АН УзССР), чьей любезности автор обязан знакомством с этими сведениями, за что приносит ей глубокую благодарность.

¹⁰⁶ Цит. по: Д. Г. Вороновский, «Гульшан-ул-Мулюк» Мухаммеда Якуба Бухари, диссертация, стр. 161.

из города 5000 семейств... Через несколько дней приказано было выселить еще 2000 семейств... Жители, согласно предписанию, были выселены в Бухару... Общее количество выведенных в Бухару простирается приблизительно до 17 тысяч семейств»¹⁰⁷. В близком по времени сочинении Гульшан-ул-Мулук говорится о переселении Шах-Мурадом в Бухару «тридцати тысяч семейств шиитов-кизилбашей»¹⁰⁸. Другие источники называют цифру переселенцев в сто тысяч человек¹⁰⁹. Массовые переселения производились не только Шах-Мурадом, но и его сыном и преемником Хайдаром. Об этом сообщают путешественники начала XIX в., основываясь на устных сообщениях бухарцев¹¹⁰. Что касается приводимых источниками цифр, то все они сильно преувеличены.

В состав фарсов вошли также потомки единичных переселенцев, пришедших в Бухару по своей воле из Ирана и Герата. В среде фарсов из кварталов Туп-хона и Дуст-чурогоси нет преданий о насильственном и единовременном приводе их предков в Бухару. Семейные предания говорят, что они пришли сюда поодиночке и своей волей. По-видимому, эти группы фарсов образовались постепенно, в процессе роста семей и превращения их в колонии родственников. Особенно ясно это в отношении группы перешедших в суннизм фарсов квартала Дуст-чурогоси. Происхождение этой небольшой, состоявшей из 28 семей, группы вскрывается по сохранив-

¹⁰⁷ Цит по: В. А. Жуковский, *Развалины старого Мерва*, — «Материалы по археологии России», 1894, № 16, стр. 87.

¹⁰⁸ Цит. по диссертации Д. Г. Вороновского, который, однако, ошибается, понимая здесь под «кизилбашами» турецкие племена Закавказья, Азербайджана и Турции. Установленная выше таджикоязычность бухарских фарсов, среди которых было много потомков этих переселенцев, позволяет считать, что в данном случае термин «кизилбаш» употреблен в широком значении (известно, что он означал шиитов вообще, как тюркоязычных, так и ираноязычных).

¹⁰⁹ «История народов Узбекистана», т. II, стр. 123. В «Истории Узбекской ССР» (Ташкент, 1955, т. I, кн. II, стр. 45—46) этот вопрос трактуется более осторожно и сказано лишь о переселении в Бухару «части жителей города Мерва», что несомненно более правильно.

¹¹⁰ Н. Ханьков говорит, что эмир Сеид (Хайдар) с целью «ослабить город, стоящий так далеко от центра ханства... приказал переселить 400 семейств мервийцев в окрестности Самарканда...» (Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 71). А. Вамбери считает бухарских фарсов («мервы») потомками сорока тысяч персов, выселенных из Мерва Эмир-Саид-ханом (А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, стр. 323).

шемуся у них семейному преданию. Их предок Усто Ибрагим, по профессии шелкомотальщик, пришел в Бухару из Ирана в поисках работы, женился на бухарке, и все 28 семей этой группы являются потомками этой пары и считают себя родственниками. В памяти стариков сохранилась вся их генеалогия: у Усто Ибрагима было четыре сына — Усто Шариф, Усто Рахмат, Усто Хаким и Усто Борот, сын которого, Усто Турсун, был отцом нашего информатора — Суфи-Нарзикула (род. около 1885 г.). Усто Борот умер глубоким стариком — он родился не позже середины XIX в. Это позволяет датировать приход в Бухару родоначальника этой группы Усто Ибрагима концом первой половины XIX в. Оказавшись в окружении местного населения, эта группа давно перешла в суннизм, что окончательно разрушило преграду, препятствовавшую слиянию с окружающим населением, которую создавала религиозная рознь между суннитами и шиитами. Хотя по распространенному в Средней Азии обычаю предпочтения кузенных браков, семьи, входящие в эту группу, бракосочетались преимущественно между собой, но, конечно, бывали и браки с местными бухарцами; из них, как мы видели, происходила и жена родоначальника этих семей. Поэтому имеющийся в них иранский элемент был сильно разбавлен, а вся группа почти полностью ассимилировалась с местным населением. Это выразилось, в частности, в переходе в суннизм. Старейший представитель этой группы Суфи-Нарзикул много лет занимал должность муэззина (суфи) квартальной мечети, прихожанами которой были как семьи описываемой нами группы, так и остальное население квартала. На вопрос об этнической принадлежности Суфи-Нарзикул ответил, что они фарсы.

В квартале Туп-хона группа фарсов населяла 60 из 90 домов квартала. Живя здесь компактной группой, фарсы сохранили шиизм. Здесь был молитвенный дом — хусайния-хона, находившийся при доме религиозного руководителя шиитов этого квартала и состоявший из двух отделений — мужского и женского. Поселение компактной группы фарсов в квартале Туп-хона, находившемся в самой древней, уже давно густонаселенной части города, само по себе является свидетельством давности появления здесь фарсов. Как правило, все позднее пришедшие группы обосновались на окраинах.

Фарсы квартала Туп-хона считают, что они живут здесь очень давно, их предки появились в Бухаре гораздо раньше фарсов Джуйбара. С последними они общались очень мало и свое отличие от них видят в существовании связей с Ираном у джуйбарских фарсов и отсутствии таких связей у жителей квартала Туп-хона.

Однако в эту группу фарсов могли входить и более поздние пришельцы. В семье Ашурова, например, сохраняется рассказ о том, как их предок по имени Козим пришел в Бухару из Ирана семь поколений назад, привлеченный вестями о том, что здесь «благоустройство, дешевизна, спокойствие» (ободи, арзони, амони). В Бухаре он занимался земледелием (дежкони). Его сын Мадали был мясником (кассоб). Следующие поколения — внук Козима Усто Раджаббай, правнук Сафарбай, праправнук Ашурбай, так же как и ныне здравствующий прапраправнук Козима — Ашуров, — сделали шелка. Время прихода в Бухару предка этой семьи устанавливается примерным подсчетом: это могло произойти в начале или в середине XVIII в. Ашуров считает квартал Туп-хона местом жительства своего рода с самого начала его появления в Бухаре. Нужно думать, что, придя в Бухару, Козим уже застал в этом квартале шиитов: только это могло обеспечить одинокому пришельцу и его потомкам возможность сохранить свою религию, которая в свою очередь послужила препятствием к полной ассимиляции их, как и всей группы фарсов квартала Туп-хона, с местным населением.

Единичные переселения в Бухару из различных районов Ирана происходили вплоть до самой революции. Здесь оседали приезжие из Ирана персы — купцы или ремесленники. Найдя близкую им среду единоверцев и рассчитывая на имеющуюся здесь возможность получить заработок или доходы от торговли, они оставались в Бухаре и постепенно, в той или иной степени, ассимилировались с местными фарсами. Таких поздних переселенцев бухарцы называли «машади» (мешхедцы) или «персиен» (персы).

Некоторая часть бухарских фарсов, в том числе и знать, были потомками обращенных в рабство шиитов различного происхождения, которые находились либо в частных руках, либо были куплены казной для службы в войске сарбазов или при дворе. Процесс ассимиляции

их с другими группами населения особенно усилился после официальной отмены рабства в конце XIX в., благодаря чему исчезли социальные барьеры. Часть освобожденных рабов влилась в состав фарсов как неоднородный и разновременный компонент, входивший в эту этническую группу. Другая часть, переходя в суннизм, сливалась с коренными бухарцами. Потомки освобожденных рабов жили, например, в квартале Косагарон, где они населяли один из переулков, называвшийся «Улицей рабов» (Кучай гуломо). Память о их происхождении сохранилась до наших дней, хотя они давно уже не причислялись к фарсам и по своему облику слились с бухарским населением.

Что же касается того компонента в составе фарсов, который создал основное ядро всей этой этнической группы — потомков переселенцев, главным образом из Мерва, пришедших в Бухару в порядке насильственного массового переселения, то следует со всей определенностью сказать, что они не были обращены в рабство. Это единогласно утверждают все фарсы этой группы, о том же свидетельствуют источники. Бухарский историк Абдул-карим описывает жизнь переселенцев из Мерва в Бухаре самыми розовыми красками: он говорит о «благодеяниях», оказанных им Шах-Мурадом, вследствие чего, по выражению В. В. Бартольда, они «будто бы были вполне довольны своим положением»¹¹¹. В. В. Бартольд недаром поставил под сомнение это утверждение Абдул-карима. Конечно, потеряв родину, свои дома и имущество, мервцы не могли не испытывать лишений, в особенности на первых порах. Но впоследствии они сумели найти себе здесь новую родину и средства к существованию благодаря своему искусству в обработке шелка и выработке шелковых тканей. Это составляло их основное занятие в изучаемый период¹¹². Утверждение А. Хорошхина, что фарсы (ираны) «занимаются работами по найму»¹¹³, относится, по-видимому, к не занимавшимся ремеслом фарсам из бывших рабов.

Моментом, объединявшим всех фарсов Бухары и в то же время отделявшим их от основного населения города, была их принадлежность к шиитам. Вопреки высказан-

¹¹¹ В. В. Бартольд, *История культурной жизни...*, стр. 108.

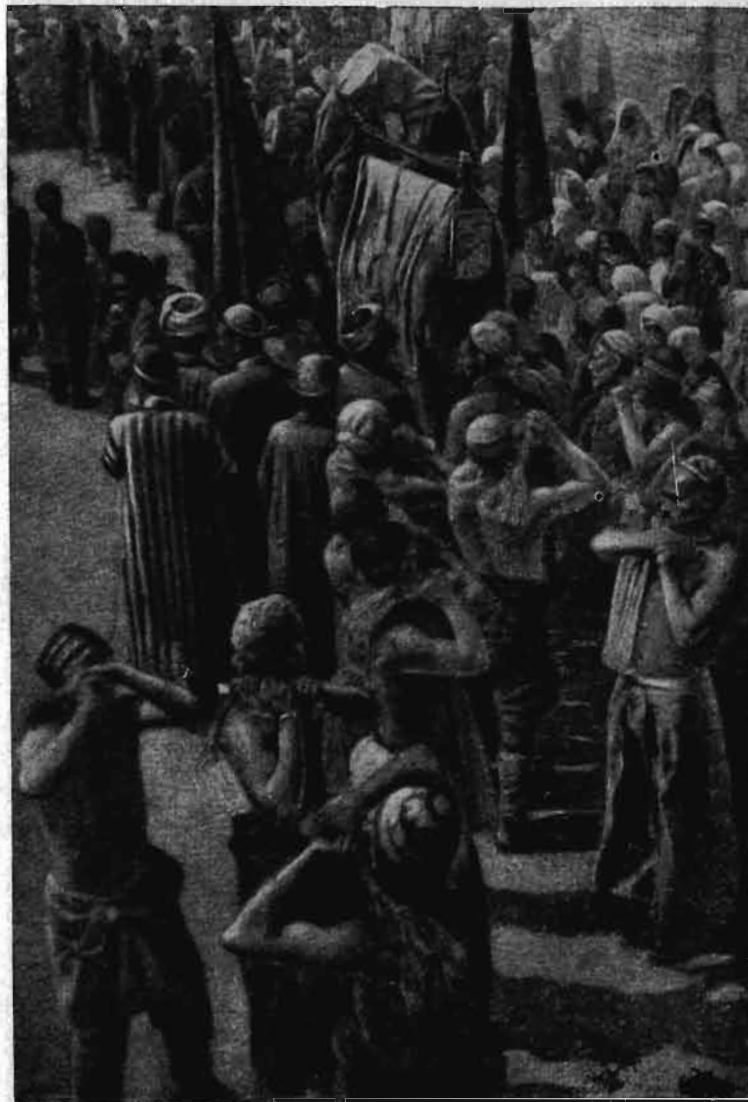
¹¹² См.: О. А. Сухарева, *Позднефеодальный город...*, стр. 59—61.

¹¹³ А. Хорошхин, *Народы Средней Азии...*, стр. 110.

ному в литературе мнению, что, поселившись в Бухаре, равно как и в Самарканде, они были вынуждены принять суннизм¹¹⁴, среднеазиатские фарсы и ираны беспрепятственно исповедовали шиизм. По обычаю, свойственному теократическим государствам (а таковым была Бухара, правитель которой носил титул амир-ул-муминин), каждому жителю страны гарантировалось право и даже вменялось в обязанность соблюдать предписания своей религии. В этом не чинилось препятствий и шиитам, жившим в Бухаре. Они свободно отправляли свой культ, у них имелись свои молитвенные дома, руководимые шиитским духовенством — шейхами. Кроме упомянутого выше молитвенного дома (хусайния-хона) в квартале Туп-хона, имелось еще три в Джуйбаре: один, самый старый, находился в квартале Хаузи баланд, второй — в квартале Моркуш и третий — между кварталами Джуйзар и Джанафарон. Большой молитвенный дом имелся в Кагане¹¹⁵, где также жили фарсы. У шиитов не практиковалось обязательных ежедневных общественных молитв (намазов), хусайния-хона служили в основном для совершения ежегодных обрядов ашури (так называемых шахсей-вахсей). В конце XIX — начале XX в., когда среди фарсов появилось много знатных и влиятельных людей, приближенных эмира, этот обряд стали совершать не только в молитвенных домах, но и под открытым небом, за Самаркандскими и Шергиронскими воротами. Там проходили процессии самоистязателей, несли гроб с изображением Хусейна и происходило его публичное оплакивание. По словам пожилого бухарца-суннита из квартала Пустиндузон, лично наблюдавшего этот обряд за воротами Шергирон, было «в одной стороне — много людей, бьющих себя цепями [занджирзан], в другой стороне — люди, ударяющие себя саблями [шофзан]; некоторые ударяли себя в грудь кулаками, а некоторые, плача, тихонько восклицали „О Хусейн“. В процессии вели лошадь с навьюченными на нее двумя корзинами [каджова], в которых сидели красивые дети, мальчики и девочки, изображавшие Хасана, Хусейна и их сестер».

¹¹⁴ Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 71.

¹¹⁵ Неизвестно, были ли молитвенные дома в селениях, где жили фарсы. По-видимому, фарсы из селений ходили в городские хусайния-хона.

Обряд ашури у бухарских фарсов

Проживая более или менее обособленной группой (по словам А. Борнса, «отдельной общиной»), фарсы Бухары благодаря общности религии — ислама, языка и занятий с коренными бухарцами не отмежевывались от остального населения города. Фарсы в большинстве жили в кварталах смешанно с суннитским местным населением. По незыблемым правилам квартальной общины фарсы-шииты считались ее полноправными членами, соседи-сунниты обязательно приглашали их на свои свадьбы и другие семейные события, отмечавшиеся пиршеством; фарсы, со своей стороны, приглашали к себе на такие же празднества своих соседей по кварталу — нефарсов. Хотя фарсы обычно не посещали мечетей, но если очередной призыв на намаз (азан) заставлял их в компании с суннитами, то все шли в мечеть вместе, и фарсы совершали намаз по своему обряду, отличавшемуся от суннитского лишь некоторыми незначительными деталями.

С другой стороны, и бухарцы-сунниты охотно посещали совершаемый шиитами обряд оплакивания Хусейна. Самое существо шиизма — культ Алия и его сыновей, особенно Хусейна, так же как и шиитский обряд ашури, не было чуждо суннитскому населению Средней Азии вообще и бухарцам в особенности. У суннитов также был широко распространен обряд ашури — оплакивания гибели Хусейна, отличавшийся от шиитского только своей более умеренной формой. Поэтому совершение шиитами обрядов ашури не только не вызывало у исповедовавших суннизм жителей Бухары отрицательного отношения и насмешек, но, напротив, пользовалось их полным сочувствием. При этом бухарцы-сунниты считали, что шииты доводят проявление своей скорби до неистовства, терзаемые раскаянием (тауба карда), так как, по мнению бухарцев, шииты и были теми, кто убил Хусейна. В этом бухарцы находили некоторое оправдание допускаемым шиитами излишествам, хоть и не одобряли их. Бухарцы-сунниты принимали участие в общей скорби, выражаемой в шиитском обряде ашури, проявляя ее, — как, впрочем, и многие шииты-фарсы, в слезах и тихих горестных возгласах. Как выразился рассказывавший об этом кори, «наши сунниты ходили на их ашури, чтобы поплакать и тем облегчить свое сердце» (сунни моҳо-ям ашури ҳамино-ба дйламоя сабук кунем гуфта, мерафтан, гирья мекардан).

Важным показателем близости фарсов с основным населением Бухары была практика смешанных браков. Правда, из религиозных соображений эта практика признавалась неправильной, и на прямой вопрос, бракосочетались ли сунниты Бухары с фарсами, чаще всего ответ был отрицательный, однако это не всегда соответствовало действительности. В Бухаре было немало семей фарсов, в которые вошли в качестве законных жен девушки из местных бухарских сунниток. Породнившиеся семьи бухарцев и фарсов при этом сближались, и в дальнейшем между новыми родственниками, принадлежавшими к различным этническим группам, смешанные браки еще учащались. По сообщению одного бухарца, замужем за фарсом была его тетка; при ее посредничестве за фарса была выдана и его сестра. Фарсы-сановники нередко брали в жены таджичек и узбечек из знатных семей по инициативе эмира, стремившегося таким путем привязать к себе своих приближенных-фарсов. Отсутствие статистических данных не позволяет судить, насколько широко были распространены смешанные браки. Но даже если они практиковались редко, трудно переоценить их значение в сближении обеих народностей. Такие браки вели к установлению между семьями фарсов и бухарцев-суннитов родственных отношений, в которые вследствие сохранения родовых традиций вовлекалось очень большое число семей. Быт смешанной семьи определялся в основном этнической принадлежностью мужа, так как молодые жили, как правило, вместе с его родителями.

Важным моментом, объединявшим фарсов с остальными бухарцами, была общность профессии. По своим занятиям и социальному положению большинство фарсов в конце XIX — начале XX в. принадлежало к ремесленникам, преимущественно к шелкоткачам¹¹⁶. Фарсы-ремесленники нередко работали как хальфа в одной мастерской с ремесленниками другой этнической группы, разделяя с ними все тяготы подневольного труда. И те и другие входили в единую ремесленную корпорацию как ее полноправные члены, причем религиозных или этнических различий не делалось.

¹¹⁶ См.: О. А. Сухарева, *Позднефеодальный город...*, стр. 61, 65—66.

Наряду с трудящимися среди фарсов было много людей богатых и знатных. При эмирах мангытской династии все больше фарсов попадало в число высшего чиновничества. Это повелось со времени правления основателя династии Мухаммад-Рахима, при котором на посту кушбеги был фарс Давлят-бий. Но все же высшую должность — аталыка — по установившемуся порядку занимал тогда кто-нибудь из самых родовитых узбеков, что обеспечивало узбекской знати влияние на дела государства. Насрулла-хан, который, сознательно стремясь сломить господство узбекских родов¹¹⁷, приближал к себе и назначал на высшие должности происходящих из рабов фарсов, отменил должность аталыка, название которой указывало на особую — отеческую — близость к эмиру¹¹⁸; он не хотел ставить вчерашнего раба и иноверца в положение как бы заместителя отца. При нем высшим сановником — первым министром сделался кушбеги, и на этом посту один за другим сменялись сановники-фарсы. При Насрулла-хане «вторым после эмира лицом» был перс, уроженец Табриза¹¹⁹, при Ахад-хане должность кушбеги занимал фарс Джон-мирзо, который был рабом, купленным самим Ахад-ханом. Позже на пост кушбеги был назначен происходивший также из рабов Аббос, а за ним — его сын Остонакул, последний кушбеги из фарсов¹²⁰. В условиях того времени вокруг занимавших высокое положение сановников-фарсов образовалось окружение из их родственников, приближенных и свиты, состоявшее из фарсов. Много фарсов было также среди военных. Первоначально из них назначалось большинство лиц, занимавших командные должности¹²¹. Таким путем образовалась значительная прослойка фарсов в среде военно-служилого сословия, и с течением

¹¹⁷ В. В. Бартольд, *История культурной жизни...*, стр. 117.

¹¹⁸ Институт «аталычества» был распространен у многих народов (см. М. О. Косвен, *Этнография и история Кавказа*, М., 1961, стр. 104—126). В практике Бухарского эмирата этот термин, генезис которого коренится в родовом обществе, превратился в придворный чин (см. А. А. Семенов, *Бухарский трактат о чинах и званиях*, — «Советское востоковедение», 1948, № 5, стр. 144).

¹¹⁹ В. В. Бартольд, *История культурной жизни...*, стр. 117.

¹²⁰ После событий 1910 г. на должность кушбеги вновь стали назначать знатных узбеков.

¹²¹ Об этом говорят многие авторы XIX в. См.: Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 71; А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, стр. 350, и др.

времени в высших кругах их становилось все больше. Рост влияния и богатства фарсов, наживавшихся на доходных должностях за счет народа, вызывал недовольство среди бухарцев. Вследствие незрелости политического сознания народных масс это недовольство обратилось против всех фарсов вообще. Многочисленное в Бухаре духовенство и фанатично настроенные учащиеся медресе разжигали это недовольство, придавая ему религиозную окраску, вызывали ненависть и вражду к шиитам как к еретикам. Эти настроения в 1910 г. вылились в открытое столкновение между суннитами и шиитами¹²². Изложенные выше материалы показывают, что события 1910 г. шли вразрез со сложившимися издавна между фарсами и бухарцами соседскими и даже родственными связями и были спровоцированы фанатичным духовенством. Столкновение обострило нормальные до того отношения и сыграло в свое время крайне отрицательную, реакционную роль. Именно после этого этническая группа, сложившаяся из разных элементов и раньше носившая названия «ирони», «марви», откачалась от них и приняла самоназвание «фарс». Затормозился наметившийся за последнее столетие процесс их этнического сближения с коренными бухарцами, с которыми после полутора сотен лет жизни в Бухаре фарсы почти полностью слились как по языку, так и по культуре, так что основное отличие их заключалось лишь в принадлежности к различным направлениям ислама. В советское время, когда религия стала все больше терять свое значение, обнаруживается явная тенденция изживания фарсами, говорящими на одном языке с исконными бухарцами и живущими с ними одной жизнью, последних черт обособленности, полного слияния в единую национальную группу.

Евреи

В состав населения г. Бухары входили среднеазиатские евреи, говорившие на еврейском диалекте таджикского языка¹²³ и сохранявшие древнееврейскую религию — иудаизм.

¹²² Эти события не раз освещались в литературе. См. «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, стр. 313—314.

¹²³ Этот диалект исследован И. И. Зарубиным, опубликовавшим «Очерк разговорного языка самаркандских евреев», Л., 1928.

Как известно, евреи пришли в Среднюю Азию еще в древности. Еврейские общины имелись здесь уже в VI в. Их дальнейшая судьба неизвестна. Единственными пока источниками по истории современного еврейского населения г. Бухары (как и Средней Азии вообще) остаются сохранившиеся в их среде исторические предания, которые были записаны многими исследователями. Еще в конце XVIII в. «сказывали Бурнашеву», что евреи поселились в Бухаре «вскоре по рассеянию их»¹²⁴. Эверсман, ссылаясь на традицию, говорил, что евреи пришли в Бухару из Персии 1000 лет назад¹²⁵. Н. Ханьков считает среднеазиатских евреев («наибольшее число» которых, по его словам, живет в г. Бухаре) «давно водворившимися в Средней Азии»¹²⁶. Мейендорф передает предание, безусловно слышанное им на месте от самих евреев, о переселении их в Бухару из Самарканда, куда они пришли из Багдада и где прожили «семь веков»¹²⁷. Вамбери, почерпнувший свои сведения также из устных сообщений, говорит о переселении евреев из Персии около 150 лет назад¹²⁸; о переселении евреев из Ирана и Мешхеда пишет также А. Борнс¹²⁹.

Автору настоящих строк пришлось слышать две версии предания о приходе евреев в Бухару. Согласно первой, еврейская колония впервые образовалась здесь во времена Тимура, который вывел из Шираза десять еврейских семей¹³⁰. В пути глава одной из семей умер, и в Бухару прибыло только девять семей. Согласно второму преданию, евреи Бухары были выведены Тимуром из Багдада, причем для переселения были отобраны мастера по обработке шелка. Конкретные подробности, содержащиеся в этих преданиях, свидетельствуют о том, что они основывались на реальных исторических фактах. По-видимому, различные версии отражают историю разных семей. Сопоставление всех этих преданий указы-

вает, что этническая группа среднеазиатских евреев образовалась в результате многократных и разновременных переселений, причем не непосредственно с их родины — Палестины, а из соседних со Средней Азией стран, в частности из Ирана, где они, возможно, уже усвоили персидский язык, вытеснивший из их быта древнееврейский. Об этом свидетельствуют некоторые особенности их диалекта. Попавшие в Бухару из разных мест и в разное время, пришельцы постепенно слились в единое целое, но каждая группа сохранила свое предание о приходе их предков в Бухару.

Характерные черты облика и быта евреев сформировались из элементов культуры древнееврейской и местной среднеазиатской, а возможно и персидской. Самоназвание евреев было «исроэль» (израильтяне); остальное население называло их «яхуди» или «джухуд»; последнее было наиболее распространено, но носило оттенок пренебрежительный и в наше время вышло из употребления, заменившись деликатным «майда-миллят»¹³¹.

В мусульманских странах евреи считались «неверными» (кофир), и им было запрещено жить в кварталах с мусульманским населением. В Бухаре им были отведены специальные районы внутри городских стен, где образовались три еврейские слободы¹³²: Старая (махалляйи Кухна), Новая (махалляйи Нау) и слобода Амиробод. Они заселялись неодновременно. Несомненно, самым старым районом поселения евреев была Старая слобода. На это указывает не только ее название, но и расположение на территории, входившей в черту города еще до строительства последней стены, т. е. до XVI в. Среди бухарцев сохранилось предание, что этот район раньше был занят мусульманами, а когда он запустел и расположенные здесь кварталы разрушились, правитель Бухары отдал это место евреям, пришедшим из Иерусалима (аз Байт-ул-мукаддас) в интересах торговли (аз ба-

¹²⁴ Гр. Спасский, *Путешествие по Сибирской линии...*, стр. 66.

¹²⁵ Ed. Eversmann, *Reise...*, p. 83.

¹²⁶ Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 71.

¹²⁷ Ваг. Meyendorff, *Voyage...*, p. 176.

¹²⁸ А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, стр. 181.

¹²⁹ А. Борнс, *Путешествие в Бухару*, т. III, стр. 391—392.

¹³⁰ Число семей определялось еврейским законом, по которому религиозная община считалась правомочной, если в нее входили десять мужчин, достигших совершеннолетия.

¹³¹ Этот термин соответствует принятому в советское время термину «нацмен» (национальное меньшинство).

¹³² В отличие от мусульманских кварталов (гузар) кварталы, населенные евреями, считались слободами — «махалля». В понимании жителей Бухары, Қарши, Шахрисябза, Самарканда и некоторых других районов Средней Азии термин «махалля» обозначает отдельную изолированную часть города, а «махаллот» — пригородные селения.

ройн тиджорат). Две другие слободы были расположены у самой стены и, конечно, образовались после ее возведения. У евреев Бухары сохранилось воспоминание о том, как они заняли эту территорию. Рассказывают, что, когда Старая махалля оказалась перенаселенной, еврейская община обратилась к эмиру с просьбой отвести дополнительную площадь; евреям было разрешено занять территорию Новой махалля. Через некоторое время, конечно, немало, была перенаселена и она. После этого тем же порядком была получена территория слободы Амиробод. При каком эмире это произошло, неизвестно; ясно только, что последняя махалля образовалась при одном из эмиров мангытской династии, — это видно из ее названия Амиробод («Благоустроенная эмиром»): раньше правители Бухары этого титула не носили¹³³. Как «благоустроивал» эмир эту слободу, видно из слов Н. Ханькова, который сообщает, что под еврейские кварталы отводились пустыри, находившиеся в городе, причем «на этих несчастных падает тяжелая обязанность покупать по чрезмерно высоким ценам небольшие участки земли, так как запрещение им выселяться в кварталы, занятые мусульманами, лишает их возможности покупать дома и земли у частных владельцев»¹³⁴.

Численность еврейского населения дореволюционной Бухары, так же как и численность других этнических групп, устанавливалась посещавшими город путешественниками приблизительно и неточно. Мейендорф насчитал в Бухаре 800 еврейских семей¹³⁵. Григорий Спасский, собиравший сведения почти одновременно с ним, пишет, что взрослых мужчин было 500¹³⁶. А. Вамбери определил общее число евреев во всем ханстве в 10 тыс.¹³⁷. Старик еврей считали, что в дореволюционное время в Старой и Новой слободах было по 200 домов в каждой, в слободе Амиробод — 70—80. Переписью 1926 г. в Бухаре было выявлено 3314 евреев (1675 мужчин и 1639 женщин). Эта цифра подтверждается проведенным в том же

¹³³ Титул эмира впервые был принят Шах-Мурадом (см. «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, стр. 123).

¹³⁴ Н. Ханьков, *Городское управление в Средней Азии*, — «Журнал Министерства иностранных дел», 1844, СПб., кн. V, стр. 346.

¹³⁵ Ваг. Meuyendorff, *Voyage...*, p. 172.

¹³⁶ Гр. Спасский, *Новейшее описание Великой Бухарии*, стр. 306.

¹³⁷ А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, стр. 181.

году обследованием г. Бухары Тропическим институтом¹³⁸. Для дореволюционного времени правильное предположить несколько большую цифру; уменьшение численности городского населения в первое десятилетие после революции, вероятно, коснулось и еврейского населения Бухары. Многие их семьи, в особенности наиболее состоятельные, разъехались по другим городам Средней Азии. В Ташкенте, в частности, поныне проживает немало евреев — выходцев из Бухары.

К началу XX в. численность евреев в Бухаре достигла наивысшего уровня. Еврейское население особенно выросло после присоединения Средней Азии к России, когда начала бурно развиваться торговля, исстари служившая занятием евреев. Немаловажное значение имело также принятие некоторыми евреями, жившими в Бухаре, русского подданства, ограждавшего их в какой-то степени от произвола эмирских властей. Продолжавшиеся в течение всего изучаемого периода переселения отдельных семей в Бухару из других районов Средней Азии (из Самарканда, Ферганы и др.) явились одной из причин увеличения плотности населения еврейских слобод. В предреволюционный период плотности их заселения достигла предела. Здесь часто встречались домовладения, совершенно лишённые дворов и состоявшие из построенных вплотную друг к другу и одно над другим жилых помещений, двери которых выходили либо на небольшую площадку (суфа), представлявшую собой единственное открытое пространство, либо на крышу помещения, расположенного ниже.

По сведениям врача Софиева, обследовавшего евреев Бухары, в Старой махалле, наиболее перенаселенной, жили богатые и зажиточные семьи. В двух других слободах, особенно на участках, расположенных возле городской стены, расселялась преимущественно еврейская беднота. Условия жизни здесь были особенно тяжелы: расположенное за стеной большое болото отравляло воздух и являлось рассадником малярии¹³⁹.

Еврей составляли общину, во главе которой стоял старшина — калонтар. Это было выборное лицо, обыч-

¹³⁸ Отчет о работе 1926 г. врача Софиева (архив Института тропических заболеваний).

¹³⁹ Там же.

но занимавшее свой пост пожизненно. Конечно, при выборах старшины голос имели только влиятельные, богатые люди. Калонтар представлял общину перед эмирскими властями и обладал внутри нее административной властью: он разбирал ссоры и тяжбы между евреями (перед казийским судом они представляли только в том случае, если у них была тяжба с мусульманами).

В религиозном отношении евреи составляли три прихода: отдельный приход составляла каждая слобода. Синагога в махалле Амиробод была построена, видимо, только в XIX в.; Мейендорф сообщает, что евреи не получили разрешения на постройку новой синагоги и имели право только ремонтировать старую¹⁴⁰.

Для удобства сбора подати (джизья) территория, населенная евреями, была разделена на 12 участков. Каждым ведал особый человек из евреев, имевший списки налогоплательщиков своего участка. На нем лежала обязанность собирать налог и принимать меры по отношению к тем, кто платил его неаккуратно. Собранные со всех 12 участков суммы сдавались калонтару, который был ответствен за поступление налога перед кушбеги.

Евреи делились на три сословия. Сословное деление опиралось на религиозную основу и имело значение лишь в отношениях евреев между собой. Высшее сословие составляли кухни. В силу своего положения оно было очень замкнутым. Браки кухни заключали лишь в своей среде; если в городе не было подходящей пары, подыскивали невесту или жениха среди кухонь других городов. Принадлежавшие к двум другим сословиям держались по отношению к кухням с подчеркнутой почтительностью: нельзя было смотреть им прямо в глаза, повышать в их присутствии голос, сидеть выше их. Куда бы кухни ни приходили, их принимали как почетных гостей. Обычно кухни принадлежали к людям богатым; нередко из их среды выходили раввины крупных еврейских общин. Вторым было сословие леви, также считавшееся привилегированным. Рядовые евреи — основное трудящееся население — составляли низшее сословие — исроэль.

Евреи Бухары были в большинстве ремесленниками и торговцами. Основным ремеслом бухарских евреев бы-

ло кубовое крашение (кабудгари). Этим делом в Бухаре занимались только одни евреи, и поэтому выражение «идти к еврею» употреблялось здесь в значении «отдать красить пряжу в синий цвет». Евреи занимались также тканьем тонких платков из неотваренной грежи¹⁴¹. Это ремесло было завезено в Бухару, по-видимому, из Ферганской долины, и можно предположить, что семьи бухарских евреев, занимавшиеся этим ремеслом, происходили из Ферганы; на переселение оттуда еврейских семей есть указания. Очень много было среди евреев портных, в особенности работавших на швейных машинах, которые, по-видимому, были завезены в Бухару именно евреями. Остальные ремесла не составляли их специфики; среди евреев имелись мастера-строители, ювелиры, хлебники и, конечно, мясники, поставлявшие всему еврейскому населению Бухары «кошерное», т. е. разрешенное для евреев, мясо (гушти кошер). Все эти ремесленники обслуживали почти исключительно еврейское население, которое, однако, широко пользовалось также работой или продукцией ремесленников-мусульман. В частности, богатые евреи приглашали для строительства своих домов лучших мастеров-бухарцев.

Среди евреев было много торговцев разной специальности и масштабов — начиная от мелких разносчиков-лоточников и кончая крупными богачами. Многие крупные и средние торговцы специализировались на торговле русскими товарами, особенно фабричными тканями. Следует упомянуть о наличии среди евреев довольно значительного числа лекарей-табиров, певцов, танцоров и музыкантов. В источниках сохранилось имя еврея Иброхима, который был «лейб-медиком» Насруллы-хана¹⁴², являясь, вероятно, в то время лучшим табиром Бухары. Славилась бухарские евреи как певцы и танцоры; они выступали на пиршествах как своих единоплеменников, так и бухарцев-мусульман. Лучшие из них становились придворными певцами и музыкантами. Эмиры накладывали на придворных артистов свою тяжелую руку, и их должность была нередко принудительной;

¹⁴¹ См. О. А. Сухарева, *Позднефеодалный город...*, стр. 66, 76.

¹⁴² См.: [В. Григорьев], *Записки Мирзы Шемса Бухари*, — «Ученые записки Казанского университета», 1861, книжка 1, стр. 126, прим. 76.

¹⁴⁰ Bar. Meyendorff, *Voyage...*, p. 176.

иногда им запрещалось выступать в других домах. Среди евреев распространен рассказ о придворном певце Борухе Калхоке, который был брошен эмиром Музафаром в зиндон за то, что он нарушил этот запрет.

Эмирское правительство не вмешивалось в дела еврейской общины, и все предписываемые религией обряды евреи могли совершать свободно. Строгое соблюдение религиозных предписаний и запретов одобрялось и поддерживалось: незыблемость законов религии, служившая опорой всего государственного строя, распространялась как на шиитов-фарсов, так и на евреев. Об этом сообщают авторы разных работ о Бухаре. Бурнашев (конец XVIII в.) пишет, что евреи Бухары «свободно отправляют обряды своей веры и следуют собственным обычаям»¹⁴³. Характерно, что им разрешалось даже изготавливать вино и продавать его в своей среде, так как обрядовое питье вина входило в церемониал одного из религиозных праздников. Однако это же создавало для евреев постоянную угрозу преследований, так как не было ничего более легкого, чем выдвинуть обвинение в продаже вина мусульманину, за что еврею грозило тяжелое наказание.

Предоставляя евреям возможность жить в мусульманской стране, получая с них высокие налоги, пользуясь выгодами от труда еврейских ремесленников и от предприимчивости еврейских купцов, способствовавших развитию торговли, бухарское правительство не могло, да и не хотело, защищать еврейское население от оскорблений и прямого притеснения. Положение евреев в ханстве, особенно в его столице, было тяжелым, и это отмечают многие авторы¹⁴⁴. Евреи должны были соблюдать особые унижительные правила: они должны были подпоясываться веревкой, не имели права носить на улице нарядную одежду: их халаты, по словам Н. Ханькова, должны были быть из простой бумажной алачи¹⁴⁵. Евреи не имели права ездить в городе верхом (чтобы не оказаться выше прохожих-мусульман); их торговые лавки, караван-сарай и дома были ниже окружающих их строений мусульман.

Евреи должны были платить особый, очень высокий и обременительный налог джизья, устанавливаемый для «неверных». Джизья была подушной податью, которую платил каждый совершеннолетний, т. е. достигший 12-летнего возраста, мужчина. Все налогоплательщики были разбиты на три категории: богатые причислялись к категории аъло, люди среднего достатка входили в категорию адно, бедняки составляли низшую группу¹⁴⁶. Таким образом, налог на евреев носил характер прогрессивного обложения. Кроме того, евреи, как и все прочие купцы, уплачивали «таможенную пошлину за ввоз товаров»¹⁴⁷. Под этой пошлиной надо понимать закат. Самый порядок взимания налога обставлялся крайне унижительно. Кушбеги в сопровождении свиты являлся в главную синагогу, где ему устраивалось пышное угощение. После этого калонтар прочитывал имена всех налогоплательщиков и кушбеги проверял их по своему списку. Не уплативших налога вызывали «пред светлые очи» кушбеги, и это было, по выражению бухарских евреев, «все равно что смертный час». Кроме страха, которого должен был натерпеться неаккуратный налогоплательщик, он подвергался побоям; по словам Бурнашева, «те из них, которые не могут... заплатить, должны вытерпеть несколько ударов плетью»¹⁴⁸. Однако, как рассказывают информаторы, дело этим не ограничивалось. Провинившихся жестоко избивали. Избить, оскорбить еврея мог каждый. Достаточно было еврею, идя по улице, задеть краем своей одежды проходившего мимо фанатично настроенного мусульманина, «осквернить» его в бане брызгами воды, чтобы на еврея посыпался град ударов. Рассказов о таких случаях очень много.

Тяжелой угрозой висело над евреями насильственное обращение в мусульманство. По шариату, обращение в мусульманство считалось большой религиозной заслугой. Помимо награды, которая предполагалась за обращение «кофира» на небесах, это вело за собой приобретение определенного положения в обществе. И наибо-

¹⁴³ См.: Гр. Спасский, *Путешествие по Сибирской линии...*, стр. 65.

¹⁴⁴ Об этом писали Э. Эверсман, Н. Ханьков, А. Вамбери.

¹⁴⁵ Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 72.

¹⁴⁶ Размеры налога приводятся Г. Спасским (см.: Гр. Спасский, *Путешествие по Сибирской линии...*, стр. 67; *Новейшее описание Великой Бухарии*, стр. 306).

¹⁴⁷ Гр. Спасский, *Новейшее описание Великой Бухарии*, стр. 306.

¹⁴⁸ См.: Гр. Спасский, *Путешествие по Сибирской линии...*, стр. 66—67.

лее ревностные и агрессивные бухарские мусульмане в полном смысле слова охотились за наиболее доступными для них «неверными» — евреями. Для этого использовались всевозможные провокации, были выработаны казуистические методы. Например, встретив на улице еврея, к нему обращались с вопросом: «Неверный, откуда ты вернулся?» (Кофир, аз куджо гашти?). Пользуясь многозначностью глагола «гаштан» (который означает и «вернуться», и «отвернуться», «отречься»), ответ еврея «Я вернулся оттуда-то» истолковывали как «Я отрекся (от еврейской религии)», т. е. стал мусульманином. Когда еврей в отчаянии и возмущении начинал возражать, его обвиняли в том, что он сначала принял ислам, потом отрекся от него, за что по шариаду полагалась смерть. Несчастного немедленно тащили к казни, и, если находились люди, которые клятвенно свидетельствовали, что обвиняемый действительно отрекся от еврейства — принял ислам, ему не оставалось ничего другого, как признать себя мусульманином или готовиться к смерти. Угроза смертной казни при отказе от принятия мусульманства была вполне реальна. В Бухаре и других местах ходило много рассказов о подобных случаях. Известностью пользовалась большая, в 288 двустийший, поэма о гибели молодого еврея по имени Хуйдотча, которому при помощи упомянутой выше уловки было предъявлено обвинение в отступничестве от ислама. Он отказался принять мусульманство и был казнен. Предание относит это событие ко времени Ботурхана (Насрулла-хан). Поэма распространялась в рукописных списках, была написана на местном диалекте, но древнееврейским алфавитом.

Обращение евреев в ислам всегда носило принудительный характер. Когда еврей попадал в лапы мусульманского правосудия, ему предлагали спасти свою жизнь или освободиться из тюрьмы ценой отказа от своей веры и принятия ислама. Опасности подвергался не только сам обращаемый, но и его семья¹⁴⁹. Поэтому многие не могли сопротивляться и переходили в мусуль-

¹⁴⁹ Об этом свидетельствует прошение евреев-мусульман, проживавших в Ташкенте, на имя генерал-губернатора от 23 января 1906 г. (ЦГИА УзССР, фонд канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, д. 36, л. 51).

манство. Обычно их невольное вероотступничество оправдывалось широко распространенными «истинами» вроде «притеснение царя хуже притеснения бога» (зульми подшо аз зульми худо бадтаре) или «приказ царя — это внезапная смерть» (хукми подшо — марги муфоджо).

Принятие мусульманства оформлялось у казия, который должен был в присутствии свидетелей лично услышать ясное заявление о согласии принять ислам. Обычной формой ответа было: «Слава богу, я мусульманин» (Альхамду лилло, ман мусурмон). Новообращенному жаловалась мусульманская одежда — халат и, главное, чалма, носить которую немусульмане не имели права. Семья человека, который был вынужден заявить о принятии им ислама, объявлялась также принявшей ислам. Поэтому, как только распространялся слух, что такой-то уведен к казию для засвидетельствования его перехода в мусульманство, родственники старались спрятать членов его семьи. Таким образом получалось, что часть детей новообращенного оказывалась мусульманами и отрывалась от привычной им обстановки и круга близких лиц, а другие оставались среди евреев. Со временем они все дальше отходили от своих обращенных в ислам родителей и родственников. Во втором, а в особенности в следующих поколениях между ними почти не оставалось ничего общего.

Эмирские власти прилагали особые старания к обращению в мусульманство людей, выдающихся по своему положению, богатству или талантам. Так были обращены в ислам богатый владелец ткацкой мастерской Довиди Ишра, прекрасный певец Борухи Калхок и калонтар еврейской общины и один из крупнейших богачей Бухары Арони Кандин. Все эти обращения произошли около середины XIX в., память о них еще жива среди стариков — евреев Бухары¹⁵⁰.

По сообщению информаторов, Арони Кандин попал в тюрьму, сделавшись жертвой клеветы соперничавшей с ним знатной еврейской семьи Сиени Нияза (главным образом одного из сыновей Сиени Нияза по имени Арон). Эта версия была в еврейской среде настолько распространена, что вызвала появление поговорки: «Арон по-

¹⁵⁰ В числе информаторов И. М. Бабаханова, собравшего эти сведения, был внук Арони Кандина (род. около 1850—1855 гг.).

губил (букв. «съел голову») Арона» (Арон сари Арона хурд). Все имущество Арони Кандина было конфисковано. Была обращена в ислам и младшая жена Арони Кандина, в то время как старшая вместе со своими детьми избежала этой участи. После обращения Арони Кандин получил высокую должность эмирского казначея. Однако эмир не доверял ему и запретил покидать арк. Там Арони Кандин прожил 10 лет. Он долго не мог привыкнуть к новой обстановке и по возможности выполнял старые еврейские обычаи. Постепенно Арони Кандин сумел войти в доверие эмира, и ему было разрешено ходить по городу, правда, в сопровождении служащих арка, составлявших его свиту. Он ловко использовал свое положение и за годы пребывания в арке сильно разбогател. Одним из источников его обогащения, как рассказывают, были злоупотребления при выдаче месячной платы сарбазам.

После смерти Музаффар-хана при его преемнике Ахад-хане положение Арони Кандина еще более упрочилось. Он сумел сделаться необходимым новому эмиру, участвовавшему во многих крупных торговых операциях, в которых Арони Кандин отличался особенной ловкостью. Но когда Арони Кандину было разрешено выезжать из Бухары по торговым делам по поручению эмира и было возвращено все конфискованное у него имущество, Арони Кандин бежал в Самарканд и принял русское подданство.

Наряду с насильственным обращением бывали единичные случаи добровольного перехода в ислам. Иногда в ислам переходили из-за нужды, надеясь улучшить свои дела. Сообщают о некоем торговце обувью Ходжи Хакими — кафшфуруш, который обратил в ислам четырех человек, склонив их к этому всевозможными посулами. В результате он получил полностью зависимых от него помощников в торговых делах.

Еврей-мусульмане составляли в Бухаре особую группу¹⁵¹. Их положение было тяжелым и двусмыслен-

ным. Они всегда опасались встретить к себе пренебрежительное отношение, услышать за спиной оскорбительное для них прозвище «чаля». Поэтому эта группа населения города отличалась особенной замкнутостью. Хотя формально еврей-мусульмане могли жить в любом квартале и вступать в брак с коренными бухарцами (такие браки иногда бывали), но они бракосочетались преимущественно в своей среде.

Число евреев-мусульман в Бухаре неизвестно, так как они даже при переписях в советское время не регистрировались отдельно. По устным сообщениям троих отдельно опрошенных информаторов из местных евреев, численность этой группы определяется в 200—250 семей, т. е. примерно в 1000 человек. Неясно также, с какого времени начала формироваться в Бухаре группа евреев-мусульман. Этнографические сведения, охватывающие период в 100—150 лет, говорят лишь о пополнении ее новыми обращенными. Так как эти сведения касаются отдельных семей, а в Бухаре, как мы видим, еврей-мусульмане составляли довольно значительную группу, надо полагать, что она начала образовываться уже давно.

Естественно, евреи, насильственно обращенные в ислам и вынужденные под страхом смерти исполнять мусульманские обряды, придерживались ислама только внешне, сохраняя в душе приверженность к еврейской религии. Но за новообращенными устанавливалось строгое наблюдение; за ними следили и фанатично настроенные люди из их соседей-мусульман и специально назначенный человек, которому вменялось в обязанность обучить новообращенного правилам новой веры и мусульманским обрядам, в первую очередь совершению намаза.

Постепенно в быт таких семей проникали многие элементы мусульманства, которые в большей или меньшей степени перемешивались с элементами еврейства. С течением времени последних становилось все меньше. Дети евреев-мусульман учились в мактабах, а потом и в медресе, и для потомков насильственно обращенного мусульманство становилось религией отцов и дедов. Чем больше поколений отделяло такие семьи от первого обращенного, тем более утрачивались связи как с еврейской религией, так и с еврейской общиной.

¹⁵¹ Материалы о евреях-мусульманах собраны преимущественно И. М. Бабахановым, которым опубликована небольшая заметка на эту тему (И. М. Бабаханов, *К вопросу о происхождении группы евреев-мусульман в Бухаре*, — «Советская этнография», 1957, стр. 162—163).

У некоторых семей такие связи не порывались полнотью, и в их быту причудливо перемешивались верования и обряды, порожденные той и другой религиями. В одной семье, которая исповедовала мусульманство три поколения (в ислам был обращен дед при Музаффар-хане), хозяин дома, 64 лет, получил духовное мусульманское образование, учился сначала в мактабе, потом в медресе, в доме имелись мусульманские религиозные книги. Здесь не соблюдались еврейские запреты зажигать огонь и варить пищу в субботу, не соблюдались еврейские праздники; наоборот, держали мусульманский пост — уразу и праздновали рамазан и курбан. По мусульманскому обряду были совершены похороны и поминки отца. Однако обрезание сыновьям было совершено по еврейскому обычаю — на восьмой день, еврейским раввином. Так как еврейское священное писание признавалось и в мусульманстве, набожный хозяин приглашал иногда к себе в дом кого-нибудь из образованных евреев, прося его почитать ему вслух еврейские книги религиозного содержания.

Евреи-мусульмане жили в мусульманских кварталах смешанно с мусульманами; после обращения в ислам им нельзя было оставаться в еврейских слободах. Но они выбирали для жительства кварталы, расположенные по соседству с еврейскими слободами (Чоркорвон-сарай, Ходжа Халим, Мехтар Шафев, Ислон, Мир-Масуд, Амонбой и северо-западная часть квартала Арабон, расположенного у ворот Саллях-хона).

По своим занятиям евреи-мусульмане не выделялись из остального бухарского населения. Значительная часть их занималась ремеслами: окраской грежи и шелковой ваты, получаемой из очесов шелка, размоткой коконов и т. п. Среди евреев-мусульман, занимавшихся торговлей, многие специализировались на торговле драгоценными камнями.

Прочие этнические группы

Кроме описанных народностей, которые составляли постоянное население города, в Бухаре жили большей частью временно представители и других национальностей. Они приезжали в город по делам и оставались здесь более или менее длительное время, а потом возвращались к себе на родину. Не ставя перед собой за-

дачи дать их подробную характеристику, мы лишь кратко их перечислим.

Русские. До присоединения Средней Азии к России русских в Бухаре было мало. Бурнашев, побывавший в Бухаре в конце XVIII в., сообщает, что «европейцев в Бухаре не видели, кроме невольников»¹⁵². Среди обращенных в рабство в Бухаре было довольно много русских пленных. Некоторые из них привлекались бухарским правительством к военной службе. Возможно, некоторое число русских пленных оседало в Бухаре, обзаводилось здесь семьями, и их потомки вливались в местное население. В Бухаре имелся квартал Урусон (Русские), а под Бухарой — одноименный кишлак.

В XIX в., особенно после присоединения Средней Азии к России, в Бухаре длительное время жили многочисленные представители русских торговых фирм, приезжали с товарами русские купцы. По служебным делам здесь проживали чиновники из Туркестанского генерал-губернаторства, а также некоторые служащие постоянного русского политического агентства в Бухаре. Приезжие русские бывали в Бухаре постоянно. Поэтому в некоторых караван-сараях для них были оборудованы помещения под квартиры, приспособленные к русскому быту — караван-сарай Хаким-ойим, Бадреддин, Баррайи Кухна, Джурабек, Синдиль (фирмы Циндель), Корвон-боши, Капкоз (общества «Кавказ и Меркурий») и др.

Татары были тюркоязычными единоверцами среднеазиатских мусульман-суннитов, издавна ездившими в Бухару с торговыми караванами в качестве купцов или переводчиков. Некоторые из них бежали в Бухару из России по тем или иным причинам и оставались там навсегда. Литература начала XIX в. содержит много упоминаний о татарах в Бухаре. Их численность, по этому источнику, достигала двух-трех тысяч человек¹⁵³.

¹⁵² См.: Гр. Спасский, *Путешествие по Сибирской линии...*, стр. 67.

¹⁵³ Мейендорф называет цифру 2—3 тыс. В «Новейшем описании...» говорится, что раньше в Бухаре жили 2 тыс. татар, бежавших из России, но потом многие из них вернулись домой и в Бухаре осталась тысяча человек. Более подробно описал татар в Бухаре в своей «Записке» Виткевич (его материалы использованы: М. Соловьев, *Экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг. при участии натуралиста Лемана*, Л.—М., 1963, стр. 82). Знакомством с «Запиской Виткевича» (ЦГВИА СССР, ф. 67, № 103) я обязана Г. Н. Чаброву.

Часть татар, вероятно, влилась в местное население, что было облегчено общностью религии. Однако большинство татар жили обособленно, в отдельном караван-сараяе. Виткевич описывает караван-сарай Ногай, здание которого было настолько ветхо, что в нем едва могли жить. Там, по его словам, жили «человек до 1000 беглых татар», по 6—8 в одной конурке, «занимаясь чеботарною работой». Были среди них также портные. В этом же караван-сараяе останавливались татары, приезжавшие из России по делам¹⁵⁴.

Народы Кавказа. Среди выходцев с Кавказа в Бухаре было довольно много армянских купцов, торговавших с Бухарой уже очень давно. Известны имена двух братьев — Григория и Даниила Атанасовых, бывших в Бухаре еще в начале XIX в.¹⁵⁵ Виткевич упоминает «известного армянина астраханского Мартына Егорова Бархударова», который «снял комору» в сараяе Аёз. Виткевич рассказывает, что Бархударов первый познакомил бухарцев с остекленными окнами, вставив такое окно в дверь своей комнаты¹⁵⁶.

Определенную группу среди временных жителей Бухары занимали *лезгины*. Первые сообщения о поселении в Бухаре лезгин относятся к середине XVIII в. В «Гульшан-уль-мулюк» говорится, что лезгины пришли сюда с Надир-шахом и остались в Бухаре. При обследовании кварталов города автором настоящих строк было выявлено, что одна из трех частей крупного квартала Шохи Ахси (к югу от Самаркандских ворот) носила название «Лязгихо» (Лезгины). В конце XIX — начале XX в. лезгин в квартале уже не было, но название сохранялось. По опросным данным известно, что в Бухаре в конце XIX — начале XX в. жили кавказские мастера-ювелиры, сыгравшие заметную роль в развитии здесь этого ремесла. По имеющимся данным, они работали в Бухаре длительное время, имели свои мастерские и держали учеников из местных жителей, передавая бухарцам свои навыки.

¹⁵⁴ М. Соловьев, *Экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг. при участии натуралиста Лемана*, стр. 82.

¹⁵⁵ «Странствование армян Григория и Даниила Атанасовых по Азии», — «Сибирский вестник», 1824, ч. I.

¹⁵⁶ «Записки Виткевича», л. 18.

Много было в Бухаре *афганцев*, торговавших индийскими товарами (чай, индиго, кисея). Отсюда они вывозили преимущественно русские товары. Торговые связи их с Бухарой были настолько постоянными, что один из них, по имени Рашид, построил в Бухаре хороший кирпичный караван-сарай и большой хауз, названные его именем: Саройи Рашид и Хаузи Рашид. Часть афганцев оседала в Бухаре, смешиваясь с местным населением. Афганцев упоминает, например, «Гульшан-уль-мулюк» в числе тех этнических групп, которые пришли в Бухару с войском Надир-шаха и остались здесь, «отделившись от войска сардаров»¹⁵⁷.

Некоторые афганцы служили в эмирской армии. В «Новейшем описании Бухарии» говорится, что в Бухаре «на службе ханской» было около тысячи «авганов»¹⁵⁸. В изучаемый нами период афганцев среди сардаров, по-видимому, уже не было.

Довольно значительную группу среди пришлого временного населения Бухары составляли *индийцы*. Как и в других городах Средней Азии, в большинстве это были ростовщики. Везде они жили в особых караван-сараях. В Бухаре индийцы занимали два караван-сарая. Сарай Карши, помещавшийся на месте выстроенного позже русскими фирмами пассажа, состоял, по сведениям М. С. Юсупова, из 60 худжр, в каждой из них жили один-два человека. Неподалеку был расположен второй караван-сарай, населенный индийцами, — Саройи хинди, где было 10 худжр, в каждой из которых жили по несколько человек. По-видимому, оба караван-сарая принадлежали казне, которая извлекала немалые доходы от сдачи их в аренду индийцам.

Судя по занимаемым помещениям, индийцев, проживавших в Бухаре, было около двух тысяч. Это число близко к тому, которое названо в «Новейшем описании Великой Бухарии»: «В столичном городе Бухаре находится около 2000 индийцев из Сакарпура и Синда и до 50 сейхов из Мультана и Пенджабских областей. Один из караван-сараяев и крытых рынков занят всегда людьми того или другого из сих двух народов»¹⁵⁹.

¹⁵⁷ Цит. по диссертации Д. Г. Вороновского, стр. 161.

¹⁵⁸ Гр. Спасский, *Новейшее описание Великой Бухарии*, стр. 305.

¹⁵⁹ Там же, стр. 306.

ГЛАВА IV

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ
И ЗАНЯТИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Столица феодальной деспотии — Бухара — была своего рода фокусом, в котором сходились все слои феодального общества. Это был сложный, социально дифференцированный комплекс, все компоненты которого, будучи взаимно связанными, выражали собой различные стороны феодального строя.

Основа основ феодализма — сельское хозяйство и связанные с ним аграрные отношения определяли социальную природу многих прослоек обитателей Бухары. В столице жили крупные феодалы, положение которых зиждилось на земельной собственности; сложилось многочисленное военно-служилое сословие, получавшее содержание из поступающих в государственную казну налогов, взимаемых с феодально зависимых крестьян. В Бухаре находились крупнейшие культовые учреждения. Доходы с вакуфных владений — земель, обрабатываемых крестьянами, шли на содержание высшего духовенства.

В Бухаре существовала также довольно значительная прослойка людей, непосредственно связанных с землей, — землевладельцев и земледельцев, поля которых находились за городом, в сельских районах, давая иногда их владельцам основные средства к жизни.

Наиболее значительную часть городского населения составляли ремесленники и торговцы, обслуживавшие, с одной стороны, сельское население, занятое производством сельскохозяйственных продуктов, а с другой — господствовавшие классы, всё существование которых зиждилось на присвоении этих продуктов.

Горожане, будучи классово дифференцированными, в то же время делились на сословия, которые не всегда совпадали с делением на классы. Наличие сословного деления отметили уже первые исследователи Бухары, правильно выделившие три сословия: простонародье — фукаро, военно-служилое — сипо (сипох) и духовное сословие — улямо.

Первое и самое многочисленное сословие — фукаро — соответствовало «третьему сословию» феодального общества Европы. В него входили ремесленники (как хозяева мастерских, так и эксплуатируемые ими наемные мастера и ученики), торговцы всех рангов, нечинное духовенство и разные категории градообслуживающего люда.

Сословие сипо (сипох) считалось привилегированным. В него входила высшая служилая знать: придворные, лица, занимавшие командные должности в армии, администрация — так называемые «четыре правителя» (чор хахим — кози-калон, раис, миршаб, закотчи), а также все обслуживавшие их лица¹. Среди военных в XIX — начале XX в. большинство составляли узбеки, сохранившие родо-племенное деление. Гражданские чиновники и различные духовные чины (урак, садр и т. п.) выходили в своем большинстве из местного таджикоязычного населения. Чиновников было много также и из фарсов. Социальное и имущественное положение различных прослоек сипо было неодинаково: высшая принадлежала к знатнейшей аристократии ханства, низший слой состоял из слуг правительственных учреждений и самого низшего командного состава армии. Этот служилый люд назывался в народе «йетим-сипо» (букв. «батраки-сипо»). Сословный характер сипо выражался в том, что браки заключались ими преимущественно в своей среде.

Духовное сословие состояло из попомственных родов сеидов и ходжей и высшего духовенства — улямо, в ряды которого попадали богословы и законоведы, полу-

¹ Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, СПб., 1848, стр. 183; [В. Григорьев], *Записки Мирзы Шемса Бухари*, — «Ученые записки Казанского университета», стр. 89, прим. 1 и 4.

чившие высшее духовное образование и назначавшиеся на соответствующие должности. Сеиды (мнимые или действительные потомки Мухаммеда) и ходжи (потомки первых четырех «праведных» халифов)² считали себя «священным сословием» (ходжа значит господин) и противопоставляли себя «простонародью» (карача — чернь). По своей замкнутости ходжи и особенно сеиды приближались к касте. Эндогамный запрет ограждал их от смешения с посторонними. Особенно строг был запрет выдачи на сторону девушек, так как потомки от такого брака, каково бы ни было их происхождение по мужской линии, приобретали все права сеидов или ходжей. Женигба ходжей на девушках из другого круга практиковалась, но и она была ограничена: по общепринятому мнению, если ходжи в трех поколениях женились на «простолюдниках», их потомство теряло свое достоинство ходжей.

Отделенное от остального населения эндогамными запретами и представлениями о своем «благородном» и «высоком» происхождении, сословие ходжей состояло из элементов, весьма неоднородных по своему социальному положению. Лишь немногие ходжи отличались знатностью и богатством. Располагая большими доходами с наследственного вакуфного имущества и с их собственных «благоприобретенных» покупкой доходных статей — земли, торговых лавок и т. п., такие ходжи и сеиды занимали вследствие этого высокое положение в феодальном обществе, принадлежали к высшим слоям аристократии. Ходжи, не располагавшие такими доходами, занимались теми же профессиями, что и «простолюдины»: немало было ходжей-ремесленников, как и ходжей-крестьян, жизнь и быт которых ничем не отличались от быта окружавшего их населения.

² О значении терминов «сайид» и «ходжа» высказано несколько различных мнений (см. Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 182; [В. Григорьев], *Записки Мирзы Шемса Бухари*, стр. 4, прим. 11; В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927, стр. 103; А. А. Семенов, *Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени*, — «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», Сталинабад, 1954, стр. 4). Автор склонен считать наиболее правильным понимание В. В. Бартольда — оно в основном подтвердилось объяснениями этих терминов, полученными от информаторов. Вероятно, в понимании терминов имеются некоторые локальные различия.

В Бухаре проживало несколько групп ходжей и сеидов; наиболее известной из них были знатные и богатые ходжи Джуйбари, о которых накопилась уже довольно большая литература³. Вопреки распространенному среди историков представлению не все семьи ходжей, проживавших в Джуйбаре, занимали высокое положение духовных феодалов⁴. Даже принадлежа к одному роду, потомки известных ходжей оказывались в неравном положении. По-видимому, для родов крупных ходжей — ишанов был характерен институт майората. Положение духовного главы суфийской общины, а вместе с тем и богатства семьи доставались лишь одному сыну. Известно, например, что свое положение и большую часть владений ходжа Ислам, положивший начало могуществу этого рода, завещал старшему сыну — ходже Саъду, лишив наследства двух других сыновей. В свою очередь ходжа Саъд передал своему старшему сыну Тодж-ад-дину большую часть своих богатств и назначил его мутаваллием наследственных вакфов. Привилегированное положение занимали лишь знатные джуйбарские ходжи. В их семье бухарские эмиры охотно выдавали замуж своих девушек, благодаря чему джуйбарские ходжи вступали в близкое родство с эмирами.

Многие из ходжей, принадлежавшие к знатным

³ В. Л. Вяткин, *Шейхи Джуйбари*, — сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927. Из архива шейхов Джуйбари, Л. — М., 1938; Л. П. Иванов, *Хозяйство джуйбарских шейхов*, М., 1954. См. также «Историю народов Узбекистана», 1, стр. 13, 20, 47, 87; «Историю Узбекской ССР», том II, кн. I, стр. 395, 406, 411, 415. Так же А. А. Семенов, *Бухарский трактат о чинах и званиях*, — «Советское востоковедение», 1948, № 5, стр. 140, прим. 4.

⁴ Совершенно неверны подсчеты численности джуйбарских ходжей, сделанные А. А. Семеновым на основании ошибочной информации покойного А. А. Адилова, бухарца по происхождению. Как пишет А. А. Семенов, «джуйбарские ходжи жили в Бухаре... занимая 16 кварталов (гузаров); каждый квартал имел примерно 100 домов; если считать в каждом по пяти человек, то общее количество ходжей доходило до 8000 душ обоего пола». А. А. Семенов, *Бухарский трактат о чинах и званиях*, стр. 140, прим. 4. В действительности джуйбарские шейхи жили только в одном квартале Джуйбара — Хонако, населяя там 40 домов из 150. Из этих сорока семей, принадлежавших к ходжам, лишь небольшая часть принадлежала к духовной знати. Большинство остальных ходжей были ремесленниками (плотниками, ткачами).

семьям, занимали высокие должности, главным образом духовные. Поступая на государственную службу, они оказывались в рядах военно-служилого сословия (сипо). По сообщениям авторов XIX в., из их среды подбирались кандидаты на замещение определенных должностей. Н. Ханьков упоминает «чины ходжей Джуйбари шейх-ул-ислам и хаджа-калон»⁵. А. А. Семенов говорит о том, что из них «формировались кадры аъламов, шейх-ул-исламов, чиновников (амалдор) и военных (сипахиен)»⁶. Ходжи, не принадлежавшие к знатым, богатым семьям, не имевшие доходов от родовой святыни, к которой было приписано большое вакуфное имущество, занимали в обществе положение соответственно своему достатку и профессии. Вероятно, в их число попадали и потомки родовитой семьи, не получившие по законам майората наследства. С. Айни пишет об одном из потомков небогатых джуйбарских ходжей, знатное происхождение которого не давало ему особых привилегий⁷.

За исключением сендов и ходжей, сословия не были отделены друг от друга непроходимой стеной, и, сохраняя обособленность, могли при определенных обстоятельствах включать в себя тех или иных представителей другого сословия. Человек незнатного рода, выдвинувшийся на эмирской службе, получая чин и должность, попадал в сословие сипох; с другой стороны, семьи сипох, обеднев и лишившись должностей, превращались в простолюдинов-фукаро. Именно потому, что сословия при известных условиях могли смешиваться и человек не был абсолютно замкнут в своем кругу, в Средней Азии не сложилось кастового строя.

В социальной структуре городского общества конца XIX — начала XX в. мы различаем следующие слои: ремесленников, представлявших собой по существу единственную производящую группу городского населения; торговую прослойку, очень многочисленную, игравшую важную роль в экономической жизни города; горожан-земледельцев, главным образом землевладель-

⁵ Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 205.

⁶ А. А. Семенов, *Бухарский трактат о чинах и званиях*, стр. 140, прим. 4.

⁷ С. Айни, *Воспоминания*, М.—Л., 1960, стр. 604.

Рядовая бухарская семья из рода ходжей

цев; феодальную знать и примыкавшую к ней привилегированную прослойку служилых людей; градообслуживающее население.

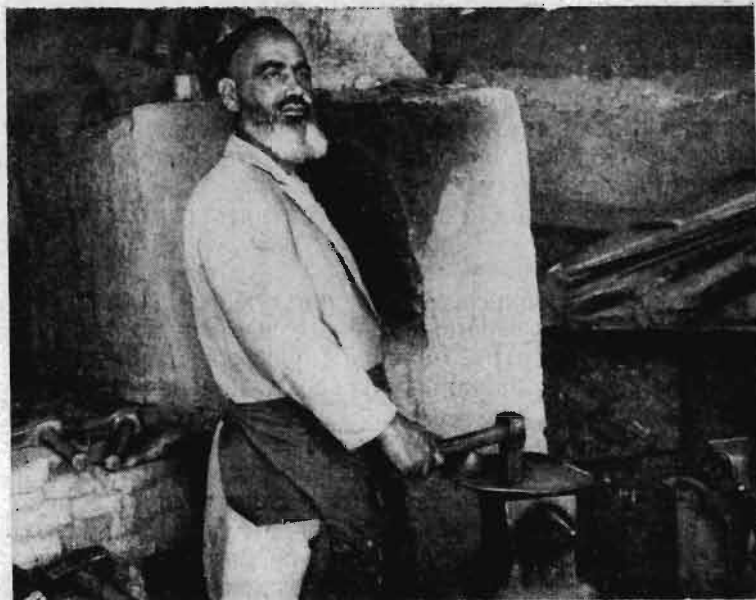
Ремесленники⁸

Бухара издавна сделалась одним из крупнейших в Средней Азии центров ремесленной промышленности. Многие ее отрасли выпускали продукцию не только на рынки Средней Азии, но и за ее пределы. Некоторые отрасли городского ремесла обеспечивали нужды тяготеющей к Бухаре сельской округи, другие были рассчитаны на удовлетворение потребностей горожан. Разви-

⁸ Этот раздел содержит краткое изложение материалов книги: О. А. Сухарева, *Позднефеодальный город. Бухара конца XIX — начала XX в. Ремесленная промышленность*, Ташкент, 1962.

тие бухарского ремесла в течение всего феодального периода шло в условиях пустившего уже глубокие корни товарного обращения. Превращению бухарского ремесла в товарное производство способствовало положение Бухары на скрещении караванных торговых путей, связывавших Среднюю Азию, с одной стороны, с Ираном, Афганистаном и Индией, а с другой — с Россией. Еще большее значение для бухарской промышленности имел постоянный, сложившийся в течение многих веков, обмен с другими районами Средней Азии, в частности населенными туркменами, казахами, кочевыми и полукочевыми узбекскими племенами; торговые связи соединяли Бухару и с другими районами орошаемого земледелия и такими торгово-промышленными городами, как Самарканд, Карши, Шахрисябз, Гузар. Немалое значение имел также характер внутренней бухарской торговли, с одной стороны, обращенной на удовлетворение спроса на различные, в том числе наиболее дорогие, изделия ремесленников многочисленной в Бухаре феодальной знати, крупного купечества и зажиточных горожан, а с другой — спроса трудового народа, в частности самих ремесленников, все потребности которых в продуктах питания, одежде, утвари удовлетворялись рынком. Широкий спрос на изделия бухарских ремесленников привел к полному отделению ремесла от сельского хозяйства.

Развитию товарной промышленности Бухары способствовали и чисто местные, специфические условия. Как столичный город Бухара находилась в привилегированном положении; жители города, в том числе и ремесленники, освобождались от очистки арычной сети и работ по поддержанию санитарного состояния дворов — это делали за них крестьяне пригородных округов. Здесь были лучше организованы все виды коммунального обслуживания — вплоть до доставки воды на дом водоносами и продажи в кварталах кипятка для заваривания чая. Развитая городская торговля обеспечивала население всем необходимым. В течение последнего столетия налоговый гнет был здесь ослаблен. Как известно, один из представителей последней правившей в Бухаре династии — Шах-Мурад (1775—1800) был вынужден освободить обнищавших жителей столицы от налогов (алык и салык), т. е., по словам В. В. Бартоль-

Кузнец

да, «от подати, взимавшейся по числу домов», что было оформлено тарханной грамотой, сохранившей силу вплоть до революции. Несмотря на сравнительную дороговизну жизни и при необходимости все приобретать на рынке, все же положение ремесленников в Бухаре было более благоприятным, чем в других городах. Здесь меньше сказывалась конкуренция фабричных товаров, которая губительно отразилась на некоторых отраслях ремесла Туркестанского края.

В результате развития промышленности удельный вес ремесленников в составе населения г. Бухары был очень велик. Из-за отсутствия статистических данных число ремесленников, работавших в Бухаре в конце XIX — начале XX в., не может быть точно установлено, однако несомненно, что ремесленники представляли собой весьма значительную часть горожан, их насчитывалось не менее чем 10—15 тыс., а вместе с семьями

они, вероятно, составляли более 25% городского населения.

В Бухаре насчитывалось около сотни отдельных отраслей ремесла. Ремесленники обрабатывали металлы, волокно (шелк и хлопок), кожи, изготавливали одежду, пищевые продукты, различные предметы быта, занимались строительством зданий.

Обработка металла делилась на пять самостоятельных отраслей:

1. *Кузнечно-слесарные работы* (челонгары, охангары); к ним относились: собственно кузнецы (челонгар), изготовлявшие всевозможные железные орудия; подковники (наъльгар); замочники (кульфсоз); ножовщики (кордсоз); жестянщики (тунукасоz), появившиеся, по видимому, только после того, как из России стала завозиться жечь; игольщики (сузангар), которые к концу XIX в. были представлены лишь отдельными мастерами, выделявавшими толстые иглы для зашивания мешков; гвоздари (мехчагар), которые в XX в. уже исчезли⁹. Челонгаров в Бухаре было, по подсчетам нашего информатора Усто Шарифа Камолсва, около 150 человек¹⁰; из них 30 занимались изготовлением кетменей. 50 — серпов; некоторые мастера специализировались на выработке различных мелких предметов — цепочек и колец для дверей (занджир, зульфин) и т. д., другие — на выделке различных специальных орудий для ремесленников: разнообразных стамесок и долот для резчиков по дереву, орудий для резьбы по алебастру, ножиц, топоришков (теша).

2. *Литье чугуна* (дегрези) разделялось на мелкие специальности: отливка сошников (позагари) и литье

⁹ Декоративные гвозди для обивания дверей и ворот в изучаемый период выковывали кузнецы, которые делали также цепочки и молотки для дверей. В прошлом гвозди выделывали жители квартала Мехчагарон.

¹⁰ Наблюдатель начала XIX в. отмечает, что «...есть в Бухаре очень много кузниц и слесарен, в коих делают всякую посуду, железные и стальные вещи, кроме ружейных замков, коих там делать не умеют» («Русские в Бухаре в 1820 году (записки очевидца)». — «Оренбургские ведомости», 1870; «Справочная книжка Оренбургского края на 1871 г.», стр. 27). Но этим наблюдениям противоречит высказывание Вамбери, что в Бухаре «железных и стальных изделий за неимением металла мало» (А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, СПб., 1865).

Медник

разнообразных бытовых предметов, которое объединялось термином «манкальрези» (литье жаровен). Литье чугуна в самом городе не производилось. В нем находились лишь торговые ряды литейщиков; они располагались в квартале Дегрези, где жили мастера-литейщики и торговцы чугунными изделиями. Однако название квартала Дегрези (букв. отливка котлов) показывает, что когда-то мастерские литейщиков находились на городской территории¹¹. В XIX—начале XX в. мастерские бухарских дегрезов были вынесены в пригородные селения: в кишлаке Мугулони-кари имелись две большие мастерские, принадлежавшие двум братьям, так что фактически все это производство находилось в ру-

¹¹ В книге И. К. Нарзикулова «Краткие сведения о дореволюционной кустарной промышленности Таджикистана» отмечено употребление термина «чуялрези» (стр. 29). В Бухаре изучаемого периода он не употреблялся, хотя и был известен.

ках одной семьи; две мастерские были в селении От-журчи, одна в селении Зарманок; в селении Воджиктэ были три мастерские. Всего в пригородах Бухары имелось восемь мастерских, теснейшим образом связанных с городом. Мастера жили в городе, там же находился рынок сбыта всей продукции. В квартале Дегрези было 19 лавок, через которые реализовалась большая часть продукции бухарских чугунолитейщиков. Всего же в Бухаре и пригородах насчитывалось до 40 лавок. Многие литейщики, проживавшие в сельской местности, кроме ремесла занимались возделыванием земли.

К началу XX в. главное место в продукции литейного производства занимали лемехи (поза).

Отливка изделий производилась в каждой мастерской раз в два месяца. Остальное время велась подготовительная работа, не требовавшая большого числа работников. Во время литья у мастера должно было быть по крайней мере два квалифицированных помощника и много подручных. Обычно ему помогали постоянно работавшие в мастерской наемные мастера — хальфа, на обязанности которых лежала, в частности, формовка, которой они занимались в течение двухмесячных перерывов между литьем. Хальфа играли в литейном производстве большую роль. Многие из них происходили из самой Бухары, но были и такие, которые приходили сюда на работу из туманов Рометана, Гиждувана и др. Подручные набирались из молодых дехкан лишь на время выплавки. Всего при отливке партии чугуна в мастерской были заняты до 30 работников: три мастера, 10 подсобных работников (ёригар), 10 поддувальщиков (дамгар) и человек пять разливальщиков. Часть этих работников имела квалификацию и работала в производстве постоянно, другая часть работала временно.

3. *Ремесло медников* (мистари) не имело обособленных отраслей, хотя внутри ремесла выделялись специалисты по производству определенного вида изделий. Большая часть медников работала на дому. Во многих мастерских работали мастер-хозяин и два хальфа, иногда ученик. Положение хальфа в этом ремесле занимали главным образом мастера невысокой квалификации. Всякий, кто хорошо овладел профессией, мог по усло-

Литейщики бронзы

виям производства, которое не требовало больших расходов на материалы и орудия, работать самостоятельно. Однако мастера не были экономически независимыми: сбыт медных изделий находился в основном в руках скупщиков.

Кроме частных мастерских в арке имелась ювелирная государственная мастерская, в которой работали и лучшие мастера-медники. Там изготовлялись медные вещи специально для эмирского двора. Организацией производства, оплатой мастеров и их питанием во время работы ведал девонбеги. Общее число мастеров-медников установить сейчас трудно. По сообщениям, хороших мастеров насчитывалось до сотни, общее же число медников приближалось к четырем сотням. Гово-

рят, что всего в этом производстве занято было свыше тысячи человек.

4. *Литье бронзы* (рехтагари), в котором выделялось как особая отрасль производство колокольцев и бубенцов (зангулясози). Кроме того, среди мастеров существовало разделение по виду изделий: были специалисты по отливке жаровен (манкальрез), чернильниц (давтосоз), стремян и т. п. В старину рехтагары отливали и оружие, в частности пушки. Литье из бронзы в конце XIX — начале XX в. принадлежало к слабо развитым промыслам. Всего в Бухаре этого времени в литье бронзы участвовало человек сорок-пятьдесят, из них тридцать были прошедшими обучение мастерами. Кроме мастеров-горожан, в промысле участвовали жители пригородного селения Зангулясози (около Каракульских ворот), где из 28 дворов 12 занимались отливкой бронзовых колокольцев и бубенцов.

Все мастера-рехтагары должны были пользоваться подсобной рабочей силой, так как без помощников при литье обойтись было невозможно. Поэтому большинство мастеров держали учеников. У наиболее крупных рехтагаров было одновременно по пяти-шести человек. Ученичество длилось много лет. Вопрос о значении в этом производстве труда наемных мастеров-хальфа еще недостаточно выяснен.

5. *Ювелирное дело* (заргари). В нем выделялись специалисты по различным видам женских украшений: серьгам (халкапеч) и кольцам (узуксоз), специалисты по изготовлению крупных вещей, в основном посуды из драгоценных металлов, украшавшейся чеканкой и эмалью. Особой специальностью была очистка драгоценных металлов от примесей и отделение золота от серебра (гахбанди). С ювелирами были тесно связаны гранильщики и шлифовщики камней (хакон), работавшие преимущественно по их заказам. По сообщениям, в Бухаре насчитывалось до четырехсот ювелиров. По словам информатора, эта цифра была указана в списке, составленном среди ювелиров для сбора средств на ремонт их торговых рядов. Наряду с мужчинами, ювелирным делом занимались и женщины — родственницы или жены. Они обычно делали лишь мелкие украшения.

Несмотря на выгодность профессии, в условиях феодальной Бухары не было крупных ювелирных предприя-

Ювелир

тий. Наиболее типичным для Бухары изучаемого периода был мастер, работавший в одиночку. Если он получал большой заказ, например, от эмира или сановника, он приглашал себе в помощь одного или нескольких хороших мастеров, на которых он мог положиться. Получив плату за работу от заказчика, он расплачивался с приглашенными мастерами в соответствии с выполненной ими работой, и на этом все их взаимные обязательства кончались. Лишь самые крупные ювелиры, в особенности те, в деятельности которых большое место занимала торговля, держали наемных мастеров-хальфа. Труд хальфа в этом ремесле применялся очень

мало. Немногие, наиболее богатые и предприимчивые, мастера держали по два-три хальфа. При поступлении на работу хозяин (корфармо) давал задаток — бунак. У ювелиров он был значительно ниже задатка, получаемого хальфа в ткацком и сапожном ремеслах, да и брать его соглашались лишь те, кто оказывался особенно обремененным долгами. Поэтому такой закабаленности хальфа у ювелиров не было. Основное значение в социальных отношениях приобретала эксплуатация учеников.

Наряду с работой на частного заказчика и на рынок ювелиры работали и на казну, в дворцовой мастерской. Мастерская, находившаяся в арке, делилась на две части: в одной половине (корхонайи танга) чеканили монету (в последнее время преимущественно серебряную), в другой — изготавливались различные золотые и серебряные вещи. В начале XX в. в дворцовой мастерской работали около двадцати мастеров со своими учениками.

Торговые ряды ювелиров состояли из 40 лавок и находились около медресе Улугбек, по обеим сторонам улицы, идущей с востока. Ряды составляли собственность корпорации, вследствие чего ювелиры были избавлены от тяжелой повинности (лежавшей на ремесленниках остальных специальностей) платить арендную плату за лавки-мастерские.

Обработка волокна распадалась на три крупных процесса: подготовка пряжи, тканье, отработка готовых тканей.

Подготовка пряжи делилась на следующие отрасли: размотка коконов (пиллякаши); очистка хлопка от семян и коробочек (наддофи); прядение ваты (респонреси); горячее крашение пряжи в различные цвета (рангреси); крашение пряжи в синий цвет холодным способом (кабудгари); орнаментация тканей способом перевязки основы (абрбанди).

Тканье распадалось на несколько почти самостоятельных отраслей в зависимости от вырабатываемых тканей: выработка бумажных тканей, не имевшая в этот период в Бухаре сколько-нибудь заметного значения, но еще в первой половине XIX в. игравшая ведущую роль; в выработке полушелковых тканей выделялось три отрасли — алочабофи, бекасаббофи, адрас-

бофи; выделка шелковых тканей распадалась также на несколько отраслей — шохибофи, румолбофи, бахмалбофи; выработка тонких платков из неотваренной грежи (калгайбофи).

Различные отрасли возникли для отделки готовых тканей: лощение хлопчатобумажных и полушелковых тканей (пардозгари или гудунггари); отваривание и орнаментация тонких шелковых платков (калгайсози); набивка узоров на бумажных тканях (читгари); выбеливание хлопчатобумажной ткани — маты (шустгари).

Несмотря на прекращение производства бумажных тканей, бухарским ткачам была нужна бумажная пряжа для утка полушелковых тканей. Поэтому в изучаемый период в городе производились все процессы по первичной обработке хлопкового волокна вплоть до прядения. Некоторые ткачи, специализировавшиеся на выработке полушелковых тканей, осенью закупали хлопок местного сорта (новые сорта хлопчатника в ханстве почти не сеяли) и отдавали его в очистку. Эту работу выполняли по заказу крупных ткачей женщины — как горожанки, так и жительницы селений. Бумажной пряжи, вырабатываемой в городе, бухарским ткачам не хватало, и пряжа завозилась сюда из сельских районов.

В Бухаре потреблялось большое количество шелковой пряжи. Она производилась в городе и его пригородах — Аушор-махалля, Ушод и др. Кроме того, шелк завозился из более отдаленных центров шелководства: Рометапа, Комиджара (Вобкентский район), Каракуля, Хатирчи и города Карши. Но лучшая шелковая пряжа, идущая на ткани высших сортов, производилась преимущественно в Бухаре, где имелись мастера самой высокой квалификации, хорошо приспособившиеся к потребностям бухарского ткачества. Поэтому мастера предпочитали, покупая коконы, производить их размотку в городе. В Бухаре конца XIX — начала XX в. размоткой коконов занимались в особых мастерских квалифицированные специалисты (пиллякаш), имевшие по несколько помощников: каждый из них владел навыками выполнения одной определенной операции.

Снование основы для пестрых шелковых тканей в Бухаре превратилось в особый промысел. Это состав-

ляло особенность организации ткачества в столице ханства: во всех других центрах ремесленной текстильной промышленности снование выполнялось самими ткачами. В Бухаре образовалось несколько центров, где производилось снование. Это были специальные мастерские (танигах), своеобразно организованные и сочетавшие производственный процесс с торговлей шелком. Танигах были не только мастерскими, но и биржами, поэтому они помещались преимущественно в караван-сараях. Главная из них находилась в специальном караван-сараях недалеко от Регистана. Мастерские имелись также и в других местах. В каждой сповальной мастерской помещалось по несколько установок, принадлежавших разным хозяевам (танигачи).

Для полосатых тканей основа изготовлялась самими ткачами в их мастерских. Пряжа поступала от красильщика на женскую половину, где женщины ее перематывали на катушки и шпульки.

Подготовка основы для абровых (пестрых) тканей — нанесение на нее орнамента и перевязка (резервация) ее отдельных частей для окраски — была отдельным промыслом. Всего в Бухаре было восемь мастерских по перевязке основы; они располагались преимущественно в Джуйбаре¹². В мастерской абрбанда работали несколько мастеров разной квалификации. К высшей принадлежал нишонзан. Он наносил черной краской на основу отметки, обозначающие все детали узора.

Большую роль в производстве текстиля играло крашение. Оно распадалось на две совершенно самостоятельные отрасли, находившиеся не только в руках разных ремесленников, но и разных этнических групп. Крашением горячим способом (рангреси), применявшимся для всех цветов, кроме синего, занимались мастера из бухарцев. Окраска холодным способом (кабудгари) в синий цвет всех оттенков выделялась в особый промысел, который был в руках местных евреев.

Мастерских рангрехона, где производилось крашение горячим способом и отварка грежи, в Бухаре было четыре; все они также находились в кварталах Джуйбара¹³. В этом деле было занято до 40—45 человек.

¹² В кварталах Шо-Малик, Хаузи-нау, Дасторбандон, Джуйзар, Мир-Дустум, Пой-остона.

¹³ Урганджиен, шайх Джалоль, Хаузи-нау, Пухтабофон.

В каждой мастерской работали мастера-специалисты (от одного до трех) и девять мастеров низшей квалификации, учеников и подсобных работников. Хозяин мастерской тоже участвовал в производстве.

После того как основа была окрашена, ее подготавливали к заправке в станок, для чего она должна была быть поднята на ремизы и пропущена через гребень берда. Ремизы имели вид петель, которые вязались из бумажной пряжи. Вязка производилась вручную. Вязка ремиз и гребней чаще всего находилась в руках ремесленников двух отдельных специальностей. Лишь иногда, после прохождения обучения у вязчика ремиз (гулябанд) и вязчика берд (таррох, тегбанд), мастер овладевал обеими профессиями. В Бухаре вязка ремиз и гребней для берд производилась в мастерских-лавках. Ткачи покупали ремизы и гребни нужных им размеров и вида чаще всего готовыми.

Большую часть ремесленников, производящих ткани, составляли ткачи. По словам информаторов, в городе и пригородах работало до 12 тыс. станков. Хотя эта цифра кажется весьма преувеличенной, она все же свидетельствует, что ткачей в Бухаре могло быть несколько тысяч. К ним следует добавить правщиков основы (иштибар), которые были необходимыми участниками процесса тканья в производстве высокосортных шелковых тканей. Один правщик обслуживал от одного станка (при тканье бархата) до двух-четырех станков (при тканье канауса и адраса). Это соотношение показывает, что число правщиков равнялось примерно трети числа ткачей. Ткацкий промысел, наиболее развитый в Бухаре, изготовлявшей продукцию на широкий рынок, отличался особым развитием в нем института наемных мастеров-хальфа, которые составляли, особенно в конце XIX—начале XX в., основную рабочую силу, основной источник прибыли, получаемой хозяевами мастерской.

В Бухаре изучаемого периода в каждой ткацкой мастерской работали обычно по несколько ткачей; в подавляющем большинстве это были хальфа, работавшие в мастерской хозяина. В отличие от других городов Средней Азии, где мастера обычно приходили наниматься из других мест и жили у хозяина, получая от него жилье и пищу, в Бухаре хальфа были в большин-

стве местные; здесь неохотно нанимали ткачей из других городов, так как они не умели выработать бухарские сорта тканей, отличавшиеся исключительно высоким качеством. Поэтому здесь хальфа обычно жили в своих домах с семьями, приходя на работу утром и уходя вечером. При этом они нередко получали от хозяина питание, иногда забирая его продуктами, чтобы использовать их при приготовлении пищи в семье. Если мастер был более состоятельным, он отказывался от питания, стоимость которого добавлялась к получаемой им оплате. В наиболее крупных предприятиях на одного хозяина иногда работало по несколько десятков хальфа. Если большая группа наемных мастеров одного хозяина работала и питалась вместе, то из их среды выбирался старший хальфа (хальфач-туэ), который в частности, ведал приготовлением пищи, получая продукты от хозяина. Обычно же хозяин сравнительно большого ткацкого предприятия имел несколько мастерских, расположенных в разных местах.

Если в прошлом мастера и хозяина тесно связывала совместная работа в мастерской, и хальфа, накопив деньги, как правило, заводил свою мастерскую, то в конце XIX — начале XX в. наемного мастера и его хозяина разделяла непроходимая пропасть: хозяин предприятия превратился в капиталиста, а его многочисленные хальфа всю жизнь оставались наемной силой, превращаясь постепенно в рабочих. Однако по-прежнему сохранялся кабальный аванс — бунак, не выплатив которого хальфа не мог уйти от хозяина.

Так как основным источником получения прибавочного продукта в ткачестве издавна стали наемные мастера, ученичество не было столь длительным, хотя по-прежнему оставалось, особенно для человека со стороны, обязательной ступенью к обладанию мастерством, непременным условием для допуска к этой профессии.

Когда хозяева мастерских отошли от производства, родители стали отдавать учеников опытным квалифицированным хальфа. Работая вместе с учителем в мастерской хозяина, ученик стал теперь получать от последнего небольшую плату и платить за обучение своему наставнику, принимая на себя часть его долга по бунаку. Это показывает, что и в ученичестве в этот

период произошли глубокие изменения, хотя феодальный характер этого института не был изжит.

После того как ткань снималась со станка, некоторые сорта ее подвергались дополнительной отделке — лощению или набивке на ней узоров. Лощение тканей (пардозгари) выделилось в самостоятельное ремесло. В лощильной мастерской работал хозяин, его ученики и хальфа. Хальфа получали сдельно, выработывая 3—4 танга в день; сверх того хозяин обеспечивал им питание: чай, хлеб, горячую пищу. Ученичество у лощильщиков продолжалось 7—8 лет.

Производство набоек (читгари) в Бухаре не было развито, хотя здесь находился один из крупных рынков набивных тканей. Набойщики хлопчатобумажных тканей делились на читгаров и румольсозов. Первые выделывали набойку обычного типа в черно-красных тонах, набойщики-румольсозы делали мелкие изделия, главным образом поясные платки. Узор набивался только черной, что не требовало кипячения. Промысел набоечников в Бухаре к началу XX в. пришел в упадок и был близок к исчезновению; набойки продолжали выработывать в селениях.

Весьма своеобразным явлением в культуре бухарского текстиля было производство тонких прозрачных платков (калгай). Они ткались из неотваренной грежи; получалась редкая жесткая ткань, напоминающая сито. И только в итоге многих трудоемких операций этот полуфабрикат приобретал свой настоящий вид. В Бухаре такая ткань производилась в незначительном количестве, и поэтому большая часть необходимой для ее производства неотваренной грежи завозилась из Ферганы. Бухара же стала одним из центров орнаментации платков калгай. По сообщению информатора, который был сам калгайсозом, в Бухаре имелось до 300 мастеров этой специальности. Хотя эта цифра, вероятно, сильно преувеличена, по она несомненно свидетельствует, что таких мастеров в городе было немало. В этом ремесле не было наемных мастеров-хальфа, зато ученичество длилось очень долго.

Как видно из вышесказанного, разделение труда в производстве тканей получило в Бухаре значительное развитие. Почти каждая операция выполнялась специально обученными работниками, владевшими неболь-

шими по объему, но тонко разработанными техническими навыками. Благодаря этому производительность труда в условиях применения ручной техники стояла довольно высоко.

Отдельные операции производились чаще всего обособленными мастерами, не объединенными в одной мастерской. Организатором всего этого сложного процесса являлся хозяин ткацкой мастерской, независимо от того, был ли это ткач-одиночка или крупный предприниматель, — на нем лежали все хлопоты как по заготовке основы, так и по выпуску готовой ткани. Нередко, в особенности в крупном (по масштабам того времени) производстве, он начинал с заготовки коконов и хлопка и превращения их в пряжу. Мелкие хозяева покупали на базаре мотки хлопковой пряжи (калава), а грежу — у хозяев крупных ткацких или сновальных мастерских. Затем хозяин ткацкой мастерской должен был обеспечить превращение пряжи в основу и крашение ее в соответствии с предполагаемым узором. Если при производстве полосатых тканей снование выполнялось в самой ткацкой мастерской (после того как пряжа отварена и окрашена двумя разными специалистами — по горячему и по холодному крашению), то при производстве абровых тканей она должна была пройти сначала еще через сновальную мастерскую и мастерскую абрбанда, куда основа доставлялась по нескольку раз, возвращаясь к абрбанду после каждого крашения, а к красильщику — после каждой перевязки. Если вырабатывалась ткань, подлежащая лощению, то на хозяине ткацкой мастерской лежала также доставка его продукции лощильщику. После этого готовый товар мог поступать на рынок.

Обработка кожи. В Бухаре XIX — начала XX в., как и в большинстве среднеазиатских городов, среди других ремесел были кожевенные и сапожные. Кожевники резко делились на две группы: первую составляли мастера по выработке шагрени (кемухтгар), вторую — кожевенники, вырабатывавшие все прочие сорта кож (чармгар). Обе группы отличались и по применяемой ими технике, и по месту поселения, и по внутренней организации промысла. Среди чармгаров выделились мастера по выработке подошвенной кожи (чарм), кож для верхов обуви (козлиной — кайроки и воловьей —

булгори) и грубой замши желтого цвета, из которой шилась дешевая обувь для бедняков. Особые мастера (мешигар) вырабатывали белую лайку (меш) из бараньих шкур; эта кожа шла на всевозможные поделки и бытовые предметы, для подкладки и на шорные изделия.

Особый интерес среди кожевников представляет группа кемухтгаров, занимавшаяся старинным промыслом — выработкой шагрени из ослиных и лошадиных шкур, причем этот сорт кожи получался только из кожи крупного животного (узб. согри, отсюда шагрень). К концу XIX в. производство шагрени пришло в упадок, но окончательно не прекратилось: спрос на нее еще был.

Чармгары были гораздо многочисленнее, чем кемухтгары, их изделия шли на более широкий рынок. Если кемухтгары жили в одном квартале, то чармгары различных специальностей составляли в Бухаре основное население трех довольно больших кварталов. Организация промысла у них была неодинакова. У чармгаров предприятия были больше, мастера социально дифференцированы; среди них выделялись, с одной стороны, предприниматели-устокоры, применявшие труд хальфа, а с другой — мастера, не имевшие средств для самостоятельной работы и обслуживавшие предприятия устокоров. Последних было немало; только в кварталах, расположенных в районе ворот Саллях-хона, было до восьми сравнительно крупных предприятий, в которых работали по четыре-восемь хальфа.

Кемухтгары же в большинстве работали без хальфа, привлекая к работе членов своей семьи. Мастеров-кемухтгаров, державших одного-двух хальфа, было немного. Рядовые кемухтгары обрабатывали в год всего 40—50 шкур. Срок ученичества у них был сравнительно короткий: год-два. Причиной этому служила особенно распространенная у них наследственная передача ремесла.

Сапожники делились по виду выделяемой обуви на три группы: одни шили сапоги на твердой подошве (музадуз), другие — сапоги на мягкой подошве (махсидуз), третьи — кожаные калоши (кафшдуз). Ремесло сапожников было в Бухаре одним из наиболее развитых. Оно было распространено буквально по всему городу; сапожники отмечены в 32 кварталах.

В промысле сапожников, изделия которых шли на довольно широкий рынок (хотя и не вывозились далеко, как ткани), также был развит институт наемных мастеров-хальфа, закабалаемых при помощи бунака. Наименее состоятельные мастера работали на хозяина в его мастерской или были связаны со скупщиками. Много было мастеров, работавших самостоятельно.

В Бухаре было немало починщиков старой обуви (кухнадуз). В особую отрасль сапожного ремесла выделилось подновление поношенной обуви, которая чинилась и чернилась, почему специалисты этого дела назывались сиекор (чернильщик). Сиекоры занимались не только подновлением, но и продажей подновленной обуви. В таком большом городе, как Бухара, где было много неимущих, потребность в ней была велика, и на этом деле специализировалось население небольшого квартала, получившего название Сиекорон.

Изготовление одежды и ее деталей. В Бухаре были развиты шитье ватных халатов (джомадузи), тулупов (пустиндузи), меховых шапок (тельпакдузи), тюбетеек и других уборов этого типа (калляпушдузи), изготовление золотошвейных одежд, обуви и других предметов быта (зардузи), изготовление басонных изделий — тесьмы (зехдузи) и кистей (туфбофи), изготовление поясов (тагбандбофи). После появления швейной машины возникла новая отрасль — шитье одежды на машине (мошиначаги).

Шитье халатов получило большое распространение вследствие обычая дарить их почетному гостю, доброму вестнику; халатами обменивались семьи жениха и невесты, их подносили во время свадьбы некоторым родственникам и т. д. Готовая одежда определенных типов требовалась также для двора и для эмирских пожалований: полный костюм (сарупой) входил в состав ежегодного жалованья, получаемого служилым сословием; богатые халаты дарились эмиром в знак милости. Кроме нарядных подарочных халатов на продажу изготавливались также стеганные халаты на вате. Их покупали приезжие и торговцы, вывозившие халаты в степь и другие, иногда очень отдаленные, районы. В середине XIX в. халаты составляли одну из важных статей экспортной торговли Бухары с Россией. По подсчету П. И. Небольсина, за десятилетие — с 1840 по

1850 г. — через Оренбург и Троицк было перевезено в Россию и Сибирь более 190 тыс. халатов. По описанию, это были в большинстве халаты на вате, из полупелюшковых и бумажных тканей¹⁴.

Шитьем халатов занимались главным образом женщины: на обязанности мужчин лежала доставка материалов и продажа продукции; в условиях Бухары изучаемого периода роль мужчин ограничивалась посредничеством между мастерицами и скупщиками. Несмотря на высокотоварный характер, промысел не оформился в ремесло, не было и корпорации. Причиной этого была изолированность основных производителей — женщин от рынка и от непосредственных заказчиков — скупщиков.

В Бухаре получил развитие и другой промысел по производству верхней одежды — шитье тулупов (пустиндузи). Тулупы изготавливались нагольные, из овчины. В самой Бухаре их не носили, они изготавливались исключительно для продажи в степные, нередко отдаленные районы. Шить их могли только специалисты, умевшие обращаться с мехом и придавать тулупам требуемый традиционный вид, украшать их вышивкой и аппликацией. Хотя и в шитье тулупов женщины принимали большое участие, но в этом промысле определенные операции выполнялись мужчинами, которые, кроме того, ведали также всей товарной стороной дела — приобретали материалы и продавали продукцию.

Во многих городах Узбекистана развитым товарным промыслом было шитье шапок и тюбетеек. В Бухаре шапочники (тельпакдуз), изготавливавшие меховые шапки, работали в основном на внутренний рынок. Потребителями их продукции были состоятельные горожане. Для бедноты меховые шапки бухарского типа были недоступны. В Бухаре изготавливались и тюбетейки. Эти головные уборы шили женщины, сбывая их скупщикам через своих мужей¹⁵.

Традиционный бухарский костюм требовал некоторых деталей, украшавших его, которые можно условно объединить под рубрикой басонных изделий. Изготов-

¹⁴ П. И. Небольсин, *Очерки торговли России с Средней Азией*, — «Записки РГО», т. 8, СПб., 1855, стр. 289.

¹⁵ См. А. Айни, *Смерть ростовщика*, М., 1958, стр. 19—21.

ление различных видов таких изделий выделялось в отдельные отрасли, в которых были заняты главным образом женщины. Особой отраслью было изготовление кистей, имевших самое разнообразное применение и различавшихся в зависимости от этого по своему качеству и виду. Вязанием кистей (туфбофи) занимались и женщины и мужчины. В прошлом, по-видимому, это ремесло, носившее название «алакабанди» было более развито и специализировано¹⁶. В изучаемый период изготовлением тесьмы и кистей занимались отдельные семьи, разбросанные по городу.

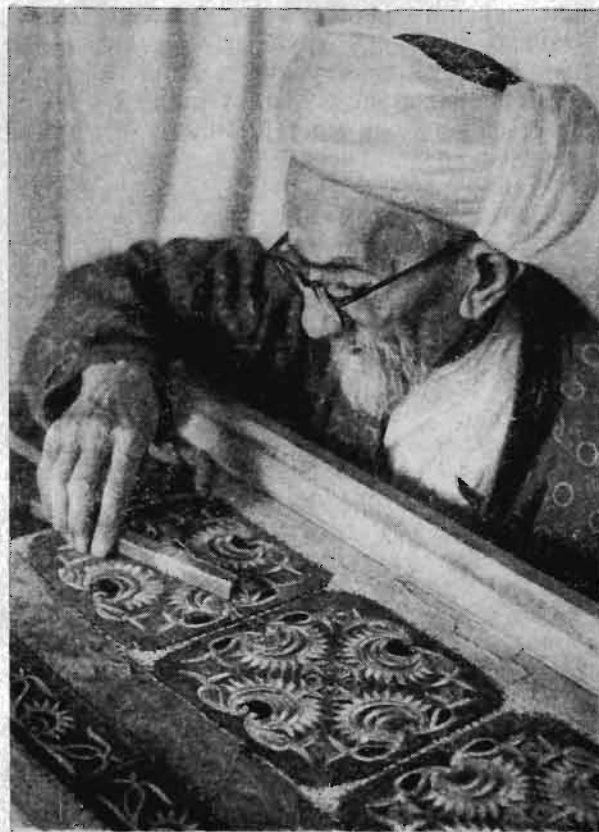
В квартале Тагбандбофон концентрировалось традиционное для Бухары ремесло по выработке широких тканых поясов (тагбанд). Тканье поясов было тонким и трудным искусством; этим делом занимались мужчины. Обучались ремеслу лишь сыновья мастеров, из которых не каждый мог освоить эту технику. Ее трудность состояла не в сложности орудий, а в необходимости освоения тонких и требующих большой смекалки приемов переплетения нитей. В конце XIX — начале XX в. в Бухаре работали до 30 мастеров этой специальности. Как и мастера по вязке кистей, они нередко выполняли заказы канцелярии девонбеги и эмирского двора.

Отдельным ремеслом было изготовление шитой золотом одежды и ее деталей. Золотым шитьем (зардузи)¹⁷ украшались и некоторые бытовые предметы, преимущественно для дворцового обихода. Золотошвейное дело представляло собой развитой мужской промысел. Однако число мастеров даже приблизительно выявить не удалось: они жили во многих кварталах то отдельными семьями, то небольшими группами, и лишь в одном квартале Мир-Дустум составляли такую значительную группу населения, что в народе этот квартал назывался Зардузон (золотошвей).

Золотошвей были социально расслоены. Среди них

¹⁶ Термин «алака» (палун, позумент, завязка) в Бухаре конца XIX — начала XX в. был неизвестен, однако название квартала алкабандон (басонщики) показывает, что ранее он там употреблялся.

¹⁷ Золотошвейный промысел в Бухаре описан: П. А. Гончарова, *Народное декоративное искусство Советского Узбекистана*, Ташкент, 1954, раздел «Золотое шитье» (ею же написана специальная монография, до сих пор не изданная); Е. М. Пещерева, *Бухарские золотошвейи*, — сб. Музея антропологии и этнографии», М.—Л., 1955.

Золотошвей

были и мастера-одиночки, и золотошвей, работавшие в качестве хальфа, и мастера-предприниматели (устокор). Самые крупные из них держали по несколько хальфа, работавших в их мастерских; сверх того эти устокоры давали работу и многим из мастеров-одиночек, превращая их по сути дела в своих работников.

В своей работе золотошвей были тесно связаны с эмирским двором. Их продукция не имела широкого выхода на свободный рынок; для продажи золотошвей готовили лишь мелкие вещи. Крупные золотошвейные

изделия делались только по заказам, главным образом двора. Заказы давались крупным мастерам, имевшим достаточно большие мастерские и запасы материалов. Имелась дворцовая мастерская, от работы в которой не мог уклониться ни один мастер. Работу в этой мастерской организовало финансовое ведомство — канцелярия девонбеги.

Кроме шитья золотом в Бухаре была развита вышивка шелком предметов одежды и декоративных панно типа сузани, которые вышивались иглой (каштадузи) и тамбурной крючком (дарафшдузи). К началу XX в. в Бухаре появилась новая отрасль — вышивание на тамбурной машине. Эти отрасли не оформились в самостоятельные ремесла, так как были преимущественно в руках женщин.

Ремесла, связанные с производством пищевых продуктов. Пищевая промышленность была одной из развитых отраслей ремесленного производства Бухары. Прежде всего надо отметить мукомольное дело (ордкаши), изготовление растительного масла (раугангари), убой скота и разделку мяса (кассоби). Размол муки производился в самом городе. Обычные для Средней Азии водяные мельницы в Бухаре не могли получить распространения из-за недостатка воды. Поэтому здесь мельницы приводились в движение лошадьми или ослами (откуда и название этих мельниц «харос» — мельница, приводимая в движение ослом).

В Бухаре было много маслобоек (джувоз). Растительное масло вырабатывалось здесь и в прошлом, что видно по документу XVI в.¹⁸, упоминающему маслобойку в квартале Куйидарахт. Еще в первой половине XVIII в. в Бухаре был квартал Раугангарон, где, судя по названию, жили маслобои. Организация труда мукомолов и маслоделов остается неизученной. По имеющимся скудным сведениям, мельником (хароспон) или маслоделом (джувозрон) был обычно сам хозяин. Вероятно, иногда бывало и так, что у него работал наемный работник, а хозяин занимался продажей продукции, прибавляя к ней муку и масло, скупаемые им, может быть, вне города.

¹⁸ «Из архива шейхов Джуйбари», т. I, М.—Л., 1938, № 11, стр. 22.

В Бухаре много людей занимались выпечкой лепешек. Среди них были хозяева крупных пекарен и люди, выпекавшие лепешки у себя на дому, в небольшом тануре. В последнем случае выпечкой хлеба занимались обычно женщины, мужчины добывали муку и продавали лепешки. В больших пекарнях работали наемные работники — мужчины. Самые крупные пекарни (нонвой-хона) поставляли хлеб в арк, получая оплату через канцелярию девонбеги.

Убой скота и разделка мяса (кассоби) были промыслом, нередко наследственным. Мясников в Бухаре было очень много.

Особая черта быта среднеазиатских народностей — широко распространенный обычай ритуальных общественных пиршеств по поводу семейных праздников и поминок — давно уже привел к появлению профессионального поварского дела. Повара (ошпаз, бакуол) занимались приготовлением праздничной пищи, в первую очередь традиционного плова, который готовился в Бухаре очень искусно и нескольких сортов. Повара высшей квалификации (бакоул) приглашались для приготовления угощения на тоях и прочих пиршествах. Постоянно работали бакоулы в арке.

В Бухаре, как нигде в Средней Азии, получило развитие изготовление различных сладостей. Здесь был большой спрос на самые разнообразные и наиболее ценные сорта лакомств. По убеждению бухарских кондитеров, только они умели готовить наиболее изысканные сладости, известные в Средней Азии. Кондитеры делились на две группы: одни (халвогар) вырабатывали различного вида халву и кристаллический сахар, другие (каннот) — всякого рода леденцовые конфеты. Мастерские халвогаров частью находились в базарных рядах, позади лавок, если там имелось достаточно просторное место. Большей частью халвогары работали сами, их подручными были сыновья, иногда ученики. Даже крупный мастер, поставщик халвы во дворец, лишь в горячее время, перед праздниками, держал двух-трех знающих дело хальфа; на периоды затишья он оставлял одного из них. Число мастеров было невелико: на всю Бухару — всего 24 халвогара.

Развитию кондитерского производства сопутствовали многие подсобные промыслы. Особые специалисты

изготавливали виноградную патоку, жареный горох с изюмом, одно из любимейших лакомств бухарцев. Любили в Бухаре также всякого рода орехи, особенно фисташки. Так как фисташки обычно снимались нераскрывшимися, особой профессией сделалось их надкалывание. О степени развития этого промысла (писташкани) свидетельствует наличие в Бухаре двух кварталов Писташиканон.

Ремесла по выработке различных предметов быта. Эти ремесла были представлены сравнительно небольшим числом мастеров, работавших на узкий рынок. Гончарное производство, занимавшее в кустарной промышленности других районов Средней Азии заметное место, в Бухаре было развито очень слабо. В изготовлении гончарных изделий выделялась выделка чаш (косагари) и глиняных печей для выпечки лепешек (танурсози). В изучаемый период значительное место среди керамистов занимали кирпичники. Мастера жили в городе, их обжигательные печи (хумдон) находились за городом. На плане, составленном в 1923 г., в окрестностях Бухары отмечено одиннадцать выстроенных до революции обжигательных печей («кирпичных заводов»). Почти все они расположены на запад от города, причем семь — около ворот Каракуль. Ремесленники ряда мелких промыслов были заняты обработкой дерева. К этой группе относились: токарное дело (харроти), выделка мелких предметов — вил, сит, посуды (согутароши), люлек (гаворасози), гребней для расчесывания волос (шонатароши), изготовление сундуков (сандуксози), шкатулок, ящичков и пеналов (куттисози), лошадиных седел (зинсози), производство арб (аровасози).

Важным для горожан, хотя и не имевшим большого развития, было мыловарение (собунгари). Мыловары когда-то жили и работали в квартале Собунгарон, прилегавшем с востока к Хыёбону. Из мыловарен всегда доносились неприятные запахи, так как мыло варили преимущественно из жира павшего скота. Поэтому эмирские власти запретили его производство внутри города, и мыловары должны были переселиться на окраины города или за его пределы. В изучаемый период в квартале Собунгарон мыловаров уже давно не было. Около 50 семей мыловаров жили в окраинном квартале

Плетельщица циновок

Буйробофон. Мыло изготовлялось двух сортов: твердое, высшего сорта, конусовидной формы, и жидкое, низшего сорта. И то и другое были грязно-серого цвета, с дурным запахом, и употреблялись только для стирки.

Сродни мыловарению было ремесло свечников (шамърези). Свечи также отливались из сала, но лучшего качества. Отливка свечей производилась в городе, в тех кварталах, где жили свечники.

Одной из мелких, но необходимых для быта отраслей бухарской промышленности было плетение циновок из камыша (народное — буйро, литературное — буръё). Наибольшее значение имело применение циновок в строительстве: они были необходимым элементом конструкции потолков зданий с плоским балочным перекрытием. В Бухаре этот промысел сосредоточился в основном в квартале Буйробофон, которому он дал название. Здесь жили почти все бухарские циновщики. Этим занимались 70 из 120 семей этого квартала и несколько семей, переселившихся отсюда в соседний квар-

тал — Олимходжа. Организация производства циновок носила весьма архаический, общинно-семейный характер. Все плетельщики циновок, являясь в Бухаре пришлой группой, были друг с другом в кровном родстве; они заключали браки преимущественно в своей среде. В производство были вовлечены все семьи, принадлежавшие к этой группе, причем не только мужчины, но и женщины и дети. Мальчики и девочки помогали взрослым и при этом обучались всем нехитрым приемам промысла. Специальное обучение посторонних учеников не практиковалось. Производственной единицей была семья, внутри которой и осуществлялось сложившееся в этом промысле разделение труда. Заготовка сырья носила общинный характер. За камышом ездили все мужчины квартала вместе.

Сделанный нами обзор свидетельствует, что ремесло Бухары даже в изучаемый период, когда в конкуренцию с ним вступила фабрично-заводская промышленность, было представлено самыми разнообразными отраслями. Всего нами зарегистрировано 99 отраслей. Они удовлетворяли все основные потребности населения города и его сельской округи в промышленных и продовольственных товарах. Правда, в изучаемый нами период в Бухаре появилось уже много фабричных товаров, однако в быту бухарцев они не играли решающей роли — изделия кустарной промышленности занимали доминирующее положение. В богатой праздничной одежде широко применялись кустарные ткани, носилась местной работы обувь из местных сортов кожи, употреблялись местные, сделанные ремесленниками, орудия, бухарцы писали камышовыми перьями и приготовляемой в Бухаре тушью, предпочитали бумагу местного производства.

Характер расселения ремесленников и размещение отраслей ремесленной промышленности на территории города не были случайными: они определялись либо историческими традициями, либо целесообразностью, либо профессиональными или родственными связями между ремесленниками. Городской быт приобретал прочные формы, сохранявшиеся длительное время, Право собственности считалось священным, и если та или иная часть территории принадлежала ремесленной корпорации или находилась во владении отдельных се-

мей ремесленников, то никто не мог нарушить его. К чисто правовым соображениям нередко присоединялся суеверный страх перед патронами ремесла, в особенности если за ними признавалась большая «сила». Лишь к концу XIX в. некоторые производства принудительно были вынесены за стены города или на его окраины. Таких фактов нам известно очень мало; в большинстве случаев отрасли ремесла в течение веков помещались на одном и том же месте.

Ремесленники одной отрасли и даже группы отраслей расселялись обычно в одном или нескольких близлежащих кварталах, реже в разных частях города; места их поселения определялись характером промысла, его историей и удобством сбыта продукции. Размещение одних групп ремесленников в окраинных кварталах, а других — в центральных было вызвано многими причинами. Вероятнее всего, ремесленники одной специальности, жившие компактной группой в центральных районах города, унаследовали свое традиционное местожительство с очень давних времен; группы ремесленников, осевшие на окраинах города, образовались, по-видимому, в более позднее время, когда центр Бухары был уже густо заселен и обжит.

Металлисты отмечены в 57 кварталах города. В некоторых кварталах они жили компактными группами, в других — отдельными семьями. Кузнецы и слесари концентрировались в двух местах. Первое находилось в центре города — в квартале Амири — и в близлежащих кварталах Сузангарон, Мухаммад-ёр-атолык и Магоки-Курпа. Здесь же, в кварталах Сузангарон и Ходжа-Хызр, жили ножовщики и жестянщики. Именно в этом районе находились в средние века «Ворота кузнецов» (Дари охангарон), упомянутые в источнике XV в.¹⁹ Из этого видно, что размещение здесь обработки железа следовало старой традиции. Вторым районом города, где жили кузнецы, был квартал Ахтаци, лежавший к востоку от проспекта Хийбон, т. е. на тер-

¹⁹ Вопрос о местонахождении этих ворот рассматривается в книге автора (см.: О. А. Сухарева, *К истории городов Бухарского ханства*, стр. 21) и в статье И. И. Умнякова «К вопросу об исторической топографии Бухары», — «Сборник Туркестанского Восточного института в честь А. Э. Шмидта», Ташкент, 1923, стр. 150 (И. И. Умняков неправильно отождествил их с «железными воротами» — Дари оханин или Боб-ал-хадид X в.).

ритории, которая до постройки последней городской стены представляла собой окраину города. Жившие здесь металлисты специализировались на изготовлении замков, т. е. занимались преимущественно слесарной работой. Специальность кузнецов-слесарей, вероятно, сложилась тогда, когда вошли в быт железные замки, сменившие более архаические деревянные. Отдельные семьи кузнецов-слесарей отмечены также в обоих кварталах Арабон (около ворот Саллях-хона и у зиндана), в кварталах Суфиён и Мурдашуён; в последнем они специализировались на выделке кетменей. Во многих кварталах города зарегистрированы подковочники, нигде не составляя, однако, значительной группы.

Литейщики жили в одном месте — квартале Дегрези, где они составляли большинство и где находились их торговые ряды; в соседнем квартале — Мавлоно-Шариф имелись отдельные семьи литейщиков. Медники жили компактно лишь в небольшом квартале Арроки Мисгари, большая часть территории которого была занята их торговыми рядами; в других кварталах отмечены небольшие группы или отдельные семьи медников²⁰. Литейщики бронзы жили в разных кварталах, концентрируясь в компактную группу лишь в селении Зангулясози, сразу же за Каракульскими воротами. В прошлом они, вероятно, населяли расположенный в центре города квартал Зангулясози, где в изучаемый период их уже не было.

Наиболее многочисленными из металлистов были ювелиры. Они зарегистрированы в 30 кварталах; в центральных районах города они жили целыми группами, составляя в кварталах Азизон и Косим Шейх подавляющее большинство. К этим семьям примыкали ювелиры, проживавшие во многих близлежащих кварталах²¹. Ювелиры имелись также среди евреев в еврей-

²⁰ В кварталах Козы-урда, Модари-Хон, Сузангарон, Ходжидорго, Песхона.

²¹ Тагбандбофон, Алокабандон, Чохи-занджир, Мулло Пайрави. Кроме того, ювелиры зарегистрированы в кварталах Шохи-Ахси, Пустидузон (около пассажа Саррафон), Мир-Масъуд, Чашма Аюб, Кош Мадраса, Мирджон-кельды, Кофилон, Мирджон Али, Козо-Файзи, Усто Рухи, Мехтар Шохбек, Ходжа Курбон, Хоса-пулот, Арабон (около зиндана), Ходжа Рофеть, Хофиз-кунгрот, Модари-хон, Мухаммад-ёр-атолык, Шарифджон, Мир-Иброхим, Ходжа Булгор, Алвондж, Мулло Шамси-Мухаммад.

ских кварталах. Торговые ряды ювелиров располагались в самом центре шахристана — около пассажа Токи Заргарон. Вокруг этого района ювелиры и жили наиболее компактной группой. Обращает на себя внимание то, что в окраинных кварталах ювелиры встречались очень редко.

Как видно из вышеизложенного, подавляющее большинство металлистов всех специальностей концентрировались в центральных кварталах города, захватывая шахристан и прилегающую к нему территорию самого раннего рабада. Это, по-видимому, указывает на то, что обработка металлов одна из первых выделилась как городское ремесло.

Совсем иной характер носило размещение по городу ремесленников, занятых обработкой волокна. Эта отрасль городской промышленности, получившая в Бухаре конца XIX — начала XX в. наибольшее развитие, была представлена в 51 квартале, причем во многих ткачи составляли большинство жителей. Ткачи концентрировались в двух районах города. Основным местом их расселения был Джуйбар и кварталы, прилегавшие к нему с востока. Здесь ткачи жили компактной массой, составляя во многих кварталах подавляющее большинство населения. По мере удаления от Джуйбара ткачей встречалось все меньше, и в более отдаленных от него кварталах они были представлены только отдельными семьями. В районе Джуйбара размещались и многие подсобные отрасли: размотка шелка, крашение пряжи (горячим способом), лощение тканей²², набойка и выбеливание бумажных тканей. Вторым местом расселения ткачей и других ремесленников, занятых обработкой волокна, был восточный район города. Компактной массой они жили в квартале Корхона. Находящийся в близости квартал Хуллябофон в прошлом также служил местожительством ткачей, но в изучаемый период там их было уже немного. Ремесленники, занятые обработкой волокна и выделкой тканей, встречались и во многих других кварталах этой части города²³, отдельные семьи жили даже на территории шахристана. В еврей-

²² Кварталы Пухтабафон и Ходжа Гунджори.

²³ Кварталы Мулло Шамси-Мухаммад, Эшони пир, Алвондж, Ходжа Булгор, Куйи мургуш, Хуллябофон, Ходжа Низомаддин, Тупхона, Шохи Ахси, Кокиляйи-калон.

ских слободах также было немало семей, занимавшихся выработкой и отделкой пряжи и тканей (кубовое крашение, изготовление тонкой шелковой ткани для платков из неотваренной грежи).

Среди кварталов, где жили ткачи, выделялись районы выработки определенных видов тканей. Тканье канаса, бархата и платков с тканым узором (тирма) было сосредоточено преимущественно в Джуйбаре — части города, как известно, включенной в кольцо городской стены лишь при Абдуллахане, закончившем ее последнюю перестройку. Здесь были расселены жители Мерва, разоренного Шах-Мурадом и его сыном Хайдаром (конец XVIII — начало XIX в.). Переселенцы принесли сюда свои традиции шелкоткачества, и его развитие в этом районе города связано преимущественно с проживанием здесь фарсов. Выработка чисто шелковых тканей была освоена и ткачами из местных бухарцев, обучавшихся, как показывают сообщения, у фарсов. Но в Джуйбаре жили также и ткачи, производившие полушелковые ткани с полосатым рисунком; их выделка в основном концентрировалась в квартале Пухтабофон, населенном коренными бухарцами. Фарсы таких тканей не производили. По-видимому, в Джуйбаре, как и в кишлаках, примыкавших к западной стене города, ткачи жили и до переселения сюда фарсов, однако сложение здесь ткацкого промышленного района в том виде, в каком он предстает перед нами в конце XIX — начале XX в. как района выработки чисто шелковых тканей, связано здесь с поселением фарсов.

Расселение текстильщиков в окраинных, самых молодых, районах находится в непосредственной связи с обычной для феодализма структурой города, состоявшего из центра и окружающих его ремесленных пригородов — рабадов, постепенно, по мере развития городской жизни, включаемых в черту города. И в Бухаре до середины XVI в. поселения ткачей находились в основном в сельских районах, в которых было развито ткачество, вероятно и до включения их в город. Подобная картина наблюдалась во многих местах вплоть до начала XX в. Так, широкой полосой селений, где было множество ткачей, окружен был Самарканд; значительная часть kitabских тканей изготовлялась в пригородных селениях; в селениях, расположенных за сте-

нами Бухары, жили ткачи, тесно связанные своей деятельностью с ткачами и торговцами — горожанами.

Восточный район расселения ткачей в Бухаре — квартал Корхона²⁴ и близлежащие кварталы — имел совершенно иную историю. Он расположен на территории, включенной в город еще в XII в.²⁵ Жившие здесь ткачи принадлежали к исконному местному населению и вырабатывали типичный для текстильного производства Средней Азии вид тканей — полушелковый адрас с основой из шелка и бумажным утком. На традиционность ткачества в этом районе указывает и то, что здесь находилась святая, связанная с этой отраслью ремесла; по поверью, под хаузом помещалась мастерская святого суфия Юсуфа Хаммадони (XII в.), считавшегося патроном шелкоткачей. Совокупность всех приведенных фактов позволяет считать этот район старым центром ткачества в Бухаре.

Определенные районы города служили местом поселения мастеров-строителей. Жители квартала Мулло Хоки-рох в подавляющем большинстве (60 семей), так же как и многие семьи соседних кварталов²⁶, были строителями-каменщиками, резчиками по ганчу. В этом квартале находился один из двух рынков поденщиков (бозори мардикор), труд которых в Бухаре применялся в основном на строительных работах. Группа каменщиков, населявших этот квартал, образовалась не так давно: переселенцы из селения Поноб, откуда ведут свой род строители этого квартала, появились здесь в конце XVIII или в самом начале XIX в.

Вторым районом, где встречалось много строителей, как каменщиков, так и плотников, была обширная территория в западной части города²⁷. Более компактно

²⁴ Несмотря на заманчивость отождествления квартала Корхона с тем местом, где, по свидетельству Наршахи, в VIII—X вв. была ткацкая мастерская, такое толкование названия квартала будет неправильным; известно, что мастерская, упомянутая Наршахи, помещалась гораздо западнее квартала Корхона — между арком и шахристаном (М. Наршахи, *История Бухары*, стр. 29).

²⁵ См. О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 55.

²⁶ Кварталы Шейх-Шох, Баракён, Алвондж.

²⁷ Кварталы Абдулло-Ходжа, Шахри-нау, Козы-Зоид, Дастор-бандон, Джуйзар, Ходжа-Хабибулло, Нодир-курчи, Ходжи-дорго, Сорвоно, Зиндафиль-Ахмади Джоми, Кабул-ато, Чашма-Аюб, Кош-Мадраса, Мир-Дустум, Мирджон-кельды, Яланги-Бокиджон-кушбеги, Кукалтош, Мавлоно-Асири, Мирджон-Али.

они жили в джуйбарском квартале Джанафарон и в прилегавшем к Джуйбару с востока квартале Ходжа Туйгун. В остальных кварталах этого района строители отмечены небольшими группами или отдельными семьями. Отдельные семьи гилькоров зарегистрированы также в кварталах Арабон (около зиндана), Туп-хона, Алакабандон, Мачити бесутун, Чуббоз, Джафар-Ходжа. Всего гилькоры отмечены в 34 кварталах.

Плотники жили чаще всего смешанно с каменщиками в одних и тех же кварталах, что соответствовало их жизненной практике — постоянному сотрудничеству в строительстве зданий. Плотники были отмечены в 33 кварталах. Особенно много их жило в кварталах, расположенных к северу от дороги, ведущей к воротам Шеррирон, и к востоку от проспекта Хыёбон. Много было их в квартале Ходжа Туйгун, а также в некоторых центральных кварталах²⁸. История и время образования здесь компактной группы строителей остаются невыясненными. Можно лишь отметить, что, живя в Джуйбаре и в северо-западном углу города, они могли оказаться в черте города не раньше XVI в., а группа, поселившаяся в квартале Ходжа Туйгун, территория которого входила в состав города до постройки последней стены, могла быть более старой. Были плотники и в еврейских слободах.

Токари по дереву занимали специальный квартал — Харротон, откуда они расселились отдельными семьями или небольшими группами в соседние кварталы²⁹. Около Регистана жили мастера, выделявшие преимущественно колыбели и мелкие деревянные предметы (согутароши). Они населяли кварталы Согутароши и Пи-сташиканон (около Регистана), Гаукушон и Усто Рухи. Таким образом в Бухаре описываемого времени ремесленники-деревобделочники располагались к северо-западу от Регистана.

В четко определившихся районах жили и работали кожевенники, ремесло которых требовало наличия воды для промывки кож и места для их сушки. В Бухаре,

²⁸ Усто Рухи, Арабон (около зиндана), Туп-хона, Алакабандон, Ходжа Зайниддин.

²⁹ Чашма-Аюб, Дарвозайи Углон, где группа токарей занимала одну часть квартала, Козы-Файзи, Мирджон-кельды.

как и в других городах (например, в Шахрисябзе), кожевенники жили преимущественно в кварталах, расположенных поблизости от городских ворот: в квартале Чармгарон и частично Хальфа-Худойдод у ворот Шеррирон и в кварталах Эшони-пир, Арабон, Мир-Масъуд у ворот Саллях-хона. Третий район расселения кожевенников — это кварталы Искандархон, Истемур и Олимходжа, находившиеся в северной части города, где имелись пустыри и болота. Все указанные районы располагались на территории, включенной в черту города лишь в XVI в. Можно предположить, что до того кожевенники жили и работали в сельских пригородах, как было и позднее во многих среднеазиатских городах³⁰. Лишь шагренщики жили и занимались производством в самом центре города — в квартале Кемхтгарон; несколько семей шагренщиков жили в соседних кварталах — Дегреси и Забуда. Поселение кожевенников в самой гуще жилых строений, на наиболее плотно населенной территории древнего шахристана столичного города, было неудобным и могло сохраниться лишь в силу древней и прочной традиции. Этот центр кожевенного производства, образовавшийся вокруг небольшого болота, имел, вероятно, многовековую историю.

Шорный промысел отмечен в тех же районах, где жили большинство кожевенников. В квартале Хальфа Худойдод шорники составляли заметную группу. В прошлом они жили также на территории шахристана в квартале Сарроджон (шорники); в изучаемый период шорников там уже не было.

Сапожный промысел был отмечен в 32 кварталах. Компактными группами сапожники жили в двух центрах: первый — западный — составляли квартал Миракон, где сапожным делом занимались большинство жителей, и близлежащие кварталы (Шох-малик, Кутлук, Шейх Шох). Второй центр сапожного производства находился на восточной окраине города — в квартале Кара-Камоль и соседних кварталах, где сапожным

³⁰ В Самарканде, например, обработка кожи производилась в районе Оби Машад (около Шахи Зинда), в сел. Кафтархона и др. В г. Карши и Шахрисябзе этим ремеслом занимались жители окраинных кварталов Чаримгар (см.: О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 125, 136—137).

делом также занималось большинство населения³¹. Немало сапожников, не составлявших, однако, компактных групп, было и в северо-западных кварталах города³². Отдельными семьями жили они также и во многих центральных кварталах. Закономерности в расположении различных отраслей сапожного производства не было, так как для него не нужно было каких-либо особых условий. Однако, как мы видели, в некоторых пунктах все же концентрация промысла наблюдалась. Вероятно, это объяснялось наследственностью занятия.

Многообразные промыслы по изготовлению одежды и ее деталей большей частью увязывались с определенной территорией. Шитьем тулупов, например, были заняты жители двух кварталов, носивших по этому промыслу название Пустиндузон; наиболее традиционным и распространенным этот промысел был в квартале Пустиндузон, расположенном к югу от пассажа Токи Саррофон. Шитье меховых шапок сосредоточивалось в квартале Мусурмон-энага. В соседнем квартале — Дустчурогоси в изучаемый период имелось много торговцев меховыми шапками. Так как торговцы одним и тем же видом изделий территориально обычно не объединялись, можно предполагать, что раньше здесь также существовало производство этих головных уборов, и торговцы меховыми шапками, вероятно, являлись потомками наиболее богатых мастеров, оставивших производственную деятельность в процессе отделения ремесла от торговли.

Ватные халаты шились на продажу во многих семьях, живших в разных частях города. Только в квартале Моркуш они составляли довольно значительную группу. Ремесло золотошвеев сосредоточивалось в квартале Мир-Дустум; золотошвей отмечены также в кварталах Кози Файзи, Муддаро, Мачити бесутун, Алокабандон и др. В одном пункте — в квартале Тагбандбофон — жили и работали мастера по выделке поясов (тагбанд, камар), которые были традиционными в costume вельможи или военно-служилого человека, и, как свидетельствует Наршахи, употреблялись еще в доарабское

³¹ Имелись отдельные семьи сапожников и в других кварталах: Кокляйи-хурд, Корхона, Чуббоз, Шохи-Ахси, Чорбакколи-Дарвазайи-Самарканд, Ходжа-Булгор, Ходжа-Халим и др.

³² Ваф, Надыр-курчи, Ходжи-дорго, Сорвоно, Куль-Мухаммед-ходжи, Девали-похса и др.

время³³. Этот факт указывает на древность промысла, который несомненно принадлежит к одним из самых ранних. Поселение ремесленников этой специальности в самом центре города, притом в его древнейшей части, мы считаем не случайным.

Когда-то столь же строго локализованным было производство различных басонных изделий (тесьмы и кистей). Об этом свидетельствует наличие квартала Алакабандон, помещавшегося неподалеку от квартала Тагбандбофон. К изучаемому периоду в квартале Алакабандон этим промыслом занималось лишь несколько семей, остальные ремесленники этой специальности жили разбросанно по всему городу.

Различные отрасли по производству съестных продуктов размещались в зависимости от характера производства и сбыта продукции. Несмотря на сугубо городской характер жизни бухарцев, вплоть до революции внутри города производились размол муки и выработка растительного масла. Такие производства находились в основном не в центральном районе; больше всего мельниц и маслобоек зафиксировано в западной, окраинной части города³⁴. Но были они и в центральных кварталах, например в расположенном около Регистана квартале Мехтар Шохбек, где имелось три маслобойки, по две ступы в каждой.

Имелись во многих кварталах мясники; компактной группой, как правило, они не селились. Хлебники также жили некомпактно, во многих кварталах города. Больше всего информаторы отмечали их в западной части, начиная с кварталов, прилегавших к проспекту Хыёбон, и кончая районом, расположенным между воротами Шергирон и Талипоч. Там же, в квартале Хаузи баланд, находилась крупнейшая хлебопекарня Бухары, хозяин которой поставлял лепешки в арк. Изготовление сладостей было распространено по всей территории города. Мастера по выделке халвы и леденцов были отмечены в 21 квартале, в различных частях города: на западе — в Джуйбаре, в кварталах, примыкавших к шахристану с востока, а также в некоторых кварталах

³³ М. Наршахи, *История Бухары*, Ташкент, 1898, стр. 15.

³⁴ В кварталах Мирджон-кельды, Сабунгарон, Ходжа Чоршанби, Кози Файзи и др. По сведениям М. С. Юсупова в городе имелось до 50 мельниц.

центра города. Любимое в Средней Азии лакомство — жареный горох — изготовляли мастера, жившие в кварталах северо-западной окраины города.

Представители многих мелких ремесел занимали в одних случаях определенную территорию, в других — размещались разбросанно. Производство мыла было отмечено в восьми кварталах³⁵. В квартале Собунгарон, название которого показывает, что здесь когда-то мыловары составляли определенную группу населения, в изучаемый период ни производства, ни семей мастеров уже не было, так как в конце XIX в. мыловарение в густонаселенных кварталах было запрещено. Производством и продажей циновки занимались главным образом в окраинном квартале Буйробофон, где с конца XVIII в. жили переселенцы с Аму-Дарьи. Этот промысел раньше располагался и в других районах города, о чем свидетельствуют документы XVI в., упоминающие базар циновщиков в квартале Амири³⁶.

Слабое развитие гончарного дела в XIX — начале XX в. в Бухаре не позволяет наметить какую-нибудь закономерность в размещении этого промысла; отдельные семьи гончаров жили в разных частях города: в кварталах Хоса-пулот, Мачити-бесутун, Кокиляйи-хурд, Такия. Но в прошлом гончары объединялись, как свидетельствуют названия кварталов, компактными массами в двух пунктах: квартал Косагарон (чашечники)³⁷ расположен в юго-западной части города, которая до возведения последней стены была его окраиной; из документа первой половины XIX в. мы узнаем о существовании квартала Кулолон (гончары) в центре города, на территории шахристана³⁸. Гончары, выделявшие таныры, жили в квартале Мачити бесутун, но основались они там не так давно — в конце XIX в.: это были переселенцы из тумана Пирмаст.

Из других мелких, слабо развитых, но, вероятно, ста-

³⁵ Мавлоно Асири, Кози Файзи, Турки Джанди, Шейх Шох, Ходжа Халим, Алвондж, Чоршанби-казок, Буйробофон.

³⁶ «Из архива шейхов Джуйбари», № 27, стр. 21.

³⁷ Квартал Косагарон нам известен по документу XVI в. («Из архива шейхов Джуйбари», № 41, стр. 60).

³⁸ Вакуфные грамоты, удостоверенные печатью Насруллы-хана (одна из них датирована), говорят о мечети Кулолон, известной как мечеть Кемухтгарон (ЦГА УзССР, ф. 323, № 146/129, 147/220, 148/221).

рых ремесел нужно отметить производство ослиных и верблюжьих седел, на котором специализировались жители небольшой улочки Тукумдузон, известной с XVI в.³⁹, и некоторые жители квартала Джон-Кубади хурд. Шитье садовых палаток было сосредоточено в группе семей из квартала Кукалтош, занимавших улицу, называвшуюся Кучайи Чодирдузон (улица мастеров палаток). Это было также ремеслом некоторых жителей кварталов Дилкушойи даруи и Кара-Камоль, расположенных в восточной части города на самой окраине.

Таким образом, размещение промыслов на территории г. Бухары сохранило характер, свойственный феодальному городу: и крупные и мелкие промыслы имели тенденцию группироваться по отдельным районам; не только сбыт продукции, осуществляемый в специальных торговых рядах, но и бытовой уклад ремесленников отражал характерную для феодализма тенденцию объединения населения в обособленные группы.

Достигнув в ведущих отраслях значительного развития, сказавшегося в высокой товарности продукции, промышленность г. Бухары конца XIX — начала XX в. оставалась в техническом отношении еще в рамках средневековья. Ее основой был по-прежнему ручной труд.

Критерием технического уровня феодальной промышленности, основанной на ручном труде, является степень механизации трудовых процессов. Изобретение орудий и станков, имеющих несложные передаточные приспособления, было одним из важнейших достижений средневековья, и следует подчеркнуть, что подобные орудия и станки при всем их несовершенстве появились далеко не во всех отраслях ремесла. В большинстве отраслей даже такого развитого ремесла, как бухарское, технические приемы основывались на непосредственном воздействии человеческой руки на обрабатываемый материал. Наибольшей степени механизация труда достигла в ткачестве. Именно ремесло ткачей было тем видом феодального труда, который «был связан с машиной, хотя бы еще примитивной» и поэтому «обнаружил... наибольшую способность к развитию»⁴⁰, как только

³⁹ «Из архива шейхов Джуйбари», № 16, стр. 27.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 3, стр. 55.

созрели для этого необходимые условия. Не случайно именно выработка тканей и в Бухаре стала ведущей, отличаясь высокой товарностью продукции, а впоследствии и размерами предприятий. Именно здесь прежде всего начали развиваться капиталистические отношения.

Бухарские металлисты владели разнообразными приемами обработки металлов. Они знали горячую ковку и закаливание железа, составляли различные сплавы. Особенно изощренной техникой владели бухарские ювелиры. Они умели волочить из золота и серебра проволоку, делать филигрань и ажурную резьбу, золотить, делать чернь, отделять золото и серебро от примесей, очищать серебро при помощи кислоты и т. д. Своеобразной была разработанная в Бухаре техника разбивания в лист двух спаянных вместе кусков золота и серебра, благодаря чему изделие казалось сделанным из массивного золота. В других отраслях металлообработки также был достигнут довольно высокий уровень техники. Отливка художественных изделий из бронзы и чугуна могла производиться благодаря большому опыту, накопленному поколениями ремесленников. Отливка несложного на первый взгляд изделия — чугунного наконечника была важнейшим техническим достижением. Оно позволило сделать производство металлических наконечников для омачей массовым — за один раз в мастерской отливалось более тысячи штук, а сами наконечники стали более прочными, чем употреблявшиеся раньше железные кованые, которые при работе легко стирались и гнулись. Изобретение отливки наконечников относится к сравнительно недавнему времени: по-видимому, еще в XVII в. они обычно не отливались, а ковались из железа.

При наличии в обработке металлов многих хорошо разработанных приемов механизация трудовых процессов была очень слаба, все делалось от руки. Если кузнецы, медники, ювелиры, литейщики бронзы для подачи воздуха в горн применяли меха, то чугунолитейщики довольствовались значительно более примитивной техникой — нагнетанием воздуха щитом, прикрепленным верхней стороной к жерлу печи. Он непрерывно поднимался и опускался специальными людьми, которые работали, сменяясь, в течение всего процесса литья.

Владея множеством приемов горячей обработки металлов, среднеазиатские, в том числе и бухарские, металлисты в то же время почти не знали обработки металлов в холодном состоянии: им не была известна ни нарезка, ни сверление, ни другие слесарные работы. Однако, не умея делать нарезку, среднеазиатские кузнецы изобрели способ изготовления винта из железного стержня, на который спиралью напаялась бронзовая проволока.

При сохранении ручного труда и почти полном отсутствии его механизации во многих отраслях уровень развития техники определялся количеством специализированных орудий. Бухарские ремесленники располагали множеством вариантов инструментов, приспособленных для определенных операций: различной формы наковальни, молотки, щипцы, стамески у металлистов; стамески, долота и топоры у деревообделочников; стамески с лезвием различной формы у резчиков по дереву и столь же разнообразные инструменты для резьбы по алебастру; специальные кривые ножницы у золотошвеев; различные приспособления на ткацких станках, позволяющие производить много сортов тканей. Все это свидетельствовало о сравнительной оснащенности бухарской промышленности, основанной на ручном труде.

Но дело было не только и не столько в инструментах: в ремесленной промышленности решающее значение имели человеческие руки — их ловкость и умелость. Поэтому, основным условием, обеспечивавшим выполнение технически сложных операций и выпуск разнообразной и высококачественной продукции, была высокая квалификация бухарских ремесленников, позволявшая им изготовлять такие изделия, которые и поныне вызывают восхищение. Высокое качество продукции обеспечивалось той дробной специализацией, которая разделила ремесленную промышленность Бухары на множество отдельных отраслей. Каждая из них занималась производством лишь определенных деталей работ или одного вида изделий. В каждой отрасли отрабатывались все мельчайшие технические приемы, приспособленные к производству только одного определенного изделия или к одной определенной операции. Специализация ремесленников в Бухаре была развита более чем где бы то ни было.

В феодальном производстве с характерными для него мелкими, карликовыми предприятиями разделение труда в пределах одной мастерской, естественно, не могло осуществляться сколько-нибудь значительно. Оно оставалось на самой зачаточной стадии, будучи в различных отраслях неодинаковым. Если, например, в ювелирном деле ремесленник мог работать и обычно работал один, выполняя сам все операции, то в других отраслях работать в одиночку было невозможно: в кузнечной мастерской, в литье бронзы, в тканье абровых тканей было необходимо участие минимум двух человек. В некоторых отраслях для осуществления всего производственного процесса было недостаточно двух человек: так, в литье чугуна (во время плавки) должно было участвовать до двух-трех десятков человек, между которыми распределялись различные функции. В таких отраслях, которые требовали разделения труда внутри мастерской, а следовательно ее расширения, на хозяине лежали также выделившиеся (в связи с повышением товарности продукции) функции снабжения производства сырьем и сбыт изделий, которые, как мы видели, в наиболее развитом ткачестве полностью отделились от производства. Так как при феодализме разделение труда, необходимое в некоторых отраслях, не могло происходить в рамках небольшой мастерской, то оно осуществлялось в основном между отдельными предприятиями, отдельными промыслами. «Появление нового промысла, — по словам В. И. Ленина, — означает... процесс роста общественного разделения труда»⁴¹.

Этот процесс развивался в ремесленной промышленности Бухары, как и всей Средней Азии, в двух направлениях. В одних случаях в самостоятельную отрасль выделялись отдельные операции; занятые ими ремесленники превращались в работников, выполнявших лишь часть работы по производству одного изделия (например, выделка пряжи, снование, окраска, лошение и т. п.). Вторым путем было потоварное разделение труда — выделение отраслей, вырабатывавших особые сорта и виды изделий. Потоварное разделение труда могло осуществляться легче, и это было наиболее рас-

⁴¹ В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, — Сочинения, т. 3, стр. 335.

пространенной формой разделения труда в феодальной промышленности: каждый ремесленник изготовлял в своей мастерской один вид и сорт продукции. Но более прогрессивной формой разделения труда в феодальной промышленности было выделение в самостоятельные отрасли детальных операций. Именно из него могло зародиться разделение труда в пределах одного предприятия, что является основой капиталистического способа производства. В. И. Ленин указывал, что «дробление производства на простейшие операции» является «необходимым подготовительным шагом к введению крупного машинного производства»⁴².

Социальная структура различных отраслей среднеазиатской ремесленной промышленности начала XX в., в том числе и промышленности города Бухары, неоднородна. Домашняя промышленность, перерабатывающая сырье в том самом хозяйстве, которое его добывает, в Бухаре не имела никаких условий для существования. Здесь единственным исключением было сохранившееся многие реликтовые черты производство циновок. Но хотя в нем использовалось дикорастущее, добываемое самими ремесленниками сырье, это производство также было тесно связано с рынком и выпускало исключительно товарную продукцию.

Не было в Бухаре и ремесла в узком значении этого слова — как промысла, работающего не на рынок, а на заказчика. Однако работа по заказам в отдельных случаях практиковалась, например когда потребители продукции были представителями высшей знати (главным образом эмирский двор и казна). Но принудительный характер труда ремесленников на казну и в дворцовых мастерских не определял социальной структуры самой промышленности: ремесленники, работавшие на эмира, в то же время нередко имели собственную мастерскую и выпускали изделия на рынок.

В строительном деле полностью сохранилась старая, феодальная форма организации производственного процесса. Ремесленники выполняли работу, поручаемую им хозяином будущего здания. Здесь еще не развилась капиталистическая система подрядов, при которой организатором работы выступает подрядчик, вкладывающий

⁴² Там же, стр. 428.

в дело свой капитал и получающий от него нетрудовой доход.

Бухарский мастер, занимая положение руководителя работ, сохранял его только на данной стройке; он был не представителем класса капиталистов, а высококвалифицированным ремесленником, лично участвовавшим в труде и вкладывавшим в производство не капитал, а свои профессиональные навыки. Так же как и мастера некоторых других специальностей, строители в принудительном порядке привлекались на казенные работы как для эмира и его арка, так и для некоторых общественных нужд.

Неодинаковый уровень развития отдельных отраслей промышленности г. Бухары порождал в них различные производственные отношения. Очень примитивные отношения сложились в циновочном промысле, где еще не успела сформироваться типичная для феодальной промышленности профессиональная корпорация, отсутствовало ученичество (обучались в процессе работы сыновья и дочери плетельщиков), широко применялся по семейной линии женский труд, производилась общественная заготовка сырья и совместное пользование им.

В организации всех остальных отраслей бухарской промышленности мы видим строй средневекового цехового ремесла. Он был представлен здесь двумя типами.

Во многих отраслях бухарского ремесла бытовала более простая, двучленная система производственных отношений: в производстве участвовали только мастер и ученик. Такую структуру можно считать генетически связанной с ранним этапом в истории феодальной промышленности и товарного производства. Она характеризовалась длительным ученичеством, при сохранении известной патриархальности в отношениях между мастером и учеником. Однако мастер не мог бесконечно эксплуатировать ученика. Наступало время, когда ученик, овладевший техникой производства, имел право обратиться к старшине цеха с просьбой ускорить посвящение.

Второй тип производственных отношений в промышленности, основанной на ручном труде, — это трехчленная структура промысла (мастер-хозяин — наемный мастер — ученик). Она свидетельствовала об увеличении размеров мастерской, создавала условия для дальней-

шего развития разделения труда, а следовательно и для увеличения его производительности. В тех отраслях промышленности, в которых сложилась и была распространена трехчленная система, создавались условия для расширения базы товарного производства. Таким образом, появление трехчленной системы производственных отношений имело прогрессивное значение. В социальном смысле сложение новой системы означало рост социальной дифференциации ремесленников. Среди них выделились предприниматели (устокоры), с одной стороны, и зависимые мастера (хальфа), лишенные средств производства, — с другой. Основным источником получения прибавочного продукта становится труд наемного мастера. Значение ученичества как источника нетрудовых доходов сокращается. Этой степени развития достигли далеко не все отрасли феодальной промышленности. В Бухаре конца XIX — начала XX в. развитую трехчленную систему производственных отношений имели лишь ткацкий, сапожный и чугунолитейный (и отчасти золотошвейный) промыслы. В некоторых других промыслах (кузнечный, кондитерский и др.) хальфа были, но лишь как исключение, у самых крупных мастеров.

Найму хальфа была присуща своеобразная черта: поступая на работу, он превращался в закупа — работника, лично зависимого от хозяина, лишался права уйти от него по своему желанию. Орудием его закабаления служил кабальный задаток — бунак, который должен быть возвращен при уходе от хозяина. Трудность, а подчас и невозможность вернуть задаток, который достигал довольно крупной суммы, превращала наемного мастера в лично зависимого человека, в закупа, т. е. придавала связям между ним и его хозяином характерные черты феодальных отношений. Сущность бунака ярко отразилась в употреблявшейся среди ремесленников фразеологии: хальфа, получивший бунак, говорил, что его «продали» за эту сумму. В закабалении хальфа большую роль играло также то, что в большинстве районов он жил в доме хозяина и получал от него полное питание. Таков был общепринятый порядок, обеспечивавший хозяину максимальные возможности эксплуатации работающего у него мастера. Однако в Бухаре, где хальфа чаще всего были из горожан и жили обычно

дома со своей семьей и иногда отказывались от питания, их закрепощенность была менее тяжелой, им обеспечивались более сносные условия существования.

Трехчленная система производственных отношений в ремесленной промышленности, являясь порождением феодального общества, таила в себе возможность дальнейшего социально-экономического развития, создавая условия для расширения производства, углубления социальной дифференциации и зарождения капиталистических отношений.

С присоединением Средней Азии к России, разбившим оковы той замкнутости, которая в последние столетия отделяла среднеазиатские народы от более развитых стран мира, развитие капитализма в большей или меньшей степени захватило различные отрасли ремесленной промышленности г. Бухары. Наиболее законченное выражение, как указывалось, оно получило в ткачестве. Здесь появились крупные устоко́ры, объединившие разрозненные раньше карликовые мастерские в более сложные по своей структуре предприятия мануфактурного типа. В крупных предприятиях бухарских устоко́ров осуществлялось то «действие многих рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же вида товаров, под командой одного и того же капиталиста», которое, по словам К. Маркса, «составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства»⁴³.

Бухарский устоко́р конца XIX — начала XX в. был уже представителем нового зарождающегося класса, класса капиталистов. Устоко́ру-капиталисту как социальный антипод противостоял наемный мастер-хальфа. Участвуя в работе капиталистического предприятия, он не мог оставаться прежним феодальным ремесленником, социальный смысл института хальфа стал иным. Если раньше положение наемного мастера-хальфа было промежуточной и к тому же не обязательной ступенью к превращению в хозяина собственной мастерской, то теперь хальфа становится социальной фигурой в новой структуре бухарского общества — представителем на-

⁴³ К. Маркс, *Капитал*, т. I, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 333.

рождающегося пролетариата. Однако, поскольку сохранялась прежняя основа — ручной труд, бухарский рабочий-ремесленник продолжал сохранять традиционный облик средневекового хальфа⁴⁴. По-прежнему сохранялась система бунака.

Весьма интересной фигурой в ремесленной промышленности г. Бухары являлся хальфа, нанимавшийся на работу без бунака (хальфайи орият). Такой хальфа лично не был закрепощен. Это подчеркивали и информаторы: по их словам, хальфа, получавший бунак, не имел права уклоняться от поручений хозяина, не смел запоздать или не прийти на работу, тогда как хальфайи орият мог поступать так, как ему было удобно.

Наряду с крупными предприятиями устоко́ров в Бухаре сохранились мастера-одиночки, работавшие в собственной мастерской. Эта фигура, наиболее типичная для эпохи феодализма, встречалась во многих отраслях бухарского ремесла конца XIX — начала XX в. Даже в ткачестве — наиболее развитой отрасли бухарской промышленности еще оставались ткачи-одиночки (устои худбоф); в одиночку работали заргары и многие другие ремесленники. Фигура мастера-одиночки отличалась неустойчивостью; обеднев, он нанимался в чужую мастерскую как хальфа; окрепнув экономически, сам нанимал хальфа. В Бухаре конца XIX — начала XX в., в особенности во второй половине этого периода, фигура мастера-одиночки сохранялась в основном лишь в слабоз развитых отраслях. В развитых промыслах эта самостоятельность оказывалась мнимой: мастер-одиночка обычно был закабален либо скупщиком, либо крупным предпринимателем, от которого он получал сырье, бунак, а иногда и питание.

Классовая дифференциация начала углубляться, разделяя прежних ремесленников на два антагонистических класса: в их среде стали зарождаться капиталисты и пролетарии. Противоречия между устоко́рами и хальфа приобретали форму классовой борьбы, классовое самосознание пролетаризирующихся слоев бывших ремесленников начало проясняться, они стали переходить к открытым формам классовой борьбы⁴⁵.

⁴⁴ О. А. Сухарева, *Позднефеодальный город...*, стр. 167.

⁴⁵ Там же, стр. 96—98.

Особое место в системе социальных отношений, сложившихся внутри феодальной промышленности, занимала фигура чернорабочего-поденщика (мардикор). Поденщики представляли собой определенную прослойку городского населения. В Бухаре функционировало два рынка мардикоров (бозори мардикор), что вызывалось постоянным спросом на поденный труд. На каждом из рынков ежедневно искали себе работу два-три десятка человек. Поденщики были заняты главным образом на строительных работах⁴⁶.

Свойственная феодальной ремесленной промышленности цеховая организация ремесленников в виде профессиональных корпораций, объединявших ремесленников одной профессии, сохранялась в Бухаре наряду с другими феодальными институтами, несмотря на начавшееся внутри городской ремесленной промышленности развитие капиталистических отношений. Сложившись, по-видимому, при самом зарождении феодализма, эта организация оказалась настолько жизнеспособной и гибкой, что, пережив все перипетии исторического развития феодальной формации, не потеряла своего значения и в изучаемый период, приспособляясь к складывавшимся капиталистическим отношениям.

Корпоративные организации имелись во всех отраслях бухарского ремесла⁴⁷. Объединяя ремесленников одной специальности, они были тем органом, благодаря которому на всех членов корпорации распространялись и прочно поддерживались единые для корпорации нормы и порядки. Глубокие изменения в социальной сущности ремесла — превращение наиболее развитых отраслей в капиталистическую мануфактуру — и вытекавшие отсюда изменения положения в производстве, с одной стороны, устокооров, а с другой — наемных мастеров-хальфа и учеников, внесли новые черты и в жизнь этих ремесленных корпораций. Так как хозяин крупного предприятия теперь не участвовал в производстве, ведущей фигурой не только в производстве, но и в корпорации сделался хальфа. В их среде соблюдался цеховой культ, совершался обряд посвящения. В тех отраслях, которые имели традиционный облик феодаль-

⁴⁶ Там же, стр. 104—105.

⁴⁷ Там же, см. отрасли ремесла.

ного промысла, по-прежнему бытовали старые формы корпораций, хотя и их деятельность претерпела изменения под влиянием возникавшего в этот период нового уклада⁴⁸.

В сохранении средневековой организации — корпорации ремесленников — проявлялась социальная природа бухарской промышленности, которая, несмотря на явное разложение прежних производственных отношений, продолжала оставаться в основном промышленностью феодальной.

Торговцы⁴⁹

Велико было значение Бухары в среднеазиатской торговле. Оно возрастало по мере развития в крае товарного производства сельскохозяйственной и промышленной продукции. Исследователь городской жизни в странах мусульманского Востока И. П. Петрушевский отнес Бухару к «особому типу городов», «лежавших на узлах больших караванных путей, служивших складочными местами, перегрузочными пунктами и биржами для вывозной и транзитной торговли»⁵⁰. Эта глубоко правильная, хотя и не охватывающая всех сторон жизни города характеристика, данная средневековой Бухаре, может быть в полной мере отнесена и к Бухаре изучаемого периода. Несмотря на явное отставание столицы эмирата от Ташкента и важнейших городов Ферганской долины⁵¹, Бухара продолжала сохранять для всей Средней Азии свое значение как важнейший «перевалочный пункт»⁵², откуда товары расходились по стране и шли за ее пределы. Как говорили в Бухаре, «товары с четырех сторон приходили и опять на четыре стороны уходили» (моль а хор ҳад меомад, боз чор ҳад-ба мерафт). Из Самарканда в Бухару привозили изюм, виноградную

⁴⁸ Там же, стр. 178—179.

⁴⁹ Этот раздел основан главным образом на записях М. С. Юсупова, информаторами которого были мирзо Мухаммад Низоми, работавший раньше мирзой караван-сарая по торговле каракулем, и другие бухарцы, связанные в прошлом с торговлей.

⁵⁰ И. П. Петрушевский, *Городская знать в государстве хулагуидов*, — «Советское востоковедение», V, 1948, стр. 87.

⁵¹ См. О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 144—145.

⁵² С конца XIX в., после проведения железной дороги, главную роль в транзитной торговле с Россией стал играть Ташкент.

патоку, горох, рис; из Хорезма — яблоки, соленую рыбу, ковры; последние шли и через Чарджоу из различных районов Туркмении; из Шахрисябза и Карши в Бухару везли пшеницу, табак, сушеный урюк, изюм; из селения Камаша близ Карши — паласы. Из горного Таджикистана пригоняли баранов, привозили фисташки и бузгунч; сюда по Зеравшану — из Пенджикента, через Самарканд, — сплавляли лес.

Много товаров привозилось в Бухару из зарубежных стран. В изучаемый период торговыми отношениями с Бухарой больше всего был связан Афганистан. В руках афганских купцов была торговля индийским чаем, индиго, перцем. Из Афганистана поступал каракуль, меха диких животных, миндаль и фисташки, бурдюки для воды (машк). Из Индии шли индийские и английские ткани, жемчуг и драгоценные камни, а также золото, из Ирана завозили красители и перец, из Китая — чай, фарфор и серебро в слитках. Бухара издавна вела торговлю с Россией. В XVIII — начале XIX в. торговые связи стали более оживленными, а после присоединения Средней Азии к России, особенно после проведения железной дороги, русские товары заняли на рынках Бухары главное место. Из России завозились различные металлы, фабричные ткани, фарфор, сахар, лес, деревянные изделия и другие товары.

Многие из прибывших в Бухару товаров потреблялись в самом городе и его пригородах. Внутригородской рынок обладал исключительной для своего времени емкостью. Причинами этого были многолюдность города и большее, чем в других городах, потребление ввозных товаров. Это объяснялось наличием значительной прослойки знати и высоким развитием отделенной от сельского хозяйства ремесленной промышленности, пуждавшейся в разнообразном сырье, в то время как ремесленники нуждались в продовольственных и иных товарах.

Большое значение имела бухарская торговля в обеспечении товарами Средней Азии. Бухарские купцы вели оптовую торговлю со всеми ее районами, в особенности с туманами и вилоятами ханства. Помимо привозных товаров, для которых Бухара была только перевалочным пунктом, туда шли и товары, производимые в городе, — изделия ремесленной промышленности, осо-

бенно текстильной. Импортируя массу товаров из многих стран, Бухара также немало и экспортировала.

Как в импорте, так и в экспорте товаров на первом месте стояла Россия. В XVIII — начале XIX в. в экспорте Бухары наряду с каракулем, который, по-видимому, начал вывозиться в Россию очень давно, основное место занимали изделия ремесленной промышленности. Еще в XVI в. Дженкинсон писал о вывозе в Россию «разных изделий из хлопка, различных сортов шелка, материй»⁵³. Небольсин, характеризуя торговлю Средней Азии с Россией, сообщает, что изделия из хлопка, так же как «хлопчатая бумага», закупаются «больше всего в Бухаре и Самарканде», а пряжа, изготовленная ручным способом, идет «исключительно из Бухары». Небольсин приводит длинный список тканей, вывозившихся из Бухары в Россию: знаменитые еще в X в. зепдени, в которые «одсваается весь угол России от Казани до Оренбурга», бязь, «выбойка», которая идет «преимущественно из Бухары, где ее изготовляют в городе Бухаре, Ваבקенте и Гиждуване», алача, набивные «запавески», стеганые одеяла из набойки, шелковые ткани — «дорои, бекасаб, адряс», шелк-сырец и т. п.⁵⁴. О бухарской пряже как об основном сырье для кустарного производства тканей юго-восточной части России, с центром в Астрахани, говорят некоторые исследователи истории русской текстильной промышленности⁵⁵.

Однако с самого начала второй половины XIX в. в связи с развитием в России машинной индустрии, прежде всего текстильной, характер торговли Бухары с Россией резко изменился: все большую роль начал играть вывоз из Бухары промышленного сырья. Особенно полно характер бухарской торговли определился после присоединения Средней Азии к России, когда колониальный режим и конкуренция фабричных товаров все больше превращали Среднюю Азию в сырьевой придаток метрополии. Правда, в Бухаре это влияние новых обще-

⁵³ А. Дженкинсон, *Путешествие в Среднюю Азию в 1558—1560 гг.* — сб. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», пер. с английского, Л., 1932, стр. 184.

⁵⁴ П. И. Небольсин, *Очерки торговли России со Средней Азией*, М., 1865, стр. 211.

⁵⁵ П. Г. Любомиров, *Начальные моменты в истории хлопчатобумажной промышленности в России*, — «Исторический сборник Института истории АН СССР», М. — Л., 1935.

ственно-политических условий сказывалось меньше, чем в Туркестане, так как на местном рынке спрос на изделия ремесленной промышленности оставался высоким.

Многовековое развитие бухарской торговли привело к тому, что прослойка, занятая в сфере торговли, занимала в составе населения г. Бухары исключительно большое место и по численности, и по общественному весу. В результате проведенных опросов было установлено, что торговцы жили почти во всех без исключения кварталах города: в особенности много было их в центре.

По социальному положению торговцы разделялись на крупных купцов (саудогар) и лавочников (дукондор), среди которых выделялась прослойка торговцев, имевших лавки в наиболее важных торговых центрах города (тим) и называвшихся поэтому «тимчи». Низшую прослойку составляли хозяева мелочных лавок (баккол). Еще ниже стояли торговцы вразнос.

Наряду с этим торговцы различались по торговой специальности, которая была нередко наследственной: сыну не полагалось менять полученную от отца профессию. Народная этика считала недопустимым «отбивать хлеб» у тех, кто получил специальность от отца и деда. Однако с переходом бухарской торговли на капиталистические рельсы этот обычай стал отмирать. Крупные баи решительно порывали с этой старой традицией. Превращение старых, феодальных купцов в крупных капиталистов, изменив характер их деятельности, заставляло их братья за те отрасли торговли, которые сулили им большие выгоды, совмещать, в нарушение традиций, несколько торговых специальностей, совершенно не связанных друг с другом: торговлю хлопком и каракулем, хлопком и коконами, хлопком и чаем.

Широкое и длительное развитие бухарской торговли привело к выработке своеобразных местных форм организации торгового процесса и определенного разделения труда в торговле. Необходимо было закупать и сбывать товар, вести учет операций, производить записи и т. п. Крупные купцы должны были иметь доверенных лиц, которые могли бы от их имени заключать сделки. В торговых операциях заметную роль играли маклеры (даллоль). По сложившемуся в Средней Азии обычаю, при любой купле-продаже полагалось посредничество. Маклеры были неотъемлемой фигурой в торговых ря-

Мирзо (клерк, писец, секретарь)

дах и на базарах: без их участия покупатель, особенно если это были приехавшие на городской рынок сельские жители, а тем более степняки-кочевники, не решались сделать никакой покупки или продажи. Даллоль как бы брал на себя ответственность за законность и добросовестность торговой сделки, гарантируя правильность цены, добротность товара и помогая в расчетах. Роль маклеров повышалась в тех отраслях торговли, в которых производились оптовые закупки, — в торговле каракулем, хлопком, коконами, скотом. Среди даллолей выделялись главные даллоли и более мелкие, служившие либо помощниками первых, либо ограничивавшие свою

деятельность посредничеством при мелких сделках. Крупные даллоли на занятие этого места получали от эмира ярлык, выдававшийся кази-калянном.

Размах операций крупных бухарских купцов, которые должны были заключать различные, в том числе и кредитные сделки, делал необходимым участие в торговле хорошо грамотных, подготовленных людей — своего рода клерков. Они назывались мирзо⁵⁶.

Клерков-мирзо имели все крупные купцы. У купцов, ведущих оптовую торговлю, было по несколько мирзо, между которыми распределялась работа в конторе. Один из них исполнял обязанности казначея и доверенного лица бая (мирзои сари сандук — «клерк у сундука»), хранившего наличные деньги, которые держали обычно в запиравшихся на ключ сундуках, получал денежные поступления и расплачивался с клиентами своего хозяина. Мирзо, работающие у крупных баев, получали довольно высокое месячное жалованье (моена).

Чрезвычайно своеобразной фигурой, появившейся в бухарской торговле очень давно, были так называемые «косыды» (араб. طاق — посредник). Косыды были участниками кредитных сделок, распространённых в торговом мире не только Бухарского ханства, но и всей Средней Азии. Торговля в кредит особенно была развита между различными районами ханства и его столицей⁵⁷. Крупные бухарские купцы отпускали товары в

⁵⁶ Значение термина «мирзо» в Средней Азии на протяжении веков менялось. Как известно, в государстве Тимуридов он служил титулом мужчин из царствующей династии, его послали, например, Улугбек и Бобур, до сих пор именующиеся у таджиков и узбеков Мирзо Улугбек и Мирзо Бобур. В начале XX в. термин этот обозначал, во-первых, хозяина раба, а во-вторых, лицо, ведущее капцелярские или деловые записи (дафтар). В Словаре Ягелло (стр. 1457, 1633) дано два написания этого слова *قاسد میرزا* и *قاسد میرزا* и указано, что это персидский титул, поставленный после имени; он обозначает «князь», «принц», а перед именем — благородный, грамотный, воспитанный; для второго написания дано также значение «писец», «писарь».

⁵⁷ Возможно, на развитие торговли в кредит в X в. указывает сообщение Наршахи, что «возвращать товар не было ни возможности, ни способа, и на это ни при каких условиях не соглашались ни продавец, ни покупатель», (М. Наршахи, *История Бухары*, стр. 20). Вряд ли надо было бы так подробно оговаривать невозможность возврата взятого товара, если бы речь шла о покупке товара за наличные деньги.

кредит торговцам из других мест, постоянно поддерживая с ними деловые отношения. Брала в кредит нужные товары и старшины кварталов, что практиковалось, в частности, в тех случаях, когда в квартале кто-нибудь умирал. На выполнение различных траурных обрядов нужно было много тканей — на саваи, на траурные костюмы родственниц, на раздачу кусков материи (йиртиш). Все это по обычаю доставлял старшина квартала, нередко беря у торговца в кредит. Система торговли в кредит подробно описана одним из самых внимательных наблюдателей последней четверти XIX в. — Н. Стремуховым, который пишет: «Бухарцы неохотно тотчас же платят за купленный товар, большею частью покупают его в кредит с рассрочкой уплаты, иногда на довольно продолжительное время... В Бухаре продажа происходит большей частью на известный срок, без всяких документов, — требуется только личное присутствие маклера... который назначается от правительства». Гарантия, по словам Стремухова, была далеко не полной, и взявшие товар в кредит, хотя и «не отказываются платить, но платят не в срок» или «совсем не уплачивают, чему главной причиной бывают частые банкротства»⁵⁸.

Если получить долг с горожанина мог сам торговец, то для расчетов с должниками из отдалённых вилайетов нужны были специальные люди. Ни купцы, отпустившие товар в кредит, ни те, кто его получал (если они жили не в Бухаре), не затрудняли себя расчетом. Для этого в Бухаре и существовали профессионалы-посредники — косыды, которые брали на себя получение долга, когда наступал срок его уплаты. Косыды все время разъезжали, направляясь то в один, то в другой район. Когда становилось известным, что косыд едет в определенное место, все бухарские торговцы, имевшие там должников, забравших товар в кредит, поручали ему получить за это плату. Характерно, что подобные сделки не оформлялись документами. Отпуская товар в кредит, купец не требовал никакой расписки. Также без всякого документа должник возвращал свой долг, лишь по устному требованию косыда, который передавал поручение своего клиента. Получив деньги за товар, косыд также не

⁵⁸ Н. Стремухов, *Поездка в Бухару*, — «Русский вестник», т. 117, 1875, стр. 667.

давал никакой расписки и без расписки же сдавал полученные деньги клиенту, давшему ему поручение, после чего последний расплачивался с косыдом за выполнение поручения, — и дело было закончено.

Косыды были людьми состоятельными и должны были внушать доверие своим клиентам. Они были хорошо известны в торговом мире Бухары и других городов — торговых пунктов ханства. Информатор М. С. Юсупова смог назвать шестерых бухарских косыдов. К их имени прочно пристало название их профессии (Ашури-косыд, Ходжи-Муроди-косыд и др.). Добротно одетые, верхом на хорошем коне, они разъезжали в сопровождении слуги, прекрасно зная дороги, селения, города и их жителей. Институт косыдов и система расчетов без всяких письменных документов сложились в стране с почти стопроцентной неграмотностью сельского населения да и многих бухарских купцов. В этих условиях единственно возможными были бесписьменные операции. Архаический характер и сохранение этого института в Бухаре вплоть до революции объясняются общей отсталостью, господствовавшей в ханстве.

Если косыды были институтом, порожденным феодальной торговлей, то с возникновением капиталистической торговли в Бухаре появились комиссионеры (камиссия). На деньги бая комиссионер закупал в различных районах Средней Азии товары для экспорта в Россию, получая определенный процент с капитала, которым он оперировал. Такой способ закупки, по-видимому, практиковался в некоторых отраслях торговли и раньше, еще до зарождения в Средней Азии элементов капитализма. Возможно, он существовал лишь в торговле каракулем и был вызван специфическими условиями: скупка каракуля, сезон которой был очень краток, производилась в глубинных сельских районах, у отдельных скотоводов, что практически лишало крупных купцов возможности лично осуществлять эту операцию.

Низший слой торгового люда составляли те, кто обслуживал караван-сарай и торговые ряды. Это были сторожа (саройбон, тимбон), в обязанность которых входило также поддержание чистоты и порядка. Нередко саройбоны держали небольшую чайную, в которой подавали кипяток и чай обитателям караван-сарая. Ночами они караулили караван-сарай, ходили по крыше,

ударяя в двусторонний барабан (тауль). Саройбону обычно предоставлялась под жилье одна из худжр караван-сарая. Доход саройбонов состоял из отчислений в их пользу с совершаемых в караван-сараяе сделок. Эти отчисления назывались «саройбони».

Во многих караван-сараях имелись специалисты-упаковщики (борбанд), которые специализировались на упаковке товара определенного вида (тканей, каракулевых шкур, хлопка), и грузчики (хаммоль, в бухарском произношении — хамболь). И те и другие собирались ежедневно к обслуживаемому ими караван-сарая и ждали, пока появится наниматель.

Перейдем теперь к отдельным отраслям бухарской торговли и ее деятелям.

*Торговля каракулем*⁵⁹. Бухара издавна славилась как крупнейший в Средней Азии, да и во всем мире, центр торговли каракулем. В Бухару каракуль стекался из всех каракулеводческих районов Средней Азии: из Каракуля и Карши, из районов Туркмении — Чарджоу, Керки, Бурдалык, Башир и др., из Хорезма и Афганистана. Через Бухару каракуль попадал на русский и западноевропейский рынки и в Америку, а также на Кавказ, где на него был большой спрос, и в Иран.

Лучший каракуль поступал из Каракульского тумана, от которого пошло русское название каракуля, воспринятое и некоторыми языками Европы (немецким) и Малой Азии (турецким), в то время как в Иране было принято название «бухарские шкурки»; шел каракуль из районов Туркмении, откуда поступало до 70% закупаемого за сезон каракуля. Из других районов (Хорезма, Нурата, Самарканда) каракуля поступало меньше. Низкосортный афганский каракуль поступал на рынок Бухары, по сведениям информатора, в количестве 150—200 тыс. штук за сезон.

Торговля каракулем была целиком в руках бухарских купцов. Основными воротилами были горожане-бухарцы. В начале XX в. самыми крупными из них были Убайдулло-ходжа, Насреддин-бай, Яхьейбай и Абдурауф-корвон-боши, бывший главой всего купечества

⁵⁹ Местное таджикское и узбекское названия каракуля — «пуст» (шкурка) или «пусти барра», иногда «барра» (шкурка ягненка, ягненка).

Бухары. Всего информатор М. С. Юсупова назвал около 30 крупных торговцев каракулем. Среди них определенное место занимали арабы, жившие в квартале Арабон (около ворот Саллях-хона). Выходцем из этого квартала был крупнейший торговец каракулем Ходжи Джурабек, известный в России и за границей под фамилией Арабов.

Торговлей каракулем занимался также и бухарский эмир. Особенно в широких размерах вел торговлю, и главным образом каракулем, эмир Ахад-хан. По его поручению в районах Карши, Чарджоу и Керки каракуль закупали закотчи — сборщики государственного налога на скот. На закупку шли все деньги, собранные ими в качестве налога со скотоводов; в дополнение к ним кушбеги по указанию эмира выдавал сборщикам закота еще дополнительные ассигнования. Всего в этих бекствах для эмира закупалось до 200 тыс. шкурок, причем скотоводам за них уплачивалось, как за закупку «для казны», на 10% ниже рыночной стоимости. Приобретенный для эмира каракуль обрабатывался (квасился) на месте, затем сортировался и, минуя Бухару, сдавался прямо в транспортную контору для отправки в Москву, где его реализовали на рынке. Эмир вкладывал капитал и в торговлю крупнейших торговцев каракулем — Ходжи Джурабека Арабова, Ляtif-ходжи и других. Эти вложения делались на условиях «фойда-шарик», т. е. прибыль делилась пополам. По словам одного из информаторов М. С. Юсупова, по профессии торговца скотом (передавшего, конечно, циркулировавшие в Бухаре слухи, а не точные сведения), в деле у этих баев постоянно находился капитал эмира в 200—300 тыс. тенег. Купцов, которые вели сделки с эмиром, в Бухаре называли «амирбоз» (эмирские угодники).

Участие бухарских эмиров в торговле, в частности ведение торговых дел в доле с крупнейшими купцами, было вполне в духе традиции: правители-феодалы издавна были вместе с тем и крупными купцами. Рашид-ад-дин сообщает, например, об участии в торговых операциях монгольского хана Удегея, который «внес в качестве пая в торговое предприятие одного купца 200 золотых балишей — сумму, огромную по тому времени»⁶⁰.

⁶⁰ «История Узбекской ССР», Ташкент, 1955, т. I, кн. I, стр. 298.

Развитие торговых связей Бухары с мировым рынком, сделавшее торговлю каракулем еще выгоднее, стимулировало торговую деятельность последних бухарских эмиров, но не превратило их в купцов капиталистического типа. Напротив, как мы видели, они использовали для своих торговых операций чисто феодальные способы, употребляя для закупок товара поступления в государственную казну и действуя методом внеэкономического принуждения.

Поступление каракуля на рынок носило сезонный характер. Размеры операций, производимых крупнейшими торговцами каракулем в течение сезона, были очень велики. Самые крупные бай расходовали за сезон 15—20 лаков тенег, т. е. до 300 тыс. рублей⁶¹. Помимо имевшихся у них наличных денег они привлекали и чужие капиталы. Поэтому сезон скупки каракуля был также сезоном особенно бурной деятельности ростовщиков-саррофов. Стремление закупить как можно больше товара приводило многих торговцев каракулем к банкротству. Когда становилось известно, что такой-то бай обанкротился и не в состоянии расплатиться со своими долгами, его кредиторы собирались у старшины купцов (корвошоби), который подсчитывал состояние банкрота и высчитывал, по сколько копеек за рубль тот в состоянии выплатить.

Ведя крупную торговлю каракулем, эмир усердно поддерживал и других купцов, заботился, чтобы их доброе имя в деловых кругах России и за границей не потерпело урона. Особенно заботливо относился к ним Ахад-хан. Если кому-нибудь из именитых купцов грозил крах, Ахад-хан часто выручал его. Когда богатому купцу Ляtif-ходже не хватило 14 лаков тенег (140 тыс. тенег), чтобы расплатиться с долгами, эмир немедленно распорядился, чтобы ему были выданы эти деньги из казны⁶².

Крупные богачи имелись и среди скотоводов — поставщиков каракуля на бухарский рынок. Крупнейшими поставщиками шкурок были Чарикул-бай и Мурод-бай, по прозвищу «кафир» (неверный), имевшие по 30 тыс. ка-

⁶¹ Лак — 10 тысяч тенег.

⁶² Материалы М. С. Юсупова — сообщение мирзо Мухаммада Низоми.

ракулевых овец и поставлявшие до 20 тыс. шкурок ежегодно; Хаккул-бай и Пулот-бай имели до 20 тыс. овец и поставляли по 15 тыс. шкурок в год. Юсуфбайи Зирабоди имел 10 тыс. голов и поставлял по 8—9 тыс. шкурок в год⁶³.

В самом городе торговля каракулем велась в трех караван-сараях: Саройи пус, Саройи барра и Саройи урганджи. Помимо шкурок сюда доставлялись из ближних селений ягнята. В Саройи пус, например, во время сезона в день резали до 150 ягнят. Убоем и свеживанием тушек занимались специалисты (барракуш), которые по сложившейся традиции получали за работу либо внутренности и голову, либо деньги — «як мири» (5 копеек) за каждого зарезанного ими ягненка. Тушки продавались на базарах, и в это время во всех домах готовилось специфическое бухарское лакомое блюдо — барашки, варенные на пару.

В Саройи пус во время сезона образовалась своего рода биржа каракуля. Сюда ежедневно собирались все крупные торговцы и маклеры. Там же находился со всеми своими людьми сборщик государственного налога на торговлю — закотчи. Многие торговцы скупали каракуль также у себя на дому, где у крупнейших баев имелись конторы, склады и помещения для обработки шкурок. Это относилось в первую очередь к торговцам-арабам из квартала Арабон, которые имели связи с арабами-каракулеводцами. Джурабек Арабов имел собственный караван-сарай (Саройи Джурабек) в квартале Хаузи Рашид, где он занимал весь нижний этаж. Там находились его мирзы и касса, помещение, где он принимал приходивших к нему по делу, склады, в которых хранились, однако, лишь образцы. Производственные помещения Джурабека — склады товаров и мастерские по обработке шкурок (ём-хона) — находились в нескольких (до 15) принадлежавших ему домах, расположенных в том же квартале. Шкурки закупались невыделанными, их квашение (ош додан) и очистка производились самими торговцами. Затем шкурки сортировали и связывали уже подобранные по цвету и характеру меха в связки (даста) по десяти штук в каждой. Сортировка

шкурок требовала большого навыка. Это было особой профессией: сортировщики (дастачи) очень ценились.

Известным сортировщиком в Бухаре был Мирзо Хасани пус.

В городе производилась лишь небольшая часть закупок каракуля. Основным путем, через который он падал на бухарский рынок, была закупка шкурок непосредственно у каракулеводов, в степных районах. Закупки там производились через маклеров, которые, получив от баев под расписку деньги, самостоятельно вступали в деловые отношения с поставщиками. Маклеры заранее выезжали в каракулеводческие районы и раздавали овцеводам авансы — бунак, составлявшие примерно 25—30% суммы, на которую данный скотовод сдавал шкурки. Бунак выдавался каракулеводу под расписку. В документе указывалась сумма, полученная в качестве аванса, плюс процент, который взимался за это. Закупающий шкурки даллоль при покупке взимал также с каракулевода сразу все налоги — закет, аминана и полагающиеся ему за посредничество «маклерские» (даллоли). В результате, получив бунак в 1000 тенег, каракулевод должен был сдать шкурок на 1045 тенег (25 тенег — закет, около 13 тенег аминана и 6—7 тенег даллоли). «Маклерские» платили в одинаковой сумме обе стороны. Но от степняка даллоль получал свое вознаграждение сразу, бай же платил ему свою долю, лишь производя окончательный расчет, перед новым сезоном — в марте. Крупнейшие даллоли производили закупки для нескольких баев. Закупали они каракуль и для себя.

От крупных поставщиков-каракулеводов даллоли получали в свою пользу по 10 даста с каждой тысячи даста шкурок в качестве «гуломона» (за рабскую службу). В ответ они дарили скотоводу халат, сахар, мануфактуру. Из этого обязательного «дара» скотоводов даллоль одаривал нужных ему людей: казикаяна, раиса, миршаба и друзей бая; последние также подносили ему подарки и могли оказаться полезными. Одаривание высших должностных лиц имело целью прямой их подкуп, обеспечивая даллолю и его хозяину поддержку во всех случаях, когда это потребуется.

Даллоли были людьми очень состоятельными. Они образовывали корпорацию, возглавляемую аксакалом

⁶³ Все цифры, конечно, приблизительны.

из их среды. В Бухаре были известны Гиёсбой-оксаккол, Миртуроб-оксаккол, Туракульбой-оксаккол, занимавшие этот пост в разное время.

Производя сложные операции по кредитованию овцеводов и закупке шкурок, отчитываясь перед своими клиентами-купцами, даллолы нуждались в опытных и хороших грамотных помощниках. У каждого из них кроме слуг, помогавших в поездках, ухаживавших за лошадьми, которых должен был иметь каждый даллоль, было по два-три и более мирзо; последние вели записи, иногда держали у себя деньги и по указанию даллоля выплачивали за товар. Кроме месячного жалованья мирзо получал во время сезона «мирзоёна» натурой: его хозяин-даллоль давал ему некоторое количество шкурок, которые были им получены от скотоводов в качестве гуломона.

Крупные торговцы каракулем пользовались услугами обслуживавших их людей не только в Бухаре и районах каракулеводства, но и в России. В крупнейших торговых городах — Москве, Нижнем Новгороде и др. — бухарские купцы имели постоянно связанных с ними коммиссионеров, принимавших доставляемый из Бухары товар на хранение и занимавшихся его реализацией. Крупные коммиссионеры владели собственными складами. За хранение и реализацию товара бухарские купцы платили коммиссионные.

Товары переправлялись при помощи транспортных компаний, которых в Бухаре было три — «Кавказ и Меркурий», «Россия» и «Восточное общество». Связь между бухарскими баями и их коммиссионерами осуществлялась по телеграфу; таким способом коммиссионеры давали баям знать о подготовляемой сделке, так же бай сообщали свое решение. Когда в Бухару приходило известие о выгодной продаже, разносчик телеграмм по старому обычаю получал от бая и его родни «севаңчи» — подарок за добрую весть. Информатор М. С. Юсупова рассказывает, что разносчик телеграмм (бахроми — тилиграфчи) в период наиболее оживленной торговли, особенно во время Нижегородской ярмарки, ежедневно получал от адресатов телеграммы свыше сотни халатов. Халаты дарили не только бай: и сам кушбегги, получив хорошую весть об удачной продаже бухарских товаров, дарил бахрому полный костюм (сарупой).

В торговле каракулем мы видим пример причудливого порой сочетания традиционных черт феодальной торговли с чертами, вошедшими в торговую практику под влиянием капитализма. На основе феодальной торговли заняли высокое положение маклеры, феодальная сущность которых сохранялась, несмотря на чисто капиталистический размах торговли каракулем в конце XIX — начале XX в. Роль маклеров в этой отрасли была основана на ее специфике: необходимости закупать товар в сжатые сроки, в далеких степных районах. Это сделало неизбежным еще в период феодализма появление посредников, доверенных лиц, которые могли бы производить операции за крупных торговцев. Поэтому в торговле каракулем сложились свои местные формы коммиссионерства.

Торговля хлопком. Торговля хлопком издавна имела в Бухаре некоторое развитие. Потребителями хлопка прежде всего были многочисленные ремесленники. Производство бумажных тканей составляло в городе наиболее развитый промысел до второй половины XIX в., а в сельских районах оно сохраняло такое положение и в начале XX в. Часть хлопка шла через бухарский рынок в Россию. Его вывоз особенно увеличился с сокращением поставок американского хлопка, вызванным гражданской войной в Америке. Цены на азиатский хлопок повысились в эти годы с 4 до 22 рублей за пуд. Это послужило сильнейшим стимулом для развития хлопководства в Средней Азии и торговли хлопком прежде всего в Бухарском ханстве. Хлопок начали производить здесь в таких размерах, каких Бухара никогда до того не знала. Торговля хлопком превратилась в одну из главных отраслей экспортной торговли ханства: «сбор и вывоз хлопка поглотил в Бухаре всю ее прежнюю производительность, заменил почти весь ее вывозной товар: канаус, сусу, выбойку, готовые халаты и даже фрукты»⁶⁴.

После присоединения Средней Азии к России в Туркестанском генерал-губернаторстве хлопководство начало развиваться более бурными темпами, чем в Бухаре. В Туркестане стали возделывать лучший сорт хлопчатника — американский, в бухарском же ханстве вплоть

⁶⁴ В. Долинский, *О торговле с Бухарой*, — «Наше время», 1860, стр. 21.

до революции по-прежнему возделывался в основном местный сорт хлопка — гуза⁶⁵, не имевший хорошего сбыта. Но крупнейшие бухарские купцы не были склонны отказываться от высоких прибылей, которые сулила торговля хлопком, сделавшаяся к началу XX в. самой выгодной и наиболее развитой отраслью торговли. Эта торговля велась в столь широких размерах, что счет шел не на пуды, а на вагоны. Неудовлетворяясь скупкой хлопка в бухарских туманах и вилояхтах, бухарские купцы вторгались со своими операциями и в другие районы: в хлопководческие области Туркмении и в основную область развитого хлопководства — Ферганскую долину.

Среди бухарских торговцев-хлопковиков было немало таких, которые за сезон отправляли в Россию десятки вагонов хлопка. Самыми крупными были Абдунаби и Мулло Абдувахоби-пашм. Первый заготавливал до 60 вагонов, второй — до 30 вагонов. Одним из крупных торговцев хлопком был Казокджони-алоча — крупнейший бухарский промышленник, державший в своих руках кустарное производство алачи⁶⁶. Богатый торговец Домулло Шарифи-Кичири отправлял в Москву до пятнадцати вагонов хлопка, очищенного от семян. Хлопком торговал и крупнейший богач Бухары — торговец каракулем Джурабек Арабов, который закупал в Ферганской долине ежегодно до сорока вагонов. Развивали свои торговые операции и богачи из бухарских евреев: Исраил Мататов закупал в бухарских туманах до шестнадцати вагонов хлопка в год, сын еврейского старшины Хай-калантора — 30—35 вагонов, Махалим Мавашев — до тридцати вагонов, еврей-мусульманин Мулло Абдунабийи Чаля — до шести вагонов.

Хлопок закупался баями у крестьян через уполномоченных, которые раздавали крестьянам весной в счет будущего урожая бунак, что обязывало дехканина продать купцу весь урожай по цене ниже рыночной. Некоторые баи отправляли хлопок неочищенным от семян, другие его предварительно очищали: частью — на хлопкоочистительных заводах в Кагане, частью — старым

⁶⁵ В 1913 г. в ханстве было засеяно 60 тыс. десятин местным сортом и только 2 тыс. — американским (ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 368, л. 116).

⁶⁶ О. А. Сухарева, *Позднефеодальный город...*, стр. 86.

ручным способом, на станках халлоджи. Почти весь заготовленный хлопок отправлялся в Россию. Лишь небольшая часть шла на потребности местной кустарной промышленности и для бытовых нужд. Так, Домулло Шарифи-Кичири, скупая хлопок во всех вилояхтах Бухарского ханства, заготавливал за сезон шестьдесят вагонов, но из них только двадцать вагонов он отправлял в Москву и в Лодзь, остальные сорок вагонов продавал в самой Бухаре. Здесь продавался, по-видимому, хлопок местного сорта, на который в Бухаре сохранялся устойчивый спрос.

В изучаемый период некоторые бухарские богачи — торговцы хлопком открывали собственные хлопкоочистительные заводы. Так, братья Абдукаримджон и Аминджон, скупая хлопок в районе Мерва (за сезон до двадцати вагонов), имели собственный хлопкоочистительный завод.

Торговля коконами. Значительное развитие в Бухаре получила торговля коконами. Еще Филипп Ефремов сообщал, что в Бухаре выводят «шелковых червей, кои производят множество шелку»⁶⁷. Развитие в самой Бухаре шелкоткачества, которое к концу XIX в. совершенно вытеснило в городе производство бумажных тканей⁶⁸, рост экспорта коконов и шелка в Россию, выход бухарского шелка в виде коконов на международный рынок привели к значительному развитию в Бухаре торговли коконами. Торговлей коконами занимались многие крупнейшие баи Бухары, совмещая ее нередко с торговлей каракулем или хлопком. Так, один из крупных бухарских хлопковиков Абдунаби заготавливал в Ферганской долине наряду с хлопком до десяти вагонов коконов за сезон, а его брат Хомиджон, ведший дело отдельно, — до пяти вагонов. Другой купец — Мулло Абдувахоби-пашм отправлял в Россию больше десяти вагонов коконов, которые он закупал в Фергане, Ходженте и Бухаре. Недалеко от города у него была своя сушилка, и коконы, скупленные в бухарских сельских районах, перед отправкой сушили. До сорока вагонов закупал Мирзо-Мухиддин Мансуров, до 50 вагонов — Хикмати Кинос, так же как Мир-Камоли-сарроф, который скупал до

⁶⁷ Филипп Ефремов, *Десятилетнее странствование*, М., 1950, стр. 26.

⁶⁸ См. О. А. Сухарева, *Позднефеодальный город...*, стр. 58—61.

десяти вагонов коконов в бухарских туманах и до сорока — в Ферганской долине.

В конце XIX — начале XX в. коконы вывозили из Бухары в Россию, а также во Францию и Италию. Один из купцов, Хинмати Кинос, отважился поехать за границу. Он повез в Марсель девяносто вагонов коконов, из которых пятьдесят принадлежало ему, а сорок — другому баю Мирзо Мухиддину. Столь широкая по своему масштабу торговля коконами была явлением, развивавшимся лишь в конце XIX — начале XX в. До этого из Бухары вывозился преимущественно шелк-сырец.

Коконь скупали и бухарские ремесленники-шелкоткачи. Размотка коконов производилась кустарным способом; за год в самой Бухаре перерабатывалось до 10 тыс. пудов.

Сезон скупки коконов продолжался с середины мая до середины июня. В изучаемый период в Бухаре действовало правило, по которому сначала закупали потребное количество коконов бухарские ткачи шелковых тканей и шелкомотальщики, и только после этого разрешалось начать закупки крупным торговцам коконами. По преданию, это правило было установлено Мухамедом-кушбеги во время правления Музаффар-хана с целью охраны интересов ремесленников. Введение этого ограничения было необходимо: энергичная скупка коконов появлявшимися в это время купцами-миллионерами ставила под угрозу самое существование очень развитой в Бухаре шелкоткацкой кустарной промышленности, так как ремесленники не могли тягаться на рынке с крупными баями. Большой спрос на коконы на международном рынке толкал бухарских баев на закупку товара вне Бухары и ее туманов. Увеличилось производство коконов и в ханстве. Положительно сказывалось на развитии шелководства не только усиление его товарности, но и распространение здесь, как и в других районах Средней Азии, лучшей грены. Сначала она производилась в Коканде, где был открыт гренажный завод каким-то марсельцем, потом грены стали выпускать заводы не только Ферганской долины, но и Самарканда. В самой Бухаре таких заводов не было.

Торговля тканями. Одной из развитых отраслей бухарской торговли была торговля тканями. О ее широком размахе свидетельствуют собранные М. С. Юсуповым

сведения, по которым общее число размещенных в разных рядах лавок, торговавших тканями, превышало в Бухаре четыре сотни. Наиболее крупные операции в изучаемый период производились в торговле фабричными тканями. Для развития бухарской торговли тканями первостепенное значение имела торговля с туманами и вилоятами ханства. На базар Бухары съезжались крестьяне из ближних и дальних селений, особенно те, кто нуждался в покупке сразу большого количества тканей. Эта торговля была преимущественно розничной. На ее развитие в Бухаре указывает как количество лавок, где торговали тканями и где основным был розничный покупатель, так и большое число маклеров-даллолей, обслуживавших именно розничную торговлю тканями. Но не меньшее, а, возможно, и большее значение, чем розничная торговля, имела оптовая торговля тканями, в которой покупателями были крупные торговцы с периферийных базаров. Приезжая в Бухару, они забирали у знакомых им и знающих их купцов товары, нередко в кредит, с обязательством уплатить в определенный срок; при продаже в кредит цены несколько повышались. Расчеты производились через косыдов, посредничество которых больше было распространено в торговле тканями.

В Бухаре находились также отделения русских фирм, торговавших тканями. Фирмы Цинделя, Коншина, Губнера, Саввы Морозова и др. имели в Бухаре склады товаров и штат служащих, среди которых были агенты по распространению товаров, набравшиеся из местных опытных в торговле людей, разъезжавших с образцами тканей по вилоятам и туманам и заключавших с местными купцами оптовые сделки на покупку тканей, в расрочку или в кредит. Одновременно они изучали на местах спрос населения на ткани. Некоторые фирмы имели в Бухаре магазины для розничной торговли.

Торговля коврами. Торговля коврами и паласами была не столь обширна, но велась регулярно. Бухара была одним из постоянных ковровых рынков, поэтому в торговой практике утвердился термин «бухарский ковер». Торговля велась в караван-сараях, примыкавшем к пассажиу Токи заргарон. Ковры (колин) доставлялись сюда из районов Туркмении через Керки, паласы (гидем) шли главным образом из Карши, где их изготов-

ляли арабы. В караван-сараяе (Саройи колин) было восемь лавок, торговавших коврами. Торговцы коврами скупали товар на местах через своих комиссионеров. Самыми крупными в Бухаре торговцами коврами были Мулло Мухаммеджон и Мулло Полвонкул. Скупленные для них ковры привозились в Бухару дважды в месяц на верблюдах. Каждый раз приходило четыре верблюда из Керки и столько же из Карши. Товаров привозили приблизительно на 25 тыс. тенег в месяц. Получатели этих ковров — Мулло Мухаммеджон и Мулло Полвонкул реализовали часть ковров через свои лавки, остальную часть перепродавали хозяевам других ковровых лавок. В самой Бухаре и ее туманах шли главным образом паласы. Ковры же большей частью вывозились в Россию и за границу, где большим спросом пользовались коврики небольшого размера. В караван-сараяе поступали иногда также ковровые и паласные переметные сумы (хурджин), но они здесь не продавались; в Бухаре существовал для них специальный ряд (бозори хурджин). Когда с караваном привозились хурджины, об этом сообщали торговцам ими, и те покупали весь привоз оптом.

Торговцы коврами, концентрировавшиеся вокруг специального базара, имели выборного аксакала, а также своего даллоля. Последним аксакалом был Остонаквл-оксаккол.

Аттори. Особой отраслью бухарской торговли была торговля различными лекарственными товарами и пряностями (аттори). Торговый ряд находился около древней мечети Магоки Аттори. Название ворот — Дари Аторон, появившееся, по-видимому, в XII в.⁶⁹, показывает, что здесь атторы обосновались очень давно.

Продавцы аптекарских товаров были в то же время и лекарями-табибами. Являясь хозяевами лавок в торговом ряду, многие атторы сами готовили лекарства. Лекарственные снадобья большей частью привозились из Индии (через Афганистан) и из Ирана. Оттуда их нередко привозили бухарские фарсы: отправляясь в паломничество к святыне Мешхеда, они совмещали это благочестивое путешествие с торговыми операциями. При-

⁶⁹ См. упоминание этих ворот у Наршахи; см. также О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 18.

возя в Бухару главным образом различные аптекарские и москательные товары (атторвори) и продавая их атторам, они окупали свои дорожные расходы.

В рядах атторов имелся свой аксакал — Мулло Исохики-сиркойи и даллоль, обязанность которого исполнял некий Мулло Шамси. Описание этих исчезнувших теперь рядов дал в одной из своих ранних статей А. А. Семенов: «Удушливый воздух, пропитанный какими-то острыми испарениями... огромные бутылки и маленькие бутылки с каким-то желтым и красным содержимым, черные зерна каких-то странных растений, темнобурые, белые и зеленые порошки, сухие травы, скелеты змей и ящериц, стук пестов в ступках... седые старцы, углубившиеся в огромные раскрытые фолианты... Эти... старцы — хозяева лавок и вместе с тем ученые доктор и знахари... Молодые люди, толкущие и растирающие различные медицинские специи, — их слуги и ученики, будущие табибы (врачи) и хакиды (доктора)»⁷⁰.

Торговля изделиями из металлов. Наличие в Бухаре нескольких обособившихся, весьма развитых отраслей ремесленной металлообрабатывающей промышленности вело к созданию отдельных отраслей торговли изделиями из металлов. В одних отраслях торговля еще не отделилась полностью от производства, и торговцами были сами ремесленники. В других отраслях это отделение успело оформиться.

Торговля ювелирными изделиями находилась в руках богатых ремесленников-ювелиров, главным образом из числа тех, кто по решению верхушки цеховой корпорации получил место в торговых рядах⁷¹. Мастера, не имевшие там постоянного места, продавали свои изделия в ряду с рук или сбывали их тем, кто сидел в лавках. Торговые операции крупных мастеров были более значительными. Однако купцов-оптовиков в ювелирной торговле еще не было.

Совершенно иное положение было в торговле изделиями из чугуна, главным образом сошниками (поза), которые находили широкий сбыт у окрестных дехкан, покупавших все необходимые им товары на бухарском

⁷⁰ А. А. Семенов, *В святой Бухаре*, — «Русские ведомости», 1899, № 361.

⁷¹ В торговом ряду ювелиров было всего 40 лавок-мастерских, и в каждой из них торговали 2—3 ювелира.

базаре. Торговля сошниками велась в торговом ряду литейщиков, находившемся в квартале Дегрези, где было девятнадцать лавок, и в пригородных селениях, где было еще около двух десятков лавок. Все эти лавки, за исключением одной, принадлежали скупщикам (вофруш), державшим в своих руках все производство. Только через них продукция литейщиков могла получить выход на рынок. Кроме сошников в продажу поступали котлы (раньше являвшиеся основной продукцией чугунолитейщиков), светильники и жаровни для углей, употреблявшиеся торговцами зимой для обогрева в лавках, а также в комнатах для приема гостей.

Значительной была торговля изделиями из меди и бронзы — в основном различной посудой, особенно кувшинами и подносами (ляйли). В торговом ряду, помещавшемся вдоль улицы, идущей по южной стене арка, находилось свыше полсотни лавок. Они принадлежали, как правило, скупщикам, в руках которых сосредоточился почти весь сбыт изделий. Только самые богатые мастера имели лавки и сами продавали свои товары. По сведениям информаторов, в Бухаре изучаемого периода действовало 64 скупщика медных и бронзовых изделий.

Еще в конце XIX — начале XX в. в Бухаре сохранялась торговля уже не употреблявшимися в это время оружием и доспехами: панцирями, латами, щитами, луками и стрелами. Лишь ко второму десятилетию XX в. торговля этими предметами полностью прекратилась. До этого времени в Бухаре имелось восемь лавок соутфурушей. Они помещались между Токительпаком и тимом Абдулла-хана, неподалеку от лавок-мастерских ружейных мастеров (мильтиксоз). Несмотря на малое число соутфурушей, и у них имелся свой аксакал. Последним их аксакалом был Махмуджон-оксакол.

Важнейшее значение для Бухары — города с многочисленным населением — имела *торговля продовольственными товарами*. В торговле хлебом и мукой, мясом, овощами, готовыми кушаньями и сладстями было занято большое число городских торговцев; вероятно, они исчислялись несколькими тысячами. Мы не располагаем данными о всех отраслях этой торговли; каждая из них имела своеобразные черты. Для примера опишем некоторые из этих отраслей.

Важное место в бухарской торговле занимала торговля скотом и мясом. Весь пригоняемый в Бухару на продажу скот состоял почти исключительно из баранов (другого мяса здесь почти не ели) и скупался мясниками (кассоб), которых в Бухаре было очень много. В одних только мясных рядах, располагавшихся на Регистане, было 200 лавок, через которые ежедневно проходило до 500 бараньих туш. Мясные лавки имелись и на многих других базарах города, помещавшихся в разных кварталах и возле городских ворот. Поэтому надо думать, что число мясников, совмещавших в себе ремесленников-специалистов по убою скота и разделке туш и торговцев мясом, было не менее трех-четырёх сотен.

Хозяева лавок закупали скот на бараньем базаре, куда бараны поступали большими партиями. Спрос на них был настолько велик, что оказывалось необходимым распределять поступающий на базар скот между мясниками. Это было одной из функций маклера (даллоль), роль которого в этой торговле была очень велика, значительно отличаясь от роли даллоля, например, в торговле тканями. Главным даллолем на бухарском базаре был крупнейший в Бухаре скотопромышленник — чиновный торговец Абдуджалиль-туксабо⁷², который закупал скот в восточных областях ханства (в Гузаре — главном рынке торговли баранами, в Гисаре, Душанбе) и перегонял его в Бухару. Понятно, что, будучи самым богатым торговцем скотом, главным маклером на бараньем рынке, распределяя скот между покупателями, он являлся полновластным хозяином этого рынка.

Торговцы мясом вообще считались людьми зажиточными. По-видимому, каждый кассоб торговал в своей маленькой лавке от себя, являясь постоянным клиентом крупных торговцев, торговавших скотом и не занимавшихся торговлей мясом.

Торговля чаем и сахаром. Торговля чаем была в основном в руках афганских купцов, привозивших его сюда из Индии через Пешавер. Афганские купцы вели обычно оптовую торговлю; у них чай скупали крупные

⁷² Пожалованный чин сохранялся на всю жизнь, несмотря на изменение положения получившего чин лица. Неясно, был ли когда-нибудь Абдуджалиль-туксабо чиновником или чин был пожалован ему эмиром за какие-нибудь заслуги в знак милости к богачу-торговцу, который, вероятно, был поставщиком мяса и на эмирскую кухню.

чаеоторговцы Бухары, которых было около ста человек. Крупные торговцы чаем назывались в Бухаре чой-боло (букв. высший чай). Наиболее известными чаеоторговцами были Хольбой и Амон-ходжа — оптовые покупатели чая, привозимого афганскими купцами. Скупая чай целыми тюками и ящиками, они продавали его вразвес в своих лавках на бухарском базаре и отправляли в туманы и вилояты, где продавали его оптом местным крупным купцам. Лишь через последних чай доходил до населения.

Когда торговля чаем в Бухаре потеряла свое прежнее значение и оказалось более выгодным переключиться на торговлю другими товарами, многие бухарские торговцы, наследственной профессией которых была торговля чаем, захватили в свои руки торговлю сахаром или сахарным песком. Самыми крупными торговцами сахаром были Амон-ходжа, Лютфулло и Гайбуллоишакар. Последнему принадлежал небольшой каравансарай Саройи шакар.

Крупный размах приобрела *торговля сушеными фруктами*, издавна составлявшими важную статью экспорта Бухары в Россию. В этой отрасли, как и во многих других отраслях бухарской торговли, Бухара играла роль перевалочного пункта, через который сушеные фрукты, поступавшие из районов развитого садоводства и виноградарства (Шахрисябз, Қарши), вывозились в Туркмению, Хорезм и Россию. Крупные торговцы сухими фруктами скупали их в сельских районах и периферийных городах через скупщиков-комиссионеров и вывозили в Россию вагонами, почему в Бухаре они получили название «вагончи».

Отметим еще одну важную и очень своеобразную отрасль торговли, налагавшую весьма специфический колорит на весь облик бухарского рынка конца XIX — начала XX в., — *торговлю деньгами*. Менялы и ростовщики (сарроф) также имели свое определенное место на бухарском базаре. В конце XIX — начале XX в. они уже не занимали пассажа менял (Токи саррофон); их ряды тянулись вдоль улицы, ведущей к пассажу Токи тельпак; там размещалось около сорока саррофов. Лавки остальных саррофов были на Регистане и в разных местах города; некоторые из них занимали отдельные кельи караван-сараев, в частности в Саройи кулюта, Аёз и Рад-

жаб-бек. Некоторые саррофы совмещали ростовщичество с торговлей. Давая деньги в рост, они получали обычно за каждую 1000 тенег по 20 тенег в месяц, причем эти 20 тенег сразу вычитали из даваемой в долг суммы. Иногда процент повышался. Если за 1000 тенег ростовщик получал 1050 тенег, то это называлось дах-ним (от десяти половина), если 1100 тенег — называлось дахёздах (на десять — одиннадцать), если 1250 тенег, то это называлось дах-чойрик (на десять — четверть). Сделки саррофов оформлялись либо личной распиской, либо документом, заверенным у казия. В руках саррофов сосредоточивались громадные капиталы. Один из крупнейших ростовщиков — Мир-Камоль, сочетавший ростовщичество с торговлей коконами, имел, по общему мнению бухарцев, до миллиона рублей; кроме того, он владел 100 танапами земли и имел свою коконосушилку.

Помимо своего личного капитала крупнейшие саррофы пользовались банковским кредитом. Лишь пройдя через их руки, он попадал к нуждавшимся в ссудах. Все выгоды от него получали ростовщики и крупнейшее купечество. В сфере производства по-прежнему господствовал ростовщический капитал, который, по словам К. Маркса, приводит производство «в бедственное состояние, парализует производительные силы вместо того, чтобы развивать их, и в то же время увековечивает те жалкие общественные условия, при которых общественная производительность труда не развивается, как при капиталистическом производстве, за счет самого труда»⁷³. Господство в Бухаре в изучаемый период ростовщического капитала было одной из причин застоя в развитии производительных сил эмирата.

Корпорация и объединения торговцев; торговые компании. Корпоративное начало, столь характерное для эпохи феодализма, проявлялось и в жизни купечества Бухары конца XIX — начала XX в. Вся деятельность бухарского купечества осуществлялась в рамках различных крупных и мелких объединений.

Особую корпорацию составляли крупные купцы-оптовики (саудогар). В нее принимались лишь те, кто вел крупные оптовые операции, чье положение в торговом

⁷³ К. Маркс, *Капитал*, т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 145.

мире было достаточно высоким и прочным. Члены корпорации вносились в своего рода гильдейскую грамоту — особый список именитейших купцов столицы. Быть включенным в этот список считалось большой честью. Включение в список сопровождалось большим пиром (зиёфат), который давал вновь принятый в корпорацию всем бухарским саудогарам.

Главой корпорации, а вместе с тем и всего бухарского купечества был корвон-боши (буквально — начальник каравана)⁷⁴, который выбирался из высших слоев купечества. Кандидатуру корвон-боши выдвигали крупнейшие, самые именитые купцы. По записям М. С. Юсупова, избрание корвон-боши подтверждалось эмирским ярлыком. Корвон-боши разбирал тяжбы, возникавшие между купцами, стремясь не допустить передачи жалобы в казийский суд. И эмирские власти неохотно брали к рассмотрению такие дела, полагаясь полностью на решение старшины купечества. Показателен в этом отношении эпизод, описанный в повести С. Айни «Смерть ростовщика», по-видимому, очень точно отражающий действительность того времени: когда ростовщик принес кази-калян и кушбеги жалобу на мирзо влиятельного бая, присвоившего его деньги, те отказались разбирать дело и посоветовали обратиться к корпорации, сказав: «У вас есть старшина, есть у вас [общество] больших и малых... Как же мы, без свидетельства старшины и крупнейших купцов... причиним неприятность уважаемому человеку»⁷⁵.

В помощь корвон-боши избирался помощник (пойкори саудогаро), также из среды саудогаров. В руках пойкора находился гильдейский список, его обязанностью было внесение в него имен купцов, вновь принятых в корпорацию. Он созывал к корвон-боши членов корпорации для решения необходимых вопросов, касавшихся крупного купечества, передавал саудогарам приглашения на семейные праздники и т. д. Купцы имели свое присутственное место; таким местом являлся каравансарай по торговле каракулем, а после постройки евро-

⁷⁴ Узбекскому названию — корвон-боши — по-видимому, предшествовало таджикско-арабское «мехтари кофилон». Исчезнув из обычной речи, этот термин сохранился в названии одного из кварталов — Кофилон или Мехтар кофилон.

⁷⁵ С. Айни, *Марги судхур*, [Душанбе], 1953, стр. 157.

пейских пассажиров корвон-боши со своим пойкором находился на помещавшейся там бирже.

Описанная организация включала лишь высший слой купечества. Средний и низший слой торговцев — наиболее многочисленный — подобного объединения не имел. Торговцы объединялись по торговому ряду или по базару. Каждый ряд представлял собой своеобразную общину. Все торговавшие в одном месте составляли круг людей, постоянно находившихся в общении, поддерживавших личное знакомство, приглашавших друг друга на свои семейные празднества и поминки, избравших из своей среды аксакала. Когда надо было избрать нового аксакала и все приходило к общему мнению в отношении кандидатуры, — тут, как и везде, было необходимо согласование мнений самых влиятельных торговцев ряда, старших возрастом и самых богатых. Вновь избранного вели к кази-калян, и тот утверждал его избрание выдачей ярлыка. Обязанностью аксакала было наблюдать за порядком в своем ряду, следить за ходом торговли в нем, улаживать недоразумения между торговцами своего ряда или между ними и их покупателями. Когда приходила партия товара, аксакал распределял его между торговцами, желавшими его купить. Если ремесленники приносили свои изделия в торговый ряд, они должны были прежде всего показать свой товар аксакалу, который оценивал его и распределял между купцами, следя, чтобы соблюдалась очередность⁷⁶. В конце XIX — начале XX в. старый принцип сосредоточения всей торговли одинаковыми товарами в одном месте часто нарушался и лавки торговцев одной специальности оказывались в нескольких местах, в нескольких рядах, каждый из которых имел самостоятельную организацию и отдельного старшину. Вследствие этого во многих отраслях торговли единства между торговцами одной специальности уже не было, они составляли несколько отдельных общин по числу торговых рядов.

Таким образом, свойственный феодализму корпоративный принцип — наличие, по выражению К. Маркса,

⁷⁶ Когда предметом торговли были товары, выпущенные местными ремесленниками, последние сами выступали в качестве продавцов. Роль старшины торгового ряда играл аксакал ремесленников — один из представителей цеховой администрации.

«коллектива» — проявлялось и в среде торгового населения города. Его объединения представляли собой два типа, которые мы обнаруживаем и в других сферах феодального общества. Объединение крупных саudoгаров было сходно по своему характеру с ремесленными корпорациями. В основе объединения торговцев одного торгового ряда или базара лежал другой — территориальный принцип, что сближало их организацию не с ремесленными корпорациями, а с объединениями некоторых градообслуживающих групп, таких, как водоносы, которые объединялись по хаузам, и с квартальными общинами, в основе которых также лежала общность территории. Можно предполагать, что в прошлом оба типа торговых организаций были гораздо более близки между собой, так как рынки феодального города складывались по отраслям торговли и в одном ряду должны были объединяться все торговцы одной специальности. Размещение торговли одним видом товаров в разных частях рынка, явилось несомненно следствием дальнейшего, более позднего, развития торговли, увеличения числа торговцев и лавок, которые уже не могли поместиться в одном ряду. Это ясно прослеживается на рынках Бухары конца XIX — начала XX в. Более слабо развитые отрасли торговли по-прежнему концентрировались в одном ряду, и все торговцы одной специальности в этом случае оказывались объединенными по месту торговли в один «коллектив». Примером могут служить атторы, торговцы коврами и т. д. В отличие от них торговцы тканями образовывали несколько «коллективов», размещавшихся в разных местах.

На примере Бухары интересно рассмотреть вопрос о торговых компаниях, которые, по свидетельству историков, были распространены еще в государстве Саманидов⁷⁷. Создание торговых компаний вызывалось спецификой караванной торговли; одному купцу было не под силу снарядить целый караван, который вследствие поджидавших его в пути опасностей должен был быть достаточно большим. В Бухаре эта необходимость отпала, так как после присоединения Средней Азии к России дороги сделались менее опасными и караванная торговля, хотя и не имевшая прежнего размаха, но не совсем по-

терявшая свое практическое значение⁷⁸, уже не вызывала необходимости объединения в большие караваны, а следовательно, и в торговые компании.

В изучаемый период торговые компании среди бухарского купечества складывались главным образом из близких родственников, чаще всего братьев, которые после смерти отца нередко не делились и вели дело вместе. Так, среди крупных торговцев каракулем вместе торговали братья Гайбулло-ходжа и Насрулло-ходжа; братья Юсуф-бай и Мумин-бай Мукумбаевы, ведшие общее дело со своим дядей Шарофуддин-Максумом; сообща вели дело братья Абдуазиз-бай и Абдумаджид-бай, по происхождению каршинские узбеки; братья Мирсаид-ато и Мирсаид-усмон, братья Мирзо-бек и Усмон-бек, братья Убайдулло-ходжа и Латиф-ходжа.

В других случаях после смерти отца братья делились. Отдельно вел дело, например, третий брат Мукумбаевых — Казок-бай, разделились братья Изом-шо-бай и Икрам-шо-бай Мухаммедовы; отдельно вели торговлю Абдурауф-корвон-боши и его брат Бакодзон, хотя склады их товаров находились в одном караван-сараяе, составлявшем их общую наследственную собственность. Все эти компании не представляли собой добровольных объединений самостоятельных торговцев; их можно рассматривать как отражение в сфере торговли традиционного семейно-бытового уклада, для которого, в особенности в первые десятилетия XIX в., характерным было сохранение патриархального уклада неразделенных семей. Ведение общего торгового предприятия, как и общего хозяйства неразделенной семьи, вызывалось экономическим интересом: крупное хозяйство, будучи более мощным, приносило большие доходы.

Наряду с тем в Бухаре были отдельные случаи, когда общую торговлю вели люди, не связанные родством. Так, в компанию с миллионером-торговцем каракулем Джурабеком Арабовым входил крупный богач Ходжи Миркалон. Он сам коммерцией не занимался, только вкладывал свой капитал; общее дело вел один Джура-

⁷⁸ Караванный путь связывал между собой пункты, куда не ходила железная дорога. Только караванами осуществлялась торговая связь между Бухарой и другими районами ханства, с Афганистаном, Индией, Китаем, Ираном.

⁷⁷ «История Узбекской ССР», т. I, кн. I, стр. 200.

бек. Как указывалось, в компанию с крупнейшими баями, торговавшими каракулем, нередко вступал бухарский эмир.

Изложенные выше сведения о бухарской торговле говорят о том, что в конце XIX — начале XX в. при сохранении старого феодального уклада в ней появились элементы новых, капиталистических отношений. Наряду с ростовщическими операциями средневековых менял — саррофов — в Бухаре действовал — прежде всего в сфере торговли — банковский капитал. При далеко не полном отделении торговли от ремесленной промышленности во многих отраслях в роли продавца изделий по-прежнему выступал сам ремесленник; по среди бухарских купцов появились и купцы-миллионеры, которые управляли делами разветвленной торговой фирмы, имевшей многочисленную агентуру в лице скупщиков товаров в глубоких степных районах, с одной стороны, и комиссионеров, реализовавших их на рынках России и заграницей, — с другой. Караванная торговля со многими районами Средней Азии и зарубежными восточными странами сосуществовала с широким развитием торговых связей, использовавших появление железной дороги и телеграфа; последний обеспечивал более четкую деятельность в сфере торговли. Но широкое применение телеграфа сопровождалось курьезным перенесением на разносчика телеграмм древнего обычая щедрого одаривания благого вестника (севанчи). Наряду со средневековой ограниченностью торговли кругом привычной, полученной по наследству специальности, что соблюдалось в среде торговцев средней руки, для бухарских миллионеров в этот период характерным стало смелое вторжение не только в чужую торговую профессию, но и в другие, нередко отдаленные районы Средней Азии.

Средневековые корпорации со свойственной им ограниченностью, сложившейся много веков назад, сохранялись, не мешая широкому размаху торговой инициативы крупных капиталистов и их стремлению урвать в конкурентной борьбе друг с другом максимальную прибыль. Этот новый дух еще не был в силах преодолеть феодальное пачало, которое в столице ханства определяло бытовую уклад бухарского купечества в большей мере, чем только возникавшие, новые явления зарождающегося капитализма. Но в деловых отношениях, в сфе-

ре экономики и, в частности, в области торговли капитализм в изучаемый период уже пробивал себе путь. Выход бухарского купечества на русский и заграничные рынки не мог не произвести в этой области коренных изменений. В наибольшей степени эти изменения проявлялись в высшей прослойке купечества. В этой среде нарушались сложившиеся издавна традиционные нормы поведения, в то время как в жизни среднего и низшего слоя бухарских торговцев власть традиций была еще всемогуща.

Однако в отличие от крупного купечества Туркестанского края, развитию которого не препятствовала, а, наоборот, помогала политика колониальных властей, в Бухарском эмирате над самыми именитыми купцами постоянно тяготела угроза произвола эмира, который, поддерживая крупнейших купцов и будучи заинтересованным в развитии торговли, все же ограничивал свободу действий своих подданных. В Бухаре ходит много рассказов о произволе эмира. Так, нередко эмир, услышав о постройке каким-нибудь не в меру осмелевшим баем особенно богатого дома, приезжал к нему в гости, и хозяину не оставалось ничего другого, как «поднести» властителя этот дом в подарок или с перепугу отдать богу душу. Возможно, что эти рассказы относятся к более ранним временам.

Городское население, связанное с землей

Вопрос о связи городского населения с земледелием, т. е. поставленный классиками марксизма вопрос об «отделении города от деревни», является одним из основных в истории развития городской жизни. Известно, что в эпоху феодализма сельское хозяйство сохраняло свое первенствующее значение в экономике не только сельского населения, но и горожан. Большой удельный вес земледельцев в составе населения городов Средней Азии был их характерной чертой. Посетившие Ташкент в самом конце XVIII в. Бурнашев и Пospelов отметили, что земледелие — основное занятие ташкентцев. Даже в центральном районе города, в квартале литейщиков чугуна, земледелие оказалось основным занятием почти половины жителей квартала еще в начале XX в., а от-

носителем другого квартала этого района — Падаркуш отмечено, что летом он пустовал, — замки висели на всех домах: их обитатели перекочевывали в свои загородные усадьбы и занимались земледелием. Пустовали летом и многие кварталы Самарканда: их жители переезжали на пять летних месяцев в пригородные селения и возвращались только после того, как был собран выращенный урожай.

В Бухаре это было не в обычае: горожане все лето жили в тесных, жарких, лишенных растительности двориках. Лишь богачи и знать, как и сам эмир, выезжали за город или в окраинные кварталы, где они имели сады, служившие местом летнего отдыха. Ремесленники продолжали работать в своих городских мастерских; торговцы, как и в другие сезоны, продолжали торговать в своих лавках.

Но все же и в Бухаре существовала прослойка людей, живших исключительно на доходы от земли, не имевших никакой иной профессии и заработка. Во многих кварталах при обследовании были отмечены рядовые горожане, которые владели землей, и доходы с нее были единственным источником их существования. Такие собственники земли вне зависимости от того, обрабатывали ли они ее сами или эксплуатировали чужой труд, в Бухаре назывались «дехкон»; здесь этот термин не потерял своего древнего значения, когда дехканами назывались землевладельцы. Но наряду с тем термин «дехкон» означал в Бухаре также крестьян, лично занимавшихся обработкой своей земли, а также и тех издольщиков, которые, арендуя землю, вели самостоятельное хозяйство. Сдавая свою землю такому арендатору, хозяева говорили: «Я отдал свою землю дехкану» (маи заминама дехкон-ба додам). Кроме дехкан, не имевших иной профессии, в Бухаре владели землей и многие богатые горожане из среды духовенства, торговцев, а иногда и состоятельных ремесленников. Земля рассматривалась как выгодная доходная статья, и каждый, кто имел возможность, стремился использовать этот источник получения регулярной и очень высокой ренты.

Основным способом эксплуатации земли горожанам была сдача ее в издольную аренду; он давал возможность получать доход без всякого труда и хлопот со стороны землевладельца. Горожане предоставляли обычно

арендатору только землю, без остальных средств производства, необходимых для ведения хозяйства; поэтому ее могли брать в аренду только те, кто имел эти средства. Будучи экономически самостоятельными, такие земледельцы избегали полного закабаления и в условиях Бухары получали с арендуемой земли $\frac{2}{3}$ урожая⁷⁹. Таким образом, здесь доля арендатора, получавшего от хозяина только землю, была значительно выше, чем в других районах. При условии предоставления арендатору кроме земли и других средств производства (семена, рабочий скот, транспорт) бухарский землевладелец, как и в других местах, брал себе $\frac{3}{4}$ урожая.

Земельные владения, принадлежавшие бухарцам, находились в основном за пределами городской стены, в пригородных и более далеких кишлаках. В черте города свободной земли было слишком мало, чтобы вести земледельческое хозяйство. Здесь были крошечные участки (за исключением нескольких крупных садов-парков знати), и владельцы их, если они были людьми состоятельными, выезжали туда на лето; зимой они жили в доме, находившемся в центральном районе города, а в саду поселяли какого-нибудь бедняка, который, получая таким образом на зиму жилье, брался за это караулить владение хозяина. Люди победнее, не имевшие другого дома, жили в таком жилище постоянно, разводили на своем участке сад, виноградник или огород; однако доход от этих участков был слишком мал, и их владельцы имели какую-нибудь профессию, от которой семья получала основные средства существования. Так, жители прилегавшего к Самаркандским воротам квартала Зехтоби, возделывая находившиеся там участки земли, делали кроме того струны, варили клей, а позже стали обрабатывать кишки, составлявшие статью вывоза в Россию.

Переселявшиеся в город крестьяне, не знавшие другого труда, кроме земледельческого, обычно работали у бухарских землевладельцев в качестве издольщиков или батраков.

⁷⁹ В единственном пока документе на издольную аренду в Бухаре (см. «Документы к истории аграрных отношений», Ташкент, 1954, стр. 191—192) издольщик соглашается работать за половину урожая, но он получает от хозяина не только землю, но и дом с садом.

Городская знать и военно-служилое сословие также были тесно связаны с землевладением. Конечно, они не занимались сельским хозяйством, но их высокое положение в обществе определялось прежде всего доходами с земли, как с их собственной, так и с земли крестьян. Доходы с крестьянского хозяйства шли им либо в виде пожалованного права на взимание в свою пользу налога (танхо), либо в виде выдаваемого казной жалованья, источником которого был изъятый у крестьян правительственными налоговыми органами сельскохозяйственный продукт.

Изложенное показывает, что Бухара — город, почти сплошь занятый городской застройкой, с населением, давно оторвавшимся в своем большинстве от сельского хозяйства и перешедшим к чисто городским занятиям, еще имела в составе горожан определенную прослойку людей, все средства существования которых составлял доход с земли, или таких, для которых феодальное право на землю или на доходы крестьян было основой их привилегированного социального положения.

Феодалы и военно-служилые люди

В столице эмирата Бухаре жили многие представители высших слоев феодальной аристократии начиная с самого эмира и его семьи. Его родственников по мужской линии по возможности удаляли из Бухары. Все они подозревались в стремлении занять престол. По большей части еще в раннем возрасте они назначались беками в разные области, и там была их постоянная резиденция. Так, сын и наследник Насруллы-хана Музаффар получил бекство Кермене в 20 лет⁸⁰. Один из русских путешественников конца XIX в. застал беком Чираки совсем еще мальчика, восемнадцатилетнего сына Музаффар-хана⁸¹.

⁸⁰ «Бухара по рассказам русских пленных», — «Русский инвалид», 1862, № 70.

⁸¹ И. Л. Яворский, *Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—79 гг.*, СПб., т. I, 1882, стр. 36. Столь же юного сына эмира Крестовский застал беком в Карши (В. Крестовский, *В гостях у эмира бухарского. Путевой дневник*, — «Русский вестник», 1884).

Сыновья эмира не имели права и не осмеливались являться самовольно в Бухару. Отец и сыновья годами не встречались друг с другом. Особенно неприязненно относились эмиры к своим наследникам. Известно, например, что Насрулла-хан на глаза к себе не пускал своего сына и наследника Музаффар-хана. Получив место бека в Кермене, последний оставался там до самого воцарения, т. е. 19 лет. По сообщению источника того времени, «участия его в делах эмир не допускает». Проезжая через г. Кермене, эмир избегал свидания с сыном и никогда там не останавливался; «точно так же он никогда не призывает своего сына в Бухару»⁸². Столь же неприязненно и подозрительно относился к своему сыну и Ахад-хан⁸³.

В тех редких случаях, когда родственники эмира оставались в Бухаре, они попадали под домашний арест (хабси аз остона дарун — арест по ту сторону порога) и годами были лишены права выходить из дома и общаться с кем-нибудь, кроме членов своей семьи. По материалам экспедиции 1940 г., «в арке... под особым присмотром находились братья и дяди эмира с их семьями и прислугой»⁸⁴. Информаторы вспоминают также нескольких таких пленников, живших вне арка. Один из них, бывший раньше беком в Чиракчи, жил в квартале Ходжа-Гафур.

Другой, Сиддик-хан-тюра, — дядя эмира по матери — раньше был беком в Карши, потом попал в опалу, и ему было приказано жить в Бухаре под домашним арестом. Его жильё находилось в квартале Раугангарон, и часто можно было видеть его, сидевшего на пороге своего дома. Экономическое положение членов эмирского рода остается неясным; в частности, неизвестно, какой собственностью они располагали.

Большая часть феодальной аристократии, проживавшей в Бухаре в конце XIX — начале XX в., как и город-

⁸² «Бухара по рассказам русских пленных», — «Русский инвалид», 1862, № 70.

⁸³ А. А. Семенов, *Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени*, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. 26, [Душанбе], 1954, стр. 10.

⁸⁴ М. С. Андреев, О. Д. Чехович, *Арк (кремль) Бухары*, рукопись, научный архив Института истории АН УзССР, № 418, стр. 8.

ская знать государства Хулагуидов⁸⁵, занимала высшие должности в административном аппарате, т. е. была служилой, чиновной знатью⁸⁶. Привилегированное положение, в котором находилась чиновная знать, становилось наследственным в их семьях. Наследовались не только пожалованные и приобретенные поместья, но и положение в государственном аппарате. Сыновья из знатных семей с молодых лет привлекались к делам своих отцов, получали чины и в дальнейшем занимали высокие должности, иногда одновременно с отцами. Например, в то время, когда пост кази-каляна занимал Козы Бадреддин, его сын Бурхонеддин был в Бухаре раисом. Показания русских пленных свидетельствуют, что «звание бека по большей части наследственное; сын бека начинает обыкновенно службу с мирза-баши; первые чины жалуются ему отцом; в звание же бека он возводится эмиром и получает пост после отца или другой, по назначению эмира»⁸⁷.

Нередко высшие сановники привлекали себе в помощь сыновей и братьев, которые замещали их, иногда получали ответственные поручения и годами находились при своем знатном родиче, не имея ни чина, ни должности, готовясь занять в свое время высшие посты в государстве. Обычай окружать себя родней соответствовал господствовавшему в стране патриархальному семейному укладу. Поэтому каждый важный сановник был окружен своими родственниками, которым он мог доверять. В обычае было, например, чтобы место государственного казначея (хазиначи) занимал ближайший

⁸⁵ И. П. Петрушевский, *Городская знать в государстве хулагуидов*, — «Советское востоковедение», т. V, 1948.

⁸⁶ В настоящей работе не рассматриваются вопросы чинов и должностей в системе эмирской администрации: они уже не раз были освещены в литературе. Подробные, но не всегда точные данные собраны в труде Н. Ханыкова. Наиболее полные сведения содержатся в трудах А. А. Семенова — «Бухарский трактат о чинах и званиях» и «Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени». Весьма ценные (отсутствующие в других источниках) материалы собраны М. С. Юсуповым, участником экспедиции в г. Бухару 1940 г. Его записки, частично использованные в этой монографии, содержатся в разделе «Администрация» его рукописной работы.

⁸⁷ «Бухара по рассказам русских пленных», — «Русский инвалид», 1862, № 71; А. А. Семенов говорит о наследовании духовных должностей (А. А. Семенов, *Очерк устройства...*, стр. 67).

Бухарские сановники

родственник кушбеги: при Джон-Мирзо-кушбеги казней ведал его сын Гулом-Али-бий, при Остонакул-кушбеги — его брат Хайдар-кул-инок, а если последний должен был отлучаться из Бухары, то он оставлял за себя другого брата — Лятифбека. Когда на должность кушбеги был назначен в 1917 г. знатный узбек Усмон-бек, одновременно с тем получил назначение на должность казначея его сын — Мир-Хаким-бек.

Иногда высшие чиновники поручали своим родственникам выполнение какой-нибудь части лежавших на них обязанностей. Так, по данным М. С. Юсупова, кушбеги, ведавший сбором закята с каракуля, посылал для сбора его в некоторые туманы своего сына. Точно так же сыновья или братья миршаба, в сопровождении свиты из 2—3 человек, ночами объезжали порученные им участки. На службе эти помощники не числились и выполняли свою «работу» в порядке семейной помощи. Сыновья крупных сановников, так же как и их братья, носили звание «беги-джон», составляя круг кандидатов

на высшие должности в административном аппарате эмирата⁸⁸.

Таким образом, в Бухаре существовал установившийся порядок, по которому за знатными семьями сохранялось их положение в управлении государством. Это приводило к тому, что в Бухаре образовался определенный круг знати, среди которого распределялись самые высокие посты в государственном аппарате, а следовательно и самые высокие доходы.

Военные люди составляли в Бухаре довольно многочисленную группу, занимавшую командные должности в армии. Низшей была должность десятского — дахбоши. Источником, из которого пополнялось военное сословие Бухары, было войско наукаров. Его формирование, подробно рассмотренное в работе В. Л. Вяткина⁸⁹, происходило по родо-племенному принципу.

Набранные в порядке феодальной повинности в районах поселения узбекских племен наукары поступали в распоряжение эмирского правительства, и часть их переселялась в Бухару на постоянное жительство. В конце XIX — начале XX в., по записям М. С. Юсупова, в Бухаре и ее окрестностях было размещено девять отрядов (даста) наукаров, по 150 человек в каждом. В их формировании по-прежнему сохранялся племенной принцип.

Информаторы М. С. Юсупова упоминали среди наукаров отряды мангытов, хитаэв, киргизов, кипчаков, ушруков (уч-урук), арабов, пайманов, буркутов и сараев. Большую группу составляли жившие в городе калмаки, в эти отряды не входившие. Если даже эти группы размещались вне города, их верхушка, как правило, жила в городе.

Общественное положение служилых людей, в том числе и чиновной знати, определялось их экономическим положением, которое в значительной степени зависело от доходов, получаемых с должности. Эти доходы состояли из денежного жалованья и дарения одежды (сарупой), «кормления» — бесплатного обеспечения продук-

⁸⁸ Эти сведения заимствованы преимущественно из записей М. С. Юсупова.

⁸⁹ В. Л. Вяткин, *Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1860—1863) годов*, — «Известия Среднеазиатского отделения РГО», вып. XVIII, Ташкент, 1928.

тами⁹⁰, условного пожалования — танхо, т. е. предоставления права на получение в свою пользу налогов, и пожалования земель.

Жалованье. Все военно-служилые люди в соответствии со своей должностью получали денежное жалованье. Источник начала XIX в. приводит данные о размерах денежного жалованья чиновников: «Визирь, сверх случайных доходов, получает в год 500 бухарских червонных. Парвоначи и главный начальник артиллерии получают по тысяче червонных в год; занимающие должности ниже — от 300 до 100 червонных в год и самые низшие — от 50 до 10 червонных»⁹¹.

Денежное жалованье военно-служилым людям еще в конце XIX — начале XX в. сохраняло в своих названиях следы непосредственной связи с доходами от феодального землевладения: один вид выдачи назывался «галля-пули» (деньги за зерно), другой — «тапобона» (потанпный сбор). Выдача их, сопровождаемая дарением соответствовавшей чину одежды, производилась в арке, раз в год, после поступления в казну налогов. К изучаемому нами периоду система выплаты жалованья изменилась: все большее распространение получила ежемесячная выплата (моёпа). Сведения о размерах месячного жалованья чиновников мы имеем благодаря записям М. С. Юсупова. Несмотря на неполноту этих сведений, они представляют большой интерес. Примечательной чертой всей этой системы является тщательная регламентация, что свидетельствует о ее длительном существовании, а также о чрезвычайно низком уровне жизни и мелочно-расчетливой финансовой политике эмирского правительства в отношении обслуживавшего его чиновничества.

Чиновники аппарата кушбеги, находившиеся в чине туксабо, получали 200 тегей моёна и раз в год одежду, в комплект которой входил халат из лучшей каршинской или китабской алачи или бархата. Мирохуры получали от 100 до 200 тегей, в зависимости от того, имели ли они дополнительные (случайные) доходы. Караул-

⁹⁰ Мы употребляем здесь термин «кормление» в более узком понятии, чем он обычно употребляется историками.

⁹¹ Гр. Спасский, *Новейшее описание Великой Бухарии*, стр. 379—380.

беги получал от 40 до 60 тенег в месяц, а чухра-огасы, джебачи и мирзо-баши (независимо от чина) — по 30 тенег. У последнего в одежду входил халат из адраса, у джебачи — из ходжентской полущелковой алачи, у чухра-огасы — из ферганского атласа. Постепенный переход к денежному жалованью привел к тому, что в последний период существования Бухарского эмирата ежегодное дарение одежды стало также заменяться выдачей денег. Так, чухра-огасы, которому полагался халат из ферганского атласа, вместо этого получал 17—18 тенег.

Доходы гражданских чиновников — кази-каляна, его штата, муфтиев и др., не получавших жалованья, состояли из вознаграждения от обращающихся к ним с прошениями, тяжбами, за заключениями (ривоят) и т. п. Эти доходы были неопределенными, но очень большими. А. А. Семенов считал, что доходы кази-каляна, например, в начале XX в. достигали 200 тыс. рублей в год⁹².

Кормление. Помимо денежного жалованья или доходов от узаконенных поборов с населения, городская чиновная знать получала от государства «кормление» (вазифа или ротифа)⁹³.

Этот институт, сложившись, вероятно, в глубокой древности, получил в Бухаре своеобразные формы и сохранился вплоть до революции. Многим чиновникам в соответствии с должностью и чином полагалось получать от государства все необходимое. В записях М. С. Юсупова мы находим подробные сведения о нормах продуктов, которые получали некоторые чиновники. Омиль-боши — старший сборщик налогов с торговых рядов Бухары (закоти раста) получал в день два чойрика⁹⁴ печеного хлеба, полчойрика баранины и четверть чойрика сала; рис (шестнадцать), мыло и свечи (по полчойрика) выдавались ему на месяц. Его мирзо получал ежедневно чойрик хлеба в виде лепешек и на месяц восемь чойриков баранины, четыре чойрика сала и по полчойрика мыла и свечей. Если мирзо должен был для выполнения своих обязанностей пользоваться верховым животным,

⁹² А. А. Семенов, *Очерк устройства...*, стр. 31.

⁹³ Термины арабского корня *رأطفه* — *وطيفه* — должность, также жалованье.

⁹⁴ Чойрик — мера веса 2 кг.

то ему выдавался и фураж. Простые сборщики получали только хлеб.

Имевшие право на кормление — вазифахуры — закреплялись за лавками определенных торговцев. По договоренности с канцелярией девонбеги, ведавшей всеми казенными расходами, эти торговцы были обязаны отпускать свои товары прикрепленным к ним вазифахурам согласно их должности. Отпущенные товары торговец отмечал на деревянных бирках, представлявших собой обструганные четырехгранные палочки, на каждой грани которых сверху писалось наименование товара, а ниже зарубками обозначалось его количество. Бирки служили денежным документом; по заполнению они передавались в канцелярию девонбеги, которая и расплачивалась с торговцами⁹⁵.

Это «кормление», осуществляемое в столь буквальном смысле слова, выглядит глубоким анахронизмом даже на фоне быта столицы эмирата, носившего черты отсталости и рутины. Оно находилось в резком противоречии с уже далеко зашедшим во всех областях жизни процессом перехода от натуральных форм хозяйства, обложения и обеспечения служилых людей к денежным. Однако укоренившийся порядок стойко сохранялся для наиболее материально обеспеченных прослоек военно-служилого сословия.

Танхо. Кроме денежного жалованья и «кормления» высшие гражданские чиновники и все военные чины начиная с низших получали пожалование — танхо. Институт танхо, хорошо известный историкам феодального периода, еще полностью не изучен и в его понимании до сих пор нет полного единодушия. Одни считают танхо земельным пожалованием⁹⁶, другие — предоставлением

⁹⁵ Исторические корни, связывавшие эти документы (на палочках), употреблявшиеся в Бухаре в конце XIX — начале XX в., с аналогичными документами, найденными на горе Муг (VIII в.), были уже отмечены автором в работе «К истории городов Бухарского ханства» (стр. 101—102).

⁹⁶ В последнее время с таким толкованием института танхо выступила О. Д. Чехович, которая термин «танхо» переводит как «поместье» (см.: О. Д. Чехович, *Бухарские поземельные акты XVI—XIX вв.*, — «Документы к истории аграрных отношений XVI—XIX вв.», Ташкент, 1954, стр. 212 и др.).

права собирать с пожалованных хозяйств налоги⁹⁷. Автор придерживается последней точки зрения, в чем его убеждают, в частности, материалы, собранные им в Бухаре. Характер и размеры танхо низших звеньев военно-служилого сословия мы узнаем из любопытнейшего документа — реестра хозяйств, жаловавшихся в танхо наукарам хазара⁹⁸. Из него видно, что в зависимости от чина каждому наукару жаловалось по несколько крестьянских хозяйств. Так, джибачи было определено двенадцать хозяйств, владевших в общей сложности 40 танапами земли. Один мирзо-боши получал доходы от четырех хозяйств, владевших 35 танапами земли. В распоряжении караул-беги поступали доходы с 47 танапов, принадлежавших девяти крестьянам, а чухра-боши — с 22 танапов земли пяти хозяйств. Рядовые наукары, имевшие звание баходуров, получали соответственно меньше: большей частью 12—14 танапов, принадлежавших трем-пяти хозяйствам. В отдельных случаях в число хозяйств включалось и хозяйство самого жалуемого, которое, таким образом, освобождалось от налогов⁹⁹.

Сообщения, полученные автором от бухарцев-старожилов, говорят о том, что в танхо отдавалась и определенная территория в самом городе. По словам Усто Маджида Солихова, джуйбарским ходжам была пожалована в танхо каким-то правителем Бухары (имени его Усто Маджид не знал) территория города «от ворот

⁹⁷ Так понимали танхо В. В. Бартольд («История культурной жизни Туркестана», Л., 1927, стр. 77) и В. Л. Вяткин («Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов», стр. 17). Эту точку зрения разделяют и этнографы, имевшие возможность изучить реальное выражение этого института в недавней практике по воспоминаниям стариков (Н. А. Кисляков, *Очерки по истории Каратегина*, Л., 1941, стр. 145—151; М. Р. Рахимов, *Земледельцы таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период*, [Душанбе], 1957, стр. 135—136).

⁹⁸ Он опубликован О. Д. Чехович и относится к изучаемому нами периоду (см.: О. Д. Чехович, *Бухарские поземельные акты XVI—XIX вв.*, стр. 212—215).

⁹⁹ Подробное освещение положения крестьянских хозяйств, отданных в танхо, имеется в работе М. Р. Рахимова (см. М. Р. Рахимов, *Земледельцы таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период*, [Душанбе], 1957, стр. 134—141), а также в работах Н. А. Кислякова (Н. А. Кисляков, *Следы первобытного коммунизма*, Л., 1936, стр. 55), *Ишан-феодал восточной Бухары*, — «Труды таджикской базы АН СССР», [Душанбе], т. IX, 1940, стр. 8; *Очерки по истории Каратегина*, Сталинабад, 1954, стр. 126).

Намозгох до [левой] створки ворот Шергирон»; с домов, находившихся в этой части города, ходжи взимали в свою пользу даккоки — по танге, по полтанги с каждого дома¹⁰⁰. Впоследствии, по сообщению информатора, с мусульманских кварталов взимать налог перестали, но жители расположенных здесь еврейских слобод продолжали платить его вплоть до революции. Последняя деталь показывает, что, по-видимому, речь идет об известном факте отмены налогов с домов горожан эмиром Шах-Мурадом¹⁰¹. Из этого ясно, что пожалование танхо относится к более раннему времени, возможно к правлению Абдулла-хана, политика которого в отношении джуйбарских ходжей общеизвестна. Отмена налога повлекла за собой и отмену танхо; но часть города, с которой налог по-прежнему собирался (джизья с еврейских семей), оставалась в танхо ходжей¹⁰².

Другие части города, пожертвованные в вакф, приносили доход духовным феодалам. По сообщению того же Усто Маджида Солихова, обширная территория, простиравшаяся от моста Пули Ошукон (через Шахр-руд на дороге от Регистана и Кош-мадраса) до ворот Талипоч и Шергирон, составляла «землю Исмаила Саманида» (замини Исмоил Сомони), и все, жившие на этой территории, платили в пользу его мавзолея, т. е. ведавшего им духовенства, налог даккоки. Другой информатор — Усто Косим Мираков, житель квартала Азизон, сообщил, что часть домов в этом квартале, расположенном около медресе Улуг-бека, была вакфом медресе Улуг-бека; их хозяева также платили даккоки. Вакфом мечети квартала Кара-Камол была его территория. Жители квартала должны были платить в пользу мечети ежегодно одинаковую сумму с каждого дома. По сообще-

¹⁰⁰ Налог на дома известен историкам под узбекским названием «олук» и «солук». Значение этого термина выяснено В. В. Бартольдом. Мои информаторы-бухарцы налог на домовладение называли даккоки — термин, до сих пор в литературе не встречавшийся.

¹⁰¹ «История Узбекской ССР», т. I, кн. II, стр. 45.

¹⁰² Как известно, налог джизья считался самым «чистым» доходом мусульманского государя, и потому считавшиеся «благочестивыми» бухарские эмиры расходовали его на свое пропитание, чтобы есть «чистый хлеб» (нони халоль). В приведенном сообщении, возможно, речь идет о какой-то части территории еврейских слобод, с которых джизья шла джуйбарским ходжам. Сбором джизья с основной части еврейского населения ведал кушбег.

нию группы стариков из этого квартала, сначала платили «як мири» — пять копеек, но при последних эмирах плата была увеличена и стали платить по одной тенге. Деньги должны были идти «на подстилку и освещение мечети» (фаршу рушной), но, конечно, как и во всех других приведенных выше случаях, они поступали попечителю богоугодного заведения — мутавалли и в лучшем случае распределялись между всеми имевшими право на вакуфные доходы.

Хотя некоторые из этих повинностей представляют собой явления иного порядка, чем танхо, но и здесь мы имеем дело не с чем иным, как с феодальным правом на доходы, получаемые в форме налога, т. е. с разновидностью танхо. Как мы видели, в первом сообщении Усто Маджида этот налог так и назван — танхо. В танхо мог быть пожалован налог не только с земли, но и с любой иной статьи. По материалам М. С. Юсупова, в танхо двум главным сановникам — нижнему и верхнему кушбеги был отдан налог закет, который взимался за торговлю на бухарских базарах: закоти раста — налог на базарные ряды, закоти чакана — налог на товары, привозимые из вилоятов, закет на товары из других стран и т. п. Специальным указанием эмира сбор одних видов закета возлагался на верхнего кушбеги, сбор других — на нижнего. Оба кушбеги взимали полученный ими в танхо вид закета в свою пользу, не отчитываясь в этих доходах перед эмиром¹⁰³.

Пожалование земли. Наряду с танхо — правом на получение в свою пользу налогов источники свидетельствуют о существовании института пожалования земли, которое превращало даруемую землю как бы в своего рода милък, во всяком случае давало возможность распоряжаться ею как собственным имением (милъком). По-видимому, земля могла жаловаться как во временное пользование (вознаграждение за выполняемую службу), так и в наследственное владение.

Во временное пользование земля давалась военным чинам. Филипп Ефремов сообщал, что, будучи «пожалован юзбошею», он получил вместе с тем, в соответствии

¹⁰³ Как известно, они отплачивали ему обязательными подарками (тортук), нередко огромной ценности (см. А. А. Семенов, *Очерк устройства...*, стр. 31).

с должностью, землю, «с коей собиралось в год до 300 червонных...»¹⁰⁴. По-видимому, земля была предоставлена ему не как танхо. Для налога указанный доход слишком велик. Как видно из упомянутого выше реестра отдаваемых в танхо хозяйств, военным чинам (исключая, вероятно, самых высших) давалось не так много. Напомним, что 9 тыс. тенег (300 червонных) денежного жалованья получал в год первый сановник государства — кушбеги.

Другое, несколько более позднее свидетельство раскрывает способ получения доходов с земли, предоставляемой правительством военно-служилым людям: «Все кавалеристы пользуются казенной землей, и собранный с нее хлеб идет в их пользу. Жатва с этих полей делится в полку между каждыми чинами особо. Таким образом, караулбеги, делят ее между собой, а мирхауры от дельно от дахбоши, по количеству даваемой ему земли, должен получить с нее 12 четвертей пшеницы весной и, кроме того, из осеннего сбора 12 четвертей джугары и хлопчатой бумаги...» В этом источнике мы находим интереснейшие сведения и о том, как велось на этой земле хозяйство: «Обыкновенно все кавалеристы отдают обрабатывать свою землю свободным хлебопашцам из четвертой части или половины сбора; но чаще берут плату не хлебом, а деньгами»¹⁰⁵.

Перед нами, несомненно, издольная аренда в ее типичной для Средней Азии кабальной форме; нам хорошо известна и фигура «свободных хлебопашцев» — чайрикеров, получавших четверть урожая, и половинщиков, получавших половину его. Неясно, что за «хлебопашцы» выступали арендаторами земли у наукаров: может быть, те же крестьяне, которые обрабатывали ее и раньше, но самый способ эксплуатации земли исключает определение этого пожалования как танхо. Здесь воины, получившие землю, выступают как ее собственники и распоряжаются ею совершенно так же, как распоряжался своей землей (милъком) любой землевладелец, отдававший ее в издольную аренду.

О другом виде наделения землей военно-служилых

¹⁰⁴ Филипп Ефремов, *Десятилетнее странствование...*, стр. 18.
¹⁰⁵ «Бухара по рассказам русских пленников», — «Русский инвалид», № 70, 1862.

людей, составлявших привилегированную часть бухарского войска, говорит еще более ранний источник, характеризующий положение дел в самом начале XIX в. «Большой частью на месте собраны сведения», легшие в основу «Новейшего описания Великой Бухарии», содержащее сообщение о том, что в узбекском войске «имеющих... доход с пожалованных поместьев государственных считается до 36 тысяч»¹⁰⁶. Поместья эти переходили в наследственное владение; в сообщении прямо говорится о доходе высших военных чиновников «с казенных поместьев, доставшихся им по наследству после отцов их». Размеры этих земель, пожалованных «из казенных поместьев» еще при Мухаммед-Рахим-хане, указываются сравнительно небольшие — от 25 до 150 кв. сажен. Понятно, что жаловать такое количество земли в танхо не имело никакого смысла. По-видимому, и здесь речь идет о пожаловании не палого, а самой земли, и — в данном случае — о пожаловании не временном. Жалуемые вряд ли были родовиты и богаты — об этом говорит мизерность наделов. Но если считать, что в среднем на каждого пришлось по 50 кв. сажен, то общее количество земли, розданной одним только Мухаммед-Рахим-ханом, составило 750 десятин, или 3000 танапов. Подобные пожалования, как показывают приведенные выше факты, делались и позднее. Имеются сведения, что при эмире Хайдаре «сановники получали от государства крупные земельные участки не в виде условного жалования, а в полную собственность»¹⁰⁷.

Земельная собственность. Экономическое могущество высшей сановной знати основывалось не только на высоких доходах от должностей и пожалованиях, которые она получала, занимая различные должности в государственном аппарате; знатные люди были крупными землевладельцами, имевшими громадные поместья, купленные или унаследованные ими от предков.

За последнее время наши знания о процессе образования феодальных владений чрезвычайно расширились и пополнились благодаря привлечению к исследованию юридических документов. Наиболее полные сведения мы имеем по Бухаре. Опубликованы архив джуй-

¹⁰⁶ Гр. Спасский, *Новейшее описание Великой Бухарии*, стр. 379.

¹⁰⁷ «История Узбекской ССР», т. 1, кн. II, стр. 18.

барских шейхов (XVI в.) и исследование их хозяйства¹⁰⁸. Ценные документы, характеризующие образование землевладения семьи крупных самаркандских феодалов XVII в., а также отдельные приобретения бухарской знати, опубликовала О. Д. Чехович¹⁰⁹. В посмертно изданной книге П. П. Иванова прослежена история образования одного феодального хозяйства, созданного деятельностью трех поколений, путем скупки земель. Другие виды собственности, которой владела эта семья, — ее обширные вакуфные владения¹¹⁰ и земли, полученные от предков, в использованных П. П. Ивановым источниках отражения не получили. Можно думать, что и эти источники богатства ишанского рода имели значение не меньшее, если не большее, чем владения, приобретение которых засвидетельствовано дошедшим до нас архивом. Этот и другие источники вскрывают структуру владения — его парцеллярность. Агиографическое сочинение, написанное одним из джуйбарских ходжей¹¹¹, свидетельствует, что в руках представителя третьего после возвышения семьи поколения — Таджеддина — было 1000 участков мильковой земли. Эта цифра, хотя несомненно преувеличенная, все же показывает, какого порядка были владения этого ишанского рода. По подсчетам, сделанным П. П. Ивановым на основании актов и сведений, сообщаемых в «Маталяб-ат-толибин», Ходжа Ислам владел имением в 15 тыс. танапов¹¹², а общая площадь земель Ходжа Саъда равнялась 17 тыс. танапов¹¹³. При

¹⁰⁸ «Из архива шейхов Джуйбарии», М.—Л., 1938; П. П. Иванов, *Хозяйство джуйбарских шейхов*, М.—Л., 1954.

¹⁰⁹ «Документы к истории аграрных отношений XVI—XIX вв.»

¹¹⁰ П. П. Иванов говорит, что захват в свои руки вакуфного имущества, завещанного в пользу двух почитаемых гробниц, «должен был послужить основанием для дальнейшего развития хозяйственной мощи джуйбарского дома» (см. П. П. Иванов, *Хозяйство джуйбарских шейхов*, стр. 49). В дальнейшем вакуфные доходные статьи, которыми пользовались из поколения в поколение старшие сыновья из этого рода, во много раз возросли, а участие членов этой семьи в управлении эмиратом в качестве чиновников (см. А. А. Семенов, *Бухарский трактат о чинах и званиях*, стр. 140, прим. 4) приносило ей доходы и от должностей в виде жалования, танхо и всего, что полагалось по занимаемым должностям.

¹¹¹ «Маталяб-ат-толибин» — сочинение Абульаббаса Мухаммеда Талиба, сына Таджеддина (П. П. Иванов, *Хозяйство джуйбарских шейхов*, стр. 75).

¹¹² Там же, стр. 52.

¹¹³ Там же, стр. 56.

этом в источнике показано, как сыновья этих знатных духовных феодалов, не ожидая, когда получат наследство, еще при жизни отца начинали скупать земли, создавать себе богатство смолоду.

При большой убедительности общих выводов П. П. Иванова нельзя не отметить, что им не была замечена одна характерная особенность, которая совершенно по-иному рисует способ образования владения джуйбарских ходжей: подавляющее большинство, а не отдельные документы, как считал П. П. Иванов, из этого семейного архива носят (по выражению самого П. П. Иванова) «как бы формальный и фиктивный характер»¹¹⁴. Это становится совершенно ясным, если сравнить цены на землю, указываемые в разных документах, относящихся к одному времени и к одному району (мы взяли только те документы, которые касаются земель, находившихся в районах, прилегающих к Бухаре). В одних документах танап поливной земли, «годной к обработке» (как указывается в большинстве актов), оценивается очень низко — в тенгу и даже меньше¹¹⁵; в то же время по другим документам этого же архива один танап «годной к обработке» земли продается за 24 тенги, 2 танапа — за 90 тегег, 50 танапов — за 1100 тегег и т. д. С уверенностью можно также считать искусственным обнаруживающееся во многих документах нарочитое приведение в полное соответствие числа танапов (нередко находящихся в разных участках) с уплачиваемой за них суммой¹¹⁶, что особенно часто встречается в документах, относящихся к Гиждувану. Документов, которые можно скорее считать документами на фиктивную продажу, в опубликованном собрании, легшем в основу работы П. П. Иванова, неизмеримо больше, чем таких, которые можно признать нефиктивными. Вряд ли можно считать реальной цену танапа земли, «годной к обработке», лежащей в районе поливного земледелия, недалеко

¹¹⁴ Там же, стр. 54.

¹¹⁵ Там же, стр. 276—277, № 294 (86 танапов продается за 86 тегег); стр. 261—262, № 288 (55 танапов продается за 55 тегег); стр. 275, № 291 (86 танапов земли продается за 30 тегег).

¹¹⁶ Например, документ № 288 оформляет продажу 15 танапов земли в четырех участках (4; 2; 2 и 7 танапов) за 15 тегег. (П. П. Иванов, *Хозяйство джуйбарских шейхов*, стр. 272—273). Таково же соотношение числа танапов и плата за них в других документах (см. стр. 262—265 и др.).

от столицы, в 2 тенги; между тем П. П. Иванов подсчитывает исходя из этой «средней стоимости одного танапа». Это показывает, что способ приобретения земли и домов джуйбарскими ходжами не был обычной покупкой.

Следует отметить, что оформление фиктивной торговой сделкой, отражаемой в соответствующем документе, было в Средней Азии установившейся практикой при дарении или незаконном присвоении. По словам О. Шкапского, так оформлялось в Хиве XIX в. присвоение земли ханами¹¹⁷; фиктивный характер имели, возможно, и многие сделки, документы по которым опубликованы О. Д. Чехович. Об этом свидетельствуют резкие различия в цене на землю, которые мы встречаем в этих документах: в одном за 10 тыс. тегег покупается у Абдулазиз-хана 22½ танапа, в другом — 2700 танапов¹¹⁸, в обоих случаях с последующей передачей части этих земель в казну с целью обеления оставшейся части. Отметим, что также в виде фиктивной купчей (васика) оформлялось вынужденное преподнесение эмиру понравившегося ему дома.

Все эти факты свидетельствуют, что многие дошедшие до нас документы, оформлявшие земельные приобретения всесильных духовных или светских феодалов, прикрывали собой либо простой грабег, принудительную экспроприацию земли, либо дар, также нередко принудительный, который феодалы стремились закрепить за собой совершением купчей крепости. Причина, вызвавшая оформление передачи земли ходжам как продажу, указана, со ссылкой на Шкапского, самим П. П. Ивановым: «...дарения официально оформлялись как купля-продажа только потому, что сделки купли-продажи по шариату являются самыми прочными»¹¹⁹. Изложенное показывает, что способ образования земельных имений (по крайней мере джуйбарских ходжей) нельзя без оговорок называть «скупкой» земель, как это делали все писавшие до сих пор авторы. По-видимому, мы имеем здесь дело с тем внеэкономическим принуждением, которое лежит, по мысли К. Маркса, в основе социальных

¹¹⁷ О. Шкапский, *Аму-Дарьинские очерки*, Ташкент, 1900, стр. 101.

¹¹⁸ «Документы к истории аграрных отношений XVI—XIX вв.», стр. 41, 47.

¹¹⁹ П. П. Иванов, *Хозяйство джуйбарских шейхов*, стр. 54.

отношений феодального общества. Стремление сосредоточить в своих руках как можно больше земли типично для феодалов.

Знатные владельцы земли, пожалованной в танхо или являвшейся их собственностью (мильком), не утруждали себя сбором доходов. Они предоставляли его откупщикам, бравшим на откуп всякого рода доходные статьи, в том числе и землю. Откупщики (иджорадор) также представляли собой одну из прослоек класса феодалов. Но их социально-экономическое положение определялось наличием не земельной собственности (она могла у них быть), а капитала, который давал им возможность вносить сумму откупа наличными деньгами. Выплачивая владельцу поместья, распорядителю вакфа или кази калян у обусловленную сумму, иджорадор становился на время аренды полновластным владельцем взятого им на откуп имущества. Если на откуп бралась земля, откупщик получал таким образом возможность эксплуатировать труд дехкан, приобретая путем откупа право временной феодальной собственности на землю. Зная, что все выгоды от этой операции он должен получить за короткий срок откупа, иджорадор не заботился о том, в каком состоянии он оставит после себя хозяйство. Иджорадоры были эксплуататорами наиболее безжалостными, а самый институт откупа наносил громадный вред крестьянским хозяйствам, попадавшим в сферу деятельности откупщиков. Конечно, на откуп сдавались лишь крупные владения сановной знати, более мелкие получатели феодальных доходов с земли взимали их сами.

Помимо земли часто сдавались на откуп караван-сарай, принадлежавшие казне или богоугодным заведениям (чаще всего медресе). От казны в качестве юридического лица выступал в таких случаях кази-калян. Право сдачи караван-сарая, составлявших вакф медресе, принадлежало мутавалли.

Казенные заведения — караван-сарай, торговые помещения или целые торговые ряды — откупщики брали сообща (шарики). Аренда оформлялась одним общим документом, по которому компания иджорадоров уплачивала казне одновременно очень крупную сумму — семь-восемь лаков тенег. Доход с караван-сарая иджорадоры делили между собой в соответствии с деньгами, вложен-

ными в дело каждым из них. Беря на откуп торговые помещения, иджорадоры сдавали отдельные находившиеся там лавки в субаренду торговцам, получая за каждую лавку по 5—6 тенег в месяц. Таким образом одна тимча, в которой помещалось 50 лавок, приносила им до 300 тенег в месяц, т. е. 3600 тенег в год. Помимо сдачи в субаренду келий иджорадоры имели также доход (иджоратули) с торговых сделок, происходивших в арендованных ими караван-сараях или в торговых рядах, получая одну тенгу с каждой тысячи тенег торгового оборота. Свои дела иджорадоры вели обычно при помощи многочисленного штата служителей и мирзо. Последние учитывали происходящие в караван-сараях сделки и взимали отчисления, полагающиеся в пользу иджорадоров. Они же собирали с арендаторов келий арендную плату.

Срок откупа как земли, так и караван-сарая был обычно годичный. Откуп оформлялся у казиев документом (васнка). При сдаче на откуп вакуфного имущества за его собственником в лице мутавалли в течение определенного времени сохранялось право расторгнуть сделку, если находился претендент, соглашавшийся дать большую сумму. Это указывалось в документе, который вследствие этого назывался в Бухаре «васикайи пеш-яля» — открытая васика.

Откуп был выгодной профессией и находился в руках небольшой группы лиц. По записям М. С. Юсупова, их было в Бухаре всего 18 человек. Среди них были и лица чиновные. Так, большой казенный караван-сарай, где жили индийские ростовщики, обычно брал на откуп чиновник, ведавший делами индусов (ясаули хиндухо).

Откупщики-иджорадоры, бравшие на откуп казенное имущество, в частности караван-сарай, составляли особую корпорацию, возглавляемую старшиной. Одной из его функций было обеспечение правильного дележа доходов с сообща арендованного имущества, улаживание всех возникающих при этом недоразумений¹²⁰.

Как ни различны были феодальные доходы, получаемые, с одной стороны, крупнейшими сановниками-феодалами, а с другой — низшими слоями военно-слу-

¹²⁰ По-видимому, в эту корпорацию входили только откупщики торговых помещений; откупщики земельных владений оставались вне корпорации.

жилого сословия (сипох), различия между ними были лишь количественные. И те, и другие получали свое содержание от государства, которое, взysкивая ренту-налог с крестьян, распределяло доход между отдельными слоями привилегированного класса.

Совершенно иное социальное положение занимала еще одна прослойка военно-служилых людей — сарбазы. Различие это подчеркивалось тем, что сарбазы не входили в военно-служилое сословие сипох, которое считалось привилегированным.

Сарбазы в отличие от наукаров представляли собой регулярное войско. Оно было впервые организовано в начале XIX в. Создание в Бухарском эмирате регулярного войска знаменовало собой новый этап в организации всего военного дела, отход от прежней системы феодального ополчения, которая ставила верховного правителя в слишком большую зависимость от родо-племенной узбекской знати, державшей в своих руках всю военную силу государства. Создание независимого от феодально-племенной знати войска несомненно означало большой прогресс в истории военного дела в Бухаре, а самая структура отрядов сарбазов, как и их форма, были в значительной степени заимствованы у русских. Однако общая отсталость ханства привела к тому, что при проведении этого мероприятия бухарские правители использовали наиболее реакционные пути.

Первые сарбазы формировались из обращенных в рабство пленных. Среди них первое место по численности занимали персы, из которых вначале выходили и командиры; но в военном отношении большую роль играли русские; их ценили как воинов. Среди сарбазов были и бухарцы, которых набирали в качестве волонтеров, однако только самая острая нужда могла толкнуть бухарца в ряды сформированного из рабов подневольного войска. Это были в основном выходцы из беднейших слоев населения, вынужденные идти в сарбазы, если верить источнику, «не иначе, как по собственному желанию»¹²¹. Об организации войска сарбазов мы узнаем из рассказов русских пленных, выкупленных миссией полковника Игнатьева. Старший из них — Василий Пшенич-

ников, пробыв в плену 40 лет, последние два года своего пребывания в Бухаре находился «в отставке». Он был взят в плен в 1818 г., продан бухарскому купцу и 17 лет работал в его земледельческом хозяйстве. «В это время», как говорится в рассказе, «бухарский эмир... вздумал учреждать у себя регулярное войско сарбазов». Русский пленный был куплен у купца за 20 червонцев и сдан в сарбазы. Сходна была судьба и его товарищей. Четверо из них были проданы эмиру Кенисарой Касимовым (казахский султан — 1837—1847) и сразу же сданы в сарбазы. Шестой пленный, который был привезен в Бухару на продажу, был куплен эмиром для той же цели¹²².

Эти рассказы уточняют дату организации войска сарбазов и выясняют источник, из которого черпались его кадры. По сообщению русских пленных, сначала сарбазов было 500 человек, затем 1200, но к 1858 г. была оставлена всего тысяча человек, которая была разбита на 10 сотен. Для жительства сарбамам были отведены казенные дома за пределами города. В каждом доме помещалось одно семейство. Из этого видно, что сарбазы обзаводились в Бухаре семьями и правительство стремилось закрепить их здесь. Сарбамам было определено денежное жалованье; сначала оно составляло 12 золотых в год; кроме того, бесплатно выдавалась казенная одежда. Позже система оплаты была, видимо, пересмотрена и «в последнее время» (т. е. около 1858 г.) сумма, отпускаемая на содержание сарбазов, зависела от количества собираемого с жителей на этот предмет хлеба, который продавался на базаре, а вырученные за него деньги отдавались сарбамам на руки. Переход на новую систему значительно ухудшил положение сарбазов: «это произвело значительную разницу и составило в год по 6 тиллей, а при недостаточных урожаях и того меньше». Изменилась и система обеспечения войска пищей в походе: раньше сарбамам выдавалось по три лепешки на день, а вечером от казны готовилась горячая пища. К 1858 г. сарбамам в походе стали платить дополнительно одну тенгу на 3 дня и они должны были покупать себе все необходимое у торговцев, которые «вслед за войсками силою снаряжались из Бухары».

¹²¹ «Бухара по рассказам русских пленных», — «Русский инвадид», 1862, № 71.

¹²² Там же, № 70.

К концу XIX — началу XX в. — по-видимому в связи с превращением Бухары в вассальное государство царской России — в положении сарбазов снова произошли перемены. Они были переформированы, и снова изменилась система оплаты: сарбазы стали получать месячное жалованье (моёна) в размере 20 тенег, а во время дежурства каждому выдавались дополнительно по лепешке в день и деньги на питание (кунлук — «дневное»). Установление этого порядка знаменовало собой утрату всякой связи сарбазов с землей, окончательный отход от феодальной системы пожалования им земли или продуктов от земледелия — системы, оставившей следы в названиях получаемого наукарами до самого конца эмирата жалованья — «деньги за зерно» или «потанабные».

После присоединения Средней Азии к России изменился источник, из которого черпались кадры для войска сарбазов¹²³. Отмена рабства лишила его прежнего источника пополнения, войско стало комплектоваться только за счет волонтеров, из среды беднейшего населения, в частности, Бухары и пригородных селений. В рядах войска оказывались и жители очень отдаленных районов эмирата. Большинство попадало в сарбазы поневоле, иногда путем прямой их продажи¹²⁴.

Отряды сарбазов, рассылаемые в различные районы для несения временной службы, составляли гарнизоны в разных городах и крепостях. В самой Бухаре оставалось 1400 сарбазов. Из них назначалась охрана арка зиндона, городских укреплений и эмирских резиденций. Внутри арка караул несла отборная часть, сохранявшая старое название «гуломбача» (молодые рабы), указывающее на тот источник, из которого она в прошлом целиком формировалась. Сарбазы делились на шамбиги (субботные) и сешамбиги (вторничные), в зависимости от тех дней, когда они несли дежурство и проходили обучение: первые были заняты в субботу, воскресенье и понедельник, вторые — во вторник, среду и четверг. При дальнейших реорганизациях были образованы подразделения, носившие казачью форму и потому называв-

¹²³ Там же, № 71.

¹²⁴ Об этом говорит С. Айни в своей автобиографической повести «Смерть ростовщика» (М., 1957, стр. 151) и в «Дохунда», где он подробно описывает вербовку солдат и их службу (М., 1956, стр. 150—155).

шие «капкоз»¹²⁵. Сарбаз надевал свою форму и являлся в казарму (сарбозхона) только в дни своих дежурств. В остальное время он ходил в обычном платье, жил — кто у себя дома со своей семьей, кто снимал угол в караван-сараяе. В свободное время сарбазы занимались каким-нибудь делом: бывшие дехкане, имевшие в пригородах свое хозяйство, участвовали в земледельческих работах своей семьи или нанимались на работу к другим дехканам; некоторые сарбазы занимались ремеслами или поденщиной.

Духовенство

Положение Бухары как признанного центра мусульманской религии и мусульманской образованности обусловливало многочисленность в ней духовенства. В катеорию улема входили представители высшего слоя духовенства — ученые-теологи и правоведы, преподаватели многочисленных в Бухаре медресе, высшие представители мусульманской юриспруденции, знатоки шариата — казии и муфтии. Среди представителей официального культа выделялось сановное духовенство и рядовые священнослужители приходских мечетей. Было в Бухаре и суфийское духовенство — потомственные ишаны, руководители суфийских орденов, их помощники и последователи. В Бухаре имелось несколько отдельных ишанских центров, сложившихся вокруг некоторых крупных мечетей и святынь. Низшую прослойку духовенства составляли хранители многочисленных в Бухаре мазаров и профессионалы-проповедники. К духовенству можно также отнести учащихся бухарских медресе — будущих кандидатов на замещение духовных должностей.

Вместе взятые, все эти различные по своему социальному положению слои городского населения, связанные своей деятельностью с религией и принадлежавшие большей частью к духовному сословию, составляли весьма заметную часть городского населения.

Литература дает немало сведений о религиозных учреждениях и духовенстве Бухары. Однако различные стороны вопроса освещены крайне неравномерно. Боль-

¹²⁵ История образования различных подразделений сарбазов подробно описана в материалах М. С. Юсупова.

ше всего есть сведений о медресе и духовных чинах. Сообщения по этому вопросу начали поступать очень рано. Еще Филипп Ефремов описал крупнейшие бухарские медресе: восемь «каменных о двух ярусах монастырей, кои называются медресами», где «в каждой келье живут по два человека домуллы...». Он указывал, что медресе имеют «вклады землю», отдаваемой крестьянам «для обрабатывания с половины», и сообщал о разделе получаемых с вакуфной земли доходов между домуллами, «которые этим и кормятся»¹²⁶. Много сведений мы находим у Мейендорфа, который описывает, правда очень неполно, иерархию духовных должностей и высказывает предположение, что общее количество духовенства в Бухаре (не считая, вероятно, учащихся медресе) превышало в то время две тысячи¹²⁷. Немногие и неточные данные о бухарских медресе мы находим у одновременно с Мейендорфом бывшего в Бухаре Эверсмана, который, сильно преувеличивая общее число медресе (285), сообщает о наличии у них имущества (земли и караван-сараяв), из доходов с которого оплачивается 300 человек «учителей»¹²⁸.

Отдельные факты сообщает нам и А. Борнс, который впервые дает краткое описание системы преподавания в медресе¹²⁹. Приводимые им данные крайне неточны: сильно преувеличено его сообщение, что «в Бухаре насчитывается около 366 больших и малых училищ, из которых одна треть занимает обширные здания, вмещающие в себя от 70 до 80 студентов».

Наиболее полно освещается вопрос о бухарском духовенстве Н. Ханьковым. Собранные им сведения, по отзыву А. А. Семенова, были «едва ли не единственным источником» наших знаний о должностях и чинах Бухарского ханства, в том числе и духовных, хотя и эти сведения имели пробелы и были не всегда точны¹³⁰. Н. Хань-

¹²⁶ Филипп Ефремов, *Десятилетнее странствование...*, стр. 26.

¹²⁷ Bar. Meyendorff, *Voyage d'Orenbourg a Boukhara fait en 1820*, Paris, 1826.

¹²⁸ Ed. Eversmann, *Reise von Orenburg nach Buchara*, Berlin, 1823.

¹²⁹ А. Борнс, *Путешествие в Бухару*, т. III, стр. 431.

¹³⁰ А. А. Семенов, *Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени*, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. 25, [Душанбе], 1954, стр. 18.

ков перечисляет довольно подробно все «духовные чины», представленные в его время в Бухаре¹³¹, и впервые сообщает о дервишских орденах и их организации; он говорит о «монахах», живущих вместе в особых домах, называемых хонако, об ишанах, имеющих документ (хати рухсат или хати иршод), подтверждающий их право быть главой суфийской религиозной общины¹³².

К сожалению, пока не найден отчет П. И. Демезона, жившего в Бухаре в 1833—1834 гг. под видом татарского муллы Мирзо Джафара¹³³. Как пишет пятью годами позже П. И. Савельев, звание муллы и знание языка «открыло Демезону вход во все мечети и медресе, где мулла Джафар вел ученые диспуты с бухарскими муллами»¹³⁴. Однако материалы, собранные Демезоном, до сих пор не сделались достоянием науки, и мы не знаем, получили ли в них достаточно полное отражение его наблюдения над клерикальными кругами столицы ханства.

Другой путешественник — А. Вамбери, который был в Бухаре спустя 30 лет после Демезона, сумел, так же выдавая себя за мусульманина, войти в круги высшего бухарского духовенства, попасть, по его выражению, в самое «гнездо исламистского фанатизма в Бухаре»¹³⁵. В частности, ему пришлось побывать «на приеме в такийе», который был описан им, впрочем, очень поверхностно.

Вамбери переименовывает главные (соборные) мечети города, правильно устанавливает число медресе (80); характеризует главнейшие медресе, сообщая о числе имеющихся в каждом из них келий и устанавливает

¹³¹ Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 201—202. Он упоминает следующие чины: шейх-ул-ислам, каиб, кази-аскар, кази-калян, раис, которого ночью заменяет мир-шаб, а'лям, муфти аскар, муфти, мударрис, имами джумга, имами панд-вакт, муэззин или суфи, максурахон.

¹³² Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 201—202.

¹³³ В литературе имеются указания на то, что отчет Демезона о его поездке хранится, по сообщению Н. А. Веселовского, в архиве Министерства иностранных дел под заглавием «1833—1835 № 1. Дело об отправлении в Бухарию переводчика Оренбургской пограничной комиссии 9 класса» (цит. по ст.: Г. Н. Чабров, *Поездка в Бухару переводчика П. И. Демезона (1833—1834 гг.)*, — «Труды САГУ», вып. XCIV, 1957).

¹³⁴ П. И. Савельев, *Бухара. Энциклопедический лексикон*, т. 7, СПб., 1876.

¹³⁵ А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, стр. 88.

дату их постройки. Очень ценно его сообщение о вакуфном доходе, который падает на каждую келью в некоторых из этих медресе, а также об общем числе обучающихся во всех медресе города; как он выражается, «студентов насчитывают до 5 тыс. Они стекаются со всей Средней Азии, из Индии, Кашгара, Афганистана, России и Китая»¹³⁶.

Авторы, писавшие о Бухаре после присоединения Средней Азии к России, мало что добавили к накопленным уже сведениям. Наиболее подробно вопрос о религии и духовенстве Бухары трактуется в самой обстоятельной для этого периода компилятивной статье П. П. Шубинского, который кратко сообщает о мударисах и медресе¹³⁷ и более подробно останавливается на дервишских орденах, особенно на ордена Накшбандия; описывает главную святыню Бухары — мазар Ходжа Баховаддина — и образовавшееся вокруг нее поселение его потомков¹³⁸.

Только после Октябрьской революции появились исследования, основанные на разнообразных источниках, в которых затрагивается этот вопрос. Мы имеем в виду ценные работы А. А. Семенова¹³⁹, посвященные административному устройству Бухарского ханства, освещающие и религиозную жизнь Бухары. Ценнейшие данные по интересующему нас вопросу содержатся во многих автобиографических произведениях Садриддина Айни, особенно в его мемуарах, содержащих специальные разделы, где характеризуются жизнь медресе и даются яркие, иногда гротесковые изображения представителей этой среды¹⁴⁰.

В задачу настоящего исследования входит краткая характеристика духовенства только как составной части

¹³⁶ Там же, стр. 179—181.

¹³⁷ П. П. Шубинский, *Очерки Бухары*, — «Исторический вестник», 1892, кн. IX, стр. 635, 644.

¹³⁸ Там же, кн. X, стр. 108—115. Биография Ходжа Баховаддина и некоторые данные об истории обрядности ордена содержатся в статье А. А. Семенова, основанной на изучении восточных рукописей (см.: А. А. Семенов, *Бухарский шейх Бехауддини*, — «Сборник, посвященный А. Н. Веселовскому», СПб., 1914).

¹³⁹ А. А. Семенов, *Бухарский трактат о чинах и званиях. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства*.

¹⁴⁰ С. Айни, *Воспоминания*, ч. III—IV.

населения г. Бухары¹⁴¹. Всестороннее освещение вопроса может быть сделано лишь в специальном труде, в котором вопрос о мусульманском духовенстве будет рассмотрен во всех аспектах.

Мусульманское духовенство, в частности в Бухаре, имело свои специфические черты. С одной стороны, при теократическом строе мусульманских государств многие чины и должности являлись одновременно светскими и духовными. Среди духовенства выделялась прослойка, занимавшая высшие духовные должности и имевшая духовные чины или звания. Таких чинов было три: урок, садр и судур. Как пишет А. А. Семенов, «это были только почетные звания, и с ними не было связано никаких служебных обязанностей, как это было прежде, когда табель о рангах не оставался мертвой буквой»¹⁴². Не имея никаких обязанностей, эти лица, по-видимому, вместе с чином получали определенные материальные привилегии. Автором настоящих строк записано сообщение, что судур получал «кормление» (в узком смысле слова — ротифа или вазифа) в виде продуктов питания и всего необходимого для жизни. Так как «кормление» было звеном целой системы предоставления феодальных доходов, следует полагать, что и остальные феодальные привилегии (жалованье, танхо и т. п.) также предоставлялись этим духовным лицам.

Высшей духовной должностью в прошлом был шейх-ул-ислам, являвшийся раньше главой ортодоксального духовенства. В «Бухарском трактате о чинах и званиях» он назван высшим из четырех духовных сановников, тем, к кому апеллирует и чьими решениями связан высший судья государства, который являлся вторым лицом после шейх-ул-ислама. Чин шейх-ул-ислама давался знатнейшим ходжам из рода джуйбарских шейхов¹⁴³. В изучаемый период хотя чин и должность шейх-ул-ислама еще существовали, но в жизни Бухары и среди высших представителей духовенства они потеряли почти всякое зна-

¹⁴¹ Для этого раздела помимо собственных материалов автора, собранных опросным путем в Бухаре, использованы сведения, содержащиеся в указанных произведениях С. Айни, а также в материалах М. С. Юсупова, записавшего по этому вопросу, которым он специально не занимался, лишь отдельные сообщения.

¹⁴² А. А. Семенов, *Очерк устройства...*, стр. 61.

¹⁴³ Там же.

чение. По свидетельству А. А. Семенова, «в XIX в. мы наблюдаем сведение обязанностей шейх-ул-ислама к ничтожным по своему значению функциям разбирателя жалоб и заявлений, касающихся пасаба, т. е. происхождения от пророка и его первых преемников и сподвижников»¹⁴⁴. Назначение на эту должность обеспечивало сравнительно небольшой доход. Обязанности шейх-ул-ислама были настолько незначительны, что, по записям М. С. Юсупова, пожалование этого чина означало, что получивший его отстраняется от всяких дел: «Единственной его обязанностью было вознесение молитв за эмира и получение доходов с пожалованного одновременно с чином танхо».

Следует остановиться еще на одном исчезнувшем из жизни Бухары духовном сановнике, носившем титул «ходжа-калон». В литературе этот титул переводится — нам кажется, ошибочно — как «великий евнух»¹⁴⁵. Вряд ли можно предполагать какое-нибудь сходство между бухарским чином ходжа-калон (даже если он и ведал эмирским гаремом)¹⁴⁶ и евнухами-кастратами гаремов других мусульманских правителей. Такого значения этого титула совершенно не знают сами бухарцы, и есть все основания считать, что он не имел этого значения и в прошлом. Как известно, ходжа-калон было прозвищем (вероятно, титулом) одного из знаменитых джуйбарских шейхов — ходжи Саъда, почти совершенно вытеснившим его имя¹⁴⁷. Титул и должность ходжа-калона сделались привилегией рода джуйбарских ишанов, из которых и назначались сановники на эту должность¹⁴⁸. Ни ходжа Саъд, жизнь которого достаточно хорошо освещена историками (в частности, известно его многочисленное потомство), ни другие ходжи из этого рода, занимавшие должность ходжа-калона, кастратами не были. Известно то влияние, которым пользовались в государственной

жизни Бухары крупнейшие джуйбарские шейхи. Видимо, это тяготило эмиров, и должность ходжа-калона была упразднена. Информатор М. С. Юсупова объяснял ее упразднение тем, что этот титул «слишком приближал ходжей к эмирам».

В изучаемый нами период роль главы духовенства, первого духовного сановника государства, перешла к главному казию — кази-каляну. А. А. Семенов относит это изменение к XIX—XX вв., когда кази-калян превратился в «ближайшего к эмиру блюстителя закона»¹⁴⁹. Информаторы М. С. Юсупова прямо указывали, что «во главе бухарского духовенства стоял кази-калян». От него зависело выдвижение кандидатов на должности казиев на местах, повышение в чинах высшего духовенства и определение для них жалуемых от казны статей дохода (муаххаз)¹⁵⁰. Роль кази-каляна хорошо освещена в литературе. А. А. Семенов помимо общей характеристики этой должности приводит несколько документов, из которых видно, какой круг дел находился в ведении кази-каляна¹⁵¹.

Среди духовных должностей важное место занимали муфтии, имевшие высококвалифицированных секретарей (мухаррир). И те, и другие были хранителями и знатоками шариата: на основании их заключений (ривояг) решались спорные судебные вопросы. Как сообщает А. А. Семенов, муфтиев было 14 человек, они назначались раньше эмиром, а потом кази-каляном¹⁵². Это были лица, удостоверявшие соответствие или несоответствие того или иного судебного решения с шариатом и подыскивавшие в подтверждение этого текста из корана или иных религиозных книг. Они подготовляли заключения в письменном виде, ставя под ними вместо подписи свою печать.

Главные муфтии носили титулы охунд и аълам. Обычно муфтии выбирались из среды высшего слоя мударрисов, получая и оба звания, и доходы с обеих должностей. Связь знатного законоведа с казием осуществлялась, по данным М. С. Юсупова, через работающего у муфтия секретаря, который вместе с секретарями других муф-

¹⁴⁴ А. А. Семенов, *Очерк устройства...*, стр. 140, прим. 4; см. также: Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 201.

¹⁴⁵ А. А. Семенов, *Очерк устройства...*, стр. 148.

¹⁴⁶ Там же, стр. 28.

¹⁴⁷ Это прозвище вытеснило его имя еще при жизни. Поэтому в вакуфных грамотах медресе, построенных ходжа Саъдом, оно указывалось наряду с именем: «Ходжа Саъд, известный как ходжа-калон».

¹⁴⁸ Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 201.

¹⁴⁹ А. А. Семенов, *Очерк устройства...*, стр. 131.

¹⁵⁰ Записи М. С. Юсупова.

¹⁵¹ А. А. Семенов, *Очерк устройства...*, стр. 31—40.

¹⁵² Там же, стр. 41.

тнев всегда находился в канцелярии кази-каляна, занимающая там особое помещение (муфти-хона). Именно мухарриры, которые также были знающими законоведами, составляли ривояты, используя для этого чистые листы бумаги, на которых заранее была поставлена печать их муфтия¹⁵³. Таким образом, мухарриры замещали собой муфтия, делая за него почти всю работу. Лишь в неясных и спорных случаях мухаррир консультировался с тем муфтием, которого он представлял в казихоне, и составлял ривоят по его указанию.

С точки зрения мусульманского государства к духовенству принадлежали раис и миршаб (мири-шаб). Последний нес полицейские функции и вследствие этого именовался нередко в русской литературе полицмейстером. Наблюдая за поддержанием спокойствия, раис и миршаб вместе с тем осуществляли надзор за соблюдением религиозных предписаний шариата. Они должны были, объезжая город со свитой своих приближенных, обеспечивать, с одной стороны, общественное спокойствие, а с другой — соблюдение таких предписаний ислама, как совершенные пятикратных молитв, соблюдение поста, запрета пить опьяняющие напитки, встречаться с посторонними женщинами: нарушение этих законов считалось преступлением против религии. Раис объезжал город ранним утром, когда читался первый намаз (намози бондод), посещая то одну квартальную мечеть, то другую. При помощи имама он выяснял, кого из прихожан не было на молитве, немедленно посылал за ним и делал ему словесное внушение или прибегал к наказанию ремнем (дарра), который носил специальный человек из его свиты (даррадаст), приводивший в исполнение экзекуцию. Днем раис наблюдал, чтобы ни один человек не оставался на улицах или в лавках во время дневных намазов. «Как только раздастся призыв на молитву (азан), на всех базарах и многолюдных улицах можно видеть чиновников раиса, распределяющих с неистовой ревностью к службе палочные удары для возбуждения в ленивых расположения к молитве»¹⁵⁴. Раис мог остановить любого прохожего, возбудившего его неудовольст-

вие или подозрение, чтобы проверить знание им основ религии. Подобную сцену описал А. А. Семенов, лично наблюдавший ее на улицах дореволюционной Бухары¹⁵⁵.

Так как в коране содержится прямой запрет обвешивать и обмеривать при торговле, в функцию раиса входило наблюдение за правильностью мер и весов; тех торговцев, у которых он обнаруживал отклонения, он наказывал как людей, совершавших преступление против религии. Функции охраны религии, присущие раису (почему, по свидетельству А. А. Семенова, он «выбирался преимущественно из сейидов... с репутацией правственного и порядочного человека во всех отношениях»)¹⁵⁶, делают понятным отнесение его к духовенству, хотя в его деятельности преобладала административная сторона.

В отличие от раиса миршаб, замещавший его в ночное время, полностью утратил связь с религией. Хотя он и должен был следить за соблюдением предписанных шариатом правил нравственности и за порядком на улицах города в ночное время, в изучаемый период он оказался лицом, ведавшим игорными домами, музыкантами и танцорами обою пола; он направлял их по специальному запросу за определенную плату в дома, где происходили пирушки или свадьбы; миршаб имел от этого большой доход, так как ему платил каждый приглашавший музыкантов. Таким образом, под покровительством миршаба процветало увлечение богатых бухарцев мальчиками-танцорами, регулярно действовали игорные дома и существовали специальные притоны наркоманов.

Особенно большую роль как духовные руководители народных масс играли служители мечетей, в первую очередь имамы. Они руководили намазами, исполняли требы (свадебный и похоронный обряды), приглашались в дома своих прихожан для чтения молитвы по какому-нибудь особому поводу (в начале или в конце важного дела). Так как в Бухаре было восемь соборных мечетей, свыше двух сотен квартальных и, вероятно, не менее полусотни прочих мечетей (в базарных рядах, при медресе и т. п.), то смело можно считать, что имамов в Бухаре было от 250 до 300 человек. К этому следует до-

¹⁵³ Записи М. С. Юсупова.

¹⁵⁴ Н. Ханьков, *Городское управление в Средней Азии*, — «Журнал министерства иностранных дел», 1844, книжка 5, стр. 347.

¹⁵⁵ А. А. Семенов, *Очерк устройства...*, стр. 44—46.

¹⁵⁶ Там же, стр. 45.

бавить некоторое число мулл, которые, проживая в Бухаре, имея там дом и семью, получали место имамов в сельских мечетях. Выезжая туда на некоторое время, они опять возвращались в Бухару, где ожидали подходящего места в самой Бухаре или за ее пределами. Кроме имама в каждой мечети имелся его помощник (суфи), обязанностью которого было выкрикивать призыв на намазы и поддерживать чистоту в мечети, а также выполнять поручения имама к прихожанам. Суфи, в бухарских условиях, часто был грамотным человеком, что для других мест составляло редкость, и вел занятия с учениками приходских школ-мактабов, имевшихся при многих мечетях. Но чаще там преподавал либо сам имам, либо специальный учитель (мактабдор).

Доходы имама, суфи и мактабдора состояли из приношений прихожан и из доходов с вакуфного имущества, которое имели многие городские мечети. Некоторые из них владели громадными вакфами. Вакф мечети квартала Искандархон, построенной отцом Абдулла-хана, был так велик, что имам этой мечети, согласно завещанию учредителя вакфа, получал из этих доходов ежегодно 10 тыс. тенег, а суфи — 8 тыс. Сверх того, по 10 тыс. тенег получали чтецы корана (кори), жившие в 21 келье при мечети. Не менее велик был вакф мечети Шохи-Ахси. По имеющимся в архиве документам, эта мечеть, выстроенная в XVII в. Мир Поянда Мухаммедом, «известным как Шохи-Ахси», получила от Кучик-бий-углона и других лиц щедрое пожертвование в 1487 танапов земли и сверх того — две лавки. Крупные вакфы имели и некоторые другие мечети.

Место имама или суфи в такой мечети доставалось представителям духовной аристократии. Назначением ведал эмир. Сановный имам или суфи не утруждал себя выполнением связанных с этой должностью обязанностей: он передавал их другому лицу; иногда и это лицо передавало их трегьему, которое исполняло требы, не получая вакуфных доходов, довольствуясь приношениями прихожан. Почетным и доходным было место имама в соборных мечетях, особенно крупнейших, таких, как Мачити Калон и Мачити Болохауз. На эти места также назначались самые видные и родовитые духовные лица.

В Бухаре было очень много чтецов корана — это было профессией многих бухарцев из числа духовенства.

Спрос на кори был очень большой. Чтение отдельных глав или всего корана целиком (хатми кур'он) было главным из поминальных обрядов¹⁵⁷. Постоянно и многократно читался Коран в арке за упокоение души умерших эмиров; там держали особый штат чтецов молитв и Корана (саловотхон от арабского *سلوات* — молитва), которые делились на пять категорий; каждая из них совершала определенный обряд и получала определенное вознаграждение. Тридцать саловотхонов являлись в арк по четвергам; в специальном помещении, известном как гостиная Рахим-хана (мехмонхонайи, рахимхони), в этот день еженедельно совершался обряд поминовения предков династии, читался целиком весь Коран и соответствующие молитвы. Коран делился на 30 частей, которые распределялись между кори, так что каждый участвовавший в обряде кори прочитывал $\frac{1}{30}$ его часть. Это моление называлось «четверговым» (салавоти панджашамбиги), или «большим молением» (салавоти кабир). Вознаграждение этих кори состояло из получаемых в день обряда каждым из них 20 тенег (что называлось «харчи», «на расходы»), большой лепешки и тарелки конфет. Раз в год каждый кори получал одежду; входивший в нее халат был из дорогой ткани банорас.

Одновременно, и в том же помещении, 10 кори читали по 100 молитв каждый, и этот обряд назывался «салавоти дахнафар». Эти кори получали раз в год одежду, с халатом из бекасаба, и деньги, которые поступали из вакуфных доходов с караван-сарая Саройи Абдуллоджон. Тридцать кори являлись в арк по понедельникам для совершения «понедельничного» обряда того же содержания (салавоти душанбиги), за что им полагалось по 30 тенег в месяц, а в день обряда — по лепешке и по тарелочке кишмиша вместо конфет. В числе жалуемого им костюма они получали халат из бекасаба. Еще тридцать кори совершали этот обряд ежедневно (салавоти харруза), получая то же вознаграждение, что и предыдущие. Тридцать кори были определены для ежедневного чтения Корана и молитв на одном из мазаров города и его окрестностей, каждый день на новом. Вознаграждение было то же. Сто кори совершали ежегодно в месяцы

¹⁵⁷ Материалы М. С. Юсупова.

раджаб (перед праздником рамазан) и мухаррам (когда поминалась мученическая смерть внука Мухаммеда — Хусейна) обряд «хазор хатм» (тысячекратное чтение всего корана); это достигалось тем, что каждый кори в течение 10 дней ежедневно прочитывал весь коран. Все сто кори получали «деньги на пищу» (ош пули) по 2 тенги в день и за чтение корана — по 100 тенег и по халату из бекасаба.

Кори, назначенные для исполнения всех этих обрядов, имели от эмира ярлык, которым подтверждалось их включение в число салавотхонов той или иной группы, следовательно и право на получение установленных для них доходов¹⁵⁸. Это было пожалованным им «доходным местом».

Кори часто приглашали и в частные дома для совершения обряда «хатми кур'он» в память умерших членов семьи. Среди ремесленников было в обычае также совершать этот обряд во время праздника арвохи пир, когда поминался патрон ремесла и умершие мастера, а также при выполнении какой-нибудь ответственной работы. В дни годовых праздников кори выходили на кладбища, и пришедшие туда родственники нанимали их для прочтения на могиле умершего молитв и корана.

Чтению корана нередко обучались с голоса. Учредить «дом чтецов корана» (корихона), завещать в его пользу вакф считалось делом «богоугодным». Кельи для кори имелись при мечети Шохи-Ахси; их собственники получали, как указывалось, очень высокий по условиям того времени доход из вакуфных средств. Специальная «корихона» — приют для слепцов — была выстроена при мечети квартала Хальфа-Худойдод. Были такие приюты и в других местах.

Значительную группу среди бухарского духовенства составляли преподаватели медресе (мударрис). Этот термин употреблялся в двух значениях: в более широком смысле он означал всех, кто преподавал (дарсмегуфт) учащимся медресе, в более узком — лицо, ведавшее записями с группой в специальной аудитории (дарсхона). Такой мударрис назывался «мударрис дарсхонаги» (аудиторный мударрис). Мударрисы имелись не во всех медресе, а только в тех, в которых они должны были

быть по вакуфному завещанию, определявшему их число и долю вакуфного дохода, назначенного для их содержания. В самых богатых бухарских медресе имелось по одному-два мударриса, а в скромном медресе Джафарходжа, помещавшемся в простом каркасном здании, их было сорок.

Назначение мударрисов в медресе решалось казикаляном: в мелкие медресе — самолично, в крупные — с ведома и по указанию эмира. При этом решающее значение имели не столько опыт и квалификация назначаемого, сколько соображения о возможности и желательности обеспечить данное лицо доходным местом¹⁵⁹. Назначение на духовную должность, в том числе и на место мударриса, рассматривалось как предоставление «кормления», которое в данном случае называлось муаххаз (источник). Самым почетным и доходным было место мударриса в медресе Кукалтош. Будучи крупнейшим в Бухаре, это медресе имело всего одного мударриса, которому и доставалась вся часть вакуфного дохода, выделенная для этой цели основателем вакфа. Мударрис медресе Кукалтош по установившемуся в Бухаре порядку был одновременно главным муфтием, носившим титул охунд. Второе место занимал мударрис медресе Гаукушон, бывший одновременно вторым муфтием, которому был присвоен титул аълям¹⁶⁰. Мударрис, которому было назначено в «кормление» медресе Мири-Араб, носил титул муфтий аскар; несколько мударрисов из медресе Турсун-джон имели чин старших муфтиев (муфтий калон). Мударрисы из медресе Ходжа-Нихоль, Гозиён, Надир-девонбеги и других крупных медресе занимали должности рядовых муфтиев. Все эти мударрисы принадлежали к высшей духовной знати. Человек незнатного происхождения мог достигнуть такого положения, только приобретя особую известность своей ученостью.

¹⁵⁹ Именно поэтому С. Айни, разделяя всех мударрисов на категории, в основу своей квалификации кладет размер их доходов (С. Айни. *Воспоминания*, стр. 206).

¹⁶⁰ Закрепление высших должностей муфтиев за мударрисами определенных медресе было отмечено А. А. Семеновым, который ссылается на этнографический источник — сообщение ученого бухарца Адилова (см. А. А. Семенов, *Очерк устройства...*, стр. 41). Правильность этого сообщения подтвердили материалы, собранные автором настоящей работы.

¹⁵⁸ Там же.

Мударрисы рангом ниже назначались в менее крупные медресе, получая звания и соответствующую им одежду. Выше других считались мударрисы «банораспуш» (получающие халаты из дорогой ткани банорас). В этом звании были два мударриса из медресе Азиз-хана, один из медресе Улугбек, два из двух медресе Кушмадраса, причем высшим считался и получал больший доход мударрис из медресе, известного под названием Модари-хон. За ними шли мударрисы, получавшие халаты из бекасаба. Они именовались «мударрисы бекасабпуш»; и это были сравнительно крупные мударрисы, читавшие лекции в аудиториях.

Вакуфные грамоты крупнейших медресе дают представление о том, каковы могли быть их доходы. Так, медресе Дор-уш-шифо, построенному Субханкули-ханом, было завещано в разных местах 7 тыс. танапов; в пользу медресе Фатхулло-кушбеги вакфы завещались дважды (в 996 и 1004 гг. хиджры) в разных местах; всего завещано 3254 танапа и свыше 20 лавок на бухарских базарах; медресе Абдулла-хана было завещано много торговых заведений: большой тим (вероятно тот, который известен под названием «Тим Абдулла-хана»), тимча, несколько караван-сараев, баня в г. Бухаре и две мельницы в Гиждуване. Медресе Надир-девоубеги вместе с мечетью и хаузом его имени получило в вакф землю нескольких кишлаков в тумане Харкон-руд и еще несколько сот танапов в других местах, несколько лавок и, наконец, мельницу (харос) в самой Бухаре; медресе Ходжа-Нихоль получило от строителя 1858 танапов земли и садов в виде девяти отдельных участков, а спустя 200 с лишним лет, уже в XIX в., другие лица завещали этому медресе еще 21 танап земли, склад (каппон) и торговую лавку¹⁶¹. Доходы с вакуфного имущества шли на разные цели, но немалая часть их доставалась мударрису. Так, мударрис медресе Дор-уш-шифо, например, получал $\frac{1}{10}$ часть всех поступавших с вакфа доходов.

Кроме доходов с вакуфных имений медресе и прочих доходов от занимаемых должностей (например, должности муфтия) преподаватели медресе получали доход от

¹⁶¹ Сведения о размерах вакфов этих медресе взяты из описи вакуфных грамот, составленной в Бухаре в 1927 г. на узбекском языке. Хранится в Государственном архиве Узбекской ССР.

своих учеников. Последние, приступая к изучению каждой новой книги, делали им приношения, называвшиеся «ифтитахона» (от арабского افتتاح — начало). Размеры приношений определялись положением мударриса и числом его учеников. Крупные мударрисы получали много, так как они занимались ежедневно с несколькими группами, в каждой из которых могло быть до ста человек¹⁶². Тем мударрисам, которые еще не приобрели известности и чинов, приходилось довольствоваться занятиями с одной группой, а иногда заниматься с отдельными учениками. Нередко такие преподаватели сами приходили в келью ученика или занимались с ним у себя дома; поэтому они назывались «учителями в уголке» (до-муллои кунджаки). Доходы такого учителя описаны в мемуарах Айни: происходя из небогатой ветви джуйбарских ходжей, этот учитель получил в качестве муаххаза место мударриса, ведшего занятия с отдельными учащимися медресе; из его вакуфных доходов ему доставалась ежегодно тысяча тенег; столько же он получал от своих учеников¹⁶³.

Учащиеся медресе (муллобача) также могут быть условно отнесены к духовенству. Их следует рассматривать как одну из прослоек клерикалов. Значительная часть их происходила из этой среды; практическую деятельность на духовном поприще многие, особенно из нуждавшихся в средствах к жизни, начинали задолго до окончания медресе. Во время длинных каникул¹⁶⁴ с целью заработка они выезжали в сельские и степные районы, где исполняли обязанности имамов или преподавали в мактабах. Некоторые, еще не закончив курса медресе, начинали в качестве «учителя в уголке» заниматься с начинающими муллобачами.

За долгие годы, пока длилась учеба, муллобачи не только осваивали известный курс наук, но и получали воспитание как будущие «духовные пастыри», усваивая в массе дух религиозного ханжества и фанатизма. Объединенные организационно, они представляли собой силу, влияющую на политику государства. Ахмади Дониш, на-

¹⁶² См.: С. Айни, *Воспоминания*, стр. 206—207.

¹⁶³ Там же, стр. 608.

¹⁶⁴ Учебный год длился только 6 месяцев (с 22 сентября по 22 марта): С. Айни, *Воспоминания*, стр. 200.

пример, приписывает муллобачам большую роль в организации сопротивления наступавшим войскам царской России¹⁶⁵. Известна роль муллобачей в реакционном, спровоцированном сторонниками религиозной нетерпимости, столкновении между суннитами и шиитами в 1910 г. Фанатично настроенные муллобачи подали повод к столкновению и были главной силой, действовавшей от лица суннитов. А. А. Семенов на конкретных примерах показывает большое влияние «требований студенчества» и его настроений (которыми умело пользовалось высшее духовенство, особенно мударрисы) на внутреннюю политику эмирских властей, городские дела и судьбу отдельных должностных лиц столицы.

По своему происхождению муллобачи были очень различны. Здесь необходимо отметить, что среди них имелось много бухарцев: в столице существовала определенная традиция при малейшей возможности давать сыновьям образование не только в низшей школе — мактабе, но и в медресе. Среди старшего поколения бухарцев, вышедших из семей ремесленников и мелкого купечества, встречаются люди, в свое время учившиеся в медресе. Но высших ступеней обучения и завершения образования достигали очень немногие. Наряду с местными среди обучавшихся были приезжие из различных районов Бухарского ханства; эти муллобачи делились на «областных» (талябохойи тумани) и «горных» (талябохойи кухонистони)¹⁶⁶. Кроме них были учащиеся из других мусульманских стран. Большинство приезжих, окончив курс обучения или бросив учение на середине, разъезжались по своим родным местам. Но многие, прожив в Бухаре ряд лет, в конце концов оставались здесь навсегда, вливаясь в среду коренных бухарцев.

Муллобачей в Бухаре было очень много. Н. Ханыков сообщает, что при составлении списка с целью раздачи им пожалованного эмиром закята их оказалось 9—10 тыс.¹⁶⁷. По А. Вамбери, «студентов насчитывают 5 тысяч»¹⁶⁸. Трудно сказать, увеличилось или уменьшилось

их число к изучаемому периоду. Авторы конца XIX — начала XX в. никаких цифр не приводят¹⁶⁹. Известно, что в Бухаре после присоединения Средней Азии к России появилось много новых медресе, которые могли вместить дополнительные контингенты учащихся. Но в то же время продолжавшийся захват келий в частные руки, в результате чего медресе оказались заселенными жильцами, не имевшими к обучению никакого отношения, несомненно привел к тому, что учащиеся все больше вытеснялись из медресе. Сокращалось, по-видимому, и число медресе, в которых происходили групповые занятия. По сообщению очень сведущего, высокообразованного бухарца из духовной среды — Султанхана Накшбандханова, в начале XX в. лекционные занятия проводились только в 22 медресе¹⁷⁰.

Средства к жизни, которые были необходимы муллобачам в течение долгих лет учения, должны были поступать из вакуфных доходов, падающих на занимаемые ими кельи. Какая-то часть муллобачей действительно эти доходы получала — это были состоятельные владельцы келий. Но кельи имели далеко не все, и значительное число муллобачей жило на свои средства. Часть их находилась на содержании отцов, иеимущие же подыскивали себе какой-нибудь заработок. Как известно, так учился в медресе Садриддин Айни, в автобиографических произведениях которого подробно описаны все его мытарства. Учащиеся, далеко продвинувшиеся в науках,

¹⁶⁹ Нет цифр и в произведениях С. Айни, которые содержат множество важных сведений о бухарских медресе, системе и содержании обучения (С. Айни, *Воспоминания*, особенно часть II, и повесть «Смерть ростовщика»). Сведения о медресе Туркестанского края дают также: Н. Остроумов, *Мадрасы в Туркестанском крае*, — «Журнал Министерства народного просвещения», новая серия, ч. VII, отд. III, СПб., 1907, стр. 1—59; В. Наливкин, *Что дает среднеазиатская мусульманская школа в образовательном и воспитательном отношении*, — «Туркестанский литературный сборник в пользу прокаженных», СПб., 1900; В. Наливкин, *Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания* (Ежегодник. Ферганская область, Новый Маргелан, 1904, стр. 1—5); см. также «История Узбекской ССР», т. 1, кн. II, стр. 139—161.

¹⁷⁰ Медресе Кукалтош, Гаукушон, Мир-араб, Турсун-джон, Ходжа-Нихоль, Джафар-ходжа, Абдул-азиз-хон, Мирзо-Улугбек, Олим-джон, Саройн-таш, Калобод, Дуст-чурогоси, Рахмонкул, Хыёбон, Шодим-бий, Гозийн, Дор-уш-шифо, Бозори гусфанд, Искандер-хон, Куш-мадраса (оба), Девон-беки.

¹⁶⁵ А. А. Семенов цитирует его в своей работе «Очерк устройства...», стр. 6.

¹⁶⁶ Там же, стр. 67.

¹⁶⁷ Н. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 88.

¹⁶⁸ А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, М., 1865, стр. 180.

могли получить особую государственную стипендию — так называемый дах-як¹⁷¹. Получение стипендии дах-як (десятина) было первой ступенью к приобретению положения среди ученого духовенства, первым «кормлением» того, кто решил избрать духовную профессию. Получившие дах-як назывались дах-як-хур (буквально «едающий десятину»). Желаящие попасть в число стипендиатов подвергались экзамену, на котором проверялась их подготовленность¹⁷². Получение дах-яка не накладывало на стипендиатов никаких обязанностей, они могли по-прежнему заниматься своими делами. Дах-як-хуров была тысяча человек, и число это оставалось неизменным. Новые стипендиаты зачислялись лишь при освобождении вакансии, что случалось либо вследствие смерти одного из дах-як-хуров, либо тогда, когда кто-нибудь из них, успевая на жизненном поприще, достигал положения, обеспечивающего получение более доходного муаххаза. Оставалась неизменной и сумма дах-яка: она равнялась 120 тенгам в год¹⁷³.

Информатор М. С. Юсупова — один из двух главных бухарских тарикачи¹⁷⁴ сообщил ему следующие сведения о происхождении материальной базы этого института. Дах-як¹⁷⁵ означал $\frac{1}{10}$ часть всех доходов с Чарджоуского вилоята, которая составляла сумму в 10 тыс. тенег. Эта сумма и делилась между дах-як-хурами. По сообщению информатора, дах-як был установлен еще Тимуром, но в несколько меньшей сумме. Эмир Музаф-

¹⁷¹ С. Айни пишет, что он получил эту стипендию за пять лет до окончания курса (С. Айни, *Воспоминания*, стр. 910).

¹⁷² Подробные сведения о дах-яке и дах-як-хурах содержатся в «Воспоминаниях» С. Айни (стр. 750—753, 908—911). А. А. Семенов приводит интересный документ — донесение эмиру об экзамене, которому были подвергнуты претенденты на стипендию «дах-як». А. А. Семенов ошибочно перевел это выражение как «студенты-абитуриенты, находящиеся на правительственной стипендии» (А. А. Семенов, *Очерк устройства...*, стр. 47), тогда как следует перевести «претендующие на стипендию дах-як». И документ, и описание С. Айни хорошо рисуют характер и содержание экзамена. Для этого раздела работы, помимо опубликованных материалов, автором использованы собственные записи и материалы М. С. Юсупова.

¹⁷³ В материалах М. С. Юсупова — 100 тенгам.

¹⁷⁴ Т а р и к а ч и — чиновник, ведающий разделами наследства.

¹⁷⁵ Термин «дах-як» означал также один из видов государственного налога с земли (десятину, взимающуюся в размере $\frac{1}{10}$ урожая).

фар округлил сумму стипендии до 100 тенег, для чего ему пришлось прибавить от казны по 20 тенег на каждого стипендиата.

Имамы мечетей, чтецы Корана, должностные лица, следившие за соблюдением законов шарната, учителя мактабов, мударрисы и муллобачи были служителями ортодоксальной, официальной религии.

Наряду с ортодоксальным духовенством в Бухаре имелось и духовенство суфийское. Когда-то Бухара была известна как крупнейший центр суфизма, распространивший свое влияние почти на весь мусульманский мир. В Бухаре жил и умер основатель ордена накшбандиев, Ходжа Баховаддин Накшбанд (XIV в.), могила которого была местом паломничества не только среднеазиатского населения, но и приезжих из других стран. В Бухаре протекала деятельность Сайфиддина Бохарзи; его могила считалась одним из крупнейших бухарских мазаров.

В XVI—XVII вв. прославились джуйбарские ишаны — последний крупный ишанский род, знаменитым представителям которого — Ходже Исламу и Ходже Саъду были покорны, как духовным руководителям, бухарские правители. К XVIII в. относится деятельность ишанов Хальфа-Худойдода и Мавлоно Шарифа. Их хонако¹⁷⁶ помещались в одноименных кварталах города. В изучаемый период в руках суфийского духовенства находился ряд мечетей города. Кроме обоих названных хонако крупнейшими суфийскими мечетями были хонако Халифа-Хусейн и хонако Олим-ходжа. Совершались зикры и в громадном загородном хонако Ходжа Баховаддин.

В Бухаре одновременно действовало несколько суфийских орденов, практиковавших различные формы суфийской обрядности. У одних радение (зикр) было громким (джахрия), у других — тихим (хуфия). Тихий зикр совершался последователями Ходжа Баховаддина Накшбанда как в хонако при его мазаре, так и в некоторых городских мечетях. Среди суфийских общин, практикующих громкий зикр, можно отметить своеобразный и мало распространенный в других местах орден ъзда-

¹⁷⁶ В Бухаре конца XIX — начала XX в. термин «хонако» означал мечети, в которых происходят публичные суфийские радения — зикры.

хум (одиннадцатый), отличительной чертой которого было совершение громкого зикра в одиннадцатый день каждого месяца. В Бухаре этот орден владел несколькими квартальными мечетями, что свидетельствует о его большой популярности. Ему принадлежали крупнейшие квартальные мечети: старая и богатая мечеть Шохи-Ахси¹⁷⁷, хонако Олим-ходжа и Мавлоно Шариф, пользовавшаяся славой святыни мечеть Имом Бакр (в квартале Хонако в Джуйбаре), а в соседнем квартале — Чакар жил ишан этого ордена (эшони эздахум). Около известного своей архитектурой медресе Чор-мунор у этого ордена имелось специальное помещение (джахр-хона), по объяснению похожее на хонако (хонако барин джой); за воротами города обряд эздахум совершался в мечети Сепилон.

В изучаемый период суфийское духовенство уже не играло политической роли; исчез прежний порядок, когда «давать руку» крупным суфиям, признавая их своими духовными руководителями, было принято в кругах высшей аристократии начиная с эмира. В образованных кругах жителей столицы ишаны не пользовались популярностью. Их деятельность была обращена на наиболее темные и забытые слои населения, которым трудно было противостоять их влиянию. Суфизм выродился в примитивный ишанизм. На ишанов были перенесены функции знахарей и шаманов, сохранявшихся под покровом ислама вплоть до победы Октябрьской революции. От шаманства шла распространенная среди религиозных пожилых бухарцев вера в то, что могущественные ишаны (эшонии зур) действуют силой наследственных духов — покровителей (муаккаль), которые после смерти покровительствуемого ими ишана избирают себе одного человека из его потомков, преследуют своего избранника («пристают» к нему — «мечаспанд»), вынуждая его служить им¹⁷⁸. Ишаны, как и шаманы, занимались «лечени-

¹⁷⁷ Ишан этой мечети был в начале XX в. одним из самых реакционных представителей бухарского духовенства («История Узбекской ССР», т. 1, кн. III, стр. 314).

¹⁷⁸ Вопрос о пережитках шаманства у оседлых народов Средней Азии рассматривался автором в кандидатской диссертации на тему «Пережитки анимизма у равнинных таджиков» (защита в ЛГУ, в 1940 г.). См. также О. Сухарева, *Ислам в Узбекистане*, Ташкент, 1960.

Дервиши-каляндары

ем» болезней, «отчитывали» больных, почему их называли «дуохон» (читающий молитвы или читающий заклинания). Некоторые бухарские ишаны славились тем, что они якобы умели лечить психических больных. В их доме бывало сразу по нескольку больных, сидящих на цепи. Ишан ежедневно совершал «лечебный сеанс», причем бил пациента нагайкой, чтобы изгнать из него злых духов. В Бухаре было известно несколько ишанских родов, специально занимавшихся указанными процедурами: например, ишаны из рода Убони, жившие в двух кварталах (Ходжа-убониho и Ходжа-гунджори).

Одним из орденов, связанным также с суфизмом, но значительно отличавшимся от остальных орденов, был нищенствующий орден каляндаров, никогда не пользовавшийся влиянием в высших слоях, превратившийся в обособленную общину, для членов которой нищенство сделалось профессией. В Бухаре их центр, так называемая Каляндархона, где собирались каляндары и где, вероятно, жил их глава, находился вне города, за Каршинскими воротами.

В числе духовных профессий следует упомянуть рассказчиков религиозных историй — маддахов, которых сближало с духовенством лишь содержание их рассказов. По существу они занимали среднее место между представителями различных видов народного театра и каляндарами, в быту и обрядности которых также многое, начиная с костюма, было театрализовано. Маддахи проходили специальное ученичество; их репертуар, манера рассказывания и прочие профессиональные навыки передавались по наследству, от отца к сыну. Однако если народное театральное искусство было по своему содержанию демократично, то «искусство» маддахов, при неоспоримом наличии в нем элементов художественности, носило характер резко реакционный и было насковзь проникнуто религиозным ханжеством¹⁷⁹.

Мы не имеем здесь возможности остановиться на многочисленных служителях доисламских культов. Эти культы, восходившие к глубокой древности, сохранялись в Бухаре изучаемого периода вместе со своими служи-

Гадальщик

телями в лице всевозможных шаманов (фольбин), знахарей, гадателей¹⁸⁰ и т. п. Однако здесь эта категория людей не занимала в быту населения такого места, как в других городах, а тем более в селениях. В Бухаре представители доисламских культов оказались в значительно большей степени вытеснены мусульманским духовенством, которое здесь было многочисленнее, чем где бы то ни было.

Отмечая значение духовенства, оказывавшего отри-

¹⁸⁰ О шаманах (фольбин) в Бухаре сообщал еще Н. Ханьков (Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 209). Мы имеем также сообщение о бухарских шаманах в источнике XIV в. у Джувейни, в рассказе о восстании Махмуда Тараби («Gibb memoirs», vol. XVI, I, pp. 84—85). Мысль о связи его «ереси» с шаманством была высказана еще А. Ю. Якубовским («Восстание Тараби 1238 г.»). Автор настоящей работы использовал текст Джувейни в своей кандидатской диссертации, посвященной пережиткам анимизма.

¹⁷⁹ Описание выступления маддаха см. С. Айни, *Воспоминания*, т. I, стр. 122—123.

цательное влияние на всю жизнь горожан Бухары, нельзя, однако, не отметить, что его положение в изучаемый период не шло ни в какое сравнение с тем, какое оно занимало в прошлом, когда, по выражению Дженкинсона, «духовного главу (он имел в виду, конечно, джуйбарского ходжу. — О. С.) больше слушают, чем короля»¹⁸¹. В конце XIX — начале XX в. духовенство находилось в полной зависимости от эмира, который сам назначал представителей духовной знати на наиболее почетные и выгодные должности в религиозных учреждениях и сам смещал их. Джуйбарские ходжи, когда-то столь могущественные, сделались лишь кандидатами на эти должности, ждущими милостей из рук эмира. Не пользовались популярностью и славой представители и других ишанских родов; они довольствовались местом имамов в мечетях, где происходили зикры, и влиянием в сравнительно узком кругу своих последователей-горожан. Таково же было положение ортодоксального духовенства. Влияние на государственные дела в этот период имели лишь те его представители, которые относились к духовенству формально, по существу выполняя роль гражданских властей. Главным среди них был кази-калян.

Историки не отмечали до сих пор этого изменения в положении духовенства Бухары; не установлено, когда именно духовенство начало терять свое прежнее влияние на эмиров и дела государства, какие этапы проходила эволюция отношений между светской и духовной властью и добровольно ли улема отступила на второй план. Возможно, одним из этапов борьбы за влияние в государстве была ссора с духовенством эмира Ахад-хана (1885—1910), который после этого покинул столицу и все годы своего правления жил в Кермене¹⁸².

Потеряв прежнее влияние на управление государством, духовенство не утратило возможности держать в тисках духовного порабощения простой народ. Темнота и забитость, с малых лет внушаемый страх перед наказанием свыше за нарушение законов религии, подкреп-

ляемый зверской расправой с каждым, кого представители духовенства могли обвинить в «неверии» (куфр), помогли духовенству сохранять власть над трудовым народом, отравлять его религиозным дурманом.

Интеллигенция

В рассматриваемый период в составе населения города Бухары имелась прослойка людей, занимавшихся умственным трудом, не связанным с религией: это были клерки-мирзо, работавшие у торговцев и ведшие их деловые записи, писцы правительственных учреждений, переписчики книг, поэты, любители литературы. Среди них были не только люди, близкие по настроениям к клерикальным, реакционным кругам, но и люди прогрессивных для того времени взглядов. Одни из них в противовес богословскому и религиозно-правовому содержанию наук медресе интересовались литературой, которая в медресе не преподавалась, другие были носителями критических настроений в отношении духовенства и духовных профессий или правящих кругов и самого эмира. Среди тех, кто получил образование в медресе, появились любители географических или естественно-научных знаний, знатоки математики и астрономии, которая в изучаемый период еще не полностью отделилась от астрологии.

К числу людей умственного труда, связанного с известной образованностью, принадлежала и наиболее культурная часть врачей-табибов. В последние века они получали в медресе лишь духовное образование, без чего вообще нельзя было стать грамотным человеком; специальными врачебными знаниями они овладевали на практике, работая у табибов в качестве учеников наподобие ремесленных. Врачебное образование они дополняли изучением средневековых врачебных книг, которые были в Бухаре очень распространены и в частных собраниях, и среди книг, которые находились на руках у книготорговцев¹⁸³.

¹⁸³ Автору настоящих строк приходилось видеть медицинские книги среди книг, принадлежавших ювелиру Қосиму Миракову, книготорговцу Мулло Умоду, известному в Бухаре под прозвищем Махдуми-ях, а также встречать их нередко на базаре в те годы, когда там продавалось много книг, находившихся в руках частных лиц.

¹⁸¹ А. Дженкинсон, *Путешествие в Среднюю Азию в 1558—1560 гг.*, «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», пер. с английского, Л., 1932, стр. 182.

¹⁸² О причинах нежелания эмира Ахад-хана жить в Бухаре сообщает А. А. Семенов (*Очерк устройства...*, стр. 68).

В медресе в этот период наука врачевания не преподавалась. Название одного из 22 бухарских медресе, в которых читались лекции, — медресе Дор-уш-шифо (Дом исцеления) понималось бухарцами в значении духовного исцеления, даваемого религией. Однако при основании этого медресе в 1696—1697 гг. часть его доходов предназначалась для изучающих медицину и часть — для лечения и питания больных. Его строитель — Субханкули-хан, завещав этому медресе 7 тыс. танапов земли, в условиях вакфа оговорил, что после выдела $\frac{1}{10}$ части дохода в пользу мутавалли этого медресе и средств на его ремонт, $\frac{2}{10}$ должны идти на приобретение лекарств, раздаваемых бесплатно больным и нуждающимся, $\frac{1}{10}$ — мударрису, который читает лекции по науке врачевания (тибб) и духовным наукам, $\frac{1}{10}$ — на ежедневное приготовление пищи (халим или ярма)¹⁸⁴ для живущих в медресе учащихся и больных, пришедших ради лечения¹⁸⁵. На памяти наших современников, а воспоминания самых пожилых из них восходят не далее чем к концу прошлого века, в этом медресе, как и во всех других, полностью воцарилось схоластическое богословие. В рассматриваемый период интерес к естественным наукам исчез — его последним носителем был, по-видимому, Ахмади Дониш. Одним из выражений прогрессивных настроений в это время сделался интерес к русскому языку и русской культуре¹⁸⁶.

В мемуарах Айни перед нами проходят образы бухарцев, которые в дореволюционной Бухаре были носителями передовой для того времени мысли¹⁸⁷. Описанные им люди составляли среди населения Бухары тончайшую прослойку, сложившуюся в условиях позднефеодалного общества, под еще мало заметным, но не-

¹⁸⁴ Халим и ярма — каша из пшеницы с добавлением мяса. Эти кушанья, особенно первое, считались жертвенными и готовились обычно в мечетях с благотворительной целью.

¹⁸⁵ Приводится по описи вакуфных документов, составленной в Бухаре в 1927 г. на узбекском языке на основе модернизированного арабского письма. Опись хранится в Государственном архиве Узбекской ССР. Вакуфные грамоты, включенные в опись (излагающую их содержание), пока не обнаружены.

¹⁸⁶ С. Айни, *Воспоминания*, стр. 220—222, 394—395, 478.

¹⁸⁷ Там же; см. главы, посвященные Ахмади Донишу, Хайрату, главу «Латиф-джон-махдум и его собеседники» (в переводе ошибочно — Шариф-джон-махдум) и др.

сомненным влиянием культурных связей с Россией. Эта прослойка состояла в основном из представителей высшего класса. Айни упоминает Латиф-джон-махдума, вольнодумца Яхъё-ходжу, происходившего из знатной семьи ходжей Миракони; к этому кругу принадлежал изображенный им Содык-ходжа Гульшани, который происходил из ремесленных кругов, но достиг положения собеседника (хамсухбат) эмира и был одним из тех, кто интересовался русским языком; поэт-сатирик Хомидбек-Хомид, сын правителя (хаким) Ташкургана; Мирзо Азими Соми, автор исторических сочинений, содержавших критические замечания по адресу придворных кругов. Наиболее ярким представителем образованных и свободомыслящих, хотя и не свободных от предрассудков и ограниченности своего времени бухарцев, был и Ахмади Дониш, сын происходившего из крестьян имама маленькой бухарской квартальной мечети. Благодаря трудолюбию и любознательности Ахмади Дониш сделался одним из самых замечательных людей феодальной Бухары, труды и мысли которого оказывали большое влияние на его более молодых современников. В их числе был Садриддин Айни, который в молодости также принадлежал к этому кругу бухарской интеллигенции.

Все эти люди, еще разделявшие религиозное мировоззрение, столь характерное для феодального общества, составляли прогрессивную культурную силу, сложившуюся вопреки иссушающей схоластике, духу религиозного ханжества и фанатизма, царивших в медресе.

К интеллигенции можно отнести и высший, наиболее квалифицированный слой ремесленников. Они были носителями технической мысли своего времени, продолжателями тех традиций, которые, сложившись на протяжении средневековья, продолжали развиваться в той или иной степени на протяжении XIX—начала XX в. Если это верно в отношении всей Средней Азии, то в Бухаре ремесленники по своей квалификации и общей культуре стояли на еще более высокой ступени. Среди них, в частности, было немало людей, хорошо грамотных; они использовали свою грамотность и по профессиональной линии: вели записи расходов по производству и долгов, составляли надписи, выполняемые ими на изделиях, производили расчеты, знали основы арифметики и гео-

метрии. Особенно важно было обладать такими знаниями для мастеров-строителей, которым приходилось делать архитектурные расчеты, чтобы определить размеры и облик проектируемого здания и необходимые для его возведения денежные затраты и расход материалов. Опубликованные чертежи мастеров высшей квалификации — (мемор, мухандис или тархкаш), выполненные бухарскими строителями XIX — начала XX в., показывают, как высоки были их знания¹⁸⁸. Помимо умения делать расчеты они должны были владеть запасом архитектурных и орнаментальных форм, умением их компоновать применительно к каждому конкретному объекту строительной деятельности. Лучшие мастера накапливали обширные архивы припорохов и чертежей, умели их читать и использовать. Даже будучи неграмотными, такие мастера не могут считаться людьми только физического труда: они сочетали его с интеллектуальным трудом по проектированию и орнаментированию зданий.

Людьми большей культуры были лучшие ювелиры и чеканщики по меди. Творчески используя традиционные приемы и эмпирические знания, они создавали новые формы изделий и новый орнамент, долго и напряженно обдумывая свои будущие творения. Как говорил ювелир Косимджон Мираков, все хорошие мастера были людьми со странностями. Он приводил в пример своего дядю, выдающегося ювелира Усто А'ло (вторая половина XIX в.), который нередко бродил по ночным улицам, о чем-то размышляя, тяготясь размеренным течением традиционного быта. Оставаясь ремесленниками и лично участвуя в производстве изделий городского ремесла, такие мастера были в то же время художниками, двигали вперед духовную культуру своего народа и являлись носителями ее традиций.

К этой же прослойке людей умственного труда относились и различные категории артистических профессий. Как характерно для феодального общества, полное выделение их из среды иногда ремесленников, иногда градообслуживающих профессий еще не произошло, и лишь с большой оговоркой можно отнести к интеллиген-

¹⁸⁸ П. Ш. Захидов, *Искусство проектирования в творчестве народных зодчих Узбекистана (XIX — начало XX в.)*, — «Искусство зодчих Узбекистана», I, Ташкент, 1962.

ций многих конкретных представителей артистических профессий. Можно сказать, что в то время как лучшие артисты разных специальностей, особенно музыканты, являлись деятелями духовной культуры своего времени и нередко создателями художественных произведений, их менее квалифицированные собратья по своему культурному уровню относились скорее к градообслуживающему населению.

Лиц артистических профессий в Бухаре было очень много: различной специальности музыканты, певцы и танцоры обоого пола, кукольники и акробаты, среди которых выделялись канатоходцы — дорбоз и ходулеходы — чуббоз. Особенно много было профессиональных музыкантов. Наиболее распространенной в Бухаре являлась игра на тамбуре — это был излюбленный музыкальный инструмент бухарцев. Тамбуристы приглашались обычно на пиры (той) по случаю свадьбы или обрезания, а также на мужские пирушки (базм). В богатые дома приглашалось по нескольку музыкантов и танцоров, составлявших небольшую труппу (туда). Труппы были как женские, увеселявшие гостей-женщин, так и мужские, выступавшие среди мужчин. Певцы и танцоры — мужчины (мальчики) выступали также публично на вечерних гуляньях в месяц поста (рамазан).

Кларнетисты (сурнайчи) являлись в дома горожан, чтобы пронзительной, мажорной музыкой, сопровождавшейся игрой бубниста, отметить рождение ребенка. Восемь кларнетистов и восемь барабанщиков (нагорачи) составляли официальный оркестр, игравший по торжественным случаям в арке, на балконе над его воротами. Во время поста эта музыка должна была по ночам возвещать близость рассвета, чтобы постящиеся могли проснуться и поесть заблаговременно. На военных учениях также играл оркестр; нередко его звуки должны были заглушать крики наказываемых ударами палок¹⁸⁹. Кларнетистов и барабанщиков в Бухаре было так много, что они занимали значительную часть квартала Дарвозайи Углон, называвшуюся Нагорачихо: там им принадлежало сорок домов.

Профессия музыканта или танцора, как и другие артистические профессии, была большей частью наслед-

¹⁸⁹ См. С. Айити, *Воспоминания*, стр. 300, 322.

ственной: сын учился у отца, дочь у матери. Но иногда обучались и посторонние.

Если у ребенка обнаруживались способности, родные при желании отдавали его в ученики к музыканту, певцу или танцору. Ученик долгое время помогал учителю безвозмездно, выступая вместе с ним; только получив от него посвятельную молитву (фотиха), он имел право выступать самостоятельно. Так как это занятие давало нерегулярный заработок, музыканты соединяли нередко занятия музыкой с какой-либо другой профессией. Так, С. Айни описывает двух тамбуристов: один из них дополнял музыку торговлей вразнос сладостями, а его учитель — торговлей котлами, будучи в свое время, по словам ученика, лучшим знатоком классических мелодий «шашмаком»¹⁹⁰.

Музыканты, как и другие профессиональные группы, были объединены в корпорации. В одну из них входили, по-видимому, только кларнетисты и барабанщики¹⁹¹; у клоунов (маскарабоз) и других были, по-видимому, свои корпорации¹⁹². Корпорации артистов и музыкантов в отличие от ремесленных назывались мехтарлык, а старшина — мехтар.

Несколько иной характер носила организация танцоров, выступавших обычно вместе с музыкантами в составе труппы. Создается впечатление, что все танцоры вместе с сопровождавшими их музыкантами составляли особую организацию во главе с старшиной, называемым голиб¹⁹³. Голиб танцоров имел в Бухаре специальное присутственное место (голиб-хона)¹⁹⁴, куда собирались желающие получить приглашение играть и танцевать на пирах. Приглашения распределялись голибом. Он держал на учете и женские труппы, которые могли ходить на той также только по его указанию.

Градообслуживающее население Бухары

В большом феодальном городе, с развитыми формами городской жизни и городского быта, была большая прослойка градообслуживающего населения.

Не говоря о феодальной знати и богатых торговцах, которых окружали многочисленные слуги, все горожане систематически пользовались услугами людей, специализировавшихся на определенных работах. В более примитивных условиях, характерных не только для сельских местностей, но и для других городов Узбекистана — даже таких, как Самарканд, работы по самообслуживанию, как правило, выполняло само население. Но в Бухаре горожане в значительной мере были от этого освобождены. Здесь широко применялся труд профессиональных водоносов; улицы кварталов поливались и подметались уборщиками (фаррош), специальные люди занимались кипячением воды для чая, от чего были избавлены, таким образом, бухарские семьи. В банях клиентов обслуживали банщики, массажисты и т. д.

Многие из градообслуживающих специальностей, особенно если для них была необходима профессиональная подготовка, были оформлены в профессиональные корпорации наподобие ремесленных, и самим населением рассматривались, как ремесла; другие объединялись в артели по объектам обслуживания и единой корпорации не составляли. Многие из городских профессий не изучены и даже не выявлены. Здесь мы охарактеризуем лишь некоторые из них, наиболее важные и характерные для Бухары изучаемого периода.

Водоносы (машкоб). В Бухаре, постоянно страдавшей от недостатка проточной воды, поступавшей в город с перерывами, проблема обеспечения населения водой всегда была особенно важной. В отличие от жителей большинства других среднеазиатских городов бухарцы не могли рассчитывать на воду постоянно текущих арыков, поэтому основным источником здесь были водоемы — хаузы. Доставка воды была делом очень трудоемким, и жители столицы сами выполняли эту обязанность лишь в тех случаях, когда их жилище находилось неподалеку от хауза. Подавляющее же большинство бухарцев пользовалось услугами специальных водоносов — машкоб (таджикское машк — бурдюк, об — вода). Воду носили в

¹⁹⁰ С. Айни, *Смерть ростовщика*, стр. 29.

¹⁹¹ О своей корпорации сообщили два старика — сурнайчи.

¹⁹² А. К. Боровков, *Дорвоз*, Ташкент, 1928, стр. 9—10; М. Ф. Гаврилов, *Кукольный театр в Узбекистане*, Ташкент, 1938, стр. 13—14; А. Л. Троицкая, *Abdoltili — арго цеха артистов и музыкантов Средней Азии*, — «Советское востоковедение», т. V, 1948, стр. 252.

¹⁹³ Этот термин был известен и как один из терминов, обозначающих старшину ремесленного цеха; так назывался один из трех старшин цеха ткачей, старшина цеха плотников.

¹⁹⁴ Записи М. С. Юсупова.

бурдюке (специально выделанная шкура животного). Бурдюк висел на ремне, перекинутом через плечо, воду в него наливали кожаным черпаком, подвешенным на довольно длинных ремешках, чтобы можно было дотянуться до воды, не сгибаясь.

Число машкобов в Бухаре было чрезвычайно велико: по сообщению бывшего водоноса, носившего воду из хауза Казикалон, оно достигало тысячи. Примерные подсчеты показывают, что эта цифра, вероятно, не преувеличена ¹⁹⁵.

Водоносы объединялись в артели, каждая из которых носила воду из одного хауза; лишь на самых крупных хаузах было по две артели. Так, одна артель хауза Девонбеги брала воду у южного края, другая — у северного. Артели возглавлялись старшинами (оксаккол), следившими за порядком и распределением клиентов между водоносами. Каждый водонос доставлял воду в десять-двадцать жилых домов, в закрепленные за ним кельи находившегося в этом районе медресе, в караван-сарай, иногда в чайхану. Среди клиентов машкобов был и эмирский двор; туда назначались самые опытные.

Машкобы работали по подряду (карори будан), с ними договаривались о количестве воды, доставляемой ежедневно. В соответствии с этим, но без особой точности, производили и расчет. Время расчетов тоже не было установлено. Караван-сарай и чайханы платили раз в два-три месяца по 30—50 тенег. В медресе машкобы нередко получали плату раз в год, из вакуфных доходов (вакфона), если расход на водоносов значился в вакуфном завещании. Если же этого не предусматривалось, с машкобом расплачивались сами жильцы. Домовладельцы платили раз в месяц или реже, а, кроме того, обязательно приглашали машкоба в свои дома на тои. При-

¹⁹⁵ В Бухаре было 80 хаузов, из которых по крайней мере половина крупных, обслуживавших по несколько жилых кварталов; из одного хауза носило воду до нескольких десятков водоносов (из самого большого — Хауза Девонбеги — воду брали 80 машкобов). О большом числе водоносов в Бухаре свидетельствует тот факт, что, когда в 1928 г. хаузы — разносчики всяческой инфекции — были осушены, часть водоносов не нашла себе занятия в городе, и в порядке трудоустройства в сельские районы было переселено 200 семей машкобов [ЦГИА УзССР, ф. 837 (Совнарком УзССР), оп. 8, л. 302, л. 32].

Водонос

нося в эти дни воды больше, чем обычно, машкоб вознаграждался специально выделенной для него порцией приготовленного угощения, чтобы его можно было унести домой.

Общий заработок машкобов был невелик, и многие из них брали на себя также обязанности фарроша (уборщика) в своем квартале или в базарных рядах. За уборку и поливку улиц квартала они получали 3—4 тенги в месяц, и, по словам информаторов-машкобов, эти деньги им выплачивала казна (козихона). Кроме того, квартальная община в годовые праздники одаривала машкоба халатом и сладями.

Помимо обслуживания горожан, водоносы несли также некоторые государственные повинности. На артелях машкобов лежала обязанность ежегодно чистить хаузы,

из которых они брали воду, и тушить пожары в городе. При тревожных звуках барабана миршаба машкобы сбегались на пожар со своими бурдюками, наполненными водой.

Занятие водоносов нередко было наследственным: сын по достижении соответствующего возраста носил воду из того же хауза, что и отец. Если сына начинали обучать с детства, для маленького водоноса приобретали бурдюк небольшого размера. Но водоносами становились и посторонние, и притом нередко взрослые. Путь был один — поступление в ученичество к какому-нибудь машкобу по разрешению и при посредничестве аксакала данного хауза. Ученичество длилось три-пять месяцев, в течение которых ученик безвозмездно выполнял вместе со своим учителем лежащие на последнем обязанности. После этого устраивали посвящение (фотиха) и совершали обряд препоясывания: «препоясывали его кушаком — вот теперь вы водонос» (миёнаша мебастан футакати, — ана, шумо ақун машкоб). Обряд сопровождался традиционным угощением, устраиваемым на средства нового водоноса для всей артели во главе с аксакалом.

Единой корпорации у машкобов не было, каждый знал только свою артель и своего аксакала. Но артели соседних хаузов поддерживали связь между собой, приглашали на свои тои не только всю свою артель, но и по несколько человек от артелей соседних хаузов.

Патроном водоносов считался дядя Мухаммеда — святой Аббас, который якобы во время битвы мусульман с неверными разносил воду и поил воинов-мусульман. У машкобов, как и у ремесленников, имелась письменная рисоля. В память своего патрона машкобы ежегодно устраивали обряд арвохи — пир, причем, по-видимому, каждая артель в отдельности. Для ритуального пиршества выезжали на мазар Ходжа Баховаддина Накшбанда.

Цирюльники. В большом мусульманском городе всегда было много цирюльников (сартарош): по требованию мусульманского закона головы у мужчин должны были быть наголо обриты; у суннитов подстригались также над верхней губой усы, чтобы они не касались пищи и не оскверняли ее. Кроме того на обязанности цирюльников лежало совершение обряда приобщения к исламу — обрезания. Они занимались также некоторыми хирургическими операциями: удалением зубов, пусканием крови

Цирюльник

и вытаскиванием из тела ришты; в Бухаре последнее было очень важно, так как риштой болели почти поголовно все бухарцы.

По сообщению престарелого бухарского цирюльника Усто Боки (род. около 1870 г.), число цирюльников в Бухаре превышало сто человек и, можно думать, что превышало значительно. В некоторых местах города цирюльни составляли особые ряды, размещавшиеся обычно у хаузов, где была легко доступна постоянно необходимая им вода. Только на берегу одного хауза Девонбеги было 56 цирюлен; несколько меньше находилось около эмирской соборной мечети Боло-хауз; отдельные цирюльни имелись и во многих других местах города.

Квалификация цирюльников была различна. Не все из них брались за хирургические операции. Только выдергивание зубов не считалось делом специальным: хозяин цирюльни нередко поручал это старшему ученику.

Цирюльники высшей квалификации умели производить все виды операций. Они составляли высшую прослойку среди цирюльников, превращаясь по существу в лекарей-хирургов. Бритьем и стрижкой они почти не занимались, перекладывая эту работу в большинстве случаев на учеников; исключение делалось только для постоянных и наиболее почтенных клиентов. Такие квалифицированные цирюльники отличались большей зажиточностью и более высоким культурным уровнем.

Профессиональным навыком цирюльников считалось умение угодить клиенту, расположить его к себе любезным, вежливым обращением, ловко уладить своей уступчивостью и услужливостью могущие возникнуть недоразумения. Цирюльники выделялись своими мягкими манерами, обходительностью, подчеркнутой чистоплотностью. Каждый из них, как правило, имел довольно широкий круг постоянных клиентов, посещавших одну цирюльню из года в год. Считалось большим позором потерять такого клиента, не сумев угодить ему. У людей знатных были свои цирюльники, которые постоянно обслуживали их на дому, являясь по определенным дням. Так, всегда один и тот же цирюльник, имевший цирюльню на базаре, приходил брить кушбеги. Особый цирюльник обслуживал самого эмира. Как исключение, он брил и стриг тех, кого прикажет сам эмир. Это считалось знаком милости и расположения. Цирюльник Алим-хана происходил из Карши и начал обслуживать его еще в то время, когда Алим-хан жил там как наследник престола. У Ахад-хана обязанности цирюльника исполнял один сарбаз.

Профессия цирюльника считалась выгодной, и получить к ней доступ, особенно для посторонних, было не легко. Чтобы стать самостоятельным мастером, необходимо было проработать долгие годы учеником. Наш информатор, престарелый Усто Боки, проходил ученичество у своего дяди в течение 15 лет. Первые 8 лет он получал только пищу и одежду, а потом учитель стал давать ему в конце каждой недели по 4 тенги. Эти деньги молодой мастер копил на расходы по посвящению. Только в 31 год Усто Боки получил посвящение; оно было отпраздновано одновременно с его свадьбой и лишь с этого времени он стал работать самостоятельно.

Получив посвящение, не каждый мог сразу обзавестись своей мастерской, так как на посвянительный обряд уходили все скопленные деньги. Орудия труда — бритву, ножницы, деревянный гребень, точильный камень, щипцы для удаления зубов и полотенце из кустарной ткани по обычаю дарил во время обряда учитель, но взамен он получал от ученика более ценные подарки. Большую трудность для молодых цирюльников представляла аренда помещения. Поэтому нередко вновь посвященный был вынужден заявить, что он желает остаться со своим учителем. В таком случае молодой мастер становился дольщиком, получая часть заработанных сообщаемых денег. Его называли нимкор — половинщик, но, как правило, при таком положении он получал одну треть, и то без особой точности расчетов. Наем хальфа в этом деле не практиковался, эксплуатация чужого труда осуществлялась только через ученичество, которое, как мы видели, принимало очень тяжелую форму многолетней подневольной невознаграждаемой работы.

Цирюльники составляли особую корпорацию, во главе которой стоял старшина (бобо). Он следил за качеством работы цирюльников и их отношениями с клиентами. Клиенты, недовольные мастером, жаловались старшине, и если тот выяснял, что мастер работает недобросовестно или нарушает правила вежливости по отношению к клиентам, он запирал его цирюльню и объявлял его вне закона (бекоида). Провинившийся должен был искупить свою вину устройством угощения для товарищей по ремеслу: обычно приходил старшина и несколько наиболее почтенных мастеров. Только после этого провинившемуся разрешалось вновь приступить к работе.

Лекари. В Бухаре были весьма развиты разного рода медицинские занятия. Особенно много было табибов разной квалификации: в то время как одни получили средневековое медицинское образование и могли быть отнесены к интеллигенции, другие немногим отличались от знахарей. Как было уже сказано, некоторые табибы совмещали врачевание с торговлей аптекарскими товарами.

В изучаемый период в Бухаре уже не было преподавания медицины в медресе. В XIX — начале XX в. все медицинские знания черпались из книг и из практики; их получали путем обучения у лекарей, преимущественно

но у своих отцов. Как и большинство других профессий, ремесло табиба обычно передавалось по наследству. Однако, как можно судить по сообщению А. А. Семенова, лично наблюдавшего жизнь Бухары начала XX в., у табибов бывали и ученики¹⁹⁶.

По-видимому, существовала корпорация табибов, но никаких сведений о ней не имеется. Известно только, что их патроном считался легендарный мудрец Лукмон-хаким.

Любопытно отметить, что в одной из многочисленных легенд, связанных с его именем, содержится эпизод со вскрытием трупа (записано в г. Бухаре), что, возможно, подтверждает наличие подобной практики у бухарских средневековых медиков.

Особые категории лекарей специализировались на выполнении определенных хирургических операций. Помимо уже описанной хирургической деятельности цирюльников, в Бухаре была довольно значительная, населявшая почти целиком квартал Шикастабандон, группа костоправов (шикастабанд). Лечением вывихов и переломов костей занимались и мужчины, и женщины, лечали лиц своего пола. Профессия была наследственной и передавалась из рода в род. Выделялись мастера ставить пиявки (шуллюкчи). Все они жили на одной улице (Кучайи шуллюкчихо), составлявшей часть квартала Мурдашуён. Это может свидетельствовать о том, что все пиявочники были из одного рода, а следовательно, и эта профессия была также наследственной.

Были также специалисты (гулязеркун), лечившие ангину выдавливанием гнойников из гланд; эта специальность передавалась только по наследству; считалось, что для нее надо иметь легкую руку и получить разрешительную молитву. Такую операцию производили и мужчины, и женщины. Характер чистого знахарства носила другая специальность, сходная с вышеописанной, — гулябардори: вытаскивание из горла якобы застрявших там мелких предметов (косточек или кожицы плодов и т. п.), чему приписывались некоторые заболевания у детей, выражавшиеся в рвоте и расстройстве кишечника. Этим занимались исключительно женщины.

¹⁹⁶ А. А. Семенов, *В святой Бухаре*, — «Русские ведомости», 1899, № 351.

Имелись также бабки-повитухи, принимавшие роды, бравшиеся за лечение женских болезней.

В начале XX в. в Бухаре появились русские медицинские работники. Была выстроена больница, где работала русская женщина-врач (ее в Бухаре звали дохтуршох, от русского «докторша»). Пациентами были преимущественно женщины, поэтому обслуживали больницу тоже женщины; там были татарки, служившие и переводчицами. Женщина-врач пользовалась в Бухаре популярностью, к ней обращались многие, нередко приглашая к больному на дом.

Обмывальщики мертвых. Необходимой в быту горожан-бухарцев категорией градообслуживающего населения были обмывальщики мертвых (мурдашуй). Бухара принадлежала к тем районам Средней Азии, где обмыванием трупа и подготовкой его к погребению занимались особые люди, выделившиеся в своего рода «касту неприкасаемых», «осквернявшихся» прикосновением к трупу и вызывавших суеверное отношение окружающих. Поэтому обмывальщики селились отдельно, жили замкнуто, не смешиваясь с остальным населением города и квартала. С ними, как правило, не садилась за одну скатерть (дастархан), не ели и не пили из одной с ними посуды, избегали брать воду из одного хауза, не ронялись посредством браков. Такое отношение к обмывальщикам было свойственно, однако, лишь одной части населения Средней Азии, этногенез которой был связан с древним пластом ираноязычных предков таджиков и некоторых групп узбеков, в частности узбеков-сартов. Другая часть узбеков, принадлежащая к последнему пласту — к даштикипчакским, кочевым в недавнем прошлом, племенам, таких запретов не знала и не имела профессиональных обмывальщиков. Труп к погребению готовили близкие соседи и родственники — это считалось хорошим, богоугодным делом. Из сказанного видно, что весь комплекс обычаев, связанных с представлением о трупе как о чем-то нечистом, что и привело к появлению группы мурдашуйев, коренится в традициях древнейшей части населения Средней Азии, традициях, которые, можно думать, восходят к зороастризму.

Традиция обособления обмывальщиков была свойственна и населению Бухары. Здесь имелись две такие группы. Одна составляла основное население квартала

Мурдашуён, в котором из шестидесяти-семидесяти домов мурдашуи населяли сорок-пятьдесят, группировавшихся на одной части территории квартала. Вторая группа обмывальщиков мертвых, заселявшая двадцать домов, жила на территории Джуйбара, в квартале Джуйзар, также занимающая определенную его часть.

Примечательно, однако, что, несмотря на суеверный страх и ощущение ритуальной нечистоты, сложившиеся веками и прививаемые с детства, общинные традиции, породившие своеобразные формы жизни квартала, оказывались сильнее. Живя на территории квартала, мурдашуи получали все те права и обязанности по отношению к остальным жителям своего квартала, что и все прочие его обитатели. Их звали на семейные пиры и поминки, и они приглашали к себе своих соседей по кварталу. Правда, при этом для тех и других обычно постигался отдельный дастархан, но свою долю угощения, полагающуюся по обычаю членам квартальной общины, получал каждый и каждый должен был выполнить свой долг — принять участие в семейных событиях соседа по кварталу. При этом, как сообщали информаторы, запреты общения — еда с одного дастархана — строго соблюдались лишь в квартале Мурдашуён, в то время как в квартале Джуйзар все садились за один дастархан с обмывальщиками мертвых. Возможно, что в этом проявилась противоположная культурная традиция, носителями которой были даштикипчакские узбеки. Мы отметили их наличие среди населения Бухары, и именно в этой части города.

Профессия обмывальщиков была очень выгодной. Полагалось, кроме денежной оплаты, отдавать им один комплект одежды умершего и постель, на которой он лежал в момент смерти. Вопрос о том, что будет дано мурдашуи, решался весьма внимательно: считалось, что все эти вещи передаются обмывальщикам на сохранение (амонат) и будут возвращены прежнему владельцу в день воскресения мертвых, когда он, завернутый в саван, восстанет из могилы и будет нуждаться в одежде. Обмывальщики умело пользовались этим суеверием. Они славились бесцеремонностью и часто сами требовали наиболее ценные вещи; нередко, хорошо зная семьи своих клиентов и что имел лучшего из одежды умерший, они прямо указывали, какую вещь хотелось бы им по-

лучить. Поэтому одной из забот семьи было успеть припрятать до прихода обмывальщиков то, что им не хотелось отдавать. Но нередко родные умершего, обезумев от горя, были готовы отдать все — и мурдашуи не упустили случая поживиться.

Описанные нами разнообразные профессиональные группы представленных в Бухаре категорий градообслуживающего населения обладали общими чертами, характерными для общественного строя феодального общества: объединение людей, занимавшихся одной профессией, в особую группу или корпорацию, наследственная передача профессии, что создавало предпосылку образования каст, и система ученичества, ломавшая узкие рамки кастовости, открывая для посторонних доступ в каждую профессию. Исключение представляли мурдашуи, замкнутые группы которых приближались к кастам.

* * *

Изученное нами городское общество г. Бухары вплоть до начала XX в. по своему профессиональному составу и бытовому укладу было еще типично феодальным. Феодальным было оно и по своему социальному составу. Здесь преобладали как по численности, так и по своему значению в городской жизни прослойки и классы, характерные для феодализма: ремесленники, торговцы, духовенство, феодальная знать и служилые люди, положение которых зиждилось на феодальных доходах и участии в феодальном административном аппарате.

Однако к концу изучаемого периода в бухарском обществе наметились важные сдвиги. Здесь зародились, хотя еще тесно переплетаясь с феодальными институтами и порядками, элементы капитализма. Появились первые представители класса капиталистов, начало изменяться положение рядовых ремесленников, превращавшихся в наемных рабочих. Несмотря на стойко сохранявшийся политический строй феодальной деспотии и прочно устоявшийся за многие века феодальный бытовой уклад, эти перемены знаменовали начало перехода к новой формации. От тяжкого, мучительного пути вызревания капитализма бухарцев, как и все население Средней Азии, избавила Великая Октябрьская социалистическая революция.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Введение	3
<i>Глава I.</i> Город. Его облик и топография	23
Местоположение и природные условия; территория; рынки; караван-сарай; бани; прочие учреждения общественного назначения; культовые учреждения; кладбища; жилые кварталы; вопрос о планировке города	
<i>Глава II.</i> Численность населения и структура бухарской семьи	92
Дореволюционная литература по вопросу о численности населения среднеазиатских городов; численность населения Бухары в конце XIX — начале XX в.; состав и численность семей	
<i>Глава III.</i> Этнический состав населения Бухары и пути его образования	113
Пути образования населения г. Бухары; этническая характеристика бухарцев в литературе и источниках; основное таджикоязычное население города; тюркоязычные группы в составе населения г. Бухары; арабы; фарсы; евреи; прочие этнические группы	
<i>Глава IV.</i> Социальный состав и занятия городского населения	182
Сословия; ремесленники; торговцы; городское население, связанное с землей; феодалы и военно-служилые люди; духовенство; интеллигенция; градообслуживающее население Бухары	

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
31	7 сн.	1145 г. х.	1145 г. х.
74	20—21 сн.	Накшбандхана Султанханова	Султанхана Накшбандханова